

Л Е Н И Н
В С О В Е Т С К О Й П О Э З И И

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор)
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский

Большая серия
Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Л Е Н И Н В С О В Е Т С К О Й П О Э З И И

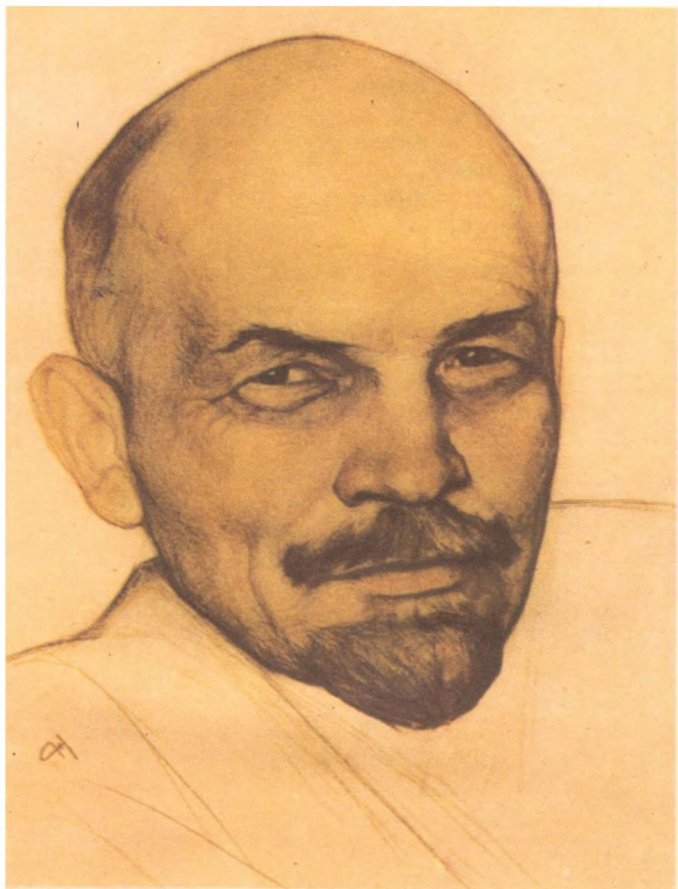
Вступительная статья
С. В. Владимирова

Составление,
подготовка текстов и примечания
Р. Б. Вальбе, Р. А. Шацевой
и Л. С. Шепелевой

В книгу вошли избранные стихи и поэмы советских поэтов о В. И. Ленине, созданные в 1917—1969 годах. Наряду с произведениями русских поэтов представлены стихи и поэмы, переведенные с языков многих народов Советского Союза. Задача книги — показать, как формировалась и развивалась в многонациональной советской поэзии ленинская тема.

В первый раздел сборника включены стихи, в том числе многие забытые и малоизвестные, написанные еще при жизни В. И. Ленина. Во втором разделе — стихи, написанные в 1924 году как непосредственный отклик на смерть В. И. Ленина. Третий раздел составляет поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», остающаяся вершиной советской поэтической Ленинианы. В четвертом — шестом разделах собраны наиболее значительные и художественно совершенные из стихотворных произведений о В. И. Ленине, написанных в 1920—1960-е годы.

Сборник иллюстрирован художественными изображениями В. И. Ленина, выполненными при его жизни с натуры.

ЛЕНИН --

ЖИЛ.

ЛЕНИН —

ЖИВ.

ЛЕНИН —

БУДЕТ ЖИТЬ.

Владимир Маяковский

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕНИНИАНА

1

Имя Владимира Ильича Ленина в литературу внесли поэты. Собственно, даже не профессиональные литераторы первыми обратились к Ленину со стихотворным словом.

Известно, что еще задолго до революции имя Ленина возникало в стихах, бытовавших в среде революционного подполья. Е. Драбкина приводит несколько строк из шуточной поэмы Ем. Ярославского «Сон большевика», написанной в 1907 году в тюрьме и ходившей среди политических заключенных. Ленин в ней был изображен на Лондонском съезде партии.¹

Первые стихи о Ленине, печатавшиеся накануне Октября на страницах большевистских газет, были подписаны недавними подпольщиками, солдатами, партийными журналистами.

В траурные дни 1924 года стихотворения рабочих, красноармейцев, студентов, партийных и комсомольских работников печатались рядом со строками, написанными Брюсовым, Багрицким, Полетаевым, Безыменским, Жаровым, Асеевым, Каменским, Уткиным, Садофьевым. Писали стихи люди, которые ни до, ни после этого не брались за перо. Почувствовали необходимость обратиться к стиху многие прозаики, журналисты. Произведения известных поэтов, часто без указания авторства, звучали в рабочих клубах на траурных вечерах вместе со стихотворными текстами для хоровой декламации, созданными безымянными авторами или коллективно. Образ Ленина вошел

¹ См.: Е. Драбкина, Удивительные люди. — «Новый мир», 1963, № 7, стр. 17.

в живую традицию устного народного творчества. На родине вождя передавались легенды, связанные с его детством, с его семьей. О встречах с Лениным повествовали любовно разработанные сказы крестьян близлежащих к Горкам деревень. Смерть Ленина оплакивалась в русских песнях и речитативах казахских ашугов. Ленин стал героем сказок. Былины и легенды о Ленине, освободителе всех угнетенных, рождались в разных концах нашей страны, у разных народов. Ленин принимал на себя поэтические атрибуты былинного богатыря, героя народного эпоса. Распространение эпических песен народов Советского Союза столкнулось со встречной волной идущих из-за рубежа мифологических сказаний, зарождавшихся в глубине поращенной черной Африки или самых дальних углах Индии.

О Ленине пишут и поэты-песенники. И слова их песен часто запечатлены типографским станком, живут в звучании, неотделимы от мелодии, они уходят в массовую среду, сливаясь с творениями народных хоров или безымянных сочинителей песен.

Поэтическая Лениниана необозрима. Это сотни стихотворений самых разных жанров — от монументальных поэм и былин до лирических стихов, песен, частушек, никак пока не собранных, не изученных.

Понятно, что далеко не все в этом разливе стиха принадлежит собственно поэзии. Есть тут своя классика. Непреходяще поэтическое обаяние одного из самых ранних произведений о Ленине — поэмы Н. Тихонова «Сами». Незабываемы строки стихотворения Н. Полетаева «Портретов Ленина не видно...». Далеко бросающей свои отсветы вершиной остается в советской литературе поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Шедевром поэтической Ленинианы является «Ленин и печник» А. Твардовского. Немалую энергию поэтической мысли концентрирует в себе эпилог к поэме «Высокая болезнь» Б. Пастернака. И в то же время многие из стихов о Ленине не идут дальше повседневной стихотворной публицистики, остаются поэтическими зарисовками, воспоминаниями, стихотворными записями беспокоящей мысли, волнующих чувств, написаны людьми, которые и не думали заявлять себя поэтами. Значительные области поэтической Ленинианы подлежат ведению фольклористов, этнографов, занятых проблемами современного народного творчества, должны попасть в поле зрения социологов, стремящихся проникнуть в движение массового сознания, в особенности коллективной психологии.¹

¹ Произведения народной поэзии о В. И. Ленине остались за пределами этого сборника. Они могли бы составить особое издание.

И все же тут не может быть резких разграничений и противопоставлений. Лениниана по-своему едина и нераздельна. Прикасаясь к ленинской теме, художники оказывались выразителями самых массовых чувств и чаяний, вступали в непосредственный контакт со стихией устного творчества, прибегали к чистым и строгим формам народности. Взаимодействие литературы с живым фольклором здесь очевидное. Нельзя не учитывать всего этого, если мы хотим проследить движение советской поэзии, связанное с ее обращением к образу Ленина.

2

В стихах, печатавшихся на страницах большевистских газет, имя Ленина стало появляться вскоре после Февральской революции. Поэты-сатирики представляли, как буржуй корчится от злости и страха, предчувствуя недалекий конец своего господства и благополучия, при виде подписи Ленина под статьями о близящейся пролетарской революции. Стихотворные инвективы обрушивались на клеветников, чернивших Ленина. Сразу вслед за Октябрьскими событиями появились стихи, посвященные Ленину — вождю революционного пролетариата. Слова негодования, призывы к мести звучали в многочисленных стихотворениях, написанных после покушения на Ленина 30 августа 1918 года. Позже стихи о Ленине печатались рядом с бюллетенями о состоянии его здоровья.

Однако произведениями политической лирики и газетной стихотворной публицистики далеко не ограничивалось приобщение поэтов к ленинской теме в эти годы, при жизни вождя. Существеннее, бесспорно, были иные искания: там, где завязывался эпос революции, делались попытки художественно освоить совершившееся, охватить в стихе истоки и силы невиданного в истории революционного переворота, поэтическая мысль неизменно обращалась к Ленину, — нельзя было думать о революции и не писать при этом о Ленине, даже если поэт выдвигал на первый план народ, массы, коллективного героя творимого революцией эпоса, как это часто бывало в те годы.

Одна из глав поэмы В. Маяковского «150 000 000» (1919—1920) начинается словами:

Не Ленину стих умиленный.
В бою
славлю миллионы,
вижу миллионы,
миллионы пою.

Формула эпоса, обращенная к миллионным массам. И все-таки тут же Ленин, хотя бы в противопоставлении, отталкивании от иной литературной традиции. Имя Ленина возникает и там, где поэт представляет подымающуюся против угнетателей трудовую Россию в виде гигантского былинного Ивана, вобравшего в себя силы народа, его революционную энергию («вся Россия, смерчем скрученная в столб»), где идет речь о сердце эпического героя поэмы:

Совнарком —

его частица мозга, —
не опередить декретам скач его.
Сердце ж было так его громоздко,
что Ленин еле мог его раскачивать.

Только однажды возникает имя Ленина в стихотворной повести Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю». Но к нему тянутся все нити рассказа, его близость все время ощущается. Благодаря свободной композиции поэмы, во многом повторяющей приемы некрасовской «Кому на Руси жить хорошо», повествование, начатое в июле 1917 года, не подчиняется заранее сложившемуся замыслу, а следует за историческими событиями революционных дней. Герои повести, односельчане Ваня и Маша, разлученные империалистической войной, на ее страницах больше не соединяются. Не об этом идет речь. Связь между персонажами не прерывается, потому что каждый из них своим путем приходит к большевикам, к *ленинцам*, как называет их поэт. Таким образом они приближаются друг к другу, вновь «встречаются». Сюжетом повести становится реальное движение событий, его парабола тяготеет к центру революции, к Ленину. Рассказ обращается к революционному Петрограду. В Смольный идут ходоки из деревни. Ленинская «Правда» становится одним из действующих лиц поэмы. Прямо с ее страниц переходят в повесть стихотворные фельетоны, песни, басни Демьяна Бедного. В том числе «буржуазно-колыбельная песенка» «Бука» (иронический перепев лермонтовской «Колыбельной»), нашептываемая буржуем, предчувствующим близкий конец и пугающим своего отпрыска именем Ленина. Ленин вот-вот должен был появиться в этом приближавшемся к событиям Октябрьского переворота повествовании, под последними строками которого поэт поставил дату — 25 октября 1917 года.

Демьян Бедный видел свою задачу в том, чтобы излагать языком народного стиха, внятном и близким крестьянской массе, идеи большевизма, ленинские идеи. Проходя вместе с персонажами повести путь к революции, разъясняя самому массовому читателю ленинскую

правду, поэт опирался на фольклор, большим знатоком которого был. Так складывалась тактика поэтической агитации Демьяна Бедного, замеченная и одобренная Лениным. Поэт вспоминал, как позже, в годы гражданской войны, Ленин заинтересовался в его богатой фольклорной библиотеке сборником Е. В. Барсова «Причитания Северного края», содержащим рекрутские песни. Возвращая через некоторое время книгу, Ленин говорил об отразившемся в фольклоре отрицательном отношении крестьян к войне, к царской военной службе, о необходимости теперь, когда предстоит борьба с белогвардейцами и интервентами, преодолеть предубеждения против армии. Он считал, что нужно «старой песне противопоставить новую», дать «в привычной, своей, народной форме — новое содержание».¹ Речь шла о создании Красной Армии. Речь шла о поэтической агитации, ее наиболее действенных, приближенных к народу формах. Ленин в данном случае несомненно учитывал опыт Демьяна Бедного в обработке народного творчества и потому обращался именно к нему. В повести «Про землю, про волю, про рабочую долю» немало таких фольклорных переложений, одна глава написана в жанре рекрутской песни (пока, в условиях мировой войны, конечно, на старых мотивах). Песню о службе в Красной Армии («Проводы») поэт написал позже.

Переосмысление, социальная переориентировка совсем иной, уже чисто литературной традиции приводила к подлинной народности поэтического восприятия революции и Ленина у Н. Тихонова.

Поэма Тихонова «Сами» помечена тем же 1920 годом, что и большинство стихов его первого сборника «Орда», где — в отличие от баллад следующей книги «Брага» — нет прямого тематического обращения к гражданской войне; но традиционные образы романтической лирики в «Орде» проникнуты мироощущением человека, прошедшего через горнило гражданской войны, заряженного энергией революции. Это относится по существу и к «Сами», хотя внешне поэма об индийском мальчике, который бежит от своего белого господина, чтобы найти защиту у Ленина, а потом возвращается совсем другим человеком, не кажется близкой балладам первых сборников Тихонова.

Замысел поэмы принято связывать с определенными событиями революционного движения в странах Востока, в Индии. Поэт недаром поселил Сами в Амритсаре, где в апреле 1919 года английский генерал Дайер расстрелял мирную толпу. Название города кровавой трагедии врезалось в память поэта. Многие другие наталкивало авто-

¹ См.: Л. Войтовский, «По следам войны», Л., 1934, стр. 6.

ра «Сами» на мысль, что трудящиеся Востока, говоря словами Ленина, «просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества». ¹

Об атмосфере, в которой возник «Сами», сообщает Тихонов в письме к В. О. Перцову, процитированном критиком в книге о Маяковском, в главе, посвященной поэме «Владимир Ильич Ленин»: «Маленькая поэма «Сами», — сообщает поэт, — написана не в 1920 году, а в 1919 году. В 1920 году она окончательно доработана и напечатана в 1922 году. Поэма эта возникла как следствие ряда моих неопубликованных стихов, юношеских, о Востоке и о борьбе за свободу народов Индии, Китая, Индонезии. В 1918—1919 годах в поэзии, как и вообще, был силен лозунг: даешь мировую революцию! . . . Тогда я, исходя из моего, допустим, условного представления о Востоке, но под впечатлением побед пролетарской революции, освободительной борьбы афганского народа против английских колонизаторов, под впечатлением революционных явлений в Индии, и написал эту поэму. . . Я, — пишет Тихонов, — встречал восточных людей, которые мне рассказывали об огромной популярности Ленина на Востоке». ²

Поэма «Сами» соотносится еще и с тем кругом идей и переживаний, что и баллады «Орды», порождена живыми впечатлениями поэта, беспримерной героикой гражданской войны. И дело не только в единстве мироощущения автора, обращающегося к разным темам, но и в реальных исторических связях.

Выступая 22 ноября 1919 года на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, Ленин говорил: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым. . .» ³

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 328.

² В. Перцов, Маяковский. Жизнь и творчество. После Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1956, стр. 374—375.

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 321.

Из этого *чуда* возрождения человека, сражающегося за свободу, из открывающейся в нем невиданной, непреодолимой энергии духа и действия проистекал поэтический пафос Тихонова. По-своему в лирических балладах, и по-иному — в сюжетной поэме об индийском мальчике.

Поэтический антураж «Сами», как признается и сам автор, условен, несет на себе печать романтической стилизации, восточной экзотики. Белый человек, окруженный атрибутами цивилизации на фоне восточного пейзажа. Туземный слуга, чуть ли не обожествляющий своего господина. Как бы от его имени произносится первая строка поэмы: «Хороший Сагиб у Сами и умный». Господин говорит почти в духе стихов Киплинга. Сами тоже не чужд подобной метафорической стилистике: «Я боялся зубов твоей палки. . .» Но весь этот условный мир взрывается изнутри. Преображение Сами, послушавшего всемогущего Сагиба, который разговаривает по телефону даже со злым духом, переставшего робеть перед ним, может сюжетно показаться несколько нарочитым. Стоит отметить, например, что М. Горький, очень увлекавшийся тогда стихами Тихонова, ставивший его даже выше Маяковского и Есенина, тем не менее не считал «Сами» удачей, о чем писал 28 июля 1924 года К. Федину.¹ Но историческая правда приводила к убедительности поэтической логики.

Отталкиваясь от определенных литературных форм, Тихонов преодолевал и связанный с ними круг идей — прежде всего через своего героя. В поэме все предстает в детском видении. Отсюда особая атмосфера поэмы — пронизывающая ее лирическая ирония. Образ Ленина возникал в представлении Сами. Это в его воображении Ленин рисуется властелином, «что браминов и раджей выше», «большим Сагибом перед небом». Мальчик молится «далекому Ленину» и чувствует себя так, словно его обращение услышано.

Тихонов приходил здесь в соприкосновение с народно-поэтическим мифологическим мировосприятием. В устном эпосе Ленин принимает облик то чудодейственного охотника, то непобедимого воина, то всемогущего великана, обладающего волшебной мудростью, — в зависимости от национальных черт и обычаев народа, создающего легенду. Чтобы показать, насколько Тихонов в «Сами», при условном изображении Индии, верно уловил логику поэтического мышления ее народа, часто приводят цитату из пьесы Вафа «Индия в цепях», где автор, опираясь на устную традицию, изображает, как студенту-революционеру Ленину во сне представляется в образе божествен-

¹ «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». «Литературное наследство», т. 70, М., 1963, стр. 476.

ного Кришны: «Ман-Мохн видит, что луна поднимается из-за гор, медленно увеличивается и превращается в лицо Ленина, стоящего в одежде Кришны на горе...» Столкновение довольно рафинированной литературной формы с наивной, казалось бы, образностью фольклора давало особый художественный эффект, по-своему повторяло это чудо духовного возвышения порабощенного, приниженного народа над своими цивилизованными угнетателями. Здесь секрет особой поэтической силы маленькой поэмы Тихонова, ее необычайной популярности.

«Это стихотворение, — сообщает Тихонов в цитированном выше письме о «Сами», — в рукописном виде больше года ходило по рукам и читалось на вечерах самодеятельности и на красноармейских концертах... Оно выходило и в отдельных изданиях и на разных языках... Мне говорили, — добавляет поэт, — что Вл. И. Ленин читал его в „Красной нови“». ¹

Поэма Н. Тихонова «Сами» кладет начало поэтической разработке интернациональной темы в советской литературе, часто воплощаемой в произведениях о Ленине. Образы угнетенных народов Востока или Африки, обращающих свои надежды к революционной России, к вождю мирового пролетариата, постоянно возникают в стихах, посвященных Ленину. Прямое влияние Тихонова ощутимо у поэтов многих национальностей Советского Союза. Можно назвать стихотворение Е. Чаренца «Ленин и Али» (1925). Здесь молодой грузик в Трапезундском порту узнает от советских моряков о смерти Ленина и ночью пробирается в советское полпредство, чтобы разделить горе с теми, кто там не спит. В поэме татарского поэта Хади Такташа «Века и минуты» (1924) о смерти Ленина узнают люди в разных концах мира; Керзон в своем дворце не смеет и не может радоваться: он подслушал, как «в дальней комнате тяжело вздыхал слуга».

3

В. Брюсов написал стихи о Ленине 22 января 1924 года. Это было траурное обращение, вырвавшиеся слова скорби, как многое появившееся в те дни. 25 января он закончил другое стихотворение — «Ленин». Брюсов хотел ответить на вопрос об исторической значимости личности Ленина, поэтически сформулировать совершенное им. «Кто был он?..» — спрашивал поэт. Строки, написанные сразу после смерти Ленина одним из крупнейших представителей русского

¹ В. Перцов, Маяковский, стр. 375.

символизма, вступившим после Октября в коммунистическую партию, были итогом многолетних раздумий о революции, ее героях и чернорабочих, — раздумий, которые приводили поэта к образу Ленина.

Имя Ленина впервые возникает у Брюсова в незаконченном стихотворении 1921 года, представляющем собой попытку писать в манере лубка, стилем, приближающимся к народной речи, в духе интерпретации ее Демьяном Бедным:

Нет, прошло, прошло то времечко,
Как лишь баре грызли семечко!
Они тешились при этом всласть, —
Но теперь дана Советам власть,
Прибавляет Ленин к прочему,
Чтоб светло жилось рабочему...¹

Брюсов не мог не почувствовать, насколько этот опыт для него неорганичен, и не довел его до конца.

Тут значительно действеннее был уже сложившийся в его поэзии жанр культурно-исторического размышления, историко-мифологического портрета или лирического преобразования — в духе циклов «Любимцы веков», «Правда вечная кумиров», «Властительные тени».

Впрочем, уже одно из первых послереволюционных стихотворений Брюсова — «Народные вожди! вы — вал, взметенный бурей...» (1918) — обнаруживает, что писать по-прежнему на эти темы поэт не мог. Исследователи творчества Брюсова обратили внимание, что он прибегает в данном случае к образному ряду, вошедшему в пролетарскую поэзию с песнями М. Горького, получившими символическое революционное звучание. Картина бури помогает Брюсову открыть для себя диалектику связи народного вождя и масс. Первый штормовой вал ведет за собой волны, прокладывая путь, разбивая скалы, но те же волны подпирают этот высокий гребень, придают ему силу. Закрывающая стихотворение сентенция резюмирует движение образов: «Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен, пока, как гребень волн, несет тебя — народ!»

Когда-то, на рубеже нового века, Брюсов в стихах об Ассаргадоне, Александре Македонском, Наполеоне в известном поэтическом ореоле представлял одиночество безжалостных властителей, попирающих безликую массу, был готов видеть в этом историческую

¹ Цит. по ст.: Б. М. Сиволов, *Образ Ленина в творчестве В. Брюсова*. — «Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964, стр. 65.

закономерность, необходимость вечной противоположности героя и толпы.

В стихотворении о народных вождях тема человеческих судеб в движении исторического прогресса возникает, но совсем в ином восприятии, скорее восходящем к пушкинскому «Медному всаднику» (картина гибели кораблей. мелькающие в волнах «изломанные снасти, обломки мачт и рей, скарб жалкий», тела, «носимые горестно на досках по воде», заставляют вспомнить пушкинское описание наводнения).

Позже в стихотворении «А. В. Луначарскому» (1920) Брюсов подчеркнет гуманистический пафос революции. В этом романтическом портрете Брюсов переводит на язык высокого поэтического ряда черты одного из ближайших соратников Ленина («Стоя первым в ряду озаренном молодых созидателей. . .»), романтически интерпретирует деятельность наркома просвещения, собирателя сил советской интеллигенции: «Ты широко вскрываешь ворота всем, в ком трепет надежд не погиб».

В стихотворении «От Перикла до Ленина» (1921) имя Ленина включено в философско-космические размышления.

Для Брюсова этот ряд ассоциаций имел и вполне реальное содержание.

Выступая в Доме печати 28 апреля 1920 года на вечере, посвященном пятидесятилетию Ленина, поэт развернул такую параллель: «. . . Для нас, которые в молодости жили в чеховской России, теперешние события прямо фееричны. Конечно, мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего. Вот теперь заговорили о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется там побывать. Так и русская революция казалась нам такой же далекой. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего».¹

В стихотворении «Ленин» использованы все образные, метафорические ряды, связанные с исканиями Брюсовым поэтического осмысления революционной эпохи. По-своему здесь возникает тема народного вождя («земной Вожатый народных воль»), повторяется романтический образ морской стихии («Растет из бурь октябрьских: Ленин. . .»). К Ленину прилагаются исторические масштабы («властей века разгородил. . . чем Ренессанс и дни Аттил»), понятия космические, выводящие его из ряда обыкновенного.

Написанное 28 января стихотворение «После смерти В. И. Ле-

¹ Брюсов о Ленине. — «Экран», 1928, № 4, стр. 5.

нина» во многом повторяло предыдущее, было по существу еще одним его вариантом. Вводился образ народов мира, пораженных великой потерей. За людьми, стоящими у стен Кремля, которым «страшны, странны дни без Вождя», вставали «материки, народы, страны». Вопрос: кто он? — звучал из уст всего человечества. Отвечая на него, поэт снова возвращался к формулам народности («воль миллионных воплощенье»), исторической миссии Ленина («веков закрученный циклон»). Он искал слова для более прямого выражения ленинской идеи преобразования мира. Но, конкретизируя мысль, Брюсов во многом терял поэтическую энергию, которой отмечено стихотворение «Ленин», написанное вскоре после смерти вождя. Именно в нем ощутимы прямые связи с русской политической и философско-исторической лирикой, с традицией Пушкина и Тютчева. Недаром в своей речи на юбилейном ленинском вечере в Доме печати в 1920 году Брюсов прочитал строки стихотворения Тютчева «Цицерон»: «Счастливы, кто посетил сей мир в его минуты роковые. . .»

4

Размышления поэтов о судьбах народа, судьбах человечества в эпоху революционной ломки, непримиримых классовых боев, неизменно приводили к Ленину. Обращение к Ленину выдвигало проблемы нового поэтического видения. Всякое прикосновение к этой теме делало очевидным, что время требует пересмотра самого понятия поэтического, а вместе с тем и перестройки образной структуры стиха. Привычная система метафор высокого, героического, романтического плана оказывалась бессильна передать поэтическое содержание эпохи. Недаром во многих стихах о Ленине заметно перенапряжение метафорических связей, свидетельствующее не только о предельной высоте эмоционального подъема, но и о недостаточности поэтических средств.

К каким же поэтическим источникам обращались лирики, писавшие о Ленине?

На первых порах здесь опорой был опыт пролетарской поэзии, родившейся в конце прошлого столетия на основе традиций русского демократического стиха, прежде всего некрасовской лирики, на основе революционной рабочей песни. Сильно было здесь влияние Горького.

«Сон большевика» Ем. Ярославского, о котором говорилось выше, использовал ритмическую канву «Песни о Буревестнике». Эти дружеские, шуточные стихи заимствовали не только интонацию горь-

ковского белого стиха, но воспринимали и его романтическую образность.

Образ буревестника революции прочно соединяется в стихах с Лениным. Такую интерпретацию получает этот образ, например, в песне В. Александровского «Стальное имя мир зажгло...» (1920): «Гроза на красное крыло то имя вывесила: Ленин».

Этот же образ использован В. Казным: «О буревестник мировой, бушующий миллионными руками» («Ленин», 1920); он же служит исходным моментом разворачивания темы в стихотворении кабардинского народного поэта Б. Пачева «Ленина сила — морю подобна...» (1920).

Использовались и другие горьковские образы. А. Соловьев (Нелюдим) в дни, когда было совершено покушение на Ленина, печатает стихотворение, написанное по образцу «Песни о Соколе»: «Плыв могучий орел в голубой вышине...» (1918). Но аллегорическое переложение волнующего события не дало подлинно поэтического эффекта.

В 1912 году в статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин привел слова «молодые штурманы будущей бури», обращенные Герценом к русским революционерам. Теперь в стихах советских поэтов о вожде пролетарской революции этот образ был возвращен Ленину, стал одной из центральных метафор. Поэтически осмысленные черты рулевого, ведущего корабль через бушующий океан, вступающего в единоборство с грозной стихией и вместе с тем принадлежащего ей, часто входили в систему эпитетов, прилагаемых к Ленину, становились звеном единой разворачиваемой метафоры в произведениях разных жанров. Использовали их Маяковский, Есенин, Д. Бедный и многие другие поэты.

В этом же ряду — распространенное метафорическое сопоставление с маяком. Морские атрибуты входили в систему сложных метафорических ассоциаций. У В. Кириллова в стихотворении «Красный Кремль» (1920) возникает образ несущегося корабля: «Паруса золотых куполов, мачты древних причудливых башен». Варьируется тема кормчего революции: «Ленин, светлый провидец-пилот, смотрит зорко прищуренным оком». И далее — ассоциации с библейским потопом, с Ноевым ковчегом, которые продолжают разворачиваться: «Уж голубь несет долгожданную ветку спасения».

Часто в одном и том же произведении привлекаются совсем разные метафорические ряды.

В стихотворении И. Брихничева «В. И. Ленину» (1918), одном из самых первых ему посвященных, есть строки, восходящие к оборотам

пролетарской поэзии («среди пен и скал Пролетариата неугасаемый маяк», «великий вождь железной Рати»), обнаруживающие связь с народной стихотворной традицией («всех угнетенных друг и брат»), и тут же — евангельские мотивы.

Потребность в такого рода ассоциациях испытывал и Демьян Бедный. В те годы только в его стихах звучала нота интимности, товарищеского обращения к Ленину, с которым поэт нередко встречался. Так, в дружески шутовском стихотворении «Разве я не прав?» он собирается жаловаться ЦКК по поводу того, что больной Владимир Ильич не бережет себя, не знает меры в работе. И вместе с тем у него постоянны образы библейского плана. В стихотворении «Вождю» (1918), написанном ко Дню рабочей печати, о «Правде» говорится: «Росла страница за страницей святая Библия труда». В поэме «Земля обетованная» (1919) ассоциации с вождем пролетарской революции должен вызвать образ библейского пророка Моисея. Подобные примеры из стихов Демьяна Бедного тех лет можно приводить еще и еще.

Да и не только из его стихов.

А. Вермишев, автор одной из первых советских пьес «Красная правда», партийный литератор, боевой комиссар, погибший на фронте гражданской войны, пишет стихотворение о покушении на Ленина свободным басенным ямбом, в неожиданно обыденной интонации:

Звонок...
Снимаю трубку...
Говорят...
Откуда?
В голосе волненье...

Но завершается стихотворение призывом: «За око — око; зуб — за зуб», восходящим к евангельскому тексту.

Дело тут в стилистических исканиях, связанных с выражением исторической и человеческой сущности революции, а не в мистическом содержании евангельских метафор. Конечно, не случайно поэты шли и в этом направлении. Недаром А. Блок в «Двенадцати» увидел впереди идущего сквозь ночь красногвардейского отряда светящийся образ Христа.

Встречаются в стихах о Ленине и образные параллели с мифологическими героями Греции. Тут возникают имена Геракла, Язона.

Нередко возникает пушкинский образ Медного всадника — как историческое и поэтическое противопоставление. В стихотворении Т. Табидзе «Петербург», помеченном автором: «В ночь на 25 октября 1917 г. Кутаиси», где поэт провидит последние революционные бои

на улицах столицы, описывает ночь, которая «запомнит только имя *Ленин* и забудет прочее, как сон», — «Медный всадник опускает руки». С того времени образ фальконетовского Петра постоянно возникал в стихах о революции, о Ленине. Иногда — в порядке поэтической параллели, как например у Маяковского во вступлении к поэме «IV Интернационал» (1922), где говорится о большевиках: «Вы в свои железоруки взяли революции огнедымые бразды». И тут же прямая ассоциация с Медным всадником: «Кронштадтом конь. На дыбы. Над Невою». Чаще же, как у Т. Табидзе, незыблемый Петр отступает, с приходом Ленина его эра кончается.

В отрывках из поэмы «Петербург» (1919) Р. Ивнев изображает Ленина, посылающего свои революционные призывы с места, где Петр строил свой дом. В сборнике студентов Института живого слова «В. И. Ленин» (1924) стихотворение З. Алектровой «На верном коне полтора года лет...» целиком строится на параллели с Петром: «Если Петр построил город, твоим постройкам границы нет», — обращается автор к Ленину. Подобные сопоставления возникают в цикле Н. Асеева «Ленинграду» (1925), написанном в связи с тем, что городу на Неве было дано новое название: «Это имя — как гром и как град: Петербург — Петроград — Ленинград!»

В поэме М. Светлова, названной в комсомольском задоре «Медный интеллигент» (1925), бронзовый Петр поражен всеобщим трауром по Ленину; в разговоре с курчавым человеком он недоумевает, как же Ленину удалось победить косность Руси. Петру это казалось невозможным: «Острижешь России бороду, у нее растет другая».

В стихотворении М. Зенкевича «Наводнение в Ленинграде» появившаяся на вновь затопленных Невой улицах тень пушкинского Евгения со злорадством кричит Медному всаднику: «Это город Ленина, а не твой!»

Реминисценции этого образного ряда можно обнаружить в стихотворении А. Жарова «Ленин на III съезде РКСМ» (1927), где молодые энтузиасты, готовые «землю на дыбы поставить», слышат слова ленинского призыва — «учиться!». В стихотворении М. Горина «Маленькая повесть об одном капитане и двух Медных всадниках» (1927), написанном после того, как в Ленинграде 7 ноября 1926 года был воздвигнут памятник у Финляндского вокзала, бывший офицер, перешедший в гражданскую войну из Красной Армии к белым, подобно пушкинскому Евгению, мечется по улицам Ленинграда, наталкиваясь то на скачущего Медного всадника, то на мчащийся по мостовой ленинский броневик.

Уже в самых ранних стихах о Ленине делались попытки использовать новые образы, связанные с поэтическим восприятием труда. У А. Безыменского в поэме «Типография жизни» (1920) Ленин — Великий Метранпаж, сверставший первую строку в гранках Октября. И далее эта метафора разворачивается в своих параллелях и ассоциациях.

Позже Ленин часто предстал в богатырском облике рабочего или пахаря. Тут несомненно воздействие народно-поэтической образности. Так же, как в очень распространенной метафорической параллели с Солнцем.

Образ Ленина часто вводился в космические ассоциации; эпитет «планетный» постоянно ему придавался. Но небесное светило в стихах не всегда превращалось в космическую абстракцию, это чаще всего было очень земное, крестьянское Солнце, животворящее, дающее тепло, свет, радость всему живому.

Сопоставление Ленина с Солнцем возникало обычно в произведениях, написанных в народно-поэтическом стиле, например в легенде удмуртского поэта И. Дядюкова «Красное Солнце» (1924).

В народно-поэтических представлениях черпали свою образность поэты, которых тогда было принято называть крестьянскими. На сравнении Ленина с Солнцем строит стихотворение «Великому вождю» (1922) Е. Нечаев. То же — в стихотворении П. Орешина «Солнце в сермяге» (1923). Заявляя о своей приверженности крестьянской Руси, но не противопоставляя ее при этом городу, поэт именно в родной земле видит безмерность и изобилие сил, которые только и могли породить гений Ленина:

В источнике — ни дна, ни донца:
Пей, лей, расплескивай, не жаль. . .
Ведь даже Ленин, это Солнце, —
В другой стране взошло б едва ль!

5

На первых порах в стихах о Ленине преобладали романтические краски, образы высокого строя, эмоционально приподнятые — яркой, выразительной метафоричности. Тем знаменательнее кажется успех стихотворения Н. Полетаева «Портретов Ленина не видно. . .» (1923).

Среди голосов ораторски возвышенных, возглашающих славу, патетически декламирующих на самых торжественных нотах, были услышаны именно самые тихие слова, сказанные словно бы шепотом,

ни к кому как будто не обращенные, произнесенные про себя, как бы невольно запечатлевшие пришедшую в голову мысль, еще по-настоящему не осознанную. Стихотворение Полетаева сразу же стало широко известно, его первая строфа была и осталась у всех на языке:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Можно сказать, что строки эти вошли в сознание народа, стали его собственными, сохранились в нем незабываемо. Принеся славу своему автору, поэту большого таланта и не меньшей скромности, они зажили самостоятельной жизнью, распадаясь на цитаты, не теряя своей поэтической подлинности. Если В. Карпинский называл свою пьесу словами Полетаева «Недорисованный портрет» (1924), то не нужно было объяснять, кому она посвящена, чьи черты собирается запечатлеть драматург.

Все это нельзя объяснить одной простотой и искренностью стихотворения. Оно отвечало живущим, но еще не высказанным чувствам. И вместе с тем это были очень полетаевские стихи; они сохранили индивидуальность интонации поэта, голос которого при обращении к великой теме не потерял своей поэтической естественности.

Полетаев, занимавшийся в пролеткультовской студии у Андрея Белого, вошедший затем в «Кузницу», очень преданный этому рабочему объединению, своим товарищам по перу, был чужд характерной для многих пролеткультовских поэтов лирической абстрактности. В стихах его неизменно ощутима нота грусти, печали, отвечающая его нелегкой, драматической судьбе. Но это всегда только далекий фон, внутренняя, идущая из самой глубины души подсветка, оттеняющая самую истинную радость приобщения к подлинному и прекрасному в жизни. Такой эмоциональный контрапункт возникает и в стихотворении «Портретов Ленина не видно...», написанном в дни тяжелой, затянувшейся болезни Владимира Ильича. Об этом ничего нет в тексте. Поэт хотел бы запечатлеть Ленина в кипении жизни, в молниеносности мысли, которые не опишешь пером, не воспроизведешь кистью. Но из раздумий о невозможности схватить самую жизнь человека, повторить ее, рождается драматическая тональность стиха. Чувства самого обыкновенного человека, которому просто очень хочется, очень нужно увидеть Ленина, выливаются в думы поэта о жизни того, с кем связаны судьбы мира.

Полетаев позже не раз обращался к Ленину с такой же поэтической простотой и строгостью, с живым чувством обыкновенного

рабочего человека, для которого высокое дело революции — близкое, свое, неотделимо от его жизни, от его повседневного. Так, в заключительных строках его «Октябрьского раздумия» (1925):

На площадь Красную к родному Ильичу,
Где пахнет кровью и свободой,
Пойдем мы весело плечом к плечу,
Как в боевые годы.

В день смерти Ленина Полетаев написал стихотворение «Не верим, хоть засып нас снегами телеграмм. . .».

А через несколько месяцев — «Да здравствует Ленин!».

Первомайские стихи 1924 года о весеннем пробуждении он начал словами:

Когда он умер, вся природа
Еще томилась в белых снах,
И только ветер хороводы
Вел бесконечные в снегах. . .

О Ленине он писал в «Ответе» (1925) М. Голодному, автору «Письма екатеринославским комсомольцам», где Полетаева задели перепевающие Есенина строки о кабаках.

В стихотворении Полетаева «На транспорт!» (1927) есть переключка с первым его обращением к Ленину. Поэт вернулся, после небольшого перерыва, во время которого был редактором отдела поэзии в журнале «Октябрь», на свое прежнее место скромного железнодорожного служащего. Эту свою внутреннюю тягу уйти от «стихотворного суесловия» Полетаев, отнюдь не впадая в пафос, в полную меру достоинства, воспринимает как требование, приказ Ленина. Поэт обращается к памятнику на привокзальной площади — он «не очень чтоб похож». Но видит поэт живого Ленина: «На этом месте Ленин нам речь произносил».

Полетаев снова и снова обращается к Ленину. И все же поэтическая сила стихотворения «Портретов Ленина не видно. . .» не была им еще раз достигнута. Там поэту удалось приблизиться к самой сути ленинского характера. Не в штрихах своего заведомо эскизного, недорисованного портрета, а скорее в самом подходе, в самом способе поэтического восприятия.

Известно, что Ленин, когда дело касалось лично его, непримиримо относился ко всяческому церемониалу. На собрание, созванное по поводу его пятидесятилетия, Ленин приехал, когда выступления кончились, он благодарил за приветствия и за данную ему возмож-

ность не слушать юбилейных речей. В десятках воспоминаний запечатлен Ленин, с терпеливой обреченностью переживающий возникшие при его появлении на трибуне овации. Все это нельзя отнести за счет одной только скромности, аскетической сдержанности: тысячи примеров свидетельствуют о готовности Ленина радоваться и бесконечно увлекаться самыми простыми вещами. Он органически не терпел всякой парадности, чопорности, всего выходящего за пределы сути дела, которым он в данный момент жил, — это мешало ему, раздражало его. Тут и рождался определенный образ, стиль поведения, который отвечал характеру времени, а значит — должен был получить поэтический эквивалент.

Не случайно образ Ленина для поэзии тех лет приобретал во многом ключевое значение. Именно здесь обнаруживал себя с особой очевидностью, а значит, и рождал энергию преодоления, разрыв между поэтической сутью времени и застывшей метафорической системой стихотворных форм высокого ряда.

Полетаев, с обычной для него абсолютной строгостью и честностью отношения к поэтическому слову, сумел в стихотворении «Портретов Ленина не видно. . .» пробить эту грань.

Но и другие писатели, может быть даже более активно и устремленно, искали новые поэтические подходы к героической сути современности в стихах о Ленине. К 1924 году здесь были уже несомненные успехи и открытия.

Особенно остро осознавал ограниченность привычных поэтических представлений и форм Маяковский. Полемический запал поэта прорывался в первых строках прочитанного им на юбилейном ленинском вечере в Доме печати стихотворения «Владимир Ильич»: «Я знаю — не герои низвергают революций лаву». Живое чувство перехлестывает эти рациональные самоограничения: «Но кто ж удержится, чтоб славу нашему не воспеть Ильичу?» В этом стихотворении, отчасти предвосхищавшем его будущую поэму о Ленине, Маяковский подчинял лирический пафос — эпическому развертыванию темы.

6

Смерть Ленина больно отозвалась в сердцах людей труда на всем земном шаре. В те дни взоры советского народа, всех простых и честных людей мира были прикованы к Москве.

Известие о смерти Ленина было неожиданным. Медицинские бюллетени сообщали о наступившем улучшении. Днем 21 января Ленин выходил из своей комнаты. В 6 часов 50 минут вечера его не стало.

Уже почью к Ленину, лежавшему в своей обычной рабочей тужурке, начали приходить крестьяне из близлежащих к Горкам деревень. На другой день из Москвы прибыл поезд с членами ЦК и Совнаркома, делегациями заводов. Гроб Ленина со стеклянной крышкой до станции несли на руках. В Дом Союзов к Ленину в течение пяти суток непрерывно шли люди. Мысли всего народа были здесь. Знали, что Надежда Константиновна пять дней и ночей не отходила от Ленина. Следили за именами сменявшихся в почетном карауле. Газеты писали о старом коммунисте, который снял полученный в годы гражданской войны орден Красного Знамени и положил его к Ленину. Вчитывались в слова медицинского заключения, где причиной смерти назывался жестокий склероз мозга, вызванный гигантским перенапряжением в работе. ВЦИК принял решение сохранить тело Ленина, сделать так, чтобы поток людей, приходящих к Ленину, никогда не прекращался. 27 января в 4 часа дня, когда гроб был поставлен во временном мавзолее на Красной площади, вся страна замерла на пять минут, прекратили работу заводы, остановились в пути паровозы.

Все события этих дней, каждая минута прощания с Лениным, отразились в стихах советских поэтов.

22 января «Правда» напечатала на своих страницах стихотворение Некрасова на смерть Добролюбова. Строки:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! —

с особой силой прозвучали в эти траурные дни. Они как бы призывали поэтов найти слова для выражения всенародной скорби.

Стихи советских поэтов на смерть Ленина появились в печати уже 23 января. 25 января вышла однодневная газета «Ленин», страницы которой почти целиком были заполнены стихотворными строками. Стихи на смерть Ленина печатались в журналах в течение всего 1924 года. Тогда же вышло около десяти посвященных Ленину стихотворных сборников в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Тифлисе, Иркутске, Ростове. Далеко не все было напечатано. И только незначительная часть стихов, написанных в те дни, включена в настоящую антологию.

Большинство советских поэтов произнесли свое траурное слово над открытым гробом Ленина.

Стихи написали многие из старых правдивых, пролетарских поэтов, еще до революции связавших свое творчество с делом партии. Высокое напряжение эмоций прорывалось у пролеткультовцев, поэтов «Кузницы» — М. Герасимова, В. Кириллова, Н. Полетаева, И. Филипченко, А. Поморского, И. Садофьева, Г. Сацникова. В пер-

вые же дни появились траурные строки комсомольских поэтов А. Безыменского, А. Жарова, И. Уткина, М. Светлова и соратников Маяковского по Лефу — С. Третьякова, Н. Асеева, В. Каменского. Написали стихи на смерть вождя Э. Багрицкий, Н. Ушаков, В. Инбер, В. Казин, Р. Ивнев, В. Князев, Дм. Семеновский, В. Катаев, Е. Чаренц, М. Бажан, Лахути, А. Акопян, М. Ордубады, С. Стальский, С. Кудаш, К. Мечнев, А. Джутакеев, Г. Шкурпий, Я. Виртанен, П. Яшвили и многие другие.

Среди стихов, написанных в дни похорон Ленина, немало сохранивших свою поэтическую убедительность до сих пор. Можно назвать стихотворение Веры Инбер «Пять ночей и дней», картину прощания народа с Лениным, написанную с мужественной энергией. И все-таки достойный всенародного горя поэтический реквием складывался из общего хорового звучания стихов разных поэтов. Здесь, у гроба Ленина, ощутимо возникла особая солидарность, чувство коллективности советских художников. Поэты говорили от имени народа, обращали слова скорби к массам. Сборник стихов Московской ассоциации пролетарских писателей «К живому Ильичу», куда вошли и произведения левовцев — Асеева и Третьякова, был напечатан без подписей авторов. Слова траурного марша Асеева возникали как бы из шороха шагов идущих к гробу Ленина. Очень долго эти стихи перепечатывались без обозначения имени написавшего их. Многие мотивы повторялись, варьировались в стихах самых разных поэтов. «Не верю...» — как заклятие смерти, повторяли одни. «Ленин жив...» — звучало в стихах других. Писатели подхватывали слова обращения ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся» в связи со смертью Ленина, где подчеркивалось, что дело Ленина живет, что Ленин жив в душе каждого члена партии, каждого честного рабочего, в сердце каждого крестьянина-бедняка, среди колониальных рабов, даже в ненависти к ленинизму в стане врагов. «Каждый член нашей партии, — было сказано в обращении, — есть частица Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина». Эта мысль стала главной в стихах на смерть Ленина.

7

Разрыв между высокими эмоциями поэтов, обращавшихся к Ленину, и поэтической стилистикой во многих случаях все-таки был явен. Авторы некоторых появившихся тогда же критических обзоров готовы были искать причины творческих неудач в идейной ограниченности поэтов.

В статье «Великий искус. Траурная поэзия ленинских дней», напечатанной в журнале «На посту» (1924, № 1), автор упрекал Г. Санникова за то, что описанное им потрясение в природе в минуту смерти Ленина повторяет евангельское описание всеобщего смятения в момент, когда умер Христос, хотя никаких прямых ассоциаций такого рода в стихотворении нет. Критик не заметил, что, обращаясь к высокой теме, сам поставил в заглавии своей статьи евангельскую формулу. Ходульность, мистику находит он и у других поэтов. Но те строки из сборника поэтов МАПП «К живому Ильичу», которые в статье цитируются как безусловно удавшиеся, тоже далеко не свободны от риторики. Не случайно Маяковский в свое время обратил внимание на неловкий оборот в стихотворении А. Жарова: «От горящей домны революции отошел великий кочегар», позже снятый автором. Ленинская тема для поэтов действительно была «великим искусом».

Маяковский особенно остро ощущал несоответствие слов и чувств во многих стихах о Ленине, недостаточность поэтического языка. Сознание грандиозности, необычности задачи заставляло его считать сделанное ничтожным. Он говорил об этом, как вспоминает К. Зелинский, на вечере «Отчет за 1923—1924 гг.» в Большой аудитории Политехнического музея 4 марта 1924 года. Его возмущали ремесленные стихи о Ленине. «Что напечатано на днях в «Известиях»? — спрашивал Маяковский: — Стихотворение Татьяны Майской «Дрожали заводские лиры. . .». Это позор».¹

Разумеется, поэт был не прав, когда сбрасывал со счета почти все написанное о Ленине ранее. Коллективный опыт поэтов был чрезвычайно важен, даже в своих не вполне убедительных пробах. И сам Маяковский во многом на этот опыт опирался, учитывал сделанное другими, хотя бы полемически.

В «Известиях» от 15 марта 1923 года рядом с бюллетенем о здоровье В. И. Ленина было напечатано стихотворение М. Зенкевича «Бюллетень молний», которое обратило на себя внимание Маяковского. «После напечатания стихов, — сообщает М. Зенкевич В. Перцову, — на лестнице редакции «Известий» я встретился с Маяковским. Он остановил меня и одобрительно отозвался об этом стихотворении, сказав «хорошо», только вот сомнительна рифма — „паралич — Ильич“».² Замечание Маяковского свидетельствует о том, с какой чуткостью и осторожностью относился он к оттенкам поэтической стилистики.

¹ Цит. по кн.: В. Перцов, Маяковский, стр. 373.

² Там же, стр. 342—343.

Позже он напишет в «Комсомольской»: «„Ленин“ и „Смерть“ — слова-враги. „Ленин“ и „Жизнь“ — товарищи». Мысль о несовместимости понятий «Ленин» и «смерть» стала темой стихотворения «Мы не верим!», которое уже 25 марта Маяковский прочел в Доме печати. Маяковский отталкивался от стихотворения М. Зенкевича; вместе с тем варьировал его тему, споря с его поэтическим решением; подхватывал задачу, выдвинутую предшественником. В свою очередь стихотворение Маяковского дало мотив, который потом варьировался в стихах о Ленине. Отстраняющее беду, преграждающее дорогу смерти заклятие — «не верю...» — постоянно повторялось поэтами в дни траура.

Стихотворение М. Зенкевича подтолкнуло поэтическую мысль Маяковского. «Мы не верим!», в свою очередь, оказало влияние на лирическую Лениниану. А для самого Маяковского это стихотворение послужило, по-видимому, началом раздумий над поэмой о Ленине. Во всяком случае именно с ним исследователи связывают отмеченное в автобиографии Маяковского под рубрикой «23 год»: «Начал обдумывать поэму „Ленин“».

Написанная в 1924 году поэма «Владимир Ильич Ленин» впитала в себя многие мотивы более ранних стихов о Ленине, принадлежащих перу разных поэтов. Маяковский постоянно обращается к образу штурмана революции. На страницы поэмы врывается веяние романтической бури: «И снова ветер свежий, крепкий вал революции поднял в пене». Многим поэтам и раньше виделся черный раб, признающий «заступника солдечликого». Не пропустили они и ни одного из моментов похорон вождя, которые возникают у Маяковского. При всем сопротивлении Маяковского всякого рода религиозным ассоциациям, уверенного, что «этого не объяснишь церковными славянскими крюками», не может он обойтись и без такого рода стилистической краски: «революции и сына и отца». И все же в поэме Маяковского все образные элементы вливаются в единую систему совершенно особой эстетической и поэтической природы.

Прав В. О. Перцов, когда в своей монографии о Маяковском считает напрасными встречающиеся в работах о поэме «Владимир Ильич Ленин» кропотливые филологические изыскания прямых цитатных источников чуть ли не для каждой ее строки. Конечно, Маяковский обращался к книгам; признаки того, что он читал и перечитывал в это время Ленина, легко обнаружить на страницах поэмы, без этого она не могла быть написана. Но вряд ли стоит преувеличивать роль других источников. «Невозможно, — писал О. Брик, — представить себе Маяковского, изучающего людей и явления по ар-

живным материалам и печатным трудам». ¹ Десятки рассказов, сообщений, фактов, впечатлений, связанных с Лениным, входили в сознание поэта, это было непосредственно пережитое, прочувствованное, неразрывно слитое с обстоятельствами времени, событиями революции, живой повседневностью быта. К тому же Маяковский несколько раз видел и слышал Ленина. Именно все эти живые накопления памяти входили в поэму, придавая ее прямому политическому содержанию поэтический смысл. Потому-то Маяковский так часто перекликается с мотивами поэтической Ленинианы, которая в своем развитии питалась теми же веяниями и впечатлениями.

Вместе с тем поэма «Владимир Ильич Ленин» выростала из исканий Маяковского в области поэтического эпоса, соединяла в себе пути, идущие, с одной стороны, от «150 000 000» и «Пятого Интернационала», с другой — от поэмы «Про это». Обращение к образу Ленина дало поэту возможность преодолеть возникший в его исканиях разрыв эпического и лирического восприятия современности.

В «150 000 000» историческое, революционное действие шло от коллективного, массового эпического героя. Ленин только входил в его мифологизированный богатырский образ.

Следующая большая поэма «IV Интернационал» или «Пятый Интернационал», над которой Маяковский начал думать в 1920 году, завершена не была, но о замысле ее дают представление опубликованные автором главы. Героем поэмы должен был стать человек будущего, человек социалистического общества. Маяковский конструировал его образ, как он делал это с былинным Иваном в своей предыдущей поэме. Здесь и возникла параллель с революцией, совершенной большевиками, к которым прямо обращался поэт. Подобно тому, как коммунисты в подполье, в эмиграции предвидели социалистический переворот, так теперь он, поэт, готовит революцию в сознании людей. «В Марксову диалектику стосильные поэтические моторы ставлю», — заявлял Маяковский.

В одной из глав поэмы, как можно судить по черновым наброскам в записной книжке 1922 года, изображалась паника, охватившая жителей фантастического города будущего: для них становится невыносимо жить в изобилии и довольстве. В пустынном, покинутом его обитателями городе поэт приходит к закованному в бронзу памятнику Ленину.

¹ О. Брик, Ленин в стихах Маяковского. — «Литературный критик», 1934, № 4, стр. 106.

Я не окончил речь еще
еще бросались слова ругунъ
Ленин
медленно
подымает вѣчища
Разжимаются губ чугуны
Раскатываясь пустотою города гулкова
на мрамор цоколя обрушная вес
загрохотали чугунобуково
ядра выпадающих
пудовых словес.
Садитесь товарищ. . .

«Пятый Интернационал» отражал дерзание поэта, замыслившего своим искусством предугадать пути рождения человека нового, социалистического мирозерцания. Маяковский хотел сразу дать универсальный ответ. Сделать это было невозможно. Задумав говорить о человеке будущего, Маяковский писал поэму, в которой не было реального живого человека, его заменяла «конструкция из святающей проволоки». Замысел не удался. Но цель была велика.

«Про это» (1923) писалось как антитеза «Пятому Интернационалу». Поэма должна была ответить на те же вопросы, но только поставить тему по-иному. Но все-таки ту же самую тему. Теперь герой — самый обыкновенный человек, современник, несущий в себе все противоречия времени, переживающий, как кажется, почти непреодолимый конфликт между революционным смыслом эпохи и запутанностью мелочей быта, тяготеющими над душой человека страстями. Вопрос о новом человеке ставился во всей сложности. На окончательное и очевидное его решение поэт теперь не претендовал.

В Ленине для Маяковского великое, эпохальное содержание времени, истории необычайным образом прямо и органически выразилось в реальной человеческой личности. Делая Ленина героем своей новой поэмы, Маяковский решал коренные вопросы художественных исканий, минуя сложности и противоречия предшествующих поэм, прорывался к самому зениту современной эпической темы. Недаром именно в 1924 году, когда замысел поэмы о Ленине был определен, Маяковский опубликовал незавершенные куски двух вариантов поэмы «Пятый Интернационал», тем самым подводя черту под этим своим начинанием, отказавшись от его продолжения.

К поэме Маяковский по-настоящему приступил после смерти В. И. Ленина.

Н. Асеев вспоминает: «...Никогда до той поры не видал еще Владимира Владимировича до такой степени омраченным и угрюмым. Он как бы даже потемнел с лица. Обычно оживленный и резко реагирующий на все впечатления, в те дни он почти не реагировал. Он как бы собрал себя в один комок мускулов, в один кулак нервов». ¹

В траурные дни Маяковский с особой резкостью ощутил всеобщую связь людей, оплакивающих смерть вождя. Поэт осознал в этом проявление совершенно новых чувств, новых отношений, увидел реальность той великой солидарности человечества, о которой мечтал в поэме «Про это».

Обращение к образу Ленина было связано для Маяковского с проблемой нового, социалистического человека. Потому в начале появляется:

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше...

Произведение исторического, эпического сюжета было целиком направлено к современности. Поэт или лирический герой поэмы, обращаясь к образу великой исторической личности, оказывался втянут в сюжет истории в своем творчестве, в своем повседневном бытии.

На одном из первых чтений поэмы «Владимир Ильич Ленин», отвечая на вопрос о непривычном для поэзии обилии политической терминологии, Маяковский сказал: «Я эту поэму писал, оставаясь поэтом. Очень было трудно, товарищи».

В первых строках он признавался: «Я боюсь этих строчек тыщи, как мальчишкой боишься фальши...»

А в автобиографии писал, вспоминая о работе над поэмой: «Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа».

Величие Ленина могло быть раскрыто только в величии его исторического дела. Направление поэтического сюжета совпадало с движением человечества к высшему типу общества, к коммунизму, совпадало с историей социалистической революции в России. Разворачивалась грандиозная историческая панорама. И в то же время каждая строка поэмы, каждый эпизод, каждый шаг поэтически обоб-

¹ Н. Асеев, Вечная поэма. — «Смена», 1949, № 2, стр. 6—7.

щенной истории борьбы мирового пролетариата, а затем Октябрьской революции — говорит именно о Ленине. Этим преодолевалась опасность «простого политического пересказа». Образ вождя в этой части поэмы возникает не только тогда, когда поэт подходит к эпохе Октября, к реальной борьбе Ленина, руководителя революционного пролетариата России, создателя большевистской партии, а гораздо раньше. Поэт показывал историческую необходимость и неизбежность появления деятеля такого масштаба, как Ленин. Далее речь идет о продолжении жизни Ленина в его деле, в мыслях и чувствах народа, в приливе ленинского партийного призыва.

Образ Ленина в поэме — это прежде всего образ политического деятеля. Его человеческие черты раскрываются как черты вождя пролетарской революции. Именно политика пролетариата становится в художественной системе произведения источником высокого, поэтического ее содержания.

И это требовало новой стихотворной стилистики.

Маяковский строил свое поэтическое изображение на подчеркнутом отталкивании от устаревших формул, представлений о героическом, возвышенном, прекрасном, романтическом. Прямая полемика возникает во вступлении («Рассняют головою венчик. . .», «Чтоб конфетной не был красотой оболган. . .») и пронизывает всю поэму, то проявляясь в структуре того или иного образа, того или иного метафорического построения, то выходя на поверхность в авторских отступлениях («Как бедна у мира слова мастерская. . .», «Знаю, лирик скривится горько. . .», «Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье. . .»).

Поэт хотел говорить о величайшей исторической личности, о крупнейшем в истории человечества вожде, народа водителе, и вместе с тем отказывался от привычных определений, связанных с представлениями о герое. Ответшальные поэтические средства были непримлемы.

В первых же строках поэмы Маяковский отбрасывает такие, лежащие на поверхности слова, как «пророк», «дар божий», «эра». . . «Скажут так, — и вышло ни умно, ни глупо. Повисят слова и уплывут, как дымы». Поэт с самого начала отвергает всякий, хотя бы косвенный, в этимологии того или иного слова проскальзывающий намек на сверхъестественность происхождения ленинского влияния, на все, что хоть как-то отрывает Ленина, этого «самого человеческого», «самого земного из всех прошедших по земле людей», от реальности, от жизни. «Неужели про Ленина тоже: «вождь милостью божьей»?» — спрашивает поэт. И далее:

Если б
 был он
 царствен и божествен,
я б
 от ярости
 себя не поберег,
я бы
 стал бы
 в перекоре шествий,
поклонениям
 и толпам поперек.

Ничего украшающего, ничего отрывающего образ от земли, хотя бы даже метафорически, ничего в какой-то степени напоминающего культ героя не могло быть допущено. Для Ленина поэт искал совершенно особые мерки. И прежде всего Маяковский настаивал на исторической точности изображенного, избегая при этом описательности, пересказа. Поэт как бы специально ограничивал свою фантазию, не позволяя себе выйти из рамок реальности. В поэме есть строки, где автор как будто готов обратиться к будущему, перенестись мыслью в «коммунистическое далеко». Ход очень обычный для стихов Маяковского тех лет. И строки о будущем всегда у него связаны с особым поэтическим напряжением. Так было в поэме «Про это», в ее финальной части, где поэтический пафос достигает вершины. В новой поэме у Маяковского почти вырываются такие приподнятые строки о будущем, но автор тут же себя обрывает. Идущие на подъем, готовые вылиться в патетическую тираду строки:

Враг
 сменяет
 врага поределого,
но будет —
 над миром
 зажжем небеса. . . —

прерываются твердой, трезвой интонацией:

— но это
 уже
 полезней проделывать,
чем
 об этом писать.

В ответ на упрек, что в своей поэме он «не дал нам нового Ленина», поэт отвечал: «Нам и старый Ленин достаточно ценен, чтобы не прибегать к гиперболам, чтобы на эту тему не фантазировать о каких-то новых вещах». ¹ Это был не просто полемический ответ критику, а принципиальная точка зрения Маяковского. Поэзия добывается из реальности, из самой неприкрашенной истины. Потому так отточены все формулировки, так скупы и немногословны характеристики. Только самое главное, важное, определяющее.

Образные средства поэмы разнообразны, Маяковский, как уже отмечалось, пользуется всем арсеналом поэтических приемов, которые применялись в стихах о Ленине. Метафорические сравнения пронизывают целые части поэмы. Например, сравнение Ленина с рулевым, ведущим корабль революции. Персонификация отвлеченных понятий (образ капитализма в первой части поэмы). И рядом прямой лирический монолог или описание.

Таков, например, эпизод в Смольном в ночь на 25 октября 1917 года, где дан облик Ленина, его характерный жест. Манера Владимира Ильича прищуривать левый глаз, когда он читал, вглядываясь во что-нибудь, давно обратила на себя внимание писавших о Ленине, отразилась в стихах. Между тем Маяковского в свое время упрекали за слова: «И в этой желанной железной буре Ильич, как будто даже заспанный, шагал, становился и глаз, сощурия, вонзал, заложивши руки за спину. В какого-то парня в обмотках, лохматого, уставил без промаха бьющий глаз. . .», — считали, будто во всем этом описании поэт снизил образ Ленина, сделал его слишком прозаическим, обыденным. Маяковский возражал: «Взятый мною факт — это один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина, и такой способ стоять, заложив руки, всем известен. . .» ² «Прищуренный взгляд» в других стихах не вызывал возражения, потому что это стало некоей поэтической формулой. Маяковский же этот привычный, ставший постоянным и нейтральным эпитет развернул в поэтически содержательный образ зоркости Ленина, его способности схватывать суть, проникать в глубь явления.

Человечество — народ — класс — партия — историческая личность и отдельный человек. Таковы ступени поэтического восприятия истории в поэме. В «Пятом Интернационале» Маяковский собирался дать космическую панораму будущего и оказался в плену

¹ В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. 12, М., 1959, стр. 268.

² Там же, стр. 273.

умозрительной схемы. В новой поэме обнажается реальность исторического процесса. Здесь слышна поступь истории, разворачиваются величайшие классовые битвы и вместе с тем учтена каждая недожитая жизнь, каждая человеческая обида, каждая слеза столетий угнетения и эксплуатации.

Политическое и эстетическое в поэме неразрывны. Подлинная поэзия рождается тогда, когда реальность, со всем ее большим и малым, предстает в видении художника, смотрящего на мир глазами народа и истории, так, как, по его представлениям, видел этот мир Ленин. На этих принципах и строится особая поэтическая система произведения Маяковского: возникает своеобразное качество стихотворного слова, хотя образный материал формально не является новым, как будто знаком по многим другим стихам о Ленине.

Вот, например, образ воплощения ленинского декрета о земле:

Земля —
 подстилка под ихними порками,
и вдруг
 ее,
 как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
 и пригорками
крестьянин взял
 и зажал, закорузел.

Не какой-нибудь идиллический причесанный пейзажник и не плакатный красный крестьянин, а реальный русский мужик берет землю, в которой весь смысл его жизни, берет ее всю, берет политую кровью и потом, необходимую как хлеб, прекрасную особенной русской красотой — «со всеми ручьями ее и пригорками».

Это — образ революции, одной из сторон ее, и потому он высок и поэтичен, хотя составлен как будто из довольно грубых, «некрасивых», корявых слов. Чего стоит одно это — «закорузел». Между тем оно-то, стоящее в конце строфы, на рифме, все решает, все окрашивает.

Когда Маяковский полемически отбрасывал, разумеется только в системе данной поэмы, такие слова, как «пророк», «эра», он делал это не только потому, что от них как-то пахивало мистикой. Для Маяковского это слова, в которых нет вещественности, они не прикасаются к земле, а висят, как дымы. А вот корявое, «непоэтичное» слово «закорузел» становится по-настоящему поэтически содержательным.

Совсем другие слова в строках о Брестском мире, о споре Ленина с эсерами: «плащ», «по-рыцарски», «шпага», «красиво», «сразить». Но у Маяковского они звучат отнюдь не романтически, не приподнято, а иронически: через них обнаруживается жалкая, картонная, мишурная «революционность» эсеровской поэмы.

Поэтические сечения жизни Маяковский проводит совсем по-новому. В область поэтического попадают явления, слова и понятия, которые в привычных представлениях никак не относятся к высокому ряду. Путь в стих открыт всему, все явления попадают в круг художественного изображения именно в той степени, в какой они связаны с политикой, соотнесены с классово-борьбой.

Пролетариат —
 неуклюже и узко
тому,
 кому
 коммунизм — западня.
Для нас
 это слово —
 могучая музыка,
мгущая
 мертвых
 сражаться поднять.

И не случайно новые поэтические принципы, к которым Маяковский шел в своих творческих исканиях, были открыты им с особой полнотой и убедительностью тогда, когда поэт обратился к образу Ленина, старался добиться адекватного поэтического выражения ленинского взгляда, ленинского действительного подхода к исторической конкретности факта любых масштабов.

8

В 1924 году С. Есенин напечатал отрывки из поэмы «Гуляй-поле», дав им заглавие «Ленин». Сама поэма написана не была. Но опубликованные фрагменты пунктирно обозначают развертывание эпического замысла, удивительным образом совпадающего с некоторыми особенностями поэмы Маяковского, ее лирико-эпическим построением. Облик Ленина никак не сообразуется с привычными представлениями о герое («Он не садился на коня и не летел навстречу буре»), не укладывается в литературные каноны («Для нас условен стал герой, мы любим тех, что в черных масках»), по-чело-

вечески обыкновенен («застенчивый, простой и милый»). Раздумья автора и тут уводят его в прошлое, заставляют искать ответов в истории России. Он тоже открывает в Ленине отражение вековых чаяний народа: «...И в эту жуть страна ждала кого-нибудь... И он пришел...» В конце поэт снова возвращается к современности, к Ленину, к тем, кто после смерти вождя продолжает его дело.

Есть сведения, что поэму о Ленине Есенин задумал еще в 1921 году. Однако отрывки из «Гуляй-поля» обнаруживают умонастроения поэта, характерные для последних лет его творчества. В этот период Есенин все болезненнее начинает ощущать разобщенность со временем, свою неспособность принять правду истории не разумом, но поэтическим чувством. И почти всюду, где поэт стремится преодолеть этот разрыв, в стихах появляется Ленин. Именно в Ленине для Есенина грозные черты революции сливаются с человеческим и поэтическим ее началом.

В стихотворении «Возвращение на родину» (1924) перелом лирического настроения поэта, не узнающего родную деревню, обозначен строкой: «На стенке календарный Ленин». Через этот портрет, сменивший в избе образа, связывается настоящее с тем, что дорого и близко поэту в прошлом русской деревни:

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью...

В «Письме к женщине» (1924), там, где размышления поэта от прошлого переходят к нынешнему его состоянию, снова строки, обращенные к Ленину: «Хвала и слава рулевому».

И то же самое в «Стансах» (1924). С Лениным связывает Есенин возможность для себя поэтического восприятия нового:

Я вижу всё
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам...

Гражданская война, где свобода «хлестнула дерзко за предел», в первых отрывках из «Гуляй-поля» изображена эпически, здесь слы-

шатся интонации пушкинских исторических поэм: «Куда они? И где война? Степная вода не внемлет слову. Не знаю, светит ли луна, иль всадник обронил подкову? Всё спуталось...» В черновом автографе остались строки, не вошедшие в основной текст: «Крестьяне! да какое дело крестьянам в поле до войны...» Эпическое восприятие, идущее со стороны, снова возникает в заключительных строках поэмы. Те, кто продолжает дело Ленина в велениях своего героического долга, не могут примириться со смертью вождя: «Для них не скажешь: *«Ленин умер!»* Их смерть к тоске не привела». И далее: «Еще суровой и угрюмой они творят его дела». Вступительные строки: «Еще закон не отвердел...» — перекликаются с заключением: «А те, кого оставил он, страну в бушующем разливе должны заковывать в бетон».

И совсем в ином ключе, в подлинно лирических интонациях написаны отрывки о Ленине. Именно тут душевные токи поэта всецело сливаются с правдой революции. Лирический герой оказывается включен в исторический поток. Местоимения «они», «их» сменяются на «мы»: «И мы пошли под визг метели, куда глаза его глядели...»

Особое отношение к Ленину неизменно прорывается в стихах Есенина. Близкие ему люди вспоминают: «Есенин относился к Владимиру Ильичу с глубоким интересом и волнением. Часто и подробно расспрашивал о нем всех лиц, его знавших, и в отзывах его было не только восхищение, но и большая нежность. Смерть Ленина произвела на поэта огромное впечатление. Он выпросил через друзей корреспондентский билет одного из сотрудников «Правды» и несколько часов провел в Колонном зале у гроба вождя».¹

Через эту «нежность» к Ленину и приходил Есенин к новому поэтическому восприятию революции.

В стихотворении «Русь уходящая» он причисляет и себя к «питомцам ленинской победы». В «Балладе о двадцати шести» возникает такое сопоставление Ленина и бакинских комиссаров:

Там, в России,
Дворянский бич,
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было.
26.

¹ Из архива С. Есенина. — «Новый мир», 1959, № 12, стр. 273.

В «Ответе», обращаясь к матери, Есенин пишет про нашу «хладную планету»: «Ее и Солнцем-Лениным пока нѐ растопить!»

Развертывание эпической темы, предполагаемое в поэме «Гуляй-поле», по-своему повторяется и в «Анне Снегиной» (1925). Здесь иное восприятие гражданской войны. Эта война теперь прямо касается деревни. Село тут идет на село. Прогоняется с земли помещицы семейство. Герою не удастся остаться в стороне, хотя он всего лишь приехал поохотиться. И в потоке обращенных к нему вопросов он может ответить только на один.

Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

В стихотворении «Капитан Земли», написанном к первой годовщине смерти Ленина, Есенин повторял мотивы предшествующих своих обращений к Ленину. С этим именем соединяет поэт и творческую («Еще никто не управлял планетой, и никому не пелась песнь моя») и жизненную свою судьбу («Я счастлив тем, что сумрачной порою одними чувствами я с ним дышал и жил»). Правда, сказать о Ленине должен, как кажется Есенину, новый поэт. Но все-таки Есенин сам берется произнести эти слова, хоть и от имени другого. Ленин мог стать «капитаном Земли», потому что, идя через бурю, он вел к еще не открытой, невиданной до сих пор суше.

Есенин не считал, что ему удалось поэтически выразить величие Ленина. Он говорил: «Я в долгу перед образом Ленина. Ведь то, что я написал о Ленине: и «Капитан Земли» и «Гуляй-поле» («Еще закон не отвердел. . .»), — это слабая дань памяти человека, который не то что, как Петр I, Россию поднял на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».¹

При всем том стихи о Ленине, принадлежащие такому большому, чуткому и искреннему поэту, как Сергей Есенин, составили значительный и ценный вклад в поэтическую Лениниану.

¹ Есенин о Ленине. — «Литературная Россия», 1964, 7 февраля, стр. 21.

Советская литература середины 1920-х годов воспринимала совсем недавние события гражданской войны уже как время эпическое, дающее материал для создания героического и драматического образа революционного народа. Так было не только в прозе, драматургии, но и в поэзии. Недаром к временам гражданской войны возвращается в своих эпических замыслах Есенин.

Через несколько лет Б. Пастернак поставит в финале поэмы «Высокая болезнь» строки, по-своему перекликающиеся с заключением есенинского «Капитана Земли»:

Он управлял течением мыслей
И только потому — страной.

Первая публикация «Высокой болезни» относится к 1924 году. Ленина здесь еще нет. Но к нему пробивается в напряженном движении стих, вбирающий в себя, впитывающий сложности и противоречия времени. Отрывочные, текучие, включенные в систему сложных ассоциативных переходов, не подчиняющиеся никакому повествовательному сюжету, образы поэмы концентрируются вокруг одного события: поэт был в Большом театре на IX Всероссийском съезде Советов, в день его открытия, 23 декабря 1921 года, когда В. И. Ленин выступал с отчетным докладом ВЦИК и СНК.

И помню, в самый день торжествов,
Пошел взволнованный донельзья
К театру с пропуском в оркестр.

Поэт возвращался к прошлому, хотел его осмыслить эпически. Но выливались его раздумия в многоступенчатые лирические отступления. Уже в 1928 году автор опубликовал «две вставки в поэму»; теперь она завершалась эпилогом, посвященным Ленину.

Между первой редакцией поэмы и дополнениями к ней — целая полоса эпических исканий: «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», первые главы романа в стихах «Спекторский». Во вступлении к роману, рассказывая о возникновении самого его замысла, поэт вспоминает, как в начале 1924 года он был привлечен к «подбору иностранной ленинщины» и работал в библиотеке Наркоминдела:

Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Внимание не дремало.
Вылавливая их, как водолаз,
Я по журналам понырял немало.

Только обращаясь в эпилоге к Ленину, поэт почувствовал себя избавленным от необходимости искать и соединять ускользающие, переменчивые черты времени, они открывались ему в своей несомненности, гармонии, высоте — в одном реальном человеке.

Строкам о главном в Ленине, о том, что «в тот миг связалось с ним одним», предшествовали стихи, где Ленин появлялся в зале подобно ворвавшейся сюда, пронизывающей своими токами все окружающее молнии. Пастернак обращался к вошедшему в поэтическую традицию образу грозы. У него это уже почти не было метафорой, но подлинной моментальной поэтической фотографией самой сути впечатления.

Привычка Ленина переходить прямо и решительно, не теряя времени, к тому, ради чего он пришел сюда, его стремительность, когда он шел к трибуне, чтобы начать говорить, воспроизведена во многих воспоминаниях.

Нечто подобное произошло и на IX съезде Советов, где был Пастернак. «Я страшно боюсь, — рассказывает один из делегатов съезда, — пропустить момент его появления. Вдруг вижу: в президиуме встают, и слева к трибуне стремительно подходит невысокий человек в сером костюме, такой простой, неожиданно обыкновенный. «Ленин! Ленин!» Буря оваций...»¹

Строки о Ленине в поэме Пастернака рождались из тех же реальных впечатлений. Схвачена эта стремительность появления Ленина на трибуне, ощущение того, что зал почувствовал его присутствие прежде, чем увидел Ленина: «Как вдруг он вырос на трибуне, и вырос раньше, чем вошел»; передан всеобщий порыв людей: «Как облегченье, как разряд ядра, не властного не рваться».

Прямая связь Ленина и истории не просто формулировалась, а возникала в конкретности действия, в энергии прорыва от любого факта через «глупый слой лузги» к голой сути. Повторенная в конце мысль о прямом соединении в Ленине суровой логики истории с человеческим началом по-новому освещала весь ход поэмы.

Над поэмами о гражданской войне работал Н. Тихонов. Это «Красные на Араксе» (1924), «Лицом к лицу» (1924), «Выра» (1927).

Последняя из названных поэм, посвященная реальному герою гражданской войны, комиссару рабочей бригады Ракову, погибшему

¹ Н. Кокорева, Слушая Ленина. — «Ульяновский комсомолец», 1957, 21 апреля, стр. 3.

в 1919 году в деревне Выра, начинается прологом «15 марта 1918 года», где изображен Ленин на IV съезде Советов, его столкновение с эсерами и другими соглашательскими партиями в связи с Брестским миром. События поэмы, судьба Ракова, который принимает бывший Семеновский полк, глядя в лица офицеров, стараясь проникнуть в их души, а потом погибает, преданный этим полком, составляют драматическую и психологическую параллель к битве Ленина на съезде, должны представить крупным планом один из рядовых эпизодов гражданской войны, содержащий в зерне своем ту же диалектику исторической ситуации, в которой находится Ленин и из которой он выходит победителем.

В сжатых, напряженных, метафорически насыщенных образах характерной для Тихонова романтической поэтики стремится он в этом прологе передать атмосферу съезда. Многие строки подлинно выразительны: «Эсеры гонят речи, но речи, словно клячи, барьера не осилив, ложатся в стороне». Однако метафорическая перенасыщенность стиха оказывается неспособна с достаточной поэтической убедительностью дать образ схватки Ленина с противниками. Не очень удается Н. Тихонову попытка — одна из первых в поэзии — передать в стихах прямую речь Ленина, автор оказывается скован в стихотворных и все же скорее прозаических, чем поэтических, формулировках ленинских мыслей.

10

Поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин» обозначила новую эпоху в движении советской поэзии. Это ясно сказалось и на стихах ленинской темы у поэтов различных народов Советского Союза. Не только потому, что было трудно выйти из поля магнитного тяготения произведения Маяковского. Иные стихи о Ленине воспринимаются как вариации его идей и образных мотивов, даже там, где о прямом воздействии не могло быть и речи. Опираясь на опыт своих предшественников, Маяковский открыл неисчерпаемый источник поэтического в самом реальном содержании ленинских дел, ленинской жизни. Это сняло напряжение стилистических исканий, прорывавшихся через риторику привычных стихотворных форм к правде и героике ленинского образа. Возникла возможность более свободного включения Ленина в самый глубинный поток лирических раздумий о времени и о себе.

Явно настаивая на открытом споре с Маяковским, А. Безыменский назвал свои фрагменты о Ленине «Владимир Ильич Ульянов» (1926). Он продолжает полемизировать, вернее, пытается ставить

тому по-иному, чем Маяковский, и в самом тексте. «У Ленина нет дня рождения! А вот Ульянов был рожден», — утверждает поэт, переключаясь с соответствующими строками Маяковского, по-своему поворачивая мысль. Он прямо заявляет свою позицию: «И странно: нынче в голове не Ленин, а Ульянов». Это «нынче» имело еще тот смысл, что стихотворение было помечено датой рождения В. И. Ленина. Но дело, разумеется, не только в этой календарной его приуроченности.

В свое время, следуя пролеткультовским принципам, Безыменский в стихотворении «Товарищ Ленин» (1919) писал: «Он нам важен не как личность, он нам важен не как гений». Мысль о воплощающемся в Ленине коллективном, массовом начале, уже через образы вполне конкретные, хотя и гиперболизированные, выражалась и в цитированной выше поэме «Типография жизни», в стихотворении «Партбилет № 224332» (1924). Теперь поэт с такой же категоричностью утверждал неразрывность, неразделимость индивидуального и общезначимого в Ленине. Он хотел внести поправку в сказанное Маяковским: «Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново». Утверждал нерасторжимость в Ленине чувств и воли, разума вождя. «Он делал всё, что делал Ленин, Ильич — Ульянов — человек», — наставляет Безыменский. Однако поэтическая диалектика исторического и индивидуального в героическом образе Ленина была открыта именно Маяковским.

И все-таки важно, что именно эмоциональная струя выносится на поверхность. Эта тенденция дает себя знать уже в стихах, появившихся в первую годовщину смерти Ленина у самых разных поэтов. В «Снежинках» Демьяна Бедного пробивается певучая печаль, затрагивающая сокровенные душевные струны.

Слова Демьяна Бедного: «И падали, и падали снежинки на ленинский — от снега белый — гроб» — оказывались по тональности близки строкам поэта совсем другой стихотворной школы — Н. Асеева, который в цикле «Годовщина смерти вождя» приходит к мысли, что только стих способен сохранить живую память о Ленине, так, «чтоб не залядилась у Мавзолея его неостывший след»; только в лирической песне может вылиться тоска об ушедшем: «Спеть о нем тихо, спеть о нем просто, как ветер поет в лесу».

Стихия чувств вырывается на поверхность, все поглощая, у совсем молодого, только начавшего печататься поэта Н. Дементьева в стихотворении «Похоронный марш». Недаром оно строится как поэтическое воспроизведение музыкальных впечатлений, это как бы переложенная в стихи музыка.

И в лирической поэме В. Маяковского «Хорошо!» (1927) особая светлая тональность пронизывает строки о Ленине:

...Он бьется,
как бился
в сердцах
и висках,
живой
человечьей весной.

По мере расширения социалистических завоеваний поэзия, как и советское искусство в целом, все настоятельнее ставила вопрос о ценности и значимости человеческой личности, открывала новое революционное и поэтическое содержание не только в общезначимом действии, подвиге героя, но во всей системе его жизненных отношений, в каждом нравственном проявлении, в любой мелочи быта, повседневности. Широко обнаружила себя, вышла на поверхность эта проблематика в 1930-е годы. Однако новые всходы пробивались в поэзии значительно раньше. Обращение поэтов к ленинской теме заставляло их с особой чуткостью откликаться на глубинные веления времени.

Маяковский открывал в Ленине реальность революции, ее историческое и человеческое содержание. Теперь поэты искали революционные, а это значило прежде всего — ленинские черты, в обыкновенном рядовом герое. И это часто передавалось через отношение лирического героя к Ленину, восприятие им Ленина.

На юного героя стихотворения В. Сосюры «Падают снежинки, тает нежный холод...» (1926) впечатления, связанные со смертью Ленина, выливающиеся в образы зимней природы, величественной снежной тишины (недаром первая строка тут перекликается со «Снежинками» Демьяна Бедного), нахлынули посреди шумного города, веселой мальчишечьей повседневности, неволью и неожиданно. «Что это? Не сон ли?» — спрашивает он. Герой снова возвращается к реальности дня («Время ли скучать?»), продолжает свой путь в клуб, с гордостью отвечает на добрый и вопрошающий взгляд Ленина с портрета маленьким рапортом о своих успехах, о своей готовности следовать его заветам. Все это без риторики, просто и искренне. А в конце снова эмоциональный переход, уже к почти детскому ощущению тепла и ласки ленинской руки.

А. Жаров в стихотворении «Ленин на III съезде РКСМ» (1926) возвращается к реальным событиям, поэт вспоминает о том, как вместе с другими делегатами комсомольского съезда слушал Ленина.

Но и здесь эмоциональные волны накатывают на его рассказ: передаются впечатления, которые остались навсегда, перевернули всю жизнь человека.

Пути поэтического развития темы могли быть различны.

Стихотворения А. Жарова и многих других поэтов рождались как воспоминание — о встрече с Лениным или о чем-то прямо связанном с ним.

В. Гаприндашвили в 1932 году воспроизводит со всей конкретностью, называя имена людей, рисуя их состояние, атмосферу траурных дней в далеком от Москвы Тифлисе.

Картина похорон Ленина снова возникает в поэме С. Образовича «Костры» (1930).

В других случаях поэтические размышления вызваны возникшим перед поэтом образом Ленина. К портрету Ленина обращается В. Сосюра. То же в цикле Л. Квитко «Перед портретом Ленина» (1926). Б. Корнилов в стихотворении «Памятник Ленину» (1928) погружается в лирические раздумья у монумента Ленина на броневике. В 1930 году Маяковский пишет свое последнее стихотворение о Ленине «Разговор с товарищем Лениным». Обращаясь к фотографии Ленина над своим письменным столом, поэт поверяет ему заветные мысли, докладывает «не по службе, а по душе» о том, что делается на фронте социалистической стройки и на стихотворческом фронте. В. Казин на фотографии находит себя среди людей, снятых вместе с Лениным («Снимок», 1938).

М. Исаковский в стихотворении «Докладная записка» (1924) перелагает в стихи народный рассказ о том, как Ленин ответил на просьбу крестьянина о несправедливо отнятой корове, принял жалобу со всей серьезностью, потребовал разобраться в деле, сейчас же его разрешить. Неторопливое, подробное, воспроизводящее живые детали, полное юмора стихотворное повествование, выдержанное со всей точностью и достоверностью в стиле крестьянского сказа, передает психологический процесс рождения в крестьянском сознании убежденной веры в Ленина, в дело пролетарской революции. Отсюда идет традиция стихотворного жанра народного рассказа о Ленине, который непосредственно соприкасается с устными народными бывальщинами. По-своему этот жанр преломляется у Е. Чаренца в «Балладе о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог» (1924); находит высокое поэтическое решение в стихотворении А. Твардовского «Ленин и печник» (1938—1940).

Очень часто, особенно у поэтов братских народов, стихи строятся как рассказ бедняка, судьба которого должна была бы быть самой

беспросветной, но повернулась благодаря Ленину. «Ленин, Ленин! И родиться мне бы незачем, но ты вывел нищего марийца в жизнь — на свет — из темноты», — пишет Ийван Кырля в стихотворении «Ленин» (1929—1930). В жанре такого рассказа написано одно из стихотворений второй книги В. Луговского «Большевики пустыни и весны» (1932) — «Сын кулябского нищего». Герой стихотворения говорит о Ленине:

Я скромный работник Партии,
я — поле перед дождем.
Но если учение Ленина
человека перерождает, —
я,
сын кулябского нищего,
был перерожден.

Нередко поэты перелагали народные легенды о появлении Ленина в их родном краю. Можно назвать стихотворение «Ленин в хевсурской сакле» (1934) Г. Шатберашвили и многие другие подобные стихи.

Так складывалась в советской поэзии традиция, которая отражала и поддерживала живущее в сознании народа ощущение присутствия Ленина при всем великом и малом, что совершается в Стране Советов, его причастности к каждой человеческой судьбе. Традиция эта продолжается, живет и в лирике наших дней.

Вместе с тем наряду с поэзией, которая долгое время сохраняла за собой первенство в воплощении ленинской темы, играла в создании художественного образа Ленина решающую роль, в конце 1930-х годов к этой теме, к этому образу все чаще обращается драматургия, а затем сценическое искусство и кино. На сцене и экране происходили напряженные искания, здесь открывались теперь новые стороны образа Ленина.

Драматургия во многом опиралась на опыт поэзии. Инсценировка поэмы «Сами» была одним из первых приобщений театра к ленинской теме. В 1924 году в Харькове инсценировка этого произведения Н. Тихонова была напечатана. Известно, что К. С. Станиславский вспоминал о «Сами» во время работы над «Бронепоездом 14-69», когда репетировалась сцена с пленным американцем, для которого имя Ленина оказывается первым понятным словом в разговоре с партизанами, старающимися его «упропагандировать». Часто проводят параллель между эпизодом в Смольном из поэмы Маяковского и

встречей солдата Шадрина с Лениным в день штурма Зимнего в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». ¹

Но дело, разумеется, не в примерах такого прямого взаимодействия поэзии и театра. Кстати, не только театра, но и других искусств, например живописи. ² Однако важно, что именно поэты создали традицию художественного воплощения образа Ленина, приучили сознание читателей к его восприятию, в стихах уже были заложены представления о живом облике Ленина, запечатлены его черты, его жесты, воспроизведены интонации речи. Без поэтической подготовки невозможны были бы достижения театра и кино.

Театры сравнительно поздно рискнули вывести на подмостки актера в роли Ленина. Первые спектакли, особенно первые художественные фильмы с Лениным, при всем их несовершенстве, показали силу воздействия пластического, актерски воплощенного образа Ленина. При всех сложностях задачи (известно, что еще в 1937 году Н. К. Крупская возражала против легковесных пьес о Ленине, считала, что «за 13 лет люди не забыли еще Ильича и многое неизбежно будет звучать фальшью» ³), изображение Ленина, живого, говорящего, мыслящего в своем сценическом существовании, отвечало потребности времени, ожиданиям читателей и зрителей, открывало новую эпоху в истории художественного освоения ленинской темы.

Это не значило, что поэзия совсем не могла приблизиться к той пластической и психологической конкретности, достоверности, которая была доступна, составляла преимущество театра и кино. Стихотворение, вернее, поэтическая новелла А. Твардовского «Ленин и печник» показывает, что литература и здесь не отступала перед требованиями, выдвигаемыми временем.

Источником для Твардовского послужил рассказ, записанный в 1937 году собирателями фольклора в одной из деревень недалеко от Горок и опубликованный тогда же в сборнике «Творчество народов СССР». Поэт воспользовался только фактической канвой этого сохранившегося в устной передаче, по-видимому вполне достоверного, воспоминания о двух встречах местного крестьянина с Лениным.

¹ См.: Н. Зайцев, Правда и поэзия ленинского образа, Л., «Искусство», 1967, стр. 75—76.

² См.: Л. М. Перелыгин, Лениниана советской литературы (от истоков до конца двадцатых годов). — В сб.: «Советская литература 20-х годов. Материалы межвузовской научной конференции», Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1966, стр. 90.

³ Отзыв Н. К. Крупской на художественные произведения о Ленине. — «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 75.

Твардовский касается только второй встречи, когда крестьянин, не сразу узнав Ленина, выговаривает ему за помятую траву. Это дает возможность поэту подробно разработать диалог, в котором печник к своему конфузу узнает, что перед ним Ленин, развитие следующий за этим психологический поворот, когда печник думает, что приехавшие за ним из совхоза военные намерены его арестовать, хотя на самом деле его зовут починить печку в доме Ленина. Сюжетные обострения дают возможность поэту строить стихотворение на драматических диалогах, вне описаний. Тут нет ни одной внешней характеристики. Только реплики действующих лиц, выражающие психологические состояния и живые жесты. Именно поэтому возникает такая человеческая конкретность образа Ленина, какой поэзия не знала до сих пор. Поэтическая формула Есенина — «застенчивый, простой и милый» — раскрывается в этом стихотворении как психологическая реальность, жизненная непосредственность.

11

22 июня 1941 года, первым днем войны, пометила О. Берггольц стихотворение, начинавшееся словами: «И вновь Литейный — зона фронтовая». Город, поднятый войной, в сознании поэтессы сливается с образом революционного Петрограда, идущего к Финляндскому вокзалу встречать Ленина 3 апреля 1917 года. Эти далекие даты перекликаются, сходятся в поэтических строках. Их объединяет чувство суровой готовности народа к решительной схватке с врагом. И вновь Ленин указывает путь. Колонны идут «туда, где Ленин, руку простирая, на грозный подвиг призывает их».

Так в одном из самых первых стихотворений войны с образом Ленина соединяются представления о социалистической революции, идеи и завоевания которой предстояло защитить в смертельной схватке с фашизмом. Этот поворот ленинской темы становится генеральным для поэзии тех лет.

Прямо перекликается с О. Берггольц поэт И. Мосашвили, которому из далекой от Ленинграда Грузии видится Ленин в израненном, сжатом блокадой городе. В строках его стихотворения «Ленин на броневике» (1941) вождь обходит площадь, заполненную отправляющимися на фронт бойцами, обращает призывные слова к городу-герою; броневик, служащий ему трибуной, идет в бой.

В. Инбер видит знакомое движение руки Ленина на броневике сквозь деревянные щиты укрытий. Ее стихотворение «Ленин» (1943), полное веры, что недалек день, когда Ленин будет приветствовать

с броневика бойцов, возвращающихся с победой, как бы замыкает образный ход, начатый О. Берггольц.

Именно в стихах военных лет возникало с особой естественностью чувство присутствия Ленина в повседневности фронтовой страды. Только в прямой причастности к бою с фашизмом могло рождаться это ощущение непосредственной близости к Ленину.

В «Стихах о шалаше» (1942) М. Дудина рядом с суровым и мужественным солдатом, идущим через нечеловеческие испытания войны, возникает живой, реальный Ленин. Он тихо выходит из стоящего теперь у самой линии фронта шалаша, «обходит расчеты и, проверяя посты, подбадривает бойцов, наставленья дает командирам»; поэт видит его стоящим у шалаша, провожающим глазами идущих в бой.

В поэзию приходило поколение, для которого настоящей школой стиха стал фронт, которое находило свои поэтические эпитеты под огнем. Их герой был прочнее брони, выносливее металла, и все же оставался живым, человеческим. Поэтому-то подвиг этого героя был освящен именем Ленина.

Восприятие Ленина, возникшее у Дудина в самую трудную пору войны, отозвалось во многих стихах его ровесников, его товарищей по бою и по стиху. В «Балладе о знамени» (1945) С. Гудзенко образ народа на войне складывается из тех возникающих в памяти поэта впечатлений, когда он вдруг угадывал, прозревал ленинские черты и приметы в проходящих мимо него во фронтовой страде людях. И Ленин на знамени, которое бойцы свято хранят и развертывают только тогда, когда переходят в наступление, идет вместе с ними: «Ленин шел вместе с нами, слушал бойцов в пути. Мы развернули знамя, чтобы вперед идти».

Уже после войны С. Орлов пишет стихи, в которых снова возникает образ Ленина, ведущего солдат в бой:

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаку лично вел меня. . .

Ситуации, связанные с войной, продолжают жить в стихах о Ленине очень долго и после победы. Часто в балладах, сюжетных стихотворениях. В «Балладе о портрете» Н. Рыленкова профиль Ленина, вырезанный на бересте рукой безымянного солдата накануне боя, теперь занимает место в музее «меж мрамором и бронзой». В «Балладе о памятнике» С. Маршака партизаны возвращают памятник Ленину, увезенный немцами, и жители города

воспринимают это как знак непобедимости советского строя. По своему разработал этот сюжет С. Щипачев. Л. Забашта в стихотворении «Ленин в Эйслебене» повествует о подвиге немецких рабочих, сохранивших памятник Ленину и поставивших его в городе накануне прихода Советской Армии. Стихотворение А. Прокофьева «Разлив» (1953), где сама природа оберегает Ленина («Стена берез, поднявшаяся круто, закрыла тропы, что вели сюда»), возникло из того восприятия родины, которое сложилось в его военных стихах, в поэме «Россия».

И вместе с тем уже накануне победы были написаны стихи о Ленине, в которых нет прямого обращения к событиям и обстоятельствам войны. Поэма С. Щипачева «Домик в Шушенском» (1944) переносит читателя в далекие времена сибирской ссылки Ленина. И все же в свободе, с какой поэт стремительно переносится мыслью из прошлого в настоящее, как делает он историю реальностью, непосредственностью человеческих судеб, — в этом несомненно дают себя знать открытия, сделанные поэзией, обращавшейся к Ленину через огненную завесу войны.

Война внесла в поэзию особую остроту и конкретность исторического мышления, определившие на многие годы движение лирики, хотя тематическая направленность раздумий поэтов менялась.

Стихотворение А. Твардовского «Памяти Ленина» (1948—1949) полно отзвуками недавней войны. Только впечатления беспримерного подвига народа могли вызвать размышления подобного исторического размаха и вместе с тем живой непосредственной реальности. Поэт вспоминает о прошлом, о том, как переживала его родная деревня смерть Ленина. Запечатленные стихом подробности навсегда врезавшегося в память общего схода в сельской школе, убранной зеленой хвоей, переходят в раздумья о высокой и трудной судьбе народа; от прямых слов о современности поэт снова возвращается к далекому детству. Лирическая мысль стремится объять целую эпоху, не теряя при этом из виду индивидуальной человеческой судьбы. Во всеобщей печали последнего прощания с Лениным, печали, объединившей столицу и затерянную в снегах смоленскую деревню, куда весть пришла по санному снегу («Мы даже гудков не слышали, лишь ветер по трубам гудел»), — открывается поэту сила и решимость народа пройти великие испытания на неотступно избранном им ленинском пути: «Не в горе ль своем молчаливом, поникнув тогда головой, уже он был полон порывом на подвиг несслыханный свой?»

Подобная сложность движения лирической мысли, совмещающей дальние времена, сдвигающей крайности общего и индивидуального, отличала не только стихотворную композицию А. Твардовского. Подобным образом развивалась поэтическая тема и в поэме С. Щипачева «Домик в Шушенском».

Однако у Твардовского героическая тема получает и трагическую трактовку.

Великая потеря заставила народ сплотиться, но она невосполнима. «Горе народа бессрочно». «Утрата осталась утратой, и нету ей давности лет».

Поэт в самой общей лирической формуле деяний народа, вступившего на новый путь, соединял судьбу масс и судьбу человека, открывал связь между Лениным и деревенским мальчишкой, ощутившим в день смерти вождя свою причастность к его великим свершениям. Произведение обретало эпический размах, превращалось в небольшую поэму, где прошлое прямо соотносилось с настоящим, с перспективой будущего для народа, идущего без Ленина по указанной Лениным дороге.

Поэзия, прошедшая страшные военные потрясения, тяготела к эпическим обобщениям. Достигнуть подлинного историзма художественного мышления ей удавалось в той степени, в какой сохраняла она реальное ощущение связи народной и индивидуальной судьбы в движении революции. И тут образ Ленина помогал найти верную ориентировку в лирическом восприятии современности.

Тот же, что и у Твардовского, узел лирических переживаний в стихотворении Л. Мартынова «Ноябрь сорок восьмого года...» (1948). Тут нет прямого хода в прошлое, но есть внутренний историзм концентрированного образного восприятия этого точно датированного ноября, в непогоде которого Москва, с ее новизной зданий и стариной храмов, усадеб, представляется поэту движущейся в грядущее причудливой флотилией: «И небо в тяжелейших тучах. И на семи своих холмах, как на семи волнах зыбучих, несется город, весь в дымах». Контрасты этого послевоенного ноября, одетого в торжественный пурпур и вернувшего к моде «унылый вальс» «Осенний сон», повторяются в интонации стиха, с какой-то современной непринужденностью, с кажущейся легкостью говорящего о самом серьезном, важном, трудном. И это обнажено в неожиданности перехода от образа осенней Москвы к Ленину:

.. Плывут старинные усадьбы
С их мрамором и кирпичом. . .

... Вот с Лениным потолковать бы
В такое время кой о чем.
О новостях в литературе,
Да и об атомном котле,
И отчего такие бури
Не утихают на земле.

Однако чаще в стихах о Ленине тех лет поэтическая мысль движется так, как у Твардовского, через сближение времен, соединение прошлого и настоящего. Поиски начала начал, того, что неразрывно связало поэта с революцией, с судьбой народа, идущего через великие победы и испытания, приводят его к Ленину.

Так, в стихотворении А. Яшина «Тихий деревенский городок...» (1949) память возвращается к впечатлениям детства, обозначившим, как теперь он понимает, переворот в его сознании. Так же как у Твардовского, смерть Ленина предстает во всеобщности человеческого горя, захватившего и будущего поэта, и его сверстников: «Память всё хранит до мелочей. Мы, сироты, снова осиротели. Даже сон бежал от тех ночей. Как мы повзрослели в те недели!» И в сегодняшних громовых салютах над Москвой ему слышатся отзвуки доходящих через годы, кажущиеся поэту веками, глухих выстрелов «посреди лесного городка», раздавшихся в последние минуты прощания страны с Лениным.

В стихотворении украинского поэта А. Пидсухи «Ленин» (1949) далекие впечатления детства, образ деревни, оплакивающей Ленина («В жизни мало еще я тогда понимал, но, как взрослый, почувствовал горе»), возникают в сознании солдата, который проходит по дорогам Европы и вспоминает о Ленине при виде еще изрезанных межами крестьянских полей.

Та же логика развития лирической темы в стихотворении Г. Абашидзе «Ленин в Самгори» (1950). И тут — «светится в памяти первая встреча на побережье далекой поры». Представления о Ленине соединяются в сознании поэта с увиденной им некогда фигурой вождя в озарении электрических вспышек над плотиной Куры: «В сердце моем навсегда в ту минуту Ленин и свет воедино слились». Снова и снова перед поэтом возникает этот образ величественной природы Кавказа, преображенной человеком, навсегда соединенный в его сознании с именем Ленина.

Обращение к образу Ленина создавало ту глубину взаимопроникновения историзма и лирической конкретности переживания, какою отмечены лучшие стихи о вожде, написанные в первые послевоенные годы. Возникло это поэтическое восприятие на основе духовного подъема, порожденного патриотическим подвигом народа-победителя. Но переходило оно и на новые, уже не связанные прямо с геронческим опытом войны темы. Слияние в лирическом восприятии острого ощущения современности и столь же живого чувства исторической перспективы позволяло открыть в Ленине черты особенно важные и близкие для сегодняшнего дня. Особое значение поэтический образ Ленина приобретал в середине 1950-х годов, когда укрепление ленинских норм, ленинских принципов происходило во всех областях жизни советского общества. Не случайно в этот период идея единства Ленина и народа выдвигалась в искусстве на первый план. И поэзия снова с особой чуткостью первой откликалась на эти веления времени.

Знаменательным было появление в 1954 году стихотворения Н. Заболоцкого «Ходоки». Глубинная и органическая связь Ленина с народом получает у поэта конкретное и многообразное выражение. Глубокая, насыщенная живопись стиха выделяет фигуры крестьянских ходоков и Ленина, объединяет их в слитную группу, полную мудрого спокойствия на подвижном и беспокойном фоне времени.

Различные подходы к теме, эпическое и лирическое ее восприятие в одинаковой мере приводили поэтов к утверждению органической народности Ленина, вождя Коммунистической партии.

Так же, как у Заболоцкого, связь Ленина с массами получала пластическое выражение в образах пришедших к вождю народных посланцев в стихотворении Р. Гамзатова «Горцы у Ленина» (1957). Ситуация эта повторяется у удмуртского поэта А. Клабукова («У Ленина», 1962), абхазца Б. Шинкуба («У Ленина», 1962), у поэтов многих народов Советского Союза. В каждом случае «ходоки» и делегаты приходят к Ленину с заветными надеждами своего народа, говорят с ним на своем родном языке. Но он оказывается понятен Ленину, а их думы ему близки. Часто облик Ленина совсем не совпадает с представлениями народных посланцев о великом герое — у Р. Гамзатова горцы приносят ему шапку, сшитую на богатыря бурку, трубку, узорный кисет. Но уходят они от него покоренные простотой и человеческим обаянием вождя, уходят твердо уверенные в правде избранного пути к счастью родного народа.

Идеи эти получали в стихах самые различные поэтические трактовки. Татарский поэт С. Хаким перелагает в стихи народную легенду о конях, присланных Лениным в ответ на просьбу крестьян («Письмо Ленину от крестьян деревни Кокушкино»).

Б. Лихарев ощущает безмерность народной любви к Ленину, рассматривая простенькое зеркальце, хранящееся в квартире Ленина в Смольном: оно было подарено красноармейцем, отправляющимся на фронт («Подарок бойца», 1956). Ему открывается особая близость Ленина к трудящимся, когда он смотрит на фотографию, где Ленин среди демонстрантов на Красной площади: «В тот день Ильич сошел с трибуны, вступил как старший в общий ряд» («Старая фотография», 1956).

Единство эпоса и лирики выступает в книге В. Луговского «Середина века», над которой поэт работал в 1943—1956 годах. Она представляет собой цикл из двадцати пяти поэм, результат высокой силы вдохновения, огромного писательского труда. В памяти поэта возникают далекие и близкие картины его жизни, начиная с ранних, детских, с рассказа о встрече первого года нового, двадцатого века. Судьба бросает героя в разные края, дарит ему разные человеческие встречи. Поразительна живая реальность воспроизведения людей, с которыми поэт встречался то в прифронтовом городе времен гражданской войны, то на стройке, то за рубежом, в фашистском Берлине 1936 года, в Париже. Мы видим их лица, их жесты, слышим их голоса. Лирическая волна выносит поэта от автобиографической реальности ситуации на гребень исторических раздумий о свершениях сурового и великого столетия. Стих передает поступь века. И ленинский образ неизменно возникает в движении времени и стиха.

Это имя впервые услышал в разговорах взрослых мальчик: «Опять аресты? — Да, опять аресты! — А где Ульянов? — Кажется, ушел. Через Финляндию в Стокгольм» («Сказка о дедовской шубе»).

Ленина вспоминают встречающие первый Новый год революции в залах губернского музея люди; среди них спорящие об Одиссее знакомый автору комиссар и неизвестный матрос: «А настоящий вождь погибнет сам, но выведет людей и выдаст счастье. А лучше бы ему не погибать и выдержать смертельные тревоги, как Ленин вынес выстрелы Каплан» («Новогодняя ночь»).

Ленин неизменно возникает в каждом эпизоде книги «Середина века».

В поэме «Москва» нарисована зримая в каждой своей детали картина последнего приезда уже больного Ленина в Москву. Толпа

сбравшихся у подъезда служащих Совнаркома. Нервночающий шофер. Выходящий из дома Ленин. Его приветственный жест, его взгляд, смотрящий «в такую даль, что и сказать нельзя». Но и здесь поэт смыкает этот мастерски набросанный волнующий рисунок потоком лирических раздумий. Ленин прощается с Москвой, приезжает в нее последний раз. Но он снова в нее возвращается. Поэт продолжает описывать Москву — Москву двадцатых годов, по которой, стуча палкой, проходит Маяковский, Москву современную, в лесах строек и потоках машин. И Ленин остается в ней навсегда. Все воспринимается как продолжающееся бытие Ленина в сердцах людей, в делах и мыслях народа, как его бессмертие.

Та же свобода движения лирического сознания в «Горской поэме о Ленине» К. Кулиева, над которой поэт начал работать в 1956 году. В ней сказалась давняя и богатая традиция обращения к Ленину в творчестве поэтов Кавказа. Недаром в статье об истории создания поэмы автор вспоминает своих предшественников, балкарских поэтов К. Мечиева и С. Шахмурзы, писавших о Ленине в жанре горской песни о герое, о его подвиге и смерти. У К. Кулиева национальное, горское восприятие Ленина, через которого соединяется судьба лирического героя и судьба его народа, поднимается до самого высокого уровня современного поэтического мышления с его историзмом лирического преобразования действительности.

Ленин появляется в «сценах народной драмы» «Большой Кирилл» (1957) И. Сельвинского. Только стихотворный диалог мог создать такое реальное ощущение живой, полной неожиданностей, юмора, обаяния ленинской мысли, ее движения. Но и в драматическом роде поэт не мог обойтись без лирического преобразования, лирической интерпретации образа вождя.

В поэме А. Вознесенского «Лонжюмо» (1962—1963) всякая дистанция времен, всякие исторические грани снимаются силой поэтического воображения, энергией все преобразующего стиха. Это, в сущности, цикл отдельных стихотворений о Ленине, но он складывается в поэму благодаря единству, целеустремленности поэтической мысли. Исходная точка — Лонжюмо, местечко близ Парижа, где когда-то была русская партийная школа, в которой вел занятия Ленин. Отсюда поэтическая мысль движется в самых разных направлениях: по ступенькам переплетающихся ассоциаций, возникающих из того, что «в Лонжюмо теперь лесопильня»; в размышлениях о подлинной сути патриотизма Ленина, жившего тогда вне родины: «Врут, что Ленин был эмигрантом». Поэт следит за полетом биты играющего в городки Ленина и видит, как, пролетая через времена, рушит она старый мир.

Через окно комнаты на улице Мари-Роз поэту видится Ленин в парижской толпе. И через это же стекло он начинает смотреть глазами Лени́на, прозревающего будущее, видящего не Париж, а Замоскворечье, «всё в скворечниках и маевках», не «биржи пожар валютный», а зарево революции, фронты, бои: «Проступало ему Революции окровавленное лицо». Это Ленин видит, как «чиркнет фуражкой студенческой мой отец на кронштадтском льду». Поэту представляется один из учеников школы в Лонжюмо Серго Орджоникидзе — «спит, уткнувшись щекой в конспекты, спит, живой еще, невоспетый...». И в движении стиха этот сон через целую жизнь превращается в другой: «Спит Серго, коммунист кремневый, под широкой стеной Кремлевской». И совсем иная линия связей возникает в шестой главе — «И за то, что он был поэт, как когда-то в Пушкина — в Ленина бил отравленный пистолет!»

Поэты отмечали народное начало в характере Ленина, в нравственном восприятии им жизни, стиле поведения, в каждой человеческой черте.

Он делил с народом хлеб и воду.
И хвалился только тем, что есть, —

пишет А. Яшин в стихотворении «С годами...» (1956).

О том же думает П. Брѳва, смотря на известное изображение Ленина, читающего «Правду». Повторение в конце каждой строфы вошедших и в заглавие стихотворения слов — «„Правду“ читает Ленин» — создает ощущение спокойной уверенности, устойчивости, непреходящести истины революции в движении и смене времен.

Правда сильнее угроз и неправд.
В ней — и дерзанье и вдохновенье.
За космонавтом летит космонавт —
«Правду» читает Ленин.

Вновь и вновь открывалась в Ленине неразрывность живых человеческих чувств и поступков исторического деятеля, у него эти две стороны не могли разойтись, вступить в борьбу друг с другом даже в самых сложных обстоятельствах.

Калмыцкий поэт Д. Кугультинов так заканчивает лирические размышления о Ленине в стихотворении «Он думал, что работал в меру сил...» (1966):

Не в том ли смысл высокого пути,
Чтоб быть в любом поступке человеком,
Но всех других трудами пре~~зойти~~йти,

Но разумом возвыситься над веком
И постигать, в чем связь веков живая,
Быть человеком не переставая? . .

В Ленине открывали поэты неисчерпаемые глубины человеческого содержания. Посвящая одно стихотворение из цикла «Ода революции» (1968) В. И. Ленину, С. Орлов утверждает ленинскую индивидуальность, своеобычность как высшее выражение революции:

Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был.

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Драматически напряженное восприятие образа Ленина — в цикле Ю. Марцинкявичюса «Сегодняшний Ленин» (1968). Поэт стремится преодолеть канонические представления о вожде. Его Ленин входит в современность, продолжая борьбу, не приемля ложь и парадность. Он видит Ленина работающим, слышит речь Ленина, переживает его смерть, размышляет о человеческой судьбе Ленина. Поэт в каждом случае внутренне полемичен, он не приемлет бесстрастных устоявшихся формул.

Такое сближение Ленина с сегодняшним днем, органическое включение Ленина в сознание, духовную жизнь современника, пожалуй, доступно в первую очередь именно стиху.

В современной поэзии Ленин входит в самую диалектику раздумий о сложности, противоречивости исторического процесса; это позволяет воспринимать сегодняшний день в масштабах больших и далеких исторических перспектив.

Начало литературной Ленинианы было в свое время положено поэтами. За прошедшие с тех пор пятьдесят лет ленинская тема стала для советских писателей одной из основных, она во многом определяет ход художественного постижения современности. Вслед за поэтами к образу Ленина обратились драматурги и прозаики, используя все преимущества своих художественных средств в психологической и драматической разработке великого характера. Много сделано в раскрытии образа Ленина публицистикой, документальными жанрами. Однако и поэзия не отходит тут на второй план, не уступает другим литературным жанрам в уровне историзма художе-

ственного мышления, в активности исследовательского пафоса. Она по-прежнему остается самым оперативным, самым чувствительным искателем ленинских черт и примет в современности, первая обнаруживает каждую новую вспышку, каждый новый разряд революционной энергии в сегодняшнем нашем бытии.

Потоки, вливающиеся в поэтическую Лениниану, не иссякают. Снова и снова прикасаются к этой вечно живой и плодотворной теме поэты всех народов Советского Союза. К Ленину обращаются в напряженных раздумиях, трудных сомнениях. О нем вспоминают в радости побед, в минуты высокого вдохновения. Каждый новый этап в движении революции вызывает потребность увидеть все ленинскими глазами, проверить себя ленинским взглядом. И тут невозможно обойтись без стихов.

С. Владимиров

1917—1923

Ялмари Виртанен

(Перевод с финского)

1. ПРИЕЗД ЛЕНИНА

Сгустившийся вечер, и блеск фонарей,
И шепот людей на перронах;
Желанную встречу готовит народ, —
Идет и идет под знамена.

И вот началось — лишь проплыл паровоз,
Ведя пассажирский к вокзалу,
С раскатистым шумом помчалось «ура-аа!»
Подобно девятому валу...

Вернулся в Россию изгнанник родной
С душою, что пламенем светит.
Он чувства и думы народа поймет
И сердцу народа ответит.

«Товарищи! Всем боевой мой привет!»
И снова слова его льются:
«Солдаты, матросы, рабочий народ,
Приветствую вас с революцией!»

Народ отвечает, и песни звенят —
И в песнях сияет свобода. . .
И сердце полно возвращеньем вождя —
Любимого сына народа.

«Товарищи! Слышится радостный клич
В тех песнях, что вами поются:
Под знаменем красным шагайте вперед!
Да здравствует революция!»

И силой вождя пламенели слова,
И в мысли и в сердце влетали. . .
И верили все, что в грядущей борьбе
Победу возьмет пролетарий.

*Апрель 1917
Белоостров*

Тициан Табидзе

(Перевод с грузинского)

2. ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предreshен.
Ночь запомнит только имя *Ленин*
И забудет прочее, как сон.

Черная бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

*В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси*

Леонтий Котомка (Зеленский)

8. БОРЦУ

**НЕПРИМИРИМОМУ БОРЦУ ЗА ПРОЛЕТАРСКИЕ ИДЕАЛЫ
ТОВАРИЩУ Н. ЛЕНИНУ**

Твои светлые речи звучали во тьме,
Мою юность украсили сказкой.
В этой жизни — мещанской тюрьме —
Твои речи как солнышка ласки.

Твои речи — призывный набат
Богатырской руки и порыва!
В них могучего гнева раскат,
Рокот масс в светлой мощи святого прилива.

(11 ноября) 1917

Солдат Б. Ганцев

4. ПРИВЕТ НАРОДНОМУ ВОЖДЮ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГРАЖДАНИНУ УЛЬЯНОВУ (ЛЕНИНУ)

Привет тебе, душа народа,
Свободный, светлый гражданин!
Привет тебе, краса свободы,
Непобедимый исполин!
Привет тебе, наш вождь народный,
Защитник права и идей,
Кристалльно чистый, благородный,
Гроза богатых и царей!
Семья трудящихся, голодных
В твоих рядах — в борьбе твой щит;
Их легион, сынов свободных,
На страже, — верит, — победит!

(18 ноября) 1917

Иона Брижничев

5. В. И. ЛЕНИНУ

Великий вождь железной Рати,
Всех угнетенных друг и брат,
Спаявший в пламени распятий
Крестьян, рабочих и солдат.
Непобедимый вестник мира,
Венчанный терном клеветы,
Пророк, вонзивший меч в вампира,
Свершитель огненной мечты.
Твоею мощью жизнь богата,
Ты — нищего зовешь на брак.
Средь пен и скал Пролетариата
Неугасаемый маяк.

(1918)

Демьян Бедный

6. ВОЖДЮ

**ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ
В ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ ПОСВЯЩАЮ**

Как этот день мне мил и дорог!
Ряд долгих лет прошел с тех пор. . .
Теперь — повержен злой наш враг,
Тогда — мы с ним вступали в спор.

Тогда — нас было так немного,
Но знали мы, на что идем. . .
Был каждый шаг проверен строго
Тобой, испытанным вождем.

Рождалась «Правда» наша в муках,
Окружена стеной врагов, —
Но пролетарий в первых звуках
Услышал звон своих шагов.

Ты был за дальнею границей,
Но духом с нами был всегда, —

Росла, страница за страницей,
Святая Библия труда. . .

Нам каждый день грозила кара
И беспощадный вражий суд,
Напор открытого удара
И козни тайные нуд.

Из ликвидаторского стана
Какой бесстыжий несся вой!
Работой Мартова и Дана
Был восхищен городской.

Для заклинателей «стихии»,
Для дряблoduшных торгашей
Мы были аспиды и змии,
Гроза мещанских шалашей.

Теснил нас лютый враг жестоко,
Редел отряд наш боевой,
И в злую пору одиноко
Звучал далекий голос твой.

Но перенесши все невзгоды
И взявши с бою каждый шаг,
Мы на крутых путях свободы
Вновь утвердили алый стяг.

Незыблем он на новой грани!
И наша вера велика:
Не осквернит священной ткани
Ни чья враждебная рука!

(4 мая) 1918

Александр Вермишев

7

Звонок. . .
Снимаю трубку. . .
Говорят. . .
Откуда?
В голосе волнение. . .

Всего лишь три часа назад
Предательской рукой
В предплечье ранен Ленин. . .
Кто подлость совершил?!
Чья гнусная рука
Посмела посягнуть
На жизнь вождя?!
Сгораю жаждой мщенья я,
Негодование давит грудь,
И кисть дрожащая
Сжимается в кулак.
Держись, коварный враг!
Довольно!
Хватит мямлить и сюсюкать,
Себя надеждами баюкать.
Врага нельзя прощать!
За око — око,
Зуб — за зуб. . .
Пусть метод груб,
Но мы должны понять:
Прощенный враг
Нам никогда не будет другом.

*30 августа 1918
Петроград*

Иван Кузнецов

8. У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО ПОСВЯЩАЮ ВЕЛИКОМУ УЧИТЕЛЮ МИРОВОГО СОЦИАЛИЗМА В. И. ЛЕНИНУ

Каждый час, каждый миг я мечтою лечу,
Обнимая твое изголовье,
Каждый час, каждый миг я узнать всё хочу
О твоём, наш учитель, здоровье.

Только алая зорька, предвестница дня,
Заиграет лучами рассвета,
В сердце мщенье тая, с грудью, полной огня,
Я хватаюсь скорей за газету. . .

Пробегаю с волнением строку за строкой,
Грудь вздымается, бьется неровно. . .
Но убийца курок своей черной рукой
Не могла опустить хладнокровно.

Знать, не смела смотреть светлой воле в глаза —
О убийца! . . — предательским взором!
Так восстань же народной стихии гроза
И ответь небывалым террором!!!

(5 сентября) 1918

Аким Страдающий

9. В. ЛЕНИНУ

Ты к нам пришел, чтоб облегчить
Наши тяжкие мученья,
Ты к нам пришел, как вождь, разбить
Врагов рабочего движенья.
Ты смело шел, без колебаний
Туда, где ждал рабочий класс. . .
Нам не забыть твоих страданий,
Что перенес ты, вождь, за нас.
Ты жертвой стал. . . Нам не забыть,
Кто указал нам жизнь иную.
На страх врагам ты должен жить,
Назло проклятому буржую.

(11 сентября) 1918

Ф. К—в

10. МИРОВОМУ ВОЖДЮ ПРОЛЕТАРИАТА В. И. ЛЕНИНУ

О нет, ты не умрешь! . .
Ты будешь жить, наш светлый гений!
Страну ты к радости ведешь,
Избавив бедных от гонений. . .

Твое и Маркса имена
Все, все твердят с благоговеньем,
Те, чей удел была тюрьма,
Чье сердце билось от волнения.

Мы долго трепетно молчали. . .
Устали мы свободы ждать. . .
Но ты пришел — и дни настали
Огню свободы заблестать!

Мы были в стане обойденных,
В тюрьме, в Сибири, в рудниках,
Или в деревнях разоренных
Судьбу пришлось нам проклинать. . .

То страшно вспомнить. . . Появился
Ты, наш родной отец, Ильич, —
Народ восстал, он пробудился
И поддержал твой мощный клич. . .

И по рабочим всем кварталам
Пронесся молнией призыв
К борьбе с царями, капиталом. . .
Ты, бедный люд, не раб, проснись!

И люд проснулся. . . Ты — спаситель,
Ты — мировой наш исцелитель,
И станет всякий говорить:
— Ты, Ленин, должен долго жить!

О нет, Ильич, ты не умрешь,
Ты будешь жить, наш светлый гений,
Страну ты к радости ведешь,
Избавив слабых от гонений!

(12 сентября) 1918

Нелюдим (Алексей Соловьев)

11

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Плыл могучий орел в голубой вышине
И смотрел в необъятные дали.
А внизу, притаясь, копошась в стороне,
Злые гады орла поджидали.

Их и жег, и бесил смелый, огненный взгляд,
В дикой злобе те гады шипели
И пускали в него свой испытанный яд,
Но их яд не достиг своей цели.

И придумали так: прокрадемся в друзья,
Мы друзьями орлу назовемся.
Полетит ли он вновь, коль ужалит змея? ..
Мы тогда над орлом посмеемся.

Был доверчив орел: он в беседу вступил,
Опустившись на землю, с змеею.
Миг... и жало впилось... яд крыло поразил...
Но орел наш парит над землею.

Он поднялся опять в поднебесную высь,
А предателям будет расплата.
Беспощадно отмстить за отца поклялись
Копошащимся гадам орлята.

(15 сентября) 1918

Коммунист Г. Гулов

12. ДОРОГОМУ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

За что ты, товарищ, страдаешь?
И в нас всех смертельный испуг...
За то, что ты бедных спасаешь,
За то, что ты бедных всех друг.

Народ богачи, тунеядцы
Не в силах ничем подкупить.
Его они страшно боятся,
Так надо вождей всех убить!

Но вам, богачи, неудача:
Не сломлен могучий титан;
Уж, видно, была незадача,
Чтоб пал он от вражеских ран!

Пусть помнят, что кровь дорогая
Пролита не даром теперь:
За кровь ту пусть черная стая
Своих не дочтется потерь!

За кровь дорогую мы смело
К ответу буржуев зовем,
И примемся все мы за дело,
И все на врага мы пойдем!

(17 сентября) 1918

Иван Логинов

13. ИЛЬИЧ СПАСЕН!

Тов. Ленин приступил к работе.

(Последние вести)

По городам Коммуны Трудовой
Лети наш клич
Победно-боевой:
— Ильич спасен!
Да здравствует Ильич!

18 сентября 1918

Федор Чумбаров-Лучинский

14. ЧАСЫ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Часы недвижные на стенке закоптелой
Висели, тихие, в былые времена.
И много алчущих людей толпой несмелой
Прошло у пыльного с решеткою окна.

Но вот за далью грозной непогоды
Один явился новый человек —
Тогда запели кованые воды
В изгибах наших и не наших рек...

Он встал на красные живые пьедесталы
И разобрал пружины и винты,
И маятник, в безмолвии усталый,
Запел вещательно с далекой высоты.

Часы гудят, запели серенады...
«Они живут!» — сказали люди века,
И все обычные, невидные преграды
Исчезли перед солнцем человека.

(4 декабря) 1918

Красная звездочка

15. ЛЕНИНУ

(В МИНУТЫ ДОСУГА НА ФРОНТЕ)

Наша слава, гордость века,
Капитала грозный бич,
Светлый образ человека —
Мировой наш вождь Ильич.

Ты сказал нам: «Всему миру —
Власть трудящейся руки».
За тобой пошел рабочий
И крестьяне-бедняки.

Всех трудящихся опора,
Дармоедов грозный бич.
Так живи же многи лета,
Наша гордость — наш Ильич.

(21 февраля) 1919

Александр Ярославский

16. ЛЕНИНУ

Как Солнце, вечно неизменен,
Взнуздав бессильную судьбу,
Ты, как Геракл, Бессмертный Ленин,
Ведешь неравную борьбу.

Из крови, гнета и таланта
Тобю создан ореол;
И силу древнего Атланта
Ты дерзкой мощью превзошел!

Победа! славная победа! —
И страх во взорах короля.
Добыта точка Архимеда —
И сразу двинулась земля.

Пускай один безмерно слабый,
И нищ, и жалок, и убог.
Клади рычаг на сердце рабье —
И мир повергнется у ног!

Нас в этом мире миллиарды!
И нам не нов кровавый тост!
И мы пройдем земные ярды,
Когда нас манят лики звезд!

Пусть Алый Взрыв — всегда мгновенье,
Но вновь и вновь зовут: — Восстань!
И Ты стоишь на Грани, Ленин!
И это — Огненная Грань!

Покорны Звездному Желанью,
Презревши слезы и мольбы,
Людские толпы ждут за Гранью
Твоих сигналов для борьбы!

Труби же в рог! Сзывай народы,
Взметай пленительный циклон!
И пусть померкнет мощь природы
Пред буйством радостных племен!

Восток и Запад, Юг и Север
От ужаса согбенных спин
В последний раз в безмерном гнев
За Счастье встанут как один!

Сентябрь 1919
Владивосток, областная тюрьма

Акоп Акопян
(Перевод с армянского)

17. В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосягаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен.
Уже прочтен твой смертный приговор».

1919

Токтогул

(Перевод с киргизского)

18. ЧТО ЗА МАТЬ РОДИЛА ТАКОГО СЫНА, КАК ЛЕНИН!

Много в прошлом бед и невзгод
Пережил киргизский народ.
Но слова мои звезд ясней,
Что восходят на небосвод:
В грозном, памятном всем году
Скинут с трона царь Николай,
Ленин создал Советскую власть,
Осчастливив киргизский край.

Смыта горечь обид и бед
С бедняка в тот счастливый год;
Ни манапов, ни баев нет,
Что душили простой народ,
Что на царских жили хлебах,
Что служили злее собак, —
Ненасытна утроба их,
Тщетна лютая злоба их.
Свет пришел — и сгинула мгла,
Встал народ степей и селений,
Что за добрая мать родила
Такого сына, как Ленин!

Светлоликие большевики
Утвердили эпоху эту.
И для бедных стали легки
Все дороги к счастью и свету.
Совершенным Ленин рожден!

Обездоленных бедняков
От драконов избавил он,
От терзавших народ оков.
Вновь терзать нас не суждено —
Встали на ноги мы с тех пор,
Знамя ленинское водружено
Над хребтами киргизских гор!

Было время, когда в рабах
Ты, бедняк, у бая ходил.
Было время, когда в зубах
У манапа дехканин был.
Прежде только снилась тебе
Доля радостная, бедняк.
Счастье вдруг явилось к тебе,
Как стремительный аргмак.

Было время, я слезы лил
В дальней каторжной стороне,
Пел о родине я, но сил
Даже петь не хватало мне.
Расходились ребра по швам. . .
Но врагов народ сокрушил.
Ленин, счастье открывший нам,
И мою слезу осушил.

Посвятив тебе жизнь, вникал
Ленин в нужды твои, народ.
Он возвысил простых дехкан,
Обездоленный прежде род.
Я старик, но и я молю:
«Смерть, постой-ка, повремени!»
В долгой ссылке, в чужом краю
Потерял я лучшие дни.
Керимбай меня бросил в тюрьму, —
Бедняки отомстили ему.

Да живет во веки веков
Ленин — верный друг бедняков!
Я хозяин в своей стране;
В старых жилах бурлит весна,

Расправляюсь я так, что мне
Кожа собственная тесна.
Все, кому он слезу осушил,
Пожелайте, чтоб Ленин жил!

Нынче сгнуло столько бед
Накликавшее воронье.
Там, откуда возврата нет,
Глеет павшее воронье.
Где он, враг, истязавший нас?
Вам, ребята, права даны,
Но о баях, терзавших нас,
Забывать и вы не должны!
Ленин счастьем нас одарил,
К светлой жизни нас возродил.
Стало жить бедняку легко,
И поет об этом Токо.

Был бы темен родной народ,
Но с другими в одном ряду
Ты сегодня идешь вперед
У народов всех на виду.
Не твоя ль это власть, народ,
Поднимает вдов и сирот!

Нам на счастье Ленин рожден.
Нам на счастье он стал вождем.
Шлет он соколов далеко
Отчим взмахом своей руки.
Можем мы держать высоко
Наши белые колпаки!

Это Ленин наш — на века
Наделил землей бедняка!
Мы ученьем его сильны.
Расцветает земля вокруг.
Блага все, что тебе даны, —
Это дело ленинских рук!

1919

Демьян Бедный

19. РАБОЧИЙ ПРИВЕТ

ПО ПОВОДУ 60-ЛЕТИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

Еще не улеглись порывы урагана,
Еще корабль дрожал, встречая грозный вал,
Но, повинуюся искусству капитана,
Ходил уверенно в его руках штурвал.
Шум бури заглушив потоком слов хвалебных
И окружив толпой восторженной того,
Чей гений вел корабль среди стихий враждебных,
Усталый экипаж приветствовал его.
Матросов обведя спокойными глазами,
На их приветствие ответил капитан:
«Меня хваля, себя тем хвалите вы сами.
Но. . . где ж испытанный товарищ наш, Хуан?»
— «Хуан приветствовать тебя придет. . . в порту.
Сейчас он молотом внизу стучит упорно,
Чиня пробоину в борту!»
И молвил капитан: «Скажите же Хуану:
Штурвала выпустить я не могу из рук.
Пусть громче бьет Хуан, — его я слушать стану:
Приветствий слаще всех мне будет этот стук!»

Друзья, приветствуя родного Ильича,
Ответной похвалы лишь будет тот достонн,
Кто, тяжким молотом (не языком!) стуча,
Спасает наш корабль от тысячи пробоин.

(23 апреля) 1920

Георгий Якубовский

20. ВОЖДЬ В. И. ЛЕНИН

Париж и Лондон, Нью-Йорк и Рим —
Все мысли мира
Устремлены к заветной красной точке,
Где в четких гранях разума кристалл
И воли сталь.

Там массы бросили
Во Времена,
В игру вселенских сил,
Свой огненный живой снаряд,
Сгущенный слиток воль:
«Да будет миру вождь. . .»
Вот он — вожатый-лев,
Лес мускулистых рук
К нему протянут.
Его опора — теплые мозолистые ладони,
Трудящихся миллионы;
В грозе и буре,
В кровавом смерче
Наш зодчий-кормчий
Строит мир:
Он ставит вехи,
Зарубки режет
И строит на века.

(23 апреля) 1920

Иван Филипченко

21. ВЕЛИКОМУ БРАТУ

Бездольных боль всезначно начертала
Безудержьем сердец давно твой лик,
И в грудь твою углями горна ало
Вожглась и жжет, как огненный родник.

Миллионам ратей поля и металла
Понятен ты и равен, как двойник,
И в мире — от велика и до мала —
Тебя воззвал родимых масс язык.

И весь простой и пламенный мудрец,
Пролетариата верный образец,
Пребудешь поколениям неизменен.

Среди пожара грозного, кузнец,
В руке взнесенный молот — твой близнец,
Стоишь, весь озарен, о вождь, наш Ленин!

(23 апреля) 1920

Адриан Вечерний

22. ВОЖДЮ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Священной памяти твоей, Уот Уитмен,
о великий поэт демократии, с благо-
говением я посвящаю этот радостный
гимн Моему капитану.*

Ленин! О Ленин! Твой рок неизменный
Миру блистательный путь указал!
Ты возмутил среди штиля вселенной
Бурный и грозный ликующий шквал!

В гордой борьбе с разъяренной Судьбою
Новые крылья обретший Икар,
Неугасим разожженный тобою
В мгле неисходной Вселенский пожар!

Ты, сохранивший среди урагана
Дивным спокойствием блещущий взор!
О! Капитан! Ты на Новый Простор
Парус направишь среди мглы океана!

Знаю я! Знаю! Пронзительным взором
Ты проникаешь грядущего тьму!
Верю я, верю! Могучим напором
Мы разобьем Мировую Тюрьму!

Кто, как не ты, как свершились сроки,
В мире взметнул несмолкающий шквал?

Кто, как не ты и твой гений глубокий,
Нам на зиждательный Миг указал?

О, так живи ж! Благодатный твой гений
Нужен как солнце в борьбе роковой,
Нужен огонь твоих дивных велений,
Нас созывающих в радостный бой!

(23 апреля) 1920

Павел Арский

28. ЛЕНИН

Железное слово у всех на устах,
В нем отзвук гармонии мира.
Громóвую песню в далеких веках
Споет о нем звонкая лира.

Великая воля пылает грозой
И рушит могильные своды. . .
Восторг созиданья таит огневой
Лишь гений труда и свободы.

Калькутта, Египет и знойный Каир
Соткут золотые легенды;
О том, как боролся измученный мир,
Расскажет язык монумента.

Мечты лучезарной пленительный свет
Горит золотисто-нетленен.
И время чеканит бессмертный завет:
Да здравствует пламенный Ленин.

(23 апреля) 1920

Стальное имя мир зажгло
И просквозило мрак и тени;
Гроза на красное крыло
То имя вывесила: ЛЕНИН.

Гролом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

Гроза растет везде, везде.
Нет в мире мертвого покоя.
Где люди высохли в труде,
Там блещет имя огневое.

Гролом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

Уже текут со всех сторон
Народы на призывы грома. . .
Потомки не забудут звон
Стального имени наркома.

Гролом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

(Апрель) 1920

Василий Казин

25. ЛЕНИН

В чьем сердце не биенье — бой,
Чье сердце — красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии — вулканы, скалы, крижи,
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже.
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.
И вот грохочет Новый Год —
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрогается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей — Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздывается в мозолистом восстанье,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыханье.
Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Браммы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.
Вселенная меняется лицом,
Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего Интернационала.
В чьем сердце не биенье — бой!
Чье сердце — красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!

(Апрель) 1920

Владимир Маяковский

26. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали навыврез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И земли
сели на бси.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хабсе
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.

Встал
горой мускулистой.

Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем, кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трусами
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю дымя,
езде,
где народ исплѣнен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют.
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

Апрель 1920

Сергей Обрадович

27. ТРИБУН

ПОСВЯЩЕНО Н. ЛЕНИНУ

От Желябова. От Степана Халтурина
Ты пришел к нам в дымные крайны,
Ты пришел к нам в избы курные
С новой Истиной, с раскрытой тайной. . .

Позабыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в коммунистические
гуды
Восставшей Европы рабочей. . .

Это ты разбудил, Трибун,
Наших душ сокровенные струны. . .
 Это ты, Трибун,
 Неумолчно звал
 На борьбу
 За Интернационал.

Боль и рана груди твоей —
Боль и рана наших грудей. . .
Но, товарищ, даль светлеет. . .
Верь: Грядущее Настоящим будет. . .

Скоро сбросит Мир мозолистой рукою
С плеч последний королевский герб. . .
Солнцем вспыхнет над Старою Землею
Коммунистический Молот и Серп. . .

Это ты разбудил, Трибун,
Наших душ сокровенные струны. . .
 Это ты, Трибун,
 Неумолчно звал
 На борьбу
 За Интернационал. . .

(Май) 1920

Василий Александровский

28. ВОЖАТОМУ

В. И. ЛЕНИНУ

О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками,
Перевесим чашу весов
Мы пронзенными пулями сердцами.

Передвинь в «быстроту» рычаг,
Оглуши этот сумрак сиреной, —
Старый мир завяз в ночах:
Он не выкарабкается из плена.

Пусть, разрезанный грудью стальной,
Обессиленный ветер застонет, —
Перевернувшему шар земной
Не страшны ночные погони!

Миллионом золотых поясов
Опояшет вселенную пламя. . .
О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками.

(Август) 1920

Егор Нечаев

29. В. И. ЛЕНИНУ

Не хоры птиц в рассветном блеске,
Вдыхая пряный аромат,
Немолчно в алом перелеске
Молитвословия звенят;

Не в честь ликующей природы
И именинницы-весны
Шумят клокочущие воды,
Восторга буйного полны.

Тебе от края и до края
Благословляющие труд,
Мир обветшалый потрясая,
Гимн торжествующий поют;

Тебя приветствуют, отважный,
Непобедимый исполин, —
Богатыря страны сермяжной,
Героя сказок и былин.

Ты уничтожил рабства крепи
И к счастью отыскал ключи,
Перековал на лавры цепи,
Сердца рабочих — на мечи.

Зажег в душе их гнева пламень
И искры мужества в очах;
Прогнившее разбил о камень,
Отжившее развеял в прах.

Привет тебе, великий гений,
Свобод грядущая заря,
Тебя мы славим в песнопенье
В дни мирового Октября!

8 октября 1920

Михаил Герасимов

30

У храма Христа, на кровавом граните,
Когда умолк орудийный салют
И солнце остановилось в зените,
Ленин заложил памятник
«Освобожденный труд».

Он говорил так крепко и ясно,
Сплавлялись с сердцами его слова.
Над толпой и над Москвою красной
Шаром планетным качалась его голова.

Он поведал миру
О великой победе Труда.
Собор златоглавый снял митру
И склонился навсегда.

1920

Бекмурза Пачев

(Перевод с набардинского)

31. ЛЕНИНА СИЛА МОРЮ ПОДОБНА

Врагам на страх бушевала
Морю подобная сила.
И, вал вздымая за валом,
Полчища вражьи топила —
Морю подобная сила,
Правды ленинской сила!

О, Ленин!
О, солнце наше!
Кто с Лениным, тот бесстрашен! . .

С учителем в дни грозные
Друзья его боевые
Людей на борьбу скликали.
Горячих коней седлали,
Отвагой своей богаты,
Мужественны, как нарты,
За правое бились дело,
Шашкой владели умело,
Смерти глядели в очи. . .
Не исчерпать их мощи!

Ленин во имя свободы
Объединил народы.
Ленина слово для горца
Было лучами солнца. . .

Мужи Кабарды восстали,
Своих скакунов взнуздали. . .

С русским могучим братом
Встал украинец рядом;
Мечи отточив, грузины
Идут на войну с князьями;
Армяне и осетины
Встают под красное знамя. . .
На западе и на востоке,
От северных рек до юга
Берут бедняки винтовки,
В борьбе помогая друг другу. . .

Врагам на страх бушевала
Морю подобная сила,
И, вал вздымая за валом,
Престол царя сокрушила —
Нашего Ленина сила,
Морю подобная сила! . .

Мы знали голод и горе. . .
Но кружкой не вычерпать моря!
Кто ленинцев одолеет?
Сплотившихся
кто поборет? . .
Силы великой море,
Правды великой море
Вовеки не обмелеет!

1920

Александр Безыменский

82. ИЗ ПОЭМЫ «ТИПОГРАФИЯ ЖИЗНИ»

Великий Метранпаж с прищурившимся взглядом
Поставил первый ряд
На гранку Октября.
И сдвинулись моря
Песчинок той громады,
Которой имя — Труд,

Которой имя — Мы.
Из недр свинцовой тьмы
На гранках воли к свету
Великой и стальной
Душой
Они сплелись
И на листе земли
Вселенскую газету
В машинах красных битв
Отгиснули собой.

А у машины той,
В часы ее движенья,
То двигая ее,
То властным мановеньем
Прервав на нужный миг ее могучий ход,
Стоял всё время тот,
Кто был рожден громадой, —
Великий Метранпаж с прищурившимся взглядом.

1920

Авенир Ноздрин

88. ВДОХНОВИТЕЛЮ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — ЛЕНИНУ

Отмеченный вниманьем всех народов,
Ты поднялся на кряж пророческих вершин,
Откуда нас зовешь на путь святых походов —
К освобождению поруганных низин.

Великий брат, ты только с нами малым,
Ты вечный наш слуга, ты вечный враг всех бар.
Внимает труженик твоим речам-запалам
И зажигает мировой пожар.

Твой диагноз — в чем наши беды, боли —
Искусство дивное врача и мудреца;
Лечение твое — работа до мозолей,
Работа пахаря, работа кузнеца.

1920

Николай Тихонов

84. САМИ

Поэма

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: «Спасибо».
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами, —
Сагиб всеведущ, как Вишну, —
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом, —
Ноги мальчика бегут по базарам
Всё уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету.
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

Через семь дней вернулся Сами,
 Как отбитый от стада козленок,
 С исцарапанными ногами,
 Весь в лохмотьях, от голода тонок.
 Синяка круглолобая глыба
 Сияла, как на золоте проба.
 Один глаз он видел Сагиба,
 А теперь он увидел оба.
 «Где ты был, павиан бесхвостый?» —
 Сагиб раскачался в качалке.
 Отвечал ему Сами просто:
 «Я боялся зубов твоей палки
 И хотел уйти к властелину,
 Что браминов и раджей выше, —
 Без дорог заблудился в долинах,
 Как котенок слепой на крыше».
 — «Ты рожден, чтобы быть послушным:
 Греть мне воду, вставая рано,
 Бегать с почтой, следить за конюшной.
 Я — властитель твой, обезьяна!»

«Тот, далекий, живет за снегами,
 Что к небу ведут, как ступени,
 В городе с большими домами,
 И зовут его люди — Ленни¹.
 Он дает голодным корочку хлеба,
 Даже волка может сделать человеком.
 Он большой Сагиб перед небом
 И совсем не дерется стеклом.
 Сами — из магратского рода,
 Но свой род для него уронит:
 Для бритья будет греть ему воду,
 Бегать с почтой, чистить ему пони.
 И за службу даст ему Ленни

¹ Так индусы произносят имя Лении.

Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной:
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почему в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
— «Уходи!» — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,
Даже птице быстрее зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далёко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами.
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами.
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.

Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре,
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеклом.

1920

Валерий Брюсов

35. ОТ ПЕРИКЛА ДО ЛЕНИНА

В базальты скал вбивая анналы,
Рабы, под плетью фараона Снофру,
Печально мечтали ль, что гимн Интернационала
Победно пройдет от Сены к Днепру?

Дикарь сторожит в тростниках Мвутанга,
В волоса воткнув два важных пера;
А в залах Voule еще вертится танго,
И пляшет в огнях avenue de l'Opéra ¹.

Но, как древле, всё так же муравьи суетятся,
Из игл возводя дом до смелых высот,
Бобры за плотиной уставной ютятся,
Пчелы межât шестигранный сот;

И те же в пространстве кольца Сатурна,
Свеченье Венеры, круги комет,
Как в дни, когда сцены тряслись от котурна
Иль на храмы луну сводил Магомет.

От Перикла до Ленина — от сегодня до завтра,
Моряка, что причалил на бѳрег, — сон.
Тупую доuku под черепом плезиозавра
Лишь смутно осмыслил упрямый Бергсон.

¹ Улица Оперы (франц.). — *Ред.*

И дерзкие светы Лобачевского или Маркса,
Состязанья и песни столетий и стран, —
Быть может, лишь плошки там, с красного Марса,
С песчинки, что мчит вдаль Альдебаран.

21---22 декабря 1921

Петр Черных-Якутский

36. ДВА ТИТАНА

Бессмертный Маркс, бессмертный Ленин —
Им во вселенной равных нет;
В веках грядущего нетленен
Разлитый ими в мире свет.

Один из них для всей вселенной
Писал великую скрижаль, —
Другой с отвагой дерзновенной
Ее проводит вширь и вдаль.

Рукою их зажжен пожаром
Весь буржуазный старый мир;
На них обоих в гневе яром
Глядит рабочих масс Вампир.

Стальной всемирный пролетарий,
Одетый в прочную броню,
Зальет его волной аварий,
Предаст палящему огню.

И под свинцовыми дождями
Своих врагов, идя вперед,
Гордясь бессмертными вождями,
К заветной цели подойдет.

1921

М. Зыков

37. В. И. ЛЕНИНУ

Ты в страшное взглянул лицо великих революций,
Дыханье смерти ощутил холодное и острое, как сталь.
И ты прозрел, и всех, чьи спины в рабстве гнутся,
Ты к битвам начал звать, чтоб в них забыть печаль.

И в вихре огненном, крутящемся восстаний
Ты звал разрушить мир и рабство позабыть,
И на кострах дымящихся из вечного страданья
Для зданья нового фундамент заложить.

И на призыв твой отзвуком громовым
Откликнулся народ и встал за рядом ряд.
В крови омылся мир, и мир родился новый,
И жертвенники новые пред вечностью горят.

(1922)

Демьян Бедный

38. РАЗВЕ Я НЕ ПРАВ?

Когда Ильич здоровьем сдал,
Признаться, крепко я опешил
И долго в тон не попадал.
Теперь старик нас всех утешил:
Недуг коварный поборов,
Он снова весел и здоров.
Спасибо всем: врачам и року!
Вся сволочь вражья, что до срока
«Сдавала Ленина в тираж»,
Теперь убавит буйный раж.
Зато друзья душой воспрянут
И гулким стуком молотков
И ревом тысячи гудков
Ему привет рабочий грянут!

Что до меня, то я хочу
При первой встрече Ильичу
Сказать отнюдь не в виде шутки:
— Родной Ильич! Вы были чутки
К друзьям, измотанным борьбой,
Но издевались... над собой:
Впрягались в тысячу запряжек,
Вершили миллионы дел,
Забыв, что силам есть предел.
И в этом смысле грех ваш тяжек,
Как тяжек грех и той среды,
Что на подъеме и на спуске
Не знала меры в перегрузке
И догрузилась... до беды.
Здоровье ваше — только ль ваше?
Ваш ум — центральное звено,
Нас всех связавшее в одно.
И, приобщившись горькой чаше,
Перестрадав за вас, мы впредь
За вами будем уж смотреть,
Чтоб больше не было и речи —
Валить на ленинские плечи
Всё, до последнего тюка, —
Иначе первый я, ей-богу,
Не только подниму тревогу,
Но, устремившись в Це-Ка-Ка,
Вас лично притяну к ответу:
«На Ильича управы нету:
В дела зарывшись с головой,
Опять повез, как ломовой!!»

Ильич, конечно, усмехнется,
А то, пожалуй, и ругнется.
Но, всё, как надо, разобрав,
Друзья-товарищи, скажите,
Меня в сем разе поддержите:
Ну, что? Ну, разве я не прав?!

Октябрь 1922

Владимир Кириллов

39

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Грубая надпись: «Вся власть Советам!»,
Но каждое сердце в палящей мечте,
И знамя горит мировым рассветом.

Топот тяжелый натруженных ног,
Серые блузы, кепи да блузы,
Но крепче железа рабочие узы, —
Каждый изведаль из сотни дорог
Только одну: суму да острог.

Взоры упорны, упрямы лица,
Прямо с заводов, прямо с работы —
В сытую роскошь праздной столицы,
В пышный проспект мишуры, позолоты.

Встревоженный Невский привстал на дыбы,
Знамя маячит знаком судьбы. . .

Прыгнули нервно стекляшки лорнетов:
Что там? «Советы. . . долой кадетов. . .»
В струйках фиалок — звериная злость:
На фонари бы черную кость. . .

Шляпы, пенсне, золотые погоны,
Шепот струится: «Вот они, вот,
Большевики, дезертиры, шпионы. . .
Что же по ним не строчит пулемет?»

В жирных мозгах шевелится, должно быть,
Греза: на белом коне генерал.
Только бесплодна и греза и злоба —
Вот надвигается огненный шквал.

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Поступь упруга, не гнутся колени.
Каждое сердце в палящей мечте
Лелеет весеннее слово «Ленин».

1922

Ялмари Виртанен

(Перевод с финского)

40. НАСТОЯЩИЙ ВОЖДЬ

Вечер. Мрак смежает очи,
Но народ еще не спит.
К нам вернулся вождь рабочий, —
Всё в движенье, всё кипит.

В Сестрорецке, на заводе
Оружейном, в гости ждут.
Мы гурьбою в поезд входим,
Впереди кумач несут.

Говорим, поем, и власти
Нет над сердцем. В мыслях жар.
И нельзя бойцу от счастья
Слезы скрыть, хоть он и стар.

Мне твердит кузнец с завода
Оружейного: «Теперь
К нам приехал Вождь Народа,
Настоящий вождь, поверь».

Мы Плеханова встречали,
Но не так. Скажу одно:
Сам-то был он рад едва ли,
Разошлись мы с ним давно.

Но совсем другое дело
Встретить Ленина — вождя, —
Впереди идет он смело,
Нас в последний бой ведя».

Ночь в небесный купол вбила
Золотые гвозди звезд.
И под ними говорил я,
Песни пел, душою прост.

Так в ту ночь под небом ясным
Заводской пролетарьят
В честь приезда справил праздник,
Весь огнем борьбы объят.

В то же время, где взлетели
Шпили в небо, в вышину,
Там, в «священной колыбели»,
Ленин к счастью вел страну.

План стратега, зрея, светит —
Плод высокого труда.
Зажжены мгновенья эти
На столетья, навсегда.

1922

Егор Нечаев

41. ВЕЛИКОМУ ВОЖДЮ

Неисчислимый ряд веков
Над всей вселенной есть и было
Одно небесное светило —
Всех чудодейственней миров, —
Светило — Солнце. И его
Нет лучезарней ничего.

Ему былинка и цветок,
Поля, луга, дубравы, воды,
Все птицы, звери и народы
И даже крошка-мотылек
Везде и всюду, там и тут
Хвалу немолчную поют.

Вторым же солнцем наших дней
Светило вспыхнуло иное,
То наше солнышко земное —
Привета матери родней,
И этим солнцем был Ильич —
Насилья беспощадный бич!

Как богатырь седых времен,
Чтоб сбросить цепи вековые,
Сплотил он силы трудовые,
И мир тлетворный — побежден.
Вчерашний жалкий раб труда —
Стал властелином навсегда.

Хвала ему — творцу свобод!
Хвала от края и до края.
Он будет жить, не умирая,
В сердцах у нас из рода в род,
Он — наша гордость, жизнь и свет.
Ему, как Солнцу, — равных нет.

1922

Сергей Панкратов

42. ЛЕНИН

Ты пришел неведомый, туманами
Из далеких, дымчатых полей,
И заря с зарей сплелась над ранами
Уходящих, сумеречных дней.

И летит, как ветер, твое имя
Вдоль полей и дымных городов.
И грозой и бурями хранимый,
Ты не пал под тяжестью оков.

Ты один, один, — незаменимый
Наш боец и друг и капитан.
И везде, повсюду слышим имя,
Врачующее нас от ран. . .

И века на гранях пятигранных
Не сотрут граненый юный клич:
Никогда не будет тебе равных,
Наш боец и славный вождь — Ильич.

(1923)

Михаил Зенкевич

43. БЮЛЛЕТЕНЬ МОЛНИЙ

По океанам воздуха неустанно,
Выше замшелых башен Кремля,
В ночь твою мечет тревожно антенна
Зыбкие молнии: слушай, Земля!

Пулсируя электромагнитной кровью,
Свинцом сгущая лиловую тень,
Всем, всем, всем шлет о здоровье
Ленина — молнийный бюллетень.

У каждого рабочего сердце — приемник:
Температура 37... пульс 100...
Кто может быть ему преемник?
Атланту революции? Никто!

Искровые вспышки в ночь рассея,
Замыкает антенна магический круг.
Это твой лихорадочный пульс, Россия!
Революции мира, это ваш недуг!

Но разве огненная кровь застынет
И могучую речь прервет паралич?
Нет! Над трибунами снова встанет
На Красной площади мира Ильич.

(15 марта) 1923

Владимир Маяковский

44. МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
Не надо!

Демьян Бедный

45. ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!

(22 апреля) 1923

Моисей Тейф

(Перевод с еврейского)

46. ЛЕНИН — ЭТО МЫ

Владимир Ильич болен...

Из газет

Звонче,
Колокол
Свободы!
Через толщу тьмы
Мы идем борцам на смену,
Ленин — это мы.

Пусть услышат
Все, кто с нами,
Кто душой прямы:
Мы спасаем мир от горя,
Ленин — это мы!

Загуди
Металлом звонким,
Разбуди умы!
Мы — свобода,
Мы — спасенье,
Ленин — это мы!

Апрель 1923

Николай Полетаев

47

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

(Август) 1923

Иван Логинов

48. МЫ ЖДЕМ

Пролетарий неизменен
В желании своем:
Дорогой товарищ Ленин,
Выздоровливай! Мы ждем!

Выздоровливай скорее,
Наш Великий Капитан!

Трудовой Берлин левеет,
Погибает Штреземан.

Против барской своры жирной
Восстает рабочий класс.
Революции всемирной
Наступает грозный час.

Всюду масса трудовая
Жаждет слышать голос твой,
Мы — команда боевая,
Ты — Великий Рулевой.

Пролетарий неизменен
В пожелании своем:
Дорогой товарищ Ленин,
Выздоровливай! Мы ждем.

(30 августа) 1923

Михаил Светлов

49. УТРОМ

Ранним утром счастливые вести
Мне газеты опять принесли:
И о том, что волненья в Триесте,
И о том, что здоров Ильич.

На окне моем изморозь вяжет
Сноп запахнувших зимних цветов.
Мне сегодня о многом расскажут
Корпуса онемевших шрифтов.

Льют столбцы оживленные пренья,
Непонятные для меня. . .
С белой стенки наклонится Ленин
И тихонько начнет объяснять.

Декабря непонятым узором
Расписались на мерзлом окне. . .

Будут Ленина добрые взоры
На холодном стекле леденеть.

Вьюга снежно ворвется в сени
Разузнать у замерзших шрифтов
И о том, что где-то волненья,
И о том, что Ильич здоров.

Декабрь 1923

Петр Орешин

50. СОЛНЦЕ В СЕРМЯГЕ

В. И. ЛЕНИНУ

Опять колдуют эти зори,
Колдуют степи и поля,
Изба и лес на косогоре, —
Иль это выдумка моя?

Но я одно наверно знаю:
От этих зорь мне не уйти.
Нас к земледельческому раю
Ведут все красные пути!

Я часто, часто на досуге
Себя рассматривать привык.
Во мне, ей-богу, как в лачуге,
Еще не выдохся мужик!

Пущай грызут стальные кони
Просторов русских чернозем,
Мы их на утреннем загоне
В зарю мужицкую вплетем!

Мужик — всё слово как из жира,
Какая сила дышит в нем:
Ведь больше, больше, чем полмира,
Степным пропахло армяком!

В источнике — ни дна, ни донца:
Пей, лей, расплескивай, не жаль. . .

Ведь даже Ленин, это Солнце, —
В другой стране взошло б едва ль!

Нас Солнце всех сжигает зноем,
В сермяге Солнце, — с ним идем.
И с ним, пока он жив, достроим
Ржаной Всесветный Исполком!

1923

Леонид Циновский

51. ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

Двадцатый год. Ноябрьский хмурый день.
Я отличу его из тыщи
Дней светлой радости.
Его нельзя забыть —
Ступень,
С которой я осмысленней,
И чище,
И одухотворенней начал жить.

Москва. Зал Наркомпроса.
Совещанье
Политпросветработников страны.
От Красной Армии
Нас — горстка, по заданью.
Народа тьма.
И все возбуждены.
Возможно, Ленин выступит сегодня.
Хоть твердой нет уверенности в том,
Но мы упрямо ждем.
У всех подъем,
Терпенье — под седло, в поводья!
Не по газетным изучить столбцам
Живые мысли,
Речь вблизи услышать
Того, кто всех людей дороже нам,
Час провести с ним под единой крышей!

Хоть сто часов
Прождать-просторожить,
Чтоб радость встречи снова пережить.

В президиуме у огромного стола
Надежда Константиновна
Собрание вела.
Какой-то делегат едва закончил речь,
Как в зал
Ворвался шквал
Рукоплесканья,
Казалось, рухнут стены зданья.
Разняв ряды
Сплоченных спин и плеч,
Торопко через зал шел *Ленин*.
Все поднялись, приветствуя вождя
В волнение радостном,
До исступленья
Неистово рукоплеща.
Казалось, то бушует на просторе
Народных толп
Ликующее
Море...

— Товарищи!.. (грассированный звук) —
И слово это, как по волшебству,
К нам протянулось мостиком,
И, озабоченный,
Ильич вошел в наш круг, —
Вот так
К друзьям приходит друг
Сказать о том,
Что важно очень им.

Жизнь из зерна стремится в стебель,
В листья, в корни,
И дерево растет и вглубь, и ввысь, —
Вот так
Из фактов жизни его мысль
Взмывает к обобщениям бесспорным
И коренной их раскрывает смысл.
Наше преимущество — мы слушаем и видим:

Его лицо, и взор, бросок руки вперед,
И взмах ресниц —
Всё с нами речь ведет.
Так слово Ильича вбираем мы сердцам.
Он говорит не только нам.
Пройдут года. . .
Он говорит народу, миру,
Навсегда.

В тот незабвенный день
Я сердцем слышал
Зов Ильича:
Всегда вперед! И выше!

1923

Сакен Сейфуллин

(Перевод с казахского)

52. ЛЕНИН

Ленин!
Ступень для лежащих в пыли.
Имя его — святыня нашего времени!
Ленин — величайший провидец земли.
Опора всех угнетенных — в Ленине.

Ленин — свобода, если ты батрак,
Ленин — бой: за равенство бой священен.
Ленин — знамя великих атак.
Твердая политика и мудрость — Ленин.

Ленин — солнца лучи на железе оков,
Он — заря после ночи изгнания.
Он — смертелен для наших врагов,
Красная кровь красного знамени.

Он — сердце всего, что цветет вокруг,
Старший брат для юного поколения.
Вот, друг,
Что я думаю о Ленине.

1923

Даут Юлтый
(Перевод с башкирского)

53. О ЛЕНИНЕ

Жил ли когда-нибудь гений на свете,
Кто бы мог с Лениным встать наравне.
Ленин дал в руки рабочим планеты
Мощный рычаг, безотказный вполне.

Дал он рычаг разрушительной силы,
Чтобы господство буржуев смести,
Чтобы рабочая воля скосила
Всё, что встает у нее на пути.

Кто же в другие глухие столетья
Знал тот рычаг, где-то видел его?
Или же точку опоры заметил
Для рычага векового того?

Их Архимеды в веках не сыскали,
Не обнаружили их в те года.
Правда, могли опрокидывать скалы
И воздвигать на земле города.

Новый рычаг раздвигает просторы.
К счастью народы с ним делают шаг.
Власть пролетариев — точка опоры,
А ленинизм — это мощный рычаг.

1923

Галактион Табидзе
(Перевод с грузинского)

54. ИДЕЯ

Народу верен будь всегда!
Пусть будет твердым шаг твой в жизни!
Талантов всех сильнее, властней —
Талант служения отчизне!

И прежде был, и будет впредь
Борьбою славен край родимый!
Высокой вере послужи:
Она всегда непобедима.

На всё двойной ложится свет
Для мысли шаткой и нестрогой;
Тому, в ком твердой веры нет,
Прямой не отыскать дороги.

Явления, вещи для него
Меняют часто смысл и меру. . .
Лишь ты неложный знаешь путь,
Носитель непреклонной веры.

Однажды ночью мы, друзья,
Шагали — грудь дышала вольно, —
И перед взорами возник
Виденьем небывалым Смольный!

Бессмертный Смольный — той поры
Меч, наковальня, молот ярый!
Гремела в нем, сильна, юна,
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, великан,
В пылу уверенной работы,
Идеей светлой озарен,
Казался символом заботы!

И, видя пулеметный ствол
(Миг этот в памяти нетленен!),
На окрик: — Стой! Кто нужен вам? —
Мы дружно отозвались: — Ленин!

21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Николай Полетаев

55. НЕ ВЕРИМ

Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами — неусыпный,
Великий командарм.

И, как всегда любимый,
Движением руки
Ведет неотвратимые
Рабочие полки.

Стоит ли ночь глухая
Или гремит гроза —
Сверкают, усмехаясь,
Ленинские глаза.

Не верим, хоть засыпь нас
Снегами телеграмм:
Он с нами — неусыпный
Товарищ командарм.

21 января 1924

Р. А. Горин

56. ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА

Скончался трудящихся мира оплот,
Разрушивший трон капитала.
Но Ленина дело всё так же живет,
Работа его не пропала.

Он двигался бодро тернистым путем,
Победно до самой могилы.
Внезапно застыли кипевшие в нем
Безмерно могучие силы.

За участь идеи душою боля,
В кипучей работе сгорая,
Он с честью великой стоял у руля,
На злобу врагов невзирая.

И отдал все силы священной борьбе
Во имя прекрасной свободы.
Бессмертная слава, товарищ, тебе
На долгие, долгие годы!

21 января 1924

Александр Жаров

57. НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неудержимым шквалом...
Это весть о том,
Что умер Ленин,
Весть о том,
Что Ленина
Не стало...

Солнце, стой!
Эх, солнце, сделай милость:
Подожди лучом в снегах звучать!
Ты не знаешь, что остановилось
Огненное сердце Ильича?!

Мир, завод, станок мой неустанный,
Не придет садовник в буйный сад!
Слушай, мир:
Рабочего-титана
Нынче потеряли корпуса!

И в полях, где голос в песне звонок
И широк лихой, просторный зык,
Видел я:
Заплакал, как ребенок,
Никогда не плакавший мужик.

Видно, все взметенными годами
Глубоко вросли в октябрьский клич;
Видно, крепкими, стальными проводами
С простолюдьем
Был скреплен Ильич.

Значит, в толпах новых поколений,
Где незыблем ленинский закал,
Будет жить
Мильоноглавый Ленин,
Значит, наш Ильич не умирал!

И зачем под гром землетрясений
И под всплески океанских шквалов
Мчится весть о том,
Что умер Ленин,
Весть о том,
Что Ленина
Не стало?!

22 января 1924

Валерий Брюсов

58. НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто — наш Ленин!
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где нам путь и какой:

«С Интернационалом
Воспрянет род людской!»

Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба,
И мы кладем на прах могильный
Борца — его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто — наш Ленин!

22 января 1924

Акоп Акопян

(Перевод с армянского)

59. ЛЕНИН БЕССМЕРТЕН

Не верит сердце, что умер Ленин.
Кто может поверить, что солнце умрет,
Что вдруг океана прервется дыханье,
Далекого Марса
Померкнет сиянье
И время хребет Гималайский сотрет?

Дела Ильича — словно солнце сияют,
И мысли его — как моря, глубоки.
Его заветы нам путь озаряют, —
Они нерушимы — как горы,
Как звезды, они высоки.
Мы можем порой представить себе,
Что жаркое солнце
Остынет с веками,
Что высохнет вся в океане вода,
И светлый Марс померкнет над нами,
И время сотрет Эверест навсегда.
Но знаем мы —
Ленин в сердцах поколений
Останется жить
На веки веков.
Бессмертно великое имя —
Ленин,
Бессмертно дело большевиков.

23 января 1924

Сакен Сейфуллин

(Перевод с казахского)

60. СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

Потрясающую весть в седой мороз
Телеграф о смерти Ленина принес.
Весь рабочий класс, утратой потрясенный,
Горе выплакал в безмерном море слез.

Вестью той был мир, как громом, поражен,
Как копьем, той вестью каждый был пронзен,
Но еще тесней ряды свои сомкнули
Мы в те дни у славных ленинских знамен.

Мы пойдем по жизни ленинским путем
К светлой дали, нам указанной вождем,
И высоко мы поднимем наше знамя,
Распростертое над миром Ильичем.

23 января 1924

Василий Каменский

61. ЛЕНИН — НАШЕ БЕССМЕРТИЕ

Нет, не верим и верить не можем, —
Слишком наша организована мощь, —
Что перед нами — смертное ложе
И на ложе на том —
Наш любимейший вождь.

Нет, не верим и верить не смеем:
Наше красное солнце никогда не умрет.
И отныне мы только теснее,
Горячее и крепче
Устремимся единой дорогой вперед.

Нет, не верим и верить не вправе:
Ленин здесь — Ленин в нас, Ленин жив!
Это его рука человечеством правит,
Всем указывая
Коммунистические межи.

Нет, не верим, и верить нельзя нам,
Кто по-ленински любит трудовое усердие.
Ленин — вечная помощь
Рабочим, крестьянам.
Ленин — наше бессмертие.

(24 января) 1924

Владимир Павлов

62. ЭТА ВЕСТЬ

День январский, вечер двадцать первый,
Шесть часов и пятьдесят минут, —
Горько, горько выстукают нервы,
Молотком безжалостно скуют.

И, весь мир охватывая, слово
Полушарья вдруг соединит. . .
От детей до самого седого
Этим словом сблизятся они.

Эта весть, свинцово западая,
Опаливши душу навсегда,
Выстроит, как линия литая,
Армию всемирного труда.

(24 января) 1924

Василий Гнязев

63. КАПЛЯ КРОВИ ИЛЬИЧА

Умерла возможность встречи,
Иглы глаз, колючесть речи,
Едких слов разящий бич, —
Но не умер в миллионах,
Им подъятых и сплоченных,
Мозг и сердце их — *Ильич*.

Он бессмертен в комсомоле,
В новом быте, в новой школе;
В миллионах растворен,
Он — в армейском грозном строе,
Он — в плотинах Волховстроя,
Он — в горении знамен!

Вот завод. Станков — без счета...
День и ночь кипит работа
После лет паралича.
Что рабочих окрылило?
Разожгла какая сила? —
Капля крови Ильича.

Вот я встретился с парнишкой:
День в порту, а ночь за книжкой, —
Труд сверхсильный на плечах!
А ведь жив, не надорвется...
Потому что в сердце бьется
Капля крови Ильича.

Кровь по капле отдавая,
Он сковал могучесть края,
Создал мощь сплоченных масс;
Умерла возможность встречи,
Иглы глаз, колючесть речи,
Но *Ильич* — бессмертен в нас!

Только тело мы хороним;
Каменеем, но не стонем:
Как и прежде, горяча,
В сердце каждого клокочет,
В бой зовет, сомненья точит
Капля крови Ильича!

(24 января) 1924

Е. Базаров

64. ЗВОНЧЕ БЕЙ ПО ЖЕЛЕЗУ

Эй, пролетарий, вскормленный голодом,
Чей порыв черной бурей вспенен,
Звонче бей по железу молотом —
Умер товарищ Ленин.

Эй, буденовец, четкой ковкой
Поднимай в небеса клич,
Крепче слейся с винтовкой —
Умер Ильич.

Эй, товарищи, что́ плачут люди —
Слезы катятся, точно дождь?
Крепче сплотите стальные груди —
Умер любимый вождь!

(24 января) 1924

Андрей Иркутов

65. НАВСЕГДА

Так и останется эта
Улыбка прищуренных глаз...
Вот как сейчас с портрета
Смотрит на нас.

Так вот и будем мысленно
Видеть повсюду мы
Эту мудрую лысину
Гениальной его головы.

Так вот в память и ляжет
Сутулость широких плеч,
Какая великая тяжесть
На них должна была лечь!

(24 января) 1924

А. Чемисов

66

«Ильич» и «смерть» — два слова страшные
Газеты кинули крича.
Ликует падаль буржуазная:
— Не будет больше Ильича.

Но тщетно, радость запоздалая,
Ковать нам тяжесть новых уз:
Стоит стеной, громадой алою
Наш тесно спаянный союз.

Взгляни, чужак, в глаза рабочего
В Европе, в Африке — они
Зовут на бой, а вы пророчите
Успокоительные дни.

Заглушены звенящим золотом,
Вы не поймете, хоть кричи,
Что за станком, плугом и молотом
Везде живые Ильичи.

(24 января) 1924

Георгий Шенгели

67. КАПИТАН НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

В черном шторме возник красный корабль,
«Революция» — имя ему!
Он врезается в зыбь, разрывает ветр
И стремится, стремится сквозь тьму.

Как литые из стали, напряглись паруса,
Как струна, каждый вант звенит,
И кинжалом вонзается в грудь небес
Упорный и острый бушприт.

Он должен поплыть по всем морям,
Зайти в каждый порт,
Всех обездоленных, всех рабов
Принять к себе на борт,

И с ними опять через моря
К земле коммунизма плыть,
И успокоенные паруса
В гавани Счастья спустить.

Но зыбь свирепствует, шторм ревет,
В трюме открылась течь,
И едва у матросов хватает рук,
Чтобы на помпы налечь.

У матросов едва хватает рук,
Чтобы шкоты крепить,
А ветер такой, что любой трос
Лопается, как нить.

Но страха нет в матросских глазах,
Их взор — бодростью пьян:
На тонком мостике, у руля,
Стоит сам Капитан.

В пальцы его впаян штурвал,
Взгляд его раскален,
И куполом властным огромный лоб
В черную бурю взнесен.

Он знает — куда, он знает — когда
Повернуть тяжелый штурвал.
Он умеет форштевнем разрезать вдруг
Попалам любой вал.

В рупор матросам умеет он
Крикнуть бодрый приказ, —
И в ответ непреклонным огнем горят
Миллионы мятежных глаз.

Ибо команда и Капитан
В своем порыве — одно,
И общее сердце миллионов людей
В его груди зажжено.

Ветер — ничто, зыбь — ничто,
Подкралась смерть вдруг,
И зашатавшийся Капитан
Выпустил руль из рук. . .

На мостике тонком лежит в гробу,
Покрыт штормовым плащом,
Но и сквозь веки и мертвый взор
Всё тем же полон огнем.

И матросы, как раньше, все на местах,
Все на своем посту,

Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.
Ты слышишь, Партия? . . Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят ленинский утраченный билет.

24 января 1924

Николай Асеев

69. РЕКВИЕМ

Если день смерк,
если звук смолк,
всё же бегут вверх
соки сосновых смол.

С горем наперевес,
горло бедой сжав,
фабрик и деревень
заговори, шаг:

«Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Если умолк один,
даже и самый живой,
тысячами родён,
жизнь, отмсти за него!»

С горем наперевес,
зубы бедой сжав,
фабрик и деревень
ширься, гуди, шаг:

«Стой, спекулянт-смерть,
хриплый твой вой лжив,
нашего дня не смей
трогать: он весь жив!

Ближе плечом к плечу --
нищей ли широте,

пасынкам ли лачуг
жаться, осиротев?!»

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, тугой шаг:

«Станем на караул,
чтоб не взошли враги
на самую
дорогую
из наших могил!

Если день смерк,
если смех смолк,
слушайте ход вверх
жизнью гонимых смол!»

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, сплошной шаг!

(25 января) 1924

Владимир Кириллов

70. ТРАУРНЫЙ МАРШ

Песен моих кумачовое пламя,
В черный огонь перелейся. Встань
Там, у одра его, скорбное знамя!
Сердце, траурный марш барабаны!

К алому гробу, войско поэта!
Верные рифмы, стройся в ряды!
Были в победах, будем и в этом
Жутком параде народной беды.

Знаю — достойной песни не сложим:
Образ вождя величав и высок. . .

Время-художник любовно положит
Тот огневой и последний мазок.

Песни мои, встречавшие звоном
Семь нагруженных огнем кораблей,
Взвейтесь прощальным траурным стоном
Над неизбывной печалью полей.

Черной тревоги сегодня не скроем, —
Это умолк мировой набат,
Осиротевшим, рыдающим строем
Выйдем к нему на последний парад.

Полчищ народных любовное море
Гроб твой поднимет — багряный челнок,
Дум величавых бессмертные зори
Смерть не загасит, не скроет песок. . .

Вот оно — крепкое красное племя
Верных, вскормленных тобою орлят. . .
Звездною конницей движется время.
Красные птицы в небе парят.

Гроб отдадим мы, но знамя не сменим.
Пусть же узнает и друг и враг:
В битвах грядущих не дрогнут колени,
Ленина сердце — наш пламенный стяг!

(25 января) 1924

Василий Федоров

71. ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Вы слышите, как в мире тихо стало? . .
Большое сердце биться перестало!

Закрылся взгляд, провидевший все дали. . .
Ослабли руки — те, что крепче стали
Схватили дикий старый мир за горло. . .
Потух и голос — вещий клекот орлий!

Скончался вождь. . .

Как ветер необъятный,
Восстала скорбь потери безвозвратной.

Сердца живых сегодня — грусть без меры!
Но там, за грустью, преизбыток веры
В заветы Ильича, в его уроки.
Пусть умер вождь! — В бессмертье, издалека,
С какого-то неведомого свыше,
По-прежнему мы мощный голос слышим,
По-прежнему идем его дорогой. . .
Пусть много сзади верст, пусть впереди их
много —

Вперед, товарищи! И в самой смерти силы
Мы почерпнем у дорогой могилы.

Он так хотел! И это будем помнить
И в тишине осиротелых комнат,
И в гуле площадей, где маршем похоронным
Сольемся мы в миллионные колонны,
Чтобы в напеве «Интернационала»
Душа всего народа прорыдала,
Чтобы в напеве «Интернационала»
Биенья всех сердец в одно связало —
Затем что все сердца, сливаясь воедино,
Дадут одно, большое, исполина —

Такое, как его! . .

Вы слышите — как тихо
Сегодня в мире?

Тяжела утрата
Для мирового пролетариата!

(25 января) 1924

Сергей Малахов

72. ЛЕНИН

Какая боль. . . Вот в этом бюллетене,
Под черной рамкою, значение слов постичь:
Вчера. . . во столько-то. . . скончался В. И. Ленин,
Вчера скончался наш Ильич.

Какая боль... Вот этими строками
Впитать в себя значенье черных слов, —
В скольких сердцах лежит тяжелый камень,
И сколько тягостно склонившихся голов...

Какая боль... Но нам ли сжиться с болью!
Пусть голова пожаром горяча,
Ильич зовет вперед родное комсомолье,
И не умрут заветы Ильича.

Пусть давит грудь. Пусть рвется грудь от боли,
И тяжело черных букв значение постичь.
Нет Ильича. Но в каждом комсомольце
Живет Ильич.

(25 января) 1924

Вячеслав Ковалевский

73. ЭТО НЕ СМЕРТЬ!

«Товарищи, будьте организованны!»

*Эти слова тов. Ленин успел
крикнуть, падая от выстрела эсер-
ки в 1918 г.*

Тяжек смысл. Человек,
На минуту пади на колени!
Разве можно вместить голове:
Умер! Умер товарищ Ленин!

Еще здесь, еще рядом, он — наш,
Но уже над могилой отверстой
Задыхается трауэрмарш
В сердце черною вестью оркестра.

За весь мир размышлял этот лоб,
И вот — в скованном трауром городе
Оцинкованный красный гроб, —
Страшной смертью подписанный ордер!

Вы, соратники РКП,
Где же он, ваш товарищ старший?
Бьется в грудях рабочих капелл
Медный плач трауэрмаршей!

Подождите, это — не смерть, —
Разве вы не слышите зова:
«Тише! . . . Плакать не смей!
Товарищи, будьте организованны!»

25 января 1924

Валерий Брюсов

74. ЛЕНИН

Кто был он? Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь Октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

Сергей Третьяков

75. МЫ ПОМНИМ

Цехи, конторы, трюмы
Свел один паралич:

Владимир Ленин умер

Кончился старый Ильич.

Одна тугая гримаса
Свела суровые рты
От угольных дыр Донбасса
До приисков Читы.

Читали, а губы бледнели.
И с двух сумасшедших слов
У чуждых людей на панели
Плечи плачем трясло.

Му́ка ломала колени,
Му́ку не сбросишь швырком,
Умер Владимир Ленин,
Рабочий предсовнарком.

Боль такая бывает,
Когда умирает сын.
Гудки от края до края
Завыли, как на смерть псы.

Это от моря до моря
Встало плечом к плечу
Одно беспартийное горе
В последний черед к Ильичу.

Идут. Точно взорваны шлюзы.
Это он от утра до утра
Под колоннами Дома союзов
Принимает последний парад.

По-детски Владимир — Воля.
По-взрослому воля — Октябрь.
Это он земле не позволил
Вертеться у хищи в когтях.

Мы понуры и седоголовы.
Страшно прятать в последнюю клеть
Самого молодого
Из всех людей на земле.

Не плакать!
Не плакать!
Не плакать!
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами шлака
Глаза плавильных печей.

Дрожь, просекай моторы!
Вдвое завойте, станки!
В цехи, в поля, в конторы,
Рабочие и мужики!

Ни дряби, ни хмури,
Ни лени!
Льни к рычагу рука.
Ленин!
Мы помним, Ленин,
Твой боевой приказ.

Вейся выше, знамен пламя!
Туже, рабочий нажим!
Ленин

всегда с нами.

Ленин

всегда жив.

(27 января) 1924

Варвара Бутягина

76. В. И. ЛЕНИНУ

Склоним знамена! И твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое алым стягом —
Солнцем встало в веках.
Каждый отныне горд и бесценен.
Каждое сердце — клич.
Первое слово ребенка: Ленин.
Вздых последний: Ильич.
Горе — глубже. Стон — задушим.
Воли взведем курок.
Пламя кругом — с моря и с суши:
Скинул чадру Восток,
В полдне пустыни черный ропот,
Тундра выплеснет тост,
Не нынче — завтра встанет Европа
Во весь человеческий рост.
Слышим голос, близок и властен
(Ветер улегся, нем):
«Наша ставка — всемирное счастье
До последнего всем!»
Склоним знамена! И твердым шагом,
К шагу теснее шаг!
Имя живое звонким стягом —
Солнцем встало в веках.

(27 января) 1924

Михаил Светлов

77. НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Сухие улицы заполнены тоской,
И боль домов и боль людей огромна...
У нас на нашей стройке заводской
Упала самая большая домна.

Но красных кирпичей тяжелые куски
Мы унесем с собой, чтобы носить их вечно,
Хоть больше в наших топках не зажечь нам
Ленина потухшие зрачки.

(27 января) 1924

Александр Ясный

78. НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Нет. Не стон,
Не слеза —
Кровяной это сок.
Пусть века
И века с наших щек не сотрут ее.
И кто это выдумал — 6 часов,
6 часов с такими минутами?

Пусть бы бой,
Грохот пусть —
Не в диковину нам.
Черт и с солнцем,
Пусть бы навеки затмение,
Лишь бы не он —
Проклятый телеграфист,
Телеграфом орущий
О смерти,
О Ленине.

Бейте его,
Чтобы вдрызг башка.
Злую шутку он шутит,
Эти числа смеются.
Как он смел умереть?
Пусть он скажет нам, как,
Если солнце живет
И жива революция.

Нет,
Не могу,

Буду век орать,
Не хочу. Не верю. Не надо.

Только сердце вот
Смертным боем бьет,
Сердце птицей подстреленной падает.

Видно, прав телеграф:
Значит, надобно так,
Чтобы горе мальчишкой газетным орало бы.

Дорогие мои — это просто так.
Милые мои. Я не жалеюсь.

И не стон,
Не слеза —
Кровяной это сок.
Пусть века
И века с наших щек не сотрут ее.
И кто это выдумал — 6 часов,
6 часов с такими минутами?

(27 января) 1924

Василий Князев

79. ИЛЬИЧ В ПЕТРОГРАДЕ

Из воспоминаний

Огромный зал. Стоим плечом к плечу
(Протискаться бесплодны все старанья!)
И, повернувши лица к Ильичу,
Немолчным криком сотрясаем зданье.

Он — на пороге. Не пройти вперед!
Немыслимо: народу слишком много...
Но вождь прошел, и перед ним — проход:
Широкая, свободная дорога...

Идет, глядит; лаская, греет нас,
Самозабвенно не щадящих глотки,

Теплом веснушек, жизнью отчих глаз
И шаткостью взволнованной походки.

Шпалеры статуй — красных моряков.
Но вот Ильич: нежданно, из-за дому,
И, словно ветром, тысячи голов —
К нему, к отцу, любимому, родному...

(27 января) 1924

Владимир Воинов

80. БЮЛЛЕТЕНЬ

Черная рама. Белое поле.
Мертвые буквы на нем.
Бешеный натиск невылитой боли
Душу пытается огнем.
Смотрим. Читаем. Верим. Не верим.
Глаза у всех — туча, таящая дождь.
Каждый из нас стал раненым зверем:
Умер великий вождь...
Два дня над городом вьюга свистала,
Снегом хлестала в лицо.
В эти два дня его не стало —
Того, кто был первым бойцом.

.
Шел человек, худой как тень.
Шел на завод. От мороза крикал.
Взял у газетчика бюллетень,
Глянул в него и заплакал.
Потом, точно гору сбросил с плеча,
В бюллетень уставился снова:
Черная рама... Портрет Ильича...
Человек не сказал ни слова.
Только глаза сверкнули огнем,
Огнем упорства и силы.

.
Белое поле. Буквы на нем —
Жизнь у великой могилы!

(27 января) 1924

Александр Богданов

81. ЛЕНИНУ

Я помню
Вечер похорон:
Метельной мглой
Ползли тайфуны,
Дробился в сопках
Снежный звон,
И кедры —
Вторили, как струны.

Навстречу
Бури рокотаньям,
Под хлесты
Вьюжного бича
Мы
В братском шествии
Прощаем
Всемирно
Чтили Ильича. . .

В лиловых сумерках
Заката
Знамена плыли
Там и тут,
И, подбегая,
Китайчата
Махали шапками
Салют.

Цветные
Длинные ичаны¹
Смыкались
В дружное кольцо,
И верным стражем
С океана

¹ Ич а н — верхняя одежда китайцев.

Сверкал прожектор
Нам в лицо.

А у посольства,
За оградой,
Кося из желтой брони
Глаз,
Сановный
Подданный микадо
Таился,
Озирая нас.

Считал
Железные когорты
И мерил
Злобно океан,
Где реяла
Над ширью порта
Песнь
Пролетариев всех стран.

Студил нещадно
Руки холод,
Но жег сердца
Призывный клич:
«В прорывах к солнцу —
Серп и молот,
В прорывах к свету
Жив Ильич! . . .»

Пусть хлещут
Вихри озверело,
И злится враг,
И стынет мгла.
Мы
Схоронили только тело,
Но живы —
Мысли и дела.

*27 января 1924
Владивосток*

Оскар Куллеркупп

(Перевод с эстонского)

82. НА МОГИЛЕ ЛЕНИНА

Где найду я слова и звуки,
Чтобы возвеличить твою память?
От нас ушел коммунар.

Е. Тентер

Друзья, товарищи во всей вселенной,
Судьбы удары яростно разят.
Печали весть нас потрясла мгновенно,
Как мощный электрический разряд.
У нас сердца вдруг перестали биться,
Народ бродил в тоске по площадям,
И притаилась каждая столица,
Внимая грустно радиовестям.
Донесся плач к нам из глухих селений
И вопль печальный множества людей:
Ушел от нас неповторимый гений,
Великий летчик пламенных идей.

Увы, как трудно в этот миг поэтам
Найти слова, чтоб в них тоску излить!
Надгробный вопль смягчить каким советом?
Чем равновесие восстановить?
Чем успокоить этот хор печальный,
Так стройно управляемый тоской?
Когда-нибудь вслед буре социальной
На нашу землю снизойдет покой,
И новое начнется созиданье,
По-новому поэты запоют —
Из рода в род они передадут
О Ленине великое преданье.
Теперь, увы, наш дорогой товарищ,
Над свежую могилу мы стоим,
Как будто бедняки среди пожарищ,
Беспомощно по сторонам глядим.
Ты был в истории гигантом мысли,
Великий друг рабочих и рабов.
Под тучами, что в Октябре нависли,
Ты не прервал ни дел, ни мудрых слов.

Ты был велик в великой катастрофе,
И нити глубочайших философий
Должны скреститься были на тебе.
В Америке и в Азии, повсюду
Пришла пора трудящемуся люду
Вздыхнуть о злобной и скупой судьбе.

Ты засиял нам первою зарею,
Когда вся даль была покрыта мглою,
В суровом осенении ветров,
Как новый вождь. Народ твой триумфально
Тебя встречал и был идти готов
Повсюду за тобою беспечно.
Блестящую победу одержал
Ты на одной шестой земного шара.
Как лоцман опытный, ты направлял
Нас к пристани, но новой, а не старой.
И ввел судно, когда на океан
С нежданной силой грянул ураган.

Вождь, уходя, оставить нам успел
Свое ученье ясное, простое.
Мы над его могилой дорогою
Закончим ряд его великих дел.
Докажем мы, что власти капитала
Пришел конец. . .

Пора настала.

Желтеют нивы, и луга цветут.
Союз рабочих ныне обеспечен,
И знаем мы теперь — он будет вечен,
И горе тем, кто угнетает труд.
Исчезнут скоро и разврат и голод,
По миру загремит веселый молот,
Гудок фабричный всех объединит,
И будет петь иной поэт — строитель,
И новый строй все страны примирит, —
Свершится то, чего хотел учитель.
Пройдут века, исполненные гроз,
Но грозы принесут нам избавленье,
Как тот завет, что он с собой принес. . .

Героя имя не поддастся тленю.
Людской поток течет из разных стран
К могиле той, где дремлет великан.

Исследователь чуткий и философ
Пойдет к стенам московского Кремля,
Откуда шли разгадки всех вопросов,
Которыми томилась вся земля.
Потомок наш венков плести не будет,
Но лучше нас он многое поймет,
И Ленина вовек он не забудет
И песнь о нем прекрасную споет.

27 января 1924

Илья Садофьев

83. У ГРОБА ИЛЬИЧА

Печаль и боль вчера и ныне...
От скорби и тоски
Земля похолодела,
Как будто солнце стынет,
И мир глядит осиротело...

Любовь народа горяча.
И потому —
Горька сердечная печаль;
Утрата,
Невыразимая утрата...
Не стало
Любимого, родного Ильича,
Учителя и брата...

Утрату всем перестрадать:
И близким и далеким городам,
И всем бревенчатым селеньям,
И поколений поколеньям...
Ох, неспроста враги ликуют
В годину тяжкую такую!

И потому
Теперь,

Когда вражья радость пенится,
Нам, ленинцам,
У гроба Ильича
Не плакать, не рыдать —
Кричать
Могучим голосом труда:
«Моря и суша,
Слушай!
Он жив! Он зримо с нами!
Он наша жизнь! Он наше знамя!
Его заветы не умрут —
Они в живых сердцах живут,
Бессмертны, как свободный труд.
И разве не его прищурым оком
Побед грядущих видит сроки
И замысел враждебных стран
Партия рабочих и крестьян?!

И разве не его уверенной рукой
Начерчен план постройки
И цементирован фундамент!
И пусть работать нелегко
И велики задания —
Мы, каменщики, стойко
Выдержим экзамен
На стройке ленинского здания!

След проложен Ильичем.
Плечо в плечо,
Ни пяди отступленья!
И выше, выше Ильичево знамя!
К победе нашей путь хорош.
За нами —
Молодежь,
Ленинское поколенье!»

(27 января) 1924

Валерий Брюсов

84. ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч страшны, странны
Дни без Вождя! Нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном, —

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он?
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь всё так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбьются нас — заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет «революций», есть — одна
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана.

28 января 1924

Сергей Минин

85. НАД МОГИЛОЙ

Ты жертвою пал на великом посту,
Единственный, близкий, любимый.
Без устали вел на твою высоту
И... пал у подножья вершины.

Не розами устлан грядущий наш путь.
Грозят нам и горе и беды.
Клянемся — пурпурных знамен не свернуть,
Им будем верны до победы.

С креста ты снимал пригвожденных рабов,
Лечил их кровавые раны.
От поступи мерной их гулжих шагов
Дрожат палачи и тираны.

Склоните знамена, коснитесь лица,
Ко гробу венки положите.
И будьте присяге верны до конца,
И клятву, как воин, держите.

Ты вырастил племя железных бойцов —
Бесстрашное, грозное племя.
Ты бросил по шару земному гонцов
Посеять восстания семя.

Так спи же спокойно, родимый Ильич:
С ружьем на плечах батальоны!
Мы знаем, мы слышим твой пламенный клич —
Готовятся в бой миллионы.

Ты троны шатал, разбивал алтари,
Ты — бич для царя и кумира,
Ты — вестник желанной последней зари,
Ты — гибель отжившего мира.

О, если б ты слышал тугие шаги
Полков и полков коммунаров.
Залить, потушить не сумеют враги
Зажженных тобою пожаров.

Замолк и затих он, великий мертвец,
Убитый волной урагана.
Бессилен вернуть нам ученый мудрец
Пророка, вождя, капитана.

Так ближе сюда! И теснее полки!
Он шепчет из гроба наказы.
Молчите! Ни стона, ни слез, ни тоски! ..
По миру несите приказы:

«Борьба до конца! — то мой первый наказ. —
Достройте мои баррикады.
Победа стучится и будет у вас,
Но... больше вы бойтесь засады.

По миру несется громовый набат,
Ломайте прогнившие стены.
И будьте друг другу как воин и брат,
Но... бойтесь вы больше измены...»

Так спи же спокойно, родимый Ильич:
С ружьем на плечах батальоны! ..
Мы знаем, мы слышим твой пламенный клич —
Готовы на бой миллионы.

Клянемся... Мы страшную клятву даем:
На подвиг, на битву готовы!
С рабов подъяремных колодки собьем
И в море швырнем их оковы.

(29 января) 1924

Дмитрий Петровский

86. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

«Шофер, повороти в Москву».
— «Я не могу, товарищ Ленин,
Мне не велели. . .»
— «Берегут,
Всё думают, что я болею.
Повороты к Кремлю — велю:
Ужели путь туда затерян?»
Он вождь пролетариата. . . «Есть!»
Шофер не смеет больше спорить:
Он сердцем чувствует — это честь
Быть в заговоре с великаном.
Протягивает к рычагу
Окрепшую вельнем руку.
Сирены встречных берегут,
Автомобиль берет заставу,
Летит, летит — корабль в снегу,
Как будто вождь штурвалом правит,
И ветру вторит ропот губ:
«Это последнее восстанье,
Это последнее свиданье,
Последнее прости Кремлю!»
Их пропускает часовой:
Вернулся вновь Ильич домой.
Охвачен радостью по горло,
Светясь до кончика штыка,
Что видит снова Ильича,
Тот простоватый постовой,
Что будет годы после гордо —
Старик — в кругу своих внучат
Рассказывать, что он сказал
Вождю свобод свое: «Свободно! . .»

«Ко ВЦИКу. Стой!»
И, крадучися,
Ильич к себе взбегаёт вверх.

Стучат машинки, спорят, пишут, —
Горит работой мозга Кремль.
И радостью душа лучится:
Бессмертна мысль, —
Что ни случится,
Его завет осуществится.

Он вспоминает тот апрель,
Когда писал рабочим письма
Горящие. . .

Вот эта дверь —
За ней он годы просидел,
Но показались мгновеньем.
Еще бы час такой иль день,
Покрытый подписями «Ленин».

На стенке старый бюллетень.
Температура, сердцебиение. . .
Он точно птица прилетел
И выпорхнул под шепот: «Ленин! . . .»
Его узнали. . .

Вновь шофер,
Волнуясь, как заговорщик,
Летит сквозь уличную дверь,
Опознанный Москвою, в Горки.
Он обернулся у заставы:
Ильич, оборотясь, глядел,
Как в дымке Кремль и город таял,
И на мгновенье точно тень
Мелькнула по крутой щеке,
Но взор зажегся вновь отрадой:
Вождя боренье стало правдой.

Он гордый въехал в Горок двор
И спрыгнул так легко, как прежде:
«Теперь меж нами заговор. . .» —
И улыбнулся другу нежно.

«Спасибо, — означал тот взор, —
Не бред и не болезнь, а правда:
Не снится Кремль, а плещет флагом
И машет молненной грозой,
Прибоем катится на Запад. . .»

Перед гробом — стотысячный шаг.
Это — горе ведет отряды.
И, склоняясь, знамена шуршат
У древней кремлевской ограды.

А когда подошла к четырем
Часов равнодушная поступь —
Всплыл над площадью трубный рев
И салюты разбили воздух.

Притаился рабочий сапог,
Выносящий и стужу и слякоть.
Если горе валит с ног,
Разве хватит силы не плакать?!

Подымался к лицу рукав,
На глаза надвигалась шапка,
Когда гроб задрожал на руках,
Опускаясь тревожно и шатко.

Среди двух боевых знамен,
Опоясанный черным крепом,
Под несущийся с площади стон
Понесли его к серому склепу.

Кто-то скорбно рыдал навзрыд,
Кто-то молча упал на колени:
Был в могиле друзьями зарыт
Владимир Ильич Ленин.

А на площади шаг звучал,
Проходили крестьяне, рабочие
Поклониться тому, кто пал,
Но сделал наш путь короче.

(30 января) 1924

Александр Гатов

89. СКАЗ ОБ ИЛЬИЧЕ

Гневный красный прокричал петух.
Небоскат пожарами распух.
Огневища, как медведи, сзади
Обступили остовы усадеб.

Хоронили, не свята кутьи,
И хмелели, и кружили снова.
И громовой колесниц Ильи
Прозвучало слово Ильичево.

Новой Русь пошла поля пахать,
Крыши ладить, гвозди забивать.
Нету их? Так надо мощь утронить:
Гвозди сделать — после дом построить.

Дом построили — и свет кругом:
Дома в мире не было такого,
Негру, финну — всем он отчий дом,
Дом, рожденный волей Ильичевой.

И насторожился красный дом,
Слова вещего не слышно в нем.
Было слышно только — сердце билось,
Но и сердце вдруг остановилось.

Как чугун, печаль и тишина. . .
Но пред гробом красным и парчовым
Выше скорби только мысль одна:
«Жизнь отдать за дело Ильичево».

30 января 1924

Вера Инбер

90. ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней. . .

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

Январь 1924

Николай Ашукин

91. ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Вечерняя в небе заря,
Синие тени к окнам льнут.
Двадцать первое января,
Шесть часов пятьдесят минут. . .

Ленин умер, лежит в гробу! . .
Устал? Уснул? Изнемог? . .
Этой смерти (в простую судьбу)
Поверить никто не мог.

Да и верить не надо ей:
В воле миллионов людей
Ленин — властный и строгий зов
К штурму грядущих веков.

С черной каймой бюллетень,
Черный креп на алой заре. . .
Отныне траурный день
Установлен в календаре.

Но, сквозь траурный креп горя,
Знамена огни взметнут —
Двадцать первого января
В шесть часов пятьдесят минут.

Январь 1924

Сергей Бобров

92

Протянувшись вперед,
Гигантской руки тяжелая тень
Волнует, туманит и бьет
В сердце планеты
Сарказмами грозной судьбы.
И тогда закипает — на поле битв
Под крики гудков, на снопах, над нами —
Слово *Ленин*, которому жить
Надо всеми людскими сердцами.
Имя кричит, обегая
Рушащийся мир,
И за ним рассыпаются осколки —
Это жизнь лицемеров, мертвецов и убийц.
Их проклятья сияют у плеч его розами.
Это друг,
Его помнит издыхающий под палкой
Ненавистных рук.
Ленин умер. . .
Товарищи, братья, друзья!

Он не умер, не умер — он с нами,
Его жизнь — это мы, и она
Разрывается знаменем красным над всеми,
Надо всеми людскими сердцами.

Январь 1924

Даут Юлтый

(Перевод с башкирского)

93. РЫДАНИЕ

1

Тишина.
Вечный труженик —
старый Урал,
Как верблюд,
спит враспяжку
под саваном белым.
Спят вершины
и слушают зимний хорал,
Что тревожные сны
навевают несмело.
На просторных полях,
где гуляет мороз,
Увязая в сугробах,
уснули деревни, —
Словно пуговицы,
кинуты кем-то вразброс
На природе,
угрюмой и древней.
И заводы,
которые шумом своим
Трепетать заставляли
всю землю в округе,
Замолчали. . .
Из труб их не тянется дым —

Он застыл,
 будто замер,
 в холодном испуге,
Он покрыл город
 грустною пеленой
И пополз вдоль железной дороги,
Чтоб узнать,
 что несут провода
 над страной,
Думы их угадать
 и тревоги.
Провода же рыдали
 и вздохи несли,
Провода же стонали
 в пути многоверстном.
И сверкая огнями,
 весь в снежной пыли,
Мчался поезд
 под куполом звездным.

Он спешил из Москвы
 и дышал тяжело,
Он стремился,
 стремился к Уралу,
Чтобы сердце его
 тишину здесь нашло,
Чтобы сердце
 навзрыд не рыдало.
Горе гонится сзади
 за ним —
Безутешное,
 страшное горе...
Пролетел он, промчался.
 Белый стелется дым.

И опять
 на уральском просторе
Тишина...

З-з-з-з! . . .

У-у-у-у-у! . . .

З-з-з-з!

У-у-у-у-у! . . .

Беспокойной струной

провода загудели,

В тяжкий стон превратив

за слезою слезу.

И от гуда

сердца у людей холодели.

И уже опоясали

болью своей,

Облетели всю землю

рыданья и стоны,

Словно плакали сразу

милльоны детей,

Словно плакали сразу

голодных милльоны.

И когда тем рыданьям

вняла синева,

Вняли реки, леса,

и долины, и горы —

Броско молния врезала

в небе слова:

Пусть рыдает земля —

горе!

Горе!

Пусть охватит печаль

всех, кто в мире живет.

Умер Ленин. . .

Умер Ленин. . .

— Ох! — вздохнул со слезами

народ —

Люди всех поколений.

И потом
 пять минут
Всё молчало — у земли на груди
 ни слова,
 ни гула.
Слезы лились,
 как льются над миром дожди.
Вся земля
 в тех слезах
 потонула.
Январь 1924

Михаил Герасимов

94. ЕГО ПАМЯТИ

Угас.
Угас могучий гений —
Сиянье северной земли,
Любимый вождь Владимир Ленин
С сердцами миллионов слит.

Единым пульсом сердце билось.
Пронизывал единый ток.
С непобедимой силой
Восстали Запад и Восток.

Твой голос —
Грозный гром стихии,
Прибой миллионных толп,
Землетрясенная Россия,
Гуденье океанских волн.

Его шагов стальную силу
Ковали долгие века,
Его порыв не угасила
Убийцы черная рука.

Мы вздрогнули от острой боли:
Его уж нет, навек ушел.
Заряжены железной волей,
Мы вместе сплавились душой.

В семью единую мы слиты,
Единый курс, единый стан.
Включил в иную нас орбиту
Земли великий Капитан.

Угас.
Угас чудесный гений,
Перешагнувший рубежи.
Но имя огненное ЛЕНИН,
Как солнце, будет вечно жить.

Январь 1924

Рюрик Ивнев

95. У ГРОБА

Я вижу тысячи голов,
Склоненных в горечи и плаче.
Я знаю — будет много слов
И вдохновенных, и горячих.
Но никому не рассказать,
Что было в нем — в простом Гиганте,
Как мог он новый мир создать
Из вечно старых букв: «Восстаньте!»
И в тысячах статей и книг
Умы, как птицы, будут биться,
Чтоб этот гениальный лик
Мог людям снова повториться.
Его поймут два существа:
Дух коллективного Поэта
И овдовевшая планета,
Чей вечный траур — синева

Январь 1924

Вера Ильина

96. ИЛЬИЧУ

Наш зоркий вождь, наш большелобый гений,
Наш капитан, что сам держал штурвал,
Ты к берегам прекрасных откровений
Россию вел и мир за нею звал.

И вот ты бросил нас в открытом море.
Мы плачем, бьемся. . . не воскреснешь ты! . .
Но не в слезах топить нам наше горе
Велят твои спокойные черты.

Прощай, наш Ленин! И на смертном ложе
Ты — капитан родного корабля.
И пусть твой дух бессмертный им поможет —
Тем смельчакам, что встанут у руля.

Январь 1924

Василий Каменский

97. КОГДА УМИРАЕТ ВОЖДЬ

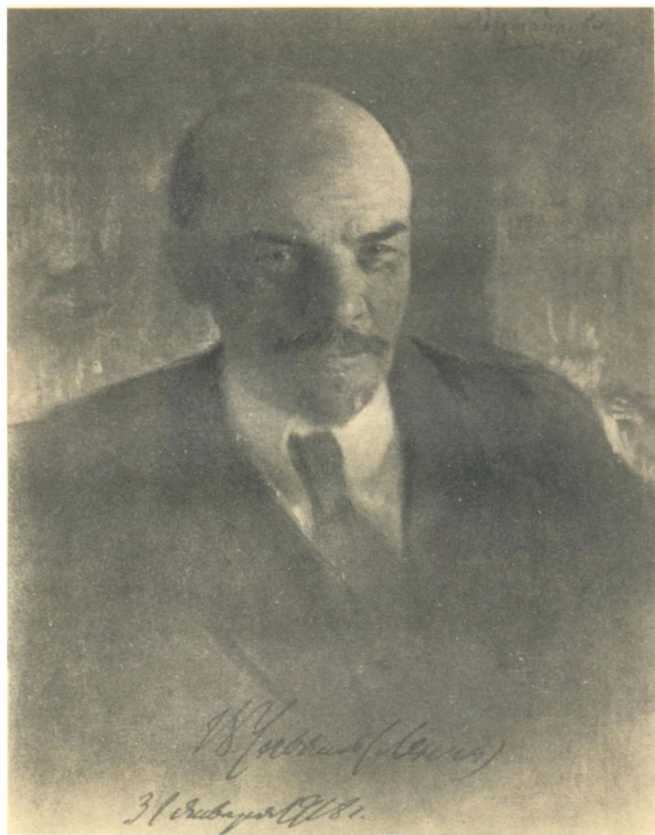
Когда умирает Вождь, —
Как будто солнце гаснет.
Не слезы льются — градный дождь
От боли скатывается на снег.

Когда умирает Вождь. . .
Мгновения полны тревоги,
В трауре чернеет мира площадь,
И тяжелы сиротские дороги.

Когда умирает Вождь, —
Путь каждого становится велик
Среди краснознаменных рощ,
Где Ленина сияет лик.

Александр
1917
Борис
Кручинин

J. S. Johnson (L. S. J.)

31 October 1881.

Когда умирает Вождь. . .
Ползут враги шипящим низом.
Но мудрая несокрушима мощь:
Учитель мертв — жив ленинизм!

Январь 1924

Петр Орешин

98. ЗАКАТ

Земля родная, лес да поле,
Глухая степь и синь дорог,
Теперь нам не понять уж боле,
Где наш закат и где восток.

Как будто снова темь покрыла,
Как будто — уж в который раз? —
На нас нагрянет вражья сила
И черным днем придушит нас.

Сегодня день и снег желтее,
Поля темны, как наша речь.
И дай-то бог ржаную шею
От медной петли уберечь.

Не знаю, где тоски начало,
Но в сердце водится червяк.
И сивки-бурки шаг усталый —
Как будто бы последний шаг.

Но путь широк, и сердце знает,
Куда направить добрый путь,
Чтоб голову родному краю
Шутя в потемках не свернуть.

Мы босы, голодны и наги,
Мы — нищи, как овечий хвост.
И страшен стал родной сермяге
В снегах серебряный погост.

Земля родная, где же милость,
Откуда радости нам ждать,
Коль солнце (солнце!) закатилось —
Земли ржаная благодать.

Январь 1924

Дмитрий Самойлов

99. ЗА ГРОБОМ ИЛЬИЧА...

Не оркестры плакали маршами
И печалью гремели трубы —
Это плакало сердце наше,
До крови закусившее губы. . .

Не знамена горели в трауре,
Свое пламя закутав в креп, —
Это мы запылали заревом,
Когда взор наш слезами слеп.

Не армейцы щетинились сталью,
В мостовые вбивая шаг, —
Это мы ощетинясь сказали:
«Никогда, никогда назад!»

В высоте не гудели пропеллеры,
Монопланов сверлящий лёт, —
Твои зовы птицами реяли,
Твоя смерть позвала вперед.

Красный гроб на плечах качался,
Ветер вихрил знамённый клич, —
Каждый крепкою клятвою клялся:
Победить — умереть, но достичь!

Январь 1924

Григорий Санников

100. СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Я не забуду этот вечер.
Сумраком синим город густел.
Торопливо по линиям,
Как в бесконечность,
Бежали трамваи.
Шли люди,
И по всему городу
Мелко похрустывал снег.
В заводах
Кипела работа быстрая —
Разговаривали станки,
И шустрый шум приводных ремней
Наполнял корпуса.
Неудержимая жизнь текла,
Как бесконечности ровный поток.
Вдруг в семь часов
На башне кремлевской,
Вздвогнув,
Куранты оборвали звон,
Медным стоном всколыхнув синеву.
Звяканьем захлебнувшись,
Остановились трамваи на миг,
И пробегающий автомобиль
Головой глазастой
Уткнулся, рыдая, в сугроб.
На окраинах громко гудки взревели...
Толпами
Из корпусов фабричных
В ночь
Рабочие молчаливо прошли...
Веял тревогою ветер.
Над городом сумрак густел...
Только красноармеец
На посту, у ворот Кремля,
Вглядываясь в синеву,
Слышал —
Провода тоскливо гудели,
Как будто пели похоронный марш, —

И, настороженный,
Крепче ружье сжимал. . .

В этот вечер
Умер рабочий вождь.

Январь 1924

Павел Арский

101. ВОЖДЬ

В веках пылает огненное слово. . .
Угасший — он живет, и величав и строг.
Он будет символом бессмертия живого
На рубежах годов, на гранях всех эпох.

Угасла жизнь — огромная, как море. . .
Мир в трауре. . . Утрата велика. . .
И в книге скорби и невиданного горя
Перевернула лист мозольная рука.

В декретах красных с силой неумейной
Ковал он волю трудовых когорт,
Удар в удар сердца, их миллионы
Согласно бились — трепетный аккорд.

За то, что мысль его — железный овод —
Язвила ужасом сознание богачей,
За то, что радостно звенящий провод
К нему тянулся, молний алей,

За то, что в рупор неумолчно-ярый
Он звал к свободе, к счастью на земле,
За то, что мир он зажигал пожаром, —
Ему, как солнцу, пламенеть во мгле

Январь 1924

Александр Исбах

102. БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ И ЛИ ЧАНЕ

В Пекине — люди из разных стран,
в Пекине так много улиц.
По улицам долго бродил Ли Чан,
забитый китайский кули.
Был рикшей раньше китаец Ли Чан,
возил на себе мандаринов.
Было тяжело Ли Чана плечам,
был хлеб для жены и сына.
Разгневался Будда — и умер сын.
Работал Ли Чан поникший.
И какой-то большой-большой мандарин
забрал и жену у рикши.
Ли Чан о неправде судье говорил,
но Ли Чану глотку заткнули,
потому что шарик имел мандарин,
а Ли Чан был просто кули.
Полицейский к Ли Чану был очень строг:
тяжел кошелек мандарина.
Приказал Ли Чану в двухдневный срок
уехать совсем из Пекина.
Собрал пожитки свои Ли Чан,
уехал Ли Чан послушный —
на поля, где растет ароматный чай
(кушать ведь тоже нужно).
На полях за работой надсмотрщик зол,
что ни день — больно бьет Ли Чана.
С тех пор как Ли Чан на поля пришел,
не спина у него, а рана.
На полях, где растет ароматный чай,
раз повеяло теплым ветром.
Коренастый приезжий в полях невзначай
потерял листок газеты.
И один из рабочих, избитый, больной,
прочел про страну такую,
где правят своею свободной страной
не мандарины, а кули.

И там, на смятом газетном листе,
что лежал на дрожавших коленях,
нарисован был старший свободных тех,
и имя стояло: Ленин.

И бедные кули на чайных полях
с тех пор ежедневно ночью
слагали десятки прекрасных саг,
как Ленин сумеет помочь им

О том, что должен пасть мандарин,
что с полей риса и чая
Ленин зовет в мятежный Пекин
кули всего Китая.

Днем под солнцем, днем под хлыстом,
ночью, стоя в кругу на коленях,
мечтали долго. Шептались о том,
кто зовется в России Ленин.

Прогнан Ли Чан. Снова попал
в Пекин, где так много улиц.

В Пекине бродит большая толпа
голодных китайских кули.

Вдруг слышит Ли Чан газетчика крик,
и в крике слышит волнение:
умер самый большой большевик,
умер в России Ленин.

Ли Чан качнулся. Ли Чан побледнел,
потемнело в глазах Ли Чана,

Ли Чан на ступеньку дома присел,
Ли Чана глаза в тумане.

Умер Ленин. Как же они,
как же китайские кули?

Неужто всю жизнь таскать свои дни
под хлыстом и угрозой пули?

Умер Ленин. Тот, что с листа
подавал к восстанию знак им.

Никогда не плакал Ли Чан от хлыста,
а теперь Ли Чан заплакал.

Заплакал Ли Чан на ступенях там,
в глубине пекинских улиц.

И бежала слеза по газетным листам
во всем мире забитых кули.

Январь 1924

Филлюков,
рабочий Гостреста «Северолес»

103. СПИ, ГЕНИЙ ВЕЛИКИЙ...

Спи, Гений Великий, потрясший основы вселенной.
Спи, лучший из лучших — алмаз среди великих людей —
И знай: твоим словом народ вдохновленный
Сумеет стряхнуть гнет прогнивших цепей.
О, Гений Великий — ты солнце и дух коммунара!
Нет тебе смерти!

Ты с нами!

Январь 1924

Злотин, красноармеец
Отряд Особого Назначения при ЦК РКП(б)

104. НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА

Не ветер, не вьюга рыдает и стонет,
Не солнце погасло в густых облаках, —
Вождя своего пролетарий хоронит
С отчаяньем сердца, с слезами в глазах.
Не выпив до дна чашу жизни бурливой,
Он умер, как славный, великий герой,
Ко благу народному, к жизни счастливой
Ведя наш корабль по пучине морской.
Он вел его в бурю, в дни грозных пожарищ,
Он правил могучей и верной рукой.
Да будет тебе, дорогой наш товарищ,
И вечная память и вечный покой.
Твой ум и ученье, великий мыслитель,
В нас будут как яркое солнце сиять,
Клянемся над гробом твоим, наш учитель,
Дорогой твоей неизменно шагать.
Так крепче сомкнем мы ряды трудовые
И смело к намеченной цели пойдем,
И для Капитала Коммуны стихия
Вновь станет карающим грозным мечом.

Январь 1924

*Ал. Мушникова,
работница Почтамта*

105. ЗАЧЕМ ГОВОРИТЬ, ЧТО ОН УМЕР

К вам, рабочие целого мира,
Мы несем этот огненный клич:
Умерла наша светлая сила,
Наш любимый, великий Ильич.
Нет. Зачем говорить, что он умер.
Он ведь здесь — он ведь в каждом из нас!
Его слава в рабочей коммуне
В мировые пожары зажглась.

Январь 1924

*Брюнчугим,
безработный*

106. ЕГО НЕ СТАЛО

Умер наш Вождь и всемирный Учитель —
Ленин Владимир Ильич.
Всех пролетариев стран Вдохновитель,
Гроза капитала и бич. . .
Сомкнулись уста, и закрылися веки, —
Умер. Идея же — нет.
Имя твое сохранится вовеки
И данный тобою завет. . .
Всё, чему учил нас и нам ты оставил,
С любовью сумели постичь.
Тою дорогой, которой направил,
Будем идти, дорогой наш Ильич.

Январь 1924

***Рабочие фабрики Высоковской
мануфактуры Клинского уезда***

107. СКЛОНИ ГЛАВУ

Склони главу, страна свободы,
Перед почившим мудрецом,
Который вел вперед народы
С великим знанием и умом.
Замолк навек Ильич наш мудрый,
Но дух его средь нас живет
И к братству, равенству ведет
Дорогой верной, хоть и трудной.
Покойся вечным сном, наш генний,
И знай, что мы в душе храним
Уроки всех твоих учений
И верим в то, что победим.
Тяжел нам твой уход — мы знаем.
Но духом бодры, как с тобой,
И снова все идти на бой
За идеал твой обещаем.
Прости, учитель, вождь, борец.
Прими тобою заслужённый,
Слезой нашей окропленный
Навек нетлеющий венец.

Январь 1924

Иван Назаров

108. СЕГОДНЯ

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

Сегодня день зарей печальной
Зажегся над страной родной,
Умолкли в цехе наковальни,
Гудок заплакал заводской.

Сегодня мы лишились в жизни
Того, кто вел к победе нас.
Сегодня в скорби вся отчизна:
Великий светоч наш угас.

Январь 1924

Эдуард Багрицкий

109. СМЕРТЬ

Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами;
Сугробы в сажень, и промерзла в сажень
Засеянная озимью земля,
И города, подобно пешеходам,
Оделись в лед и снегом обмотались,
Как шарфами и башлыками.

Грузно

Закопченные ночи надвигали
Гранитный свод, пока с востока жаром
Не начинало выдвигаться солнце,
Как печь, куда проталкивают хлеб.

И каждый знал свой труд, свой день и отдых.
Заводы, переполненные гулом,
Огромными жевали челюстями
Свою каменноугольную жвачку,
В донецких шахтах звякали и пели
Бадьи, несущиеся вниз, и мерно
Раскачивались на хрипящих тросах
Бадьи, несущиеся вверх.

Обычен

Был суток утомительный поход.
И в это время умер человек.
Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами.
А посредине — выструганный гладко
Сосновый гроб, и человек в гробу.

И вокруг него, дыша и топоча,
Заиндевелые проходят люди,
Пронесшие через года, как дар,
Его слова, его завет и голос.

Над ним клонятся в тихие снега
Знамена, видевшие дождь и ветер,

Знамена, видевшие Перекоп,
Тайгу и тундру, реки и лиманы.

И срок настал:
Фабричная труба
Завыла и за нею загудела
Другая, третья, дрогнул паровоз,
Захлебываясь паром, и, натужась
Котлами, засвистел и застонал.

От Николаева до Сестрорецка,
От Нарвы до Урала, в голос, в голос
Гудки раскатывались и вздыхали,
Оплакивая ставшую машину
Огромной мощности и напряженья.

И в диких дебрях, где, обросший мхом,
Бормочет бор, где ветер повалил
Сосну в болото, где над тишиною
Один лишь ястреб крылья распахнул, —
Голодный волк, бежавший от стрелка,
Глядит на поезд и, насторожив
Внимательное ухо, слышит долгий
Гудок и снова убегает в лес.
И вот гудку за беспримерной далью
Другой гудок отвечает. И плач
Котлов клубится над продрогшей хвоей,
И, может быть, живущий на другой
Планете, мечущейся по эфиру,
Услышит вой, похожий на полет
Чудовищной кометы, и глаза
Подымет вверх, к звезде зеленоватой.

Страна в снегах, страна по всем дорогам
Исхожена морозом и ветрами,
А посредине — выструганный гладко
Сосновый гроб, и человек в гробу.

(3 февраля) 1924

и проводам,
отстукивали
пульс известий
и станции
и города.

И всё,
 что стало,
всё,
 что стыло
среди станков,
среди снегов, —
свой голос присоединило
к миллионам
скорбных голосов.

(3 февраля) 1924

Иосиф Уткин

111. 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Каждый спину и душу сгорбил,
И никто не хотел постичь.
Из Кремля прилетели скорби:
«Двадцать первого. . . умер. . . Ильич!»

И, как будто бы в сердце ранен,
Содрогаясь до основ,
Зарыдал хор рабочих окраин,
Надрывая глотки гудков.

И пошли с похоронным стоном,
И от стонов кривился рот.
Но читал я на красных знаменах,
Что Ильич никогда не умрет.

Но видал я, как стены дрожали,
Услыхавши клятвенный клич.
И, я знаю, в Колонном зале
Эту клятву слышал Ильич.

Ну, так работу скорь,
Крепче клинок меча!
Мы на железо — скорбь,
Мы на борьбу — печаль.
Шире разлет плеча:
— Нет Ильича!

(4 февраля) 1924

Владимир Жижин

112. ОПОЧИВШИЙ ПОМОР

ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

Скатилось с избушек во льды, за Вайгач
Румяное солнышко — кузов с морошкой,
Простуженный месяц, свернувшись в калач,
Слезу заронил над медвежьей дорожкой.
Из дремной тайги, с белокипенных гор
Вещают певуны — залетные вьюги:
Сегодня Ильич — опочивший помор —
Отчалил из мира на парусном струге.
Не стало в светелке кликуши Земли
Мудрейшего брата бунтарских радений,
И болью мужичьей снега зацвели,
Как смертная дума в глазах у оленей.
Бьет в бубен с тоской краснозубый шаман,
Трезвон керженецкий в истоках Печоры
Горюет, что брата с московских полян
На стругах из мира увозят поморы.

(10 февраля) 1924

Михаил Голодный

113. ВОЖДЬ

От наших рук,
Тяжелых и упорных,
И радостных, как взмах крыла,

Столетние дубы,
Хрипя, ломали корни,
Пошатываясь,
Отодвигалась мгла.
Но дальше всех
Уперся и дымит в веках
Ленинской руки
Грозовый взмах.
Ни вьюга, ни пурга,
Ни знойные пески
Не заметут
Взмах ленинской руки.

В темных лесах дубы не трещат,
В темных лесах зайцы молчат,
И, косясь из-за угла,
Тяжело вздыхала мгла.
Горам в горе тяжелей
Быть немым среди людей.

Оттого гора горé
Жаловалась, как сестре:
«Знаешь, сестра, не только в Кремле —
Стало грустно на всей земле».
— «Да, — сказала гора, — в городах
То же теперь, как у нас, в горах».
Поэтам всех времен не рассказать,
Не рассказать стихом горящим,
Как можно голосом связать
Будущее с настоящим.

Знамена нам ветрá надуют,
Моря нам вымостят пески,
И, падая, мы будем чувствовать
Жест ленинской руки.
И в радостных веках не потемнеть
Сверканьям ленинским над нами,
Как в миг один,
Дробя, не рушат камень,

Как в миг один
Не может умереть
Ударами
Разбуженная медь.

14 февраля 1924

Михаил Герасимов

114. ТРАУР

Рыданья под сугробами —
Ушел родимый, нежный...
С Кавказа крутолобого
И до Аляски снежной

Какая скорбь безумная,
Полярный ветер плачет.
Нагие нервы струнами
Ко гробу Ильича.

Плети рук ломая —
Бронзовые лозы,
С массива Гималая
Стекают стон и слезы.

Огонь в глазах и крики
С плантаций знойных Явы:
Ты жив, наш вождь великий,
Слава,
Слава, слава!

Раб забитый, хмурый,
Но болью сердце рвется.
В черных шахтах Рура
Вздых подземный бьется.

Гудки рыданьем резали,
Терзали скорбью нас.
Скатились на железо
Капли с влажных глаз.

И всё облито было
Рыдающей грозой.
Луна на небе стыла
Мучительной слезой.

Уснул. Как сердце хрустнуло
От траурного пенья.
Но шар земной приплюснут
Его гигантской тенью.

(17 февраля) 1924

Демьян Бедный

115. ЛЕНИНСКОМУ НАБОРУ

Печаль моя, тебя ли утаю?
Молчанием тебя я выдаю.
Но будят мрак огней далеких вспышки.
Скончался вождь. Но рать его в бою,
И начеку сторожевые вышки.
Прощай, Ильич! Оплавав смерть твою,
Кончаю срок жестокой «передышки».

Пронесся стон: «Ильич, наш вождь, угас!..
Кто ж поведет дорогой верной нас?
Откуда ждать нам вещей откровений?»
И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных пополнений.
Нет Ленина, но жив рабочий класс,
И в нем живет — вождя бессмертный гений!

Вот Мавзолей. И траурный убор.
Здесь будем мы трубить военный сбор.
Здесь — наш алтарь и наш ковчег завета.
Да будет же, наш ленинский набор,
Защищена тобой святыня эта!
Отсюда ты на вражеский напор
Пошлешь бойцов для грозного ответа.

(24 февраля) 1924

Василий Моряк

116. ЛЕНИН

На борьбу
 с отживающим старым
Мы пришли —
 молодой прилив...
И не раз еще
 вместе
 ударим
Под знаменем
 ЛЕНИН —
 КОЛЛЕКТИВ.
Для нас
 ЛЕНИН —
 поход в будущее.
Для нас
 ЛЕНИН —
 призыв для работ...
Впереди
 на дорогах
 будут еще
Тысячи
 новых забот.
Но теперь
 не поставят
 Пуанкаре и прочие
Нас,
 молодых,
 на колени...
Сегодня
 выгравировано
 в каждом
 рабочем
железное —
 ЛЕНИН.

(Февраль) 1924

А. Васильева,
беспартийная работница

117. ИЛЬИЧУ

Бешено ветер ревел и стонал,
Всюду метель бушевала,
Словно почуяв, что вождь умирал,
Буря протест выражала.

Долго стихия в печали своей
Сыпала снежные слезы.
Сердце великое жаль было ей...
Землю сковали морозы.

Саваном белым покрыта земля —
Траур глубокий и чистый...
Нет уж у нас дорогого вождя!
Кончил он путь свой тернистый.

Славный тот путь не забудет народ,
Вечно вождя вспоминая,
Сам он по этой дороге пойдет,
Доблестный путь продолжая.

(Февраль) 1924

Валентин Катаев

118. ИЗВЕСТИ

1

Бывает такой непомерный убыток,
Что слово становится слепо,
И стужею слово, как птица, убито
И падает с лету — как слепок.

История делает славу на ощупь,
Столетиями пробуя сплавы,
Покуда не выведет толпы на площадь
К отлитому цоколю славы.

Жестокою стужу костры сторожили,
 Но падала температура,
 На градус в минуту сползая по жиле
 Стекло́нной руки Реомюра.

Бульвар, пораженный до центра морозом,
 Деревьев артерьями синий,
 Уже не бисквитом хрустел, а склерозом,
 На известь меняющим иней.

И, землю морозом сковав и опутав,
 Хирурги хрустальной посуды
 Выкачивать начали кровь из сосудов,
 Чтоб стужей наполнить сосуды.

И вынули сердце, как слизистый слиток,
 И пулю, засевавшую слепо,
 И мозг, где орехом извилины слиты, —
 Поступков и совести слёпок.

Я видел Ходышкой черневшую площадь,
 И угол портала уступом,
 И ночь с перекошенным глазом, как лошадь
 В толпу напиравшую крупом.

Кобыла, под мерзлым седлом оседаю,
 Хрустела и двигала холкой,
 И нежно топорщилась морда седаю
 Ресницами извести колкой.

И вспышками магния, края с балконов
 Смертельною известью лица,
 В агонии красных огней и вагонов
 В лице изменялась столица.

За окнами люстры коробило тифом,
 И бредили окна вокзалом,
 Но траур не крепом лежал, а кардифом
 У топок Колонного зала.

Дубовые дровни гревели сугробом,
 И люди во тьму уходили,
 Они по опилкам прошли перед гробом,
 Они рб одном говорили.

О д и н

Я запомнил знамена у ложа
 И черную флейту над пультом.
 Я видел, как с глиною борется, лежа
 У гроба, измученный скульптор.

Д р у г о й

Как столетье стояла минута,
 Проверенной совести проба.
 Он был неподвижен во френче, как будто
 Диктующий лозунг из гроба.

И т р е т и й

С ^к мешками у глаз, среди зала
 (Седая и руки сухие),
 Жена, неподвижно дежуря, стояла
 У тела в ногах, как Россия.

Но я не пришел посмотреть и проститься.
 Минута. Навеки. И мимо. . .
 Бывает, что стужею сердце, как птица,
 Убито у двери любимой.

И падает сердце, легко умирая,
 Стремительно, с лету навывлет —
 В сугроб у десятого дерева с краю —
 Морозом игольчатой пыли.

Бывает, что слово становится слепо
 И сил не хватает годами
 Отцовского лба, как высокого склепа,
 Прощаясь, коснуться губами.

(Март) 1924

Хаим Гильдин

(Перевод с еврейского)

119. 21 ЯНВАРЯ

Из поэмы «Лениниада»

1

Я до сих пор отлично помню ночь:
На Красной площади могилу рыли,
Упрямилась промерзшая земля,
Но динамитом ей уста раскрыли.

Я помню скорбь, рубившую плеча,
Глухую боль, что шествовала с нами,
И по дороге к гробу Ильича
Все улицы расплакались кострами.

И в памяти так много лет живет
И снег, и траурных знамен дыханье,
И даже в час веселья предстает
Тень Мавзолея, как напоминанье.

И снова скорбь,
И глуше сердца бой.
И снова мнится шествие, могила,
И снег исходит хрипом под ногой,
Как будто смерть его и в землю нож вонзила.

2

Глухую весть приносит траурное знамя,
В окнах крепом окантован ленинский портрет,
И входит скорбь в сердца морозными шагами
И клонит головы, как бред.

Вот здесь,
Где поступь бури всем камням знакома,
Где груд впервые радостью сверкнул,
Рукою дерзкою над каждым домом
Здесь вестник скорби знамя развернул.

Вот здесь,
Где повесть битвы знает каждый камень,
Где каждая стена — о Коминтерне зов, —
Печали черный знак колышется над нами,
Умершего вождя ждут улицы смятением голосов.

Колеблет ветер траурное знамя,
И крепом боль по улицам шуршит.
И день серебряный слегка повел бровями
И захромал, как опечаленный сутулый инвалид.

3

Земля изрыта оспою могил,
До самых ребр изъедена бичами,
Но к ржавому мечу, что резал и косил,
Так рабски льнет зелеными устами.

Как тяжело за пазухой носить
Холодную змею уничтоженья,
И быть в долгу у смерти, и платить,
Платить из поколенья в поколенья.

Шагать легко и тяжкий груз нести,
Груз новой жизни на плечах могучих,
Но от подножки смерти неминучей
Пасть окровавленным на полпути.

Мир сед,
На нем тысячелетий знаки,
На гнет и гибель силы расточил,
Но смерть — слепую гончую собаку —
Он до сих пор на цепь не посадил.

4

Пять леденящих дней прошло,
А толпы всё идут,
А толпы всё не тают.
Пять дней бессонницей страна поражена,
И слезы на ресницах замерзают.

Кто в эти дни беды сомкнет глаза?
Ведь погасила смерть ярчайший факел мира.
Всех подавила горести гроза,
И в позвоночник мира скорбь рукой морозной
вогнала
Огромную и острую секиру.

Пять ледящих дней прошло,
А толпы всё идут,
Идут по ледяным накатам.
Трясаясь от всхлипа, старая земля
Сиротский шаг целует виновато.

В саване валяется растоптанная ночь.
Серееет небо опухолью гнойной.
Как вежи огненные, мечутся костры
И с ночью борются,
И ей в лицо плюют,
Огнем плюют в лицо, как тварь недостойной.

Пять ледящих дней прошло,
А толпы всё идут, идут,
Заиндевелые шагают люди.
Подножки ставь, зима,
Свисти пургой —
Живого Ленина всю жизнь мы помнить будем.
И мертвый кажет путь рукою восковой.

Вот порог,
Замер гул,
Сердцу стало на мгновенье тесно,
Гроб,
Застывший караул,
И где-то за колоннами вдали
Невидимый рыдающий оркестр.

Люстры, как черные гроздья печали, висели —
Ряды, ряды без конца,
Ноги волочились еле-еле,
И вторили траурным звукам оркестра —
Сердца.

Вот желтое лицо, застывшее в дремоте;
Не вспыхнет больше речь, пронзавшая века;
Как знак борьбы,
Как властный знак победы,
В кулак зажата правая рука.

Пять леденящих дней прошло,
А толпы всё идут, идут.
Морозной сединой заиндевели толпы.
Подножки ставь, зима,
Свисти пургой, —
Живой он вел вперед к сверкающим победам
И мертвый кажет путь рукою восковой.

5

Последнее «прощай» —
В последнем долгом взоре.
Слеза туманит глаз,
Но веки заперты.
Живой — он для борьбы
Свои шеренги строил,
И с ложа смертного
Тесней крепит ряды.
Здесь ты увидишь всех:
И негра, и индуса.
Вот старый партизан —
Его трясет всего,
Вот молодая мать,
Над гробом выпрямляясь,
Как знамя, пронесла
Ребенка своего.
И слез ты не ищи,
Здесь все молчат, как камни,
Но эту скорбь
Ты в сердце сбереги.
И ты поймешь тогда,
Что по ступеням мерзлым
Звучат упорством
И отвагою шаги!

Две длинных стрелки, черных два клинка
Четвертый час за горло ухватили.
Надежды нет, и рана глубока,
И сердце бьется тише, обессилов.

Последнее мгновенье с Ильичем.
Ползут секунды — за одной другая...
Замри же, стрелка черная, кривая!
Ворона времени, не трепещи крылом!

А сердце ждет — оно в недоуменье:
Раздастся ль бой часов,
Как грозный зов!

И словно в миг предсмертного томленья,
Вдруг встрепенулись пауки часов...
Всё глуше всхлип шагов,
И леденеет слово,
И пастью темною зияет Мавзолей.
Примерзла тишина
К стенам Кремля седого,
И солнце лижет снег,
Как бронзовый олень.

Пятиминутное томительно молчанье.
Лишь молоты сердец
Умолкнуть не могли,
И страны мира,
Затаив дыханье,
Тянулись к нам
Со всех концов земли.

Когда четыре ровно прозвенело,
Его внесли бесшумно в Мавзолей,
В тиши внесли безжизненное тело
Того, кто жег огнем своих речей.

И сумерки вставали над толпою,
Боль подползала к горлу холодком.
Кто — подавился крупною слезою,
Кто — вдруг упал, как дуб под топором.

Казалось, солнце кровью наливалось,
Последними лучами тучу жгло...
Когда ж его осилила усталость,
Оно израненным орлом легло...

Четыре часа...

7

Любимый товарищ скончался в пути,
Звезда золотая упала.
Но если от боли тебе не уйти, —
Ни слез, ни печали, ни жалоб!

В веках пронесем его облик родной, —
Пусть смерть свою тризну справляет,
Но зов его светлый звучит как живой,
В сердцах миллионов пылает.

Не первая гибель, не первый урон,
Но помним о нем неуклонно,
И красное знамя, что выронил он, —
Его донесут миллионы.

В гуденье приводов и в темени шахт
Посевом взойдет его слово.
Откроется нам победителей шлях,
Пути нам не надо другого.

Любимый товарищ скончался в пути,
Звезда золотая упала.
Но если от боли тебе не уйти, —
Ни слез, ни печали, ни жалоб!

8

Дни пролетят.
Года пройдут, как лава,
И переплавят лом цепей в станки,
Заменят флейты рог борьбы кровавой,
Из горла флейт польются родники.

И брызнет молот щедро и огнисто
Заискрившейся радостью работ.
А меч пойдет на свалку, ненавистный,
И ржавыми слезами изойдет.
И встанет род, вскормленный не по-волчьи,
Он двинется к мирам, сияющим вдали,
И, как вола, в плуг счастья людского
Стихию запряжет, и ей прикажет
Расчесывать скалистый чуб земли.
Дни пролетят.
Года пройдут, как лава,
Уйдут из жизни горе и печаль.
Вдаль отойдет и путь борьбы кровавой,
Но сквозь года и сквозь столетья будет
Мерцать звездой имя Ильича.

9

Воют горем истомленные сирены,
Над пространствами
Глухая боль плывет,
И дрожат от плача заводские стены,
И печаль сердца на части рвет.
Кто залечит их зияющие раны?
Это здесь горела Ленина мечта,
И была с машиной неустанно
Этой гордой мысли простота.
На работу не нужда гнала бичами,
Не будила грозно нищета.
В каждой мышце
В лад с тяжелыми ремнями
Трепетала Ленина мечта.
И на стеблях муки
Радость подымалась,
И надежда расцветала каждый день,
Что отхлынет эта тяжкая усталость,
Серп, как бритва, горло перервет нужде.
В бой зовем мы наших братьев зарубежных,
И колонны станут шире и сильнее.
И пробьет в далеких странах час мятежный,
С Лениным в Париж придем, в Бомбей!

А сирены издают глухие стоны,
До краев они печалью налиты.
И разносится их возглас раскаленный,
И зовет к свершенью ленинской мечты.

Март 1924

Египсе Чарени

(Перевод с армянского)

120. ЛЕНИН

Всем, всем, всем...
Радио.
Москва.
Кремль.
...Скончался Ленин.

И за сообщением вслед —
Что?
Телеграммы?
Скорбь?
Траурное оцепенение?
— Нет, нет!

Траур уперся в горло —
Окаменелый ком.
Вместо него — наружу —
Только вот этот гром:

— Не подходите!..
— Не верьте!..
Тысячи, тьмы,
Нет, больше —
Нас, презирающих тленне,
Славящих ленинское бессмертье:
— **Ընքն!**

— Lenin!
— Ленин!

Сколько великих, вышедших
Из человеческих глубин?
Сколько? Не счесть!
Кромвелей сколько и Ганди
Было, есть
И родится на свет? . .

Между тем как
Ильич — один.
Другой Ильич — вряд ли...
Другого — нет!

Класс
Из века в век
Творил Ильича.
Класс из века в век
Создавал ткань
Из нитей, живших вразброс.
Внес крупицу свою
В мозг Ильича
Даже и тибетский водовоз.

За нервом нерв,
За волокном волокно
Классу в дар приносили
И мы, и вы.
Класс брал:
У меня — нить,
У тебя — волоконце одно,
И отдавал Ильичу:
Творил ткань
Наисложнейшей канвы.

И — что?
Ильич
Скончался?
Или — нем?
Или — в памяти лишь?
Нет, пролетарий!
Ильич в тебе.
В нем. Во мне.
Есть Ильич!

Есть класс!
Класс простер Ильича как девиз.
Противопоставил старому
Ленинизм!

Эй, вы!
Рокфеллер, Морган и К^о,
Слышите шаг поколений?
Мы придем еще, слышите!
Придет еще Ленин,
Чтоб войти во Всемирный
Совнарком!

1924

Паоло Яшвили

(Перевод с грузинского)

121. НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Поэзия в почетном карауле
Неделю в скорби не смыкает глаз.
Тифлис умолк, как кладбище в ауле.
Шестую ночь среди травы предгорий —
Ни ветра, ни молвы,
Но всё замрет в тот час,
Как партия с народом в сборе
На Красной площади Москвы
Предаст земле, даренья недостойной,
Прах Ленина.

В любой борьбе был Либкнехт — мой
избранник.

Он был пироксилином начинен,
Когда один на целый легион
С Германией бросался в состязанье,
Но Либкнехта избранником был Ленин,
И он —
Избранник всех племен.

Рыбак-оборвыш где-нибудь в Китае,
Забыв домашних, бросится к реке
Рыдать о мертвом, невод свой латая.

В Ирландии, горящем далеке,
Повстанцы в роще — в оживленном споре
О Ленине. В Испании и той —
Ни бурь, ни пенья, на море застой,
И, как на вахте, — парусники в море.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте в щель затишья песнью гóря, —
Нет, никогда
Так глубоко
И жарко так земля не горевала.

Друзья, Леван, Арчил и Заликó!
Вы помните ль години небывалой
Источенный цингой и тифом визг,
Который ночью зимнею в Тифлис
Вы привезли к нам из-за перевала?
Вы помните ль про страшный Петроград,
В потемках девятнадцатого года,
Рассказ ваш и про питерских ребят
У Ленина, и как в потемках этих
Светился он заботами о детях
И подбирал их, как худых цыплят?

Так пусть теперь толпою ребятишек
Обступит гроб ватага слов моих.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте песнью гóря в дверь затишья.

1924

Ялмари Виртанен

(Перевод с финского)

122. ЛЕНИН ЖИВ

Ленин умер — и Ленин живет в нас,
В нашей семье бессчетной.
Смотрим вперед мы, хотя и встали
К нему в караул почетный.

Затрепетали сердца пролетариев,
Сжались, вздохнули все вместе,
Горше им горького стало от этой
Самой ужаснейшей вести.

Но ни на миг не теряем мы веру:
Дело партии — дело живое!
Партию смерть никогда не покроет
Белой своей пеленою.

Нас миллионы, горящих идеей,
Той, что так ярко горел он.
К цели идя, мы ее достигнем,
Руша препятствия смело.

Ленин наш умер — но Ленин живет в нас,
В наших рядах он вечен.
Пусть же ведет нас в край вечного счастья
Путь, что был им намечен.

1924

Антон Пришелец

123. У СКЛЕПА

К нему не зарастет народная тропа.

Нет, не тропу — широкие пути
Ты завещал грядущим поколениям.
Путей твоих — векам не зарастить,
Векам не вырвать огненного: *Ленин*.

Уже встают со всех концов земли
Печальные ряды перед тобою,
И с каждым днем всё ширится прилив
Их беспокойного прибоя.

Кто в них? Прочти суровый лоб,
Морщинные обветренные лица —

И так понятно, что их привело
В таинственную дальнюю столицу.

Здесь все, кто шел с тобой в пути —
От наковальни, от станка, от плуга, —
Идут сказать последнее «прости»
Великому учителю и другу.

Спи, гений! Твой глубокий сон
Мы не нарушим ложною тревогой, —
Истории стальное колесо
Идет тобой указанной дорогой.

1924

Микола Бажан

(Перевод с украинского)

124. 21 ЯНВАРЯ

В трауре
Площадь,
Улиц набрякли вены,
И стягом, как пламенем, ветер полощет,
И слово на знамени — Ленин.

День
Упал —
В рамке черной.
Черный день,
Черный стяг.
Марш траурный, марш минорный
На улицах, на площадях.

Сердцем к сердцу, в строю непреклонном,
Плечом касаясь плеча,
Идет страна,
Коммуна,

Колонна,
Отчизна Ильича.

Нет! Он жив,
Не болел он, не умер!
Он в городе, он в селе!
В мильонах людей, в их порыве, их думе
Идет Ильич по земле.

Траурный стяг развертывай!
Холод печали лют.
Вождю страны,
Коммуны,
Когорты
Сегодня прощальный салют.

Брызнут лозунгами антенны,
Мир лозунгами зальют!
Погасло
Сердце Ленина, —
Ленин,
тебе прощальный салют!

Греми, мгновенье, печаль даря
Всем столетьям, народам всем:
21 января,
Без десяти семь.

Серое небо разодрано в клочья
Хмурых заводов сиренами!
Сегодня каждый рабочий
Салют отдает Ленину.

Вздымая свои знамена
И сердце скрепив свое,
Ленин встает миллионный,
Вождь и водитель встает!

1924

Ицж Феффер
(Перевод с еврейского)

125. СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Москва и Кремль...
И радио — к миллионам...
Планета слушает,
И слушает Москва...
По нашим головам,
На стуже обнаженным,
Тяжелотраурные
Падают слова...

У гроба мы стоим
Печальными сынами.
Так длинен-длинен путь,
Так тягостно притих
Осиротелый мир,
И совершилось с нами
Так много перемен
Великих и простых...

Москва и Кремль...
Ответ от миллионов —
Другое радио
В эфире улови!..
— Он с нами здесь, Ильич! —
Летит со всех районов. —
Он с нами в памяти,
В дыхании,
В крови!..

Есть слово!
Есть пароль!
Он освещает дали,
Прорезывая в мир
Невиданный маршрут!
Есть новая страна,
Из пламени и стали,
Есть новая страна,
Страна плодов и руд.

У гроба мы стоим,
Певцы и коммунисты.
Мужаем день от дня.
И кровь кипит легко,
И, знамя славное
На славное древко
Подняв,
Идем в простор
Безбрежный и лучистый.

1924

Гео Шкурний
(Перевод с украинского)

126. С НАМИ ЛЕНИН

Только на миг
склонить наше знамя,
только на миг содрогнутся сердца,
а после вновь стальными тисками
сжимай фашизм, рабочая рука!

Пусть гудки паровозов в депо,
пусть в гаражах автомобилей сирены
только раз прогудят разодранным ртом:
— Умер Ленин!..

Пусть революционным шагом
сквозь грохот и взрыв,
сквозь залп
милльоны пролетариев мира
понесут вождя.

— Он жив!..
Дело Ленина мы завершим,
нам рассеять фашистский мрак.
Мы последний шуруп ввинтим.
Мы — РКП, Комсомол, Spartak.

Мастерская, завод!
Трудись!..

Сердца закаляй ленинским духом.
Капитализм в борьбе победим, —
прогнать в стоголосый рупор. . .

Армия!
Марш вперед!
Ленин с нами навеки, наш он. . .
В шепоте уст имя его
нам станет победным маршем!

1924

Адриан Вечерний

127

Застонали радиомачты
Зловещее:
 «Всем, всем, всем.
Пролетарии мира, плачьте!
Слушайте, слушайте все!»

Эта весть — как обвалов грохот,
Эта весть — как разящий бич,
Эта весть — как Вселенной вздох:
 «Встаньте! Умер Ильич! . . .»

Вздрыгнула грудь миллионов,
Взревела воплем гудков,
Нет больше слов, только стоны,
Нет больше слов!

Только слезы безмолвной муки,
Только глаз горящих лучи,
Только в бешенстве сжаты руки:
 «Молчи!»

Но когда срок безмолвия минет,
Всё сольем мы в единый клич
И в лицо самой Смерти кинем:
 «Жив Ильич!»

198

Нет! Не умер, не умер Ленин!
Нет! Не умер Ильич, он жив!
Разлетайтесь, смертные тени!
Мы не верим проклятой лжи!

Он, безмерное бремя подъявший,
Он не умер, он только спит:
Отдыхает наш вождь уставший
Под гранитом могильных плит.

1924

Филипп Шкулев

128. ВОЖДЬ В ГРОБУ

Томительно... Горько...
Думы печальные сердце гнетут...
Бродят вечерние тени...
Двадцать первое января...
В шесть пятьдесят минут
В Горках умер Ленин...

Вождя нету...
Сердце остановилось...
Это для пролетариев
Всего света
Лучезарное солнце закатилось.

Не было и нет
Печали печальней —
Вождь в гробу,
Который взволновал весь мир,
Звал и вел народ
На борьбу!

1924

Мамед Саид Ордубады

(Перевод с азербайджанского)

129. НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Вьюга стонет и плачет. Землю сковал мороз.
Спи спокойно, учитель, в кущах багряных роз.
Мир наших благ народных мудро создан тобой,
Светлой твоей работой, славной твоей борьбой.

Пусть миллионы сильных, смуглых, жилистых рук
На погребальной тризне в тесный сомкнутся круг.
Ты бездыханен, мудрый, — дело твое живет...
Слово твое бессмертно — к подвигам нас зовет!

Руку свою над миром в будущие века
Ты простираешь, Ленин, снова с броневика.
Пусть не ликует подлый, пусть устрашится враг...
День ото дня редет и исчезает мрак!
Мир поник головою в час кончины твоей,
Мир и счастье народов — вечный твой Мавзолей.

1924

Сулейман Стальский

(Перевод с лезгинского)

130. ЛЕНИН

Великий Ленин, наш отец,
Ушел, покинув мир сегодня.
Какой холодный для сердец
И многотрудный день сегодня.

Ушел Ильич наш дорогой,
И солнце меркнет над землей,
И горе черною рекой
На нас нахлынуло сегодня.

Мир тесен стал, а ночь длинна,
Легла над миром тишина,
И в тишине, тобой полна,
Заплачет музыка сегодня.

В садах миндальные кусты
Роняют красные цветы.
Вождя и друга бедноты —
Не стало Ленина сегодня.

О Сулейман, твой скорбен взгляд
И руки в горести дрожат, —
Костры на улицах горят,
Какой холодный день сегодня. . .

1924

Николай Щуклин

131

Его могила — наше сердце.

Акакий Церете.ли

В Доме Союзов колонны
Сегодня суровой на вид.
Сегодня за ними со стоном
Тихо прошел инвалид.

Взволнованный краснознаменец.
Буденновец всех фронтов.
Пришел и застыл в поклоне.
Стал с перекошенным ртом.

И не знавший боязни в Казани,
Первым брошенный на Перекоп,
Он сурово обвел глазами
Белый задумчивый лоб. . .

А потом. . .
Надо было спешить.

Притвориться спокойным,
Каменным, —
Потом инвалид положил
Ильичу
Орден Красного Знамени.

1924

Абулкасым Джутакаев

(Перевод с киргизского)

132. ПЛАЧ О ЛЕНИНЕ

Отрывок из поэмы

Песню, что ли, спеть о том
О халате золотом,
О его воротнике,
Чтоб звенела вдалеке?
Песню, что ли, спеть о той
О подкове золотой,
Про лихого про коня,
Чистым словом зазвения?
Может быть, когда споем,
Станет легче нам о нем
Плакать — об отце родном?

Сколько горя оттого,
Что утратили его!
Знал бедняк в краю родном:
Там, в Москве далекой, — Ленин.
Ленин думает о нем!
Ясен, тверд и неизменен,
Вождь учил большевиков:
«Сил и крови не жалея,
От манапа-богатея
Охраняйте батраков!»
Он тиранам бросил вызов,
Пулей был для них литой,
Для кочевников-киргизов
Золотою был рудой.

Для грабителей на тронах
Он смертельной был бедой,
Для народов угнетенных —
Путеводную звездой.
Чтоб не стало прежней доли,
Чтоб межей не знало поле,
Он в Москве закон писал,
Подчиниться нашей воле
Он манапам приказал.
Ленин! Ты для вражьей своры
Леопарда был страшной, —
Для трудящихся людей
Лучшей не было опоры,
Чем скала твоих идей,
Лучше не было подарка,
Чем полотнища твои,
Пламенеющие жарко
И зовущие в бои.

Мы, казахи и киргизы,
Прежде пасынки земли,
Мы, казахи и киргизы,
Счастье жизни обрели.
Никогда еще, киргизы,
Не сияла так звезда!
Мудрецов таких киргизы
Не знавали никогда!

Власть труда, народов братство
Всем краям он возвестил,
И народные богатства
Беднякам он возвратил.

Он сказал: «Восток, в борьбе
Жизнь рождается твоя,
И спешит уже к тебе
Человечества семья.
Был твой жребий так жесток, —
Не дремли теперь, Восток!
Знания лелей росток, —
С ним свободен ты, Восток!

Революцией зажженный,
Расцветающий цветок,
Встань, Восток освобожденный,
Рассветающий Восток!»
Мертвецами не зовут
Тех, заветы чьи живут,
Чьи слова повсюду реют
И в сердцах народов зреют.
... Я, старик, тоской томим.
Ты не плачь, Абулкасым,
Нет, не умер вождь народный!
С нами он! С тобой! Со мной!
И стремится шар земной
За звездою путеводной!

1924

Сайфи Кудали

(Перевод с башкирского)

133. ЦВЕТЫ

(НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА)

Когда весь мир подобен был тюрьме
И не было мучениям конца;
Когда, скорбя, томились мы во тьме
И гнев бессильный нам сжимал сердца;

Когда от слез набухла вся земля,
От наших слез, крестьянских горьких слез,
И кладбищем казались нам поля,
Где беднякам так тяжело жилось, —

Тогда, как солнце, вдруг явился ты
И залил светом ненавистный мрак,
И озарил нам путь среди темноты
Бессмертных слов немеркнувший маяк.

Ты землю хлебопашцам передал,
Чтобы привольно стало сеять нам,

В священной битве ты завоевал
Свободу угнетенным племенам.

Ты поднял серп и молот над землей —
Великий знак свободного труда,
В сердцах семьи народов трудовой
Твой пламень не угаснет никогда. . .

И вот, когда везде трудились мы
И так могуч был трудовой порыв,
Так дружно все мы к свету шли из тьмы,
Усилия свои объединив, —

До нас внезапно долетела весть,
Что умер ты. Тебя, живого, нет. . .
Как нам такое горе перенести?
Ужель погас нас озарявший свет?

Но нет! Хотя ты превратился в прах,
Хотя угас наш верный друг в борьбе,
Хотя, тоской измучены, в слезах,
Сегодня мы рыдаем по тебе,

Но всё горят, горят твои лучи,
Пылают в небесах твоим огнем,
Как светочи сияют нам в ночи,
Ведут твоим испытанным путем.

И, не сбиваясь с твоего пути,
Идем туда, куда они манят,
Чтоб на полях свободных возвести
Содружества, любви и братства сад.

Цветы любви, содружества цветы
Мы в том саду прекрасном соберем, —
Венок необычайной красоты
Мы на твою могилу принссем.

1924

Хади Тактали
(Перевод с татарского)

134. (ИЗ ПОЭМЫ «ВЕКА И МИНУТЫ»)

21 ЯНВАРЯ

... Комклуб.
Доклад обкома.
Чу!
Докладчик вдруг умолк.
Зал ждет.
Растет тревожное волнение.
Встал председатель, голову склонил,
И голос радио раздался:
— Умер Ленин!

Сказал.
Одна секунда.
А потом
Заплакал зал,
Он понял, что сказали.
Заплакал, зарыдал, как сам не свой,
И зазвучало в потрясенном зале:
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

... По ночному городу расходился народ,
Унося тяжелую весть.

Ночь.
Завод.
Мастер Иванов,
Склоняясь над станком,
Смотрит
Глазами, полными слез.
Он хоть и слышал тяжелую новость,
Но не оставил свой пост.

Завтра,
22 января,

Радио,
Радио,
Радиосообщенья —
Тучи слов окутают шар земной,
Загудят электроны,
Одно лишь, одно говоря:
— Ленин...
— Ленин...
— Ленин...
— Ленин!..

На горбах баррикад
И когда разрушали дворцы,
Под огнем,
В рудниках,
На кровавых полях сражений
Был ты с нами, указывал светлый нам путь,
Путь к свободе указывал,
Ленин!
Первый каменщик наш,
Новой жизни строитель —
Ленин.
Ленин,
Прощай!..
Ленин жил,
Ленин умер.
Прощай же, Ильич,
Вождь, великий руководитель!

Радио...
Далекие говорят города
Англии, Франции, Дании:
— Ленин не умер!
Он вождь наш всегда. —
Радио из Испании:
— Мы по его пути пойдем,
Ломая троны, короны!
Цари, короли, бароны —
Все сгорят, на земле не останутся! --
И такие же вести от турок летят,

От германцев,
От итальянцев.

Керзон
В дворце своем всё перерыл —
Искал портрет Ленина.
Нашел, в руки взял,
Долго вглядывался.
— Умер! — сказал.
Почему ж он не радовался?
Потому,
Что подслушал в тот самый день он! —
В дальней комнатке
Тяжко вздыхает слуга:
— Ленин...
— Ленин...
— Ленин!

Это он!
Вот он лежит!
Это тот,
По которому нынче тоскует
И скорбит целый мир.
Целый мир слезы льет!
Фотографию Ленина
Далекie африканцы целуют...

Вот он лежит,
Стоят в карауле друзья.
Тишина настала.
Вот оно,
Здесь оно —
Сердце
Интернационала!

27 ЯНВАРЯ

Встали мы темной ночью,
Навеки прощаться идем.
Мы
Прощаемся с другом,
Прощаемся с нашим вождем!

Подымаем сегодня мы траурный флаг
Над страной осиротевшей,
Над гранитом больших городов,
Над седой деревенской крышей,
Над Уралом, Донбассом.
Повсюду слышно
Миллионов сердец
Медленное биенье:
— Ленин...
— Ленин...
— Ленин!

Весь мир на улицах сегодня. Это — мы!
Франция,
Испания,
Германия,
Дания...
И там и тут, сливаясь в мощный хор,
Их голоса звучат.
И зрелый муж, и юный пионер
Одно и то же говорят:
— Не умер Ленин! Ленин жив навеки!
Ведь Ленин — это мы, а мы — весь мир!
Мы ленинцы! Нас миллионы —
Могучих ленинцев и ленинских внучат.
«Вставай, проклятьем заклеименный!..»

Ораторы!
Вот бой часов. Четыре!

И замер мир труда. Всё замирает в мире.
Машины, люди — все молчат.

Рур.
Шахты.
Площадь.
Тысячи шахтеров.
Над головами —
Ленинский портрет,
И на портрет огромный этот —

О, не в последний раз, о нет! —
Глядят десятки тысяч глаз.

Большой Париж.
Дворцы, бульвары, рынки;
Продажа, купля;
Топчутся, шумят.
Вот едет полуспя в автомобиле
Аристократ.
Пьян. С головы его сползает шляпа,
Он на сидение почти упал.
И вдруг из-за угла часы мелькнули.
Шофер увидел: час настал!
Стоп!
А позади, на сидении,
Пьяная харя в недоумении:
— Что? Как? .. Почему тормозишь так
круто? —
Ни с места машина.

Ленин!
Умер Ленин,
Человек, которого века породили,
А убили
Минуты.
Вот он, вот он как будто бы тут,
Великий могильщик старой жизни, —
Старый мир он хоронит
Своею могучей рукой.

Пять минут.
А потом —

.
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

О солнце!
Ты его родило,
И каждый день, когда всходило
На небосклон,
Ты, солнце ясное, смотрело:

А жив ли он, здоров ли он?
Его лучи твои ласкали...
И нет его!
«Вы жертвою пали...»
А в Совнаркоме
Ленинский кабинет,
Стены его,
Осиротевшие диваны его
Долго ждали хозяина своего,
Но он не пришел,
Нет!

Улицы! Что вы плачете?
Перестаньте!
Люди!
Вставайте, боритесь, сражайтесь!
На врага наводите орудья!
Бейте по богачу!
Это и будет вашей клятвой
Ильичу!

Не умер Ленин,
Не погас огонь,
Горящий в вас, горящий в нем!
Пусть видит мир, что от станков
В его мы партию идем!

Иванов подал заявленье.
А кто еще?
Миллионы вслед за ним.
Сжечь рабства груз
Даем сегодня клятву
И с этой клятвой
Победим!

Не умер Ленин,
Ленин с нами!
Он дни и ночи по земле идет.
В одной руке держа пылающее знамя,
Другой рукою всё вперед, вперед
Ведет он поколения, могуч.

Как будто бы животворящий луч,
В подвалы, в тюрьмы он проник,
Прошел сквозь стены каменные,
И над парламентами он встает,
Своей рукой вздымая знамя пламенное!

1924

Лажути

(Перевод с таджикского)

135. ЛЕНИН ЖИВ

По всем дорогам, что вели к столице,
Из деревень
Шагали дети, женщины, мужчины —
Всю ночь, весь день.
А в этот день стоял жестокий холод.
И скорби тень
Легла на землю и людские лица.

Не описать народного смятенья...
Потрясены
Все горестною вестью — и слезами
Глаза полны.
Не в силах примириться с этой смертью
Душа страны.
Боль глубока. Безмерно возмущенье.

Народной скорбью о великом друге
Дышала тьма.
От поступи рабочих, ты сказал бы,
Дрожат дома.
Так скорбно и сурово шли колонны,
Что смерть сама,
Увидев их, отпрянула б в испуге.

Никто в тот день не оставался дома,
И лишь один
Дремал старик, давно не замечавший
Своих седин.

Пустым увидя дом, он вышел в страхе,
Его причин
Не ведая, тревогою ведомый. . .

Сев у дверей, не всё он понял сразу,
Но увидел,
Что в мире небывалое случилось.
Народный вал
Внезапно замер, хор гудков раздался,
И старец встал,
Послушен сердца тайному приказу.

На пять минут мир преклонил колени. . .
Но вот затих
Хор голосов привычных. У прохожих
Спросил старик:
«Скажите, что случилось?» И услышал
Он в тот же миг:
«Как, ты еще не знаешь? Умер Ленин!»

Старик заплакал и упал на землю,
Едва дыша.
От страшной боли, помутившей разум,
Рвалась душа.
Но видя, что ровняют строй партийцы,
Чеканя шаг, —
Воспрянул духом, поступи их внемля.

Гремел оркестр. Бойцы побатальонно,
Плечо к плечу,
Вливались в фабрику стройные колонны,
Шли к Ильичу.
Все, движимые волей непреклонной,
Шли к Ильичу. . .
И колыхались красные знамена.

Увидя буквы РКП на стяге,
Совсем седой
Старик расправил согнутые плечи,
Как молодой.

Услышал он «Интернационала»
Напев родной —
Забилось сердце, полное отваги! ..

Он видел молодое поколение —
Отчизны цвет.
Он видел, старый труженик, надежду
Грядущих лет.
Народ единым и сплоченным видя,
Он крикнул: «Нет!
Ильич не умер... Жив великий Ленин!»

1924

В. В. Маяковский

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

136. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

*Российской
Коммунистической партии
посвящаю*

Время —
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною,
 осознанною болью.
Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
 растекаться
 слезной лужею, —
Ленин
 и теперь
 живее всех живых —
наше знание,
 сила
 и оружие.

Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близь,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб

настоящий,
 мудрый,
 человечий,
ленинский
 огромный лоб.
Я боюсь,
 чтоб шествия
 и мавзолеи,
поклонений
 установленный стату́т
не залили б
 приторным елеем
ленинскую
 простоту.
За него дрожу,
 как за зеницу гла́за,
чтоб конфетной
 не был
 красотой оболган.
Голосует сердце —
 я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
 Промерзшая земля
 дрожит от гуда.

Над кострами
 обмороженные с ночи.
Что он сделал?
 Кто он
 и откуда?

Почему
 ему
 такая почесть?
Слово за́ словом
 из памяти таская,
не скажу
 ни одному —
 на место сядь.

Как бедна
 у мира
 сло́ва мастерская!

Подходящее
У нас откуда взять?
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
погоки явлений,
мы говорим —
«пророк»,
мы говорим —
«гений».
У нас
претензий нет, —
не зовут —
мы и не лезем;
нравимся
своей жене,
и то
довольны донельзя.

я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
долой!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.
Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью,
сердце, холодей.

Мы
 хороним
 самого земного
изо всех
 прошедших
 по земле людей.
Он земной,
 но не из тех,
 кто глазом
упирается
 в свое корыто.
Землю
 всю
 охватывая разом,
видел
 то,
 что временем закрыто.
Он, как вы
 и я,
 совсем такой же,
только,
 может быть,
 у самых глаз
мысли
 больше нашего
 морщият кожей,
да насмешливей
 и тверже губы,
 чем у нас.
Не сатрапья твердость,
 триумфаторской коляской
мнущая
 тебя,
 подергивая вожжи.
Он
 к товарищу
 милел
 людскою лаской.
Он
 к врагу
 вставал
 железа тверже.

Мы родим,
 пошлем,
 придет когда-нибудь
человек,
 борец,
 каратель,
 мститель! —
И уже
 смешались
 облака и дымы,
будто
 рядовые
 одного полка.
Небеса
 становятся двойными,
дымы
 забивают облака.
Товары
 растут,
 меж нищими высясь.
Директор,
 лысый черт,
пощелкал счетами,
 буркнул:
 «кризис!» —
и вывесил слово
 «расчет».
Крáпило
 сласти
 мушиное сеево,
хлебá
 зерном
 в элеваторах портятся,
а под витринами
 всех Елисеевых,
живот подведя,
 плелась безработица.
И бурчало
 у трущоб в утробе,
покрывая
 детвориный плачик:

Каждый
 добытый
 слоновий клык —
 тык его в мясо,
 в сердце тык.
 Хоть для правнуков,
 не зря чтоб
 кровью литься,
 выплыви,
 заступник солнцелиций.
 Я кончаюсь, —
 бог смертей
 пришел и поманил.
 Помни
 это заклинанье,
 Нил,
 мой Нил! —
 В снегах России,
 в бреду Патагонии
 расставило
 время
 станки потогонные.
 У Ивáнова уже
 у Вознесенска
 каменные туши
 будоражат
 выкрики частушек:
 «Эх, завод ты мой, завод,
 желтоглазина.
 Время нового зовет
 Стеньку Разина».
 Внуки
 спросят:
 — Что такое капиталист? —
 Как дети
 теперь:
 — Что это
 г-о-р-о-д-о-в-о-й? . . . —
 Для внуков
 пишу
 в один лист
 капитализма
 портрет родовой.

Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно!
Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
Люди
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык — парламент.

С годами
 ослабла
 мускулов сталь,
 он раздобрел
 и распух,
 такой же
 с течением времени
 стал,
 как и его гроссбух.
 Дворец возвел —
 не увидишь такого!
 Художник
 — не один! —
 по стенам поерзал..
 Пол ампиристый,
 потолок рококо́вый,
 стенки —
 Людовика XIV,
 Каторза.
 Вокруг,
 с лицом,
 что равно годится
 быть и лицом
 и ягодицей,
 задолицая
 полиция.
 И краске
 и песне
 душа глуха,
 как корове
 цветы
 среди луга.
 Этика, эстетика
 и прочая чепуха —
 просто
 его
 женская прислуга.
 Его
 и рай
 и преисподняя —
 распродает
 старухам

дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.

Строку
 агитаторским лозунгом взвей.
 Я буду писать
 и про то
 и про это,
 но нынче
 не время
 любовных ляс.
 Я
 всю свою
 звонкую силу поэта
 тебе отдаю,
 атакующий класс.
 Пролетариат —
 неуклюже и узко
 тому,
 кому
 коммунизм — западня.
 Для нас
 это слово —
 могучая музыка,
 могущая
 мертвых
 сражаться поднять.
 Этажи
 уже
 заёжились, дрожа,
 клич подвалов
 подымается по этажам
 — Мы прорвемся
 небесам
 в распахнутую синь.
 Мы пройдем
 сквозь каменный колодец.
 Будет.
 С этих нар
 рабочий сын —
 пролетариатоводец. —
 Им
 уже
 земного шара мало.

И рукой,
 отяжелевшей
 от колец,
тянется
 упитанная
 туша капитала
ухватить
 чужой горлѣц.
Идут,
 железом
 клацая и лацкая.
— Убивайте!
 Двум буржуям тѣсно! —
Каждое село —
 могила братская,
городá —
 завод протезный.
Кончилось —
 столы
 накрыли чайные.
Пирогом
 победа на столе.
— Слушайте
 могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
 нас
 увидите
 в военной яви.
Эту
 время
 не простит вину.
Он расплещется,
 придет он
 и объявит
вам
 и вашенской войне
 войну! —
Вырастают
 на земле
 слезы озѣра,
слишком
 непролазны
 крови топи.

И клонились
одиночки фантазеры
над решением
немыслимых утопий.

Голову
об жизнь
разбили филантропы.

Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?

И уже
бессилен
сам капиталист,
так
его
машина размахалась, —
строй его
несет,
как пожелтый лист,
кризисов
и забастовок хаос.

— В чей карман
стекаем
золотою лавой?

С кем идти
и на кого пенять? —
Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
себя понять.

Время
часы
капитала
крáло,
побивая
прожекторов яркость.

Время
родило
брата Карла —
старший
ленинский брат
Маркс.

Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя сто́йма,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого,
до быка
доросшего тельца́.

Нам казалось —
 в коммунизмовы затоны
 только
 волны случая
 закинут
 нас,
 юля.

Маркс
 раскрыл
 истории законы,
 пролетариат
 поставил у руля.

Книги Маркса
 не набора гранки,
 не сухие
 цифр столбцы —

Маркс
 рабочего
 поставил на ноги
 и повел
 колоннами
 стройнее цифр.

Вел
 и говорил:
 — Сражаясь, лягте,
 дело —
 корректурa
 выкладкам ума.

Он придет,
 придет
 великий практик,
 поведет
 полями битв,
 а не бумага! —

Жерновами дум
 последнее мелья
 и рукой
 дописывая
 восковой,

знаю,
Марксу
 виделось
 видение Кремля
и коммуны
 флаг
 над красною Москвой.
Назревали,
 зрели дни,
 как дыни,
пролетариат
 взрослел
 и вырос из ребят.
Капиталовы
 отвесные твердыни
валом размывают
 и дробят.
У каких-нибудь
 годов
 на расстоянии
сколько гроз
 гудит
 от нарастаний.
Завершается
 восстанием
 гнева нарастание,
нарастают
 революции
 за вспышками восстаний.
Крут
 буржуев
 озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
 воя и стеная,
тени прадедов,
 парижских коммунаров,
и сейчас
 вопят
 парижскую стеною:
— Слушайте, товарищи!
 Смотрите, братья!

Горе одиночкам —
Сообща взрывайте! выучьтесь на нас!
Кулаком Бейте партией!
одним собрав
рабочий класс. —
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колес
землища двигалась,
Капитал
ежом противоречий
рос всюду
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленье...
По всему по этому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

Я знал рабочего. Он был безграмотный.
Не разжевал даже азбуки соль.
Но он слышал, как говорил Ленин,
и он знал — всё.
Я слышал рассказ крестьянина-сибирца.
Отобрали, отстояли винтовками
и раем разделали селеньеце.
Они не читали и не слышали Ленина,
но это были ленинцы.
Я видел горы — на них и куст не рос.
Только тучи на скалы упали ничком.
И на сто верст у единственного горца
лохмотья сняли ленинским значком.
Скажут — это о булавах а́хи.

Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственную головой
прошел он
этот путь.
Сверху
взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синёй,
чем вода весной,
синяки
Руси крепостной.
Ты
с боков
на Россию глянь —
и куда
глаза ни кинь,

упираются
 небу в склянь
горы,
 каторги
 и рудники.
Но и каторг
 больнее была
у фабричных станков
 кабала.
Были страны
 богатые более,
красивее видал
 и умней.
Но земли
 с еще большей болью
не довиделось
 видеть
 мне.
Да, не каждый
 удар
 сотрешь со щеки.
Крик крепчал:
 — Подымайтесь
 за землю и волю вы! —
И берутся
 бунтовщики-
одиночки
 за бомбу
 и за револьвер.
Хорошо
 в царя
 вognать обойму!
Ну, а если
 только пыль
 взметнешь у колеса?!Подготовщиком
 цареубийства
 пойман
брат Ульянова,
 народоволец
 Александр.

Как быть,
 чтоб хозяин
 поил кипятком.
Но не мелочь
 целью в конце:
победив,
 не стой так
над одной
 сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
 винтовка оружие.
Тысячи раз
 одно и то же
он вбивает
 в тугой слух,
а назавтра
 друг в друга вложит
руки
 понявших двух.
Вчера — четыре,
 сегодня — четыреста.
Таимся,
 а завтра
 в открытую встанем,
и эти
 четыреста
 в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
 подымем восстанием.
Мы уже
 не тише вод,
 травинки ниже —
гнев
 трудящихся
 густится в тучи.
Режет
 молниями
 Ильичевых книжек.
Сыпет
 градом
 прокламаций и летучек.

Бился
 об Ленина
 темный класс,
 тѣк
 от него
 в просветлѣнье,
 и, обданный
 силой
 и мыслями масс,
 с классом
 рос
 Ленин.

И уже
 превращается в быть
 то,
 в чем юношей
 Ленин клялся:

— Мы
 не одиночки,
 мы —
 союз борьбы

за освобождение
 рабочего класса. —

Ленинизм идет
 всѣ далее
 и более

вширь
 учениками
 Ильичевой выверки.

Кровью
 вписан
 героизм подполья

в пыль
 и в слякоть
 бесконечной Володимирки.

Нынче
 нами
 шар земной заверчен.

Даже
 мы,
 в кремлевских креслах если,—

скольким
 вдруг
 из-за декретов Нёрчинск
 кандалами
 раззвенится в кресле!
 Вам
 опять
 напомню птичий путь я.
 За волчком —
 трамваев
 электрическая рысь.
 Кто
 из вас
 решетчатые прутья
 не царапал
 и не грыз?!
 Лоб
 разбей
 о камень стенки тесной —
 за тобою
 смыли камеру
 и замели.
 «Служил ты недолго, но честно
 на благо родимой земли».
 Полюбилась Ленину
 в какой из ссылок
 этой песни
 траурная сила?
 Говорили —
 мужичок
 своей пойдет дорогой,
 заведет
 социализм
 бесхитростен и прост.
 Нет,
 и Русь
 от труб
 становится сторогой.
 Город
 дымной бородой оброс.
 Не попросят в рай —
 пожалуйста,
 войдите —

через труп буржуазии
коммунизма шаг.
Ста крестьянским миллионам
пролетариат — водитель.
Ленин —
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эсерик прыткий,
сам охочий до рабочих шей, —
Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья, —
мы
в Марксовом всеоружии
одна
на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе
в глаза
вонзается теперь
РКП
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.

Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.

Слова
у нас,
до важного самого,
в привычку входят,
ветшают, как платье.

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».

Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!

И то
если не на базаре,
а близко.

Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,

от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

Плохо человеку,
когда он один.

Горе одному,
один не воин —

каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.

А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри
и ляг!

Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громающий кулак.

Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.

Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.

Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.

Партия —
спинной хребет рабочего класса.

Партия —
бессмертие нашего дела.

Партия — единственное,
что мне не изменит.

Сегодня приказчик,
 а завтра
 царства стираю в карте я.

Мозг класса,
 дело класса,
 сила класса,
 слава класса —
 вот что такое партия.

Партия и Ленин —
 близнецы-братья, —
 кто более
 матери-истории ценен?
 Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
 мы говорим —
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

Еще
 горой
 коронованные главы,
 и буржуи
 чернеют,
 как воробы в зиме,
 но уже
 горение
 рабочей лавы
 по кратеру партии
 рвется из-под земель.

Девятое января.
 Конец гапонщины.

Падаем,
 царским свинцом косимы.

Бредня
 о милости царской
 прикончена
 с бойней Мукденской,
 с треском Цусимы.

Довольно!
 Не верим
 разговорам посторонним!

Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня на́ день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода». Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека́!

Смотрите,
как здесь,
связавши за локти,
рабочих насмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и всё изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться. —
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подыметесь
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане

покажутся
 школой
 первой ступени
в грозе и буре
 грядущих восстаний.
И Ленин
 снова
 в своем изгнании
готовит
 нас
 перед новой битвой.
Он учит
 и сам вбирает знание,
он партию
 вновь
 собирает разбитую.
Смотри —
 забастовки
 вздымают год,
еще —
 и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
 подымается
 страшный четырнадцатый.
Так пишут —
 солдат-де
 раскурит трубку,
балакать пойдет
 о походах древних,
но эту
 всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
 к Полтаве,
 к Плевне?!
Империализм
 во всем оголении —
живот наружу,
 с вставными зубами,
и море крови
 ему по колени —
сжирает страны,
 вздымая штыками.

Вокруг него
его подхалимы —
патриоты —
приспособились Вовы —
пишут,
руки предавшие вымыв:
— Рабочий,
дерись
до последней крови! —
Земля —
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и рваль.
Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.
Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.
Оттуда —
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда —
против
и сабель и пушек —
скуластый
и лысый
один человек.

— Солдаты!
 Буржуи,
 предав и предав,
к туркам шлют,
 за Верден,
 на Двину.
Довольно!
 Превратим
 войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
 разгромов,
 смертей и ран, —
у наций
 нет
 никакой вины.
Против
 буржуазии всех стран
подыдем
 знамя
 гражданской войны! —
Думалось:
 сразу
 пушка-печка
чихнет огнем
 и сдунет гнилью,
потом поди
 ищи человечка,
поди
 вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
 шипевших и вывших,
друг другу
 страны
 орут —
 на колени!
Додрались,
 и вот
 никаких победивших —
один победил
 товарищ Ленин.

Империализма прорва!
Мы
 истожили
 терпенье ангельское.
Ты
 восставшею
 Россией прорвана
от Тавриза
 и до Архангельска.
Империя —
 это тебе не кúра!
Клювастый орел
 с двуглавою властью.
А мы,
 как докуренный окуроч,
просто
 сплюнули
 их династью.
Огромный,
 покрытый кровавою ржою,
народ,
 голодный и голоштаный,
к Советам пойдет
 или будет
 буржую
таскать,
 как и встарь,
 из огня каштаны?
— Народ
 разорвал
 оковы царьи,
Россия в буре,
 Россия в грозе, —
читал
 Владимир Ильич
 в Швейцарни,
дрожа,
 волнуясь
 над кипой газет.

Но что
 по газетным узнаешь ключьям?
На аэроплане
 прорваться б ввысь,
туда,
 на помощь
 к восставшим рабочим, —
одно желанье,
 единая мысль.

Поехал,
 покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
 немецкая пломба.

О, если бы
 знал
 тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
 и в их монархию бомба!

Питерцы
 всё еще,
 всем на радость,
лобзались,
 скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
 слегка припарадясь,
Невский
 уже
 кишел генералами.

За шагом шаг —
 и дойдут до точки,
дойдут
 и до полицейского свиста.

Уже
 начинают
 казать коготочки
буржуи
 из лапок своих пушистых.

Сначала мелочь —
 вроде малькóв.

Потом повзрослее —
от шпротов до килечек.
Потом Дарданельский,
в девичестве Милюков,
за ним
с коронацией
Премьер прет Михайльчик.
не власть —
вышивание гладью!
Это
тебе
не грубый нарком.
Прямо девушка —
иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
поет тенорком.
Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев
уже хворостинки —
«марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славненького,
нас предававшие
и до
и потóм,
вокруг
сторожами
эсеры да Савинковы,
меньшевики —
ученым котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,

с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил. —
Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья.
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть Советов! —
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,

встало,
 как простое
 делаемое дело,
 недостижимое слово —
 «социализм».

Здесь же,
 из-за заводов гудящих,
 сняя горизонтом
 во весь свод,
 встала
 завтрашняя
 коммуна трудящихся —
 без буржуев,
 без пролетариев,
 без рабов и господ.

На толщ
 окрутивших
 соглашательских веревок
 слова Ильича
 ударами топора.

И речь
 прерывало
 обвалами рева:
 «Правильно, Ленин!
 Верно!
 Пора!»

Дом
 Кшесинской,
 за дрыгоножество
 подаренный,
 нынче —
 рабочая блузница.

Сюда течет
 фабричное множество,
 здесь
 закаляется
 в ленинской кузнице.

«Ешь ананасы,
 рябчиков жуй,
 день твой последний
 приходит, буржуй».

Уж лезет
 к сидящим
 в хозяйском стуле —
как живете
 да что жуете?
Примериваясь,
 в июле
за горло потрогали
 и за животик.
Буржуевы зубья
 ощерились разом:
— Раб взбунтовался!
 Плетями,
 да в кровь его! —
И ручку
 Керенского
 водят приказом —
на мушку Ленина!
И партия
 снова
 ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
 Ильич в Финляндии.
Но ни чердак,
 ни шалаш,
 ни поле
вождя
 не дадут
 озверелой банде их.
Ленина не видно,
 но он близ.
По тому,
 работа движется как,
видна
 направляющая
 ленинская мысль,
видна
 ведущая
 ленинская рука.

Словам Ильичевым —
лучшая почва:
падают,
сейчас же
дело растя,
и рядом
уже
с плечом рабочего —
плечи
миллионов крестьян.
И когда
осталось
на баррикады выйти,
день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель!
Гнет капитала,
голод-уродина,
войн бандитизм,
интервенция вóрья —
будет! —
покажутся
белее рóдинок
на теле бабушки,
древней истории. —
И оттуда,
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
десяти тысячелетий
к векам
коммуны
сияющий перевал.

Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летá,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что прóжил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.

В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там.
— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт!
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло —
«Аврора».
Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.
Уже
Ильичем
поведенные в битвы,
еще
не зная
его по портретам,

толкались,
 орали,
 острее бритвы
солдаты друг друга
 крыли при этом.
И в этой желанной
 железной буре
Ильич,
 как будто
 даже заспанный,
шагал,
 становился
 и глаз, сощурия,
вонзал,
 заложивши
 руки за спину.
В какого-то парня
 в обмотках,
 лохматого,
установил
 без промаха бьющий глаз,
как будто
 сердце
 с-под слов выматывал,
как будто
 душу
 тащил из-под фраз.
И знал я,
 что всё
 раскрыто и понято
и этим
 глазом
 наверное выловится —
и крик крестьянский,
 и вопли фронта,
и воля нобельца,
 и воля путиловца.
Он
 в черепе
 сотней губерний ворочал,
людей
 носил
 до миллиардов полутора.

Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным.
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! —
Буржуи
прочли
— погодите,
выловим, —
животики пятят
доводом веским —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керенским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли —
деревня
и город
декретами зáлит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,
какое такое бывает
«ужо».

Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.
Земля —
подстилка под ихними порками,
и вдруг
ее,
как хлѣбища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжетщики,
злостью похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.

С окопов
 летело
 в немецкие уши:
— Пора кончать!
 Выходите брататься! —
И фронт
 расползлся
 в улитки теплушек.
Такую ли
 течь
 загородите горстью?
Казалось,
 наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
 Николаева шпористой,
сотрет
 Советской страны границы.
Пошли эсеры
 в плащах распашонкой,
ловили бегущих
 в свое словоблудьище,
тащили,
 по-рыцарски,
 глупой шпажонкой
красиво
 сразить
 броневые чудища!
Ильич
 петушившимся
 крикнул:
 — Ни с места!
Пусть партия
 взвалит
 и это бремя.
Возьмем
 передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
 выигрыш — время. —
Чтоб не передóхнуть
 нам
 в передышку,

чтоб знал —
 запомнят удары мои,
себя
 не муштровкой —
 сознанием вышколи,
стройся
 рядами
 Красной Армии.
Историки
 с гидрой плакаты выдерут
— чи эта гидра была,
 чи нет? —
а мы
 знавали
 вот эту гидру
в ее
 натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
 Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
 подымут очаг.
Тут Врангель вам —
 на смену Деникину.
Барона уронят —
 уже Колчак.
Мы жрали кору,
 ночевка — болотце,
но шли
 миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
 и о каждом заботится
на фронте
 в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
 окружность,
а сколько
 вдоль да поперек!

Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берег.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят сплеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно —
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьвёрных
осада голода,
осада тифов.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, —
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите —
завод за картошку —
кому он не жалок!

И десятикорпусный судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
простой и верненький —
запрячь хлебá
да зарой в кубышки
николаевки
да кэренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска, —
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этокое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.
Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка —
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!

Где порт?
 Маяки
 поломались в порту,
 кренимся,
 мачтами
 волны крестя!
 Нас опрокинет —
 на правом борту
 в сто миллионов
 груз крестьян.
 В восторге враги
 заливаются воя,
 но так
 лишь Ильич умел и мог —
 он вдруг
 повернул
 колесо рулевое
 сразу
 на двадцать румбов вбок.
 И сразу тишь,
 дивящая даже;
 крестьяне
 подвозят
 к пристани хлеб.
 Обычные вывески
 — купля
 — продажа
 — нэп.
 Прищурился Ленин:
 — Чинитесь пока чего,
 аршину учишь,
 не научишься —
 плох. —
 Команду
 усталую
 берег покачивал.
 Мы к буре привыкли,
 что за подвох?
 Залив
 Ильичем
 указан глубокий
 и точка
 смычки-причала
 найдена,

и плавно
 в мир,
 строительству в доки,
вошла
 Советских республик громадина.
И Ленин
 сам
 где железо,
 где дерево
носил
 чинить
 пробитое место.
Стальными листами
 вздымал
 и примеривал
кооперативы,
 лавки
 и тресты.
И снова
 становится
 Ленин штурман,
огни по бортам,
 впереди и сзади.
Теперь
 от абордажей и штурма
мы
 перейдем
 к трудовой осаде.
Мы
 отошли,
 рассчитавши точно.
Кто разложился —
 на берег
 за воров.
Теперь вперед!
 Отступление окончено.
РКП,
 команду на борт!
Коммуна — столетия,
 что десять лет для ней?
Вперед —
 и в прошлом
 скроется нэпчик.

Мы двинемся
 во сто раз медленней,
зато
 в миллион
 прочней и крепче.
Вот этой
 мелкобуржуазной стихии
еще
 колышется
 мертвая зыбь,
но, тихие
 тучи
 молнией выев,
уже —
 нарастанье
 всемирной грозы.
Враг
 сменяет
 врага поределого,
но будет —
 над миром
 зажжем небеса,
— но это
 уже
 полезней проделывать,
чем
 об этом писать.
Теперь,
 если пьете
 и если едите,
на общий завод ли
 идем
 с обеда,
мы знаем —
 пролетариат — победитель,
и Ленин —
 организатор победы.
От Коминтерна
 до звонких копеек,
серпом и молотом
 в новой меди,

одна
 неписаная эпопея —
шагов Ильича
 от победы к победе.
Революции —
 тяжелые вещи,
один не подынешь —
 согнется нога.
Но Ленин
 меж равными
 был первейший
по силе воли,
 ума рычагам.
Подымаются страны
 одна за одной —
рука Ильича
 указывала верно:
народы —
 черный,
 белый
 и цветной —
становятся
 под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
 непреклонные колонны —
буржуи
 пяти частей света,
вежливо
 приподымая
 цилиндры и короны,
кланяются
 Ильичевой республике Советов.
Нам
 не страшно
 усилие ничье,
мчим
 вперед
 паровозом труда...
И вдруг
 стопудовая весть —
 с Ильичем
удар.

Если бы
 выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
 в музее
 торчали ротозен.
Еще бы —
 такое
 не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
 выжигали на наших спинах
 панские воеводы.
Живьем,
 по голову в землю,
 закапывали нас банды
 Мамонтова.
В паровозных топках
 сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! — ревели,
 но из
горящих глоток
 лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм! —
Кресло за креслом,
 ряд в ряд
эта сталь,
 железо это

вваливалось
 двадцать второго января
в пятиэтажное здание
 Съезда Советов.

Усаживались,
 кидались усмешкою,
решали
 пóходя
 мелочь дел.

Пора открывать!
 Чего они мешкают?
Чего президиум,
 как вырубленный, поредел?

Отчего
 глаза
 краснее ложи?
Что с Калининым?
 Держится еле.

Несчастьё?
 Какое?
 Быть не может!

А если с ним?
 Нет!
 Неужели?

Потолок
 на нас
 пошел снижаться вороном.

Опустили головы —
 еще нагни!

Задрожали вдруг
 и стали черными
люстр расплывшихся огни.

Захлебнулся
 колокольчика ненужный щелк.

Превозмог себя
 и встал Калинин.

Слезы не сжуешь
 с усов и щек.

Выдали.
 Блестят у бороды на клине.

Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене:
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали
волоком.
Разузнать —
когда и как?
Чего таят!
В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.
Радость
ползет улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,
ни льдины слитка —
всё
сквозь газетное ситко
черный
засеял снег.

На рабочего
у станка
весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто
слезы́ стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.
Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьезничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые.
Ветер
всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверить!
Стекло —
и видите под. . .

Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у воспод.
Улица —
будто рана сквозная,
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердца́ ему
ветками елок стели.
Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий —
всего властелин.

Здесь
 каждый крестьянин
 Лешина имя
 в сердце
 вписал
 любовней, чем в святцы.
 Он зéмли
 велел
 назвать своими,
 что дедам
 в гробах,
 засеченным, снятся.
 И коммунары
 с-под площади Красной,
 казалось,
 шепчут:
 — Любимый и милый!
 Живи,
 и не надо
 судьбы прекрасней —
 сто раз сразимся
 и ляжем в могилы! —
 Сейчас
 прозвучали б
 слова чудотворца,
 чтоб нам умереть
 и его разбудят, —
 плотина улиц
 враспашку раствóрится,
 и с песней
 на́ смерть
 ринутся люди.
 Но нету чудес,
 и мечтать о них нечего.
 Есть Ленин,
 гроб
 и согну́тые плечи.
 Он был человек
 до конца человеческого —
 неси
 и казнь
 тоской человеческой.

Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому Союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную,
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвонит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.

Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб его лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за...
Может быть,
в глаза без слез
увидеть можно больше.
Не в такие
я
смотрел глаза.
Знамен
плывущих
склоняется шелк
последней
почестью отданной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь, благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —
как будто
идешь
по проволоке провода.

Как будто
 минуту
 один на один
остался
 с огромной
 единственной правдой.

Я счастлив.
 Звнящего марша вода
относит
 тело мое невесомое.

Я знаю —
 отныне
 и навсегда
во мне
 минута
 эта вот самая.

Я счастлив,
 что я
 этой силы частица,
что общие
 даже слезы из глаз.

Сильнее
 и чище
 нельзя причаститься
великому чувству
 по имени —
 класс!

Знаменные
 снова
 склоняются крылья,
чтоб завтра
 опять
 подняться в бой —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».

Только б не упасть,
 к плечу плечо,
флаги вычернив
 и веками алая,

До боли
 раскрыв
 убогое зрение,
почти заморожен,
 стою не дыша.
Встает
 предо мной
 у знамен в озарении
темный
 земной
 неподвижный шар.
Над миром гроб,
 неподвижен и нем.
У гроба —
 мы,
 людей представители,
чтоб бурей восстаний,
 дел и поэм
размножить то,
 что сегодня видели.
Но вот
 издалёка,
 оттуда,
 из алого,
в мороз,
 в караул умолкнувший наш,
чей-то голос —
 как будто Муралова —
«Шагом марш».
Этого приказа
 и не нужно даже —
реже,
 ровнее,
 тверже дыша,
с трудом
 отрывая
 тело-тяжесть,
с площади
 вниз
 вбиваем шаг.

Каждое знамя
 твердыми руками
 вновь
 над головою
 взвито ввысь.
 Топота потоп,
 сила кругами,
 ширясь,
 расходится
 миру в мысль.
 Общая мысль
 воедино созвєнена
 рабочих,
 крестьян
 и солдат-рубак:
 — Трудно
 будет
 республике без Ленина.
 Надо заменить его —
 кем?
 И как?
 Довольно
 валяться
 на перине клоповой!
 Товарищ секретарь!
 На тебе —
 вот —
 просим приписать
 к ячейке еркаповой
 сразу,
 коллективно,
 весь завод. . . —
 Смотрят
 буржуи,
 глазки раскоряча,
 дрожат
 от топота крепких ног.
 Четыреста тысяч
 от станка
 горячих —
 Ленину
 первый
 партийный венок.

— Товарищ секретарь,
 бери ручку...
 Говорят — заменим...
 Надо, мол...
 Я уже стар —
 берите внучика,
 не отстает —
 подай комсомол. —
 Подшефный флот,
 подымай якоря,
 в море
 пора
 подводным кротам.
 «По морям,
 по морям,
 нынче здесь,
 завтра там».
 Выше, солнце!
 Будешь свидетель —
 скорей
 разглаживай траур у рта.
 В ногу
 взрослым
 вступают дети —
 тра́-та-та-та́-та,
 та́-та-та-та́.
 «Раз,
 два,
 три!
 Пионеры мы.
 Мы фашистов не боимся,
 пойдем на штыки».
 Напрасно
 кулак Европы задран.
 Кроем их грохотом.
 Назад!
 Не смей!

Стала
 величайшим
 коммунистом-организатором
даже
 сама
 Ильичева смерть.
Уже
 над трубами
 чудовищной рощи,
руки
 миллионов
 сложив в древко,
красным знаменем
 Красная площадь
вверх
 вздывается
 страшным рывком.
С этого знамени,
 с каждой складки
снова
 живой
 взывает Ленин:
— Пролетарии,
 стройтесь
 к последней схватке!
Рабы,
 разгибайте
 спины и колени!
Армия пролетариев,
 встань стройна!
Да здравствует революция,
 радостная и скорая!
Это —
 единственная
 великая война
из всех,
 какие знала история.

1924—1940

Дмитрий Семеновский

137. ЛЕНИН

Зерно, в сырой земле почив,
Ростком из мрака проколосось,
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый.
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв,
Пора обилия и света,
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

Начало 1924

Вивсиан Итин

138. РЕЧЬ ЛЕНИНА

1

1918 год. Чрезвычайный Съезд. Тихо Чичерин. Брест.

Тревоги никто не подавит.
Тихо.
(Лань и удав).

Лайковой лапой зажаты
Мохнатые глотки солдат.

В колонном зале — лозунг:
«Не грызите семечек».

В дипломатической ложе
Дипломатический френч:

Let us go ¹...

Вши.

Вымыться лень...

Скотине.

А ЛЕНИН

ВЫШЕЛ

ВЕСЕЛЫЙ

(как именинник?!).

2

Трудно сказать —

Человечий это голос.

Или гудит стосильный дизель?

Ясно —

В стальном и голом

Черепе

Взрыв на взрыве.

Сдвинулись и помчались —

(Вот оно: четвертое измерение!).

Капитан

Коренастый

Отчалил

В океан

Ненастный

Времени.

И ясно —

(мы видим сами!)

Над Рейхстагом

В Берлине —

Красное знамя!

¹ По-английски — пойдемте.

А в сущности — говорил, как в школе:
 «Тильзитский мир». «Борьба классов».
 Но он весь
 был из нас.

И мы
 из него:
 Как ветер
 и море.
 И волны.

Председатель встал. Черная кожаная куртка на красной фланельке.
 Глаза в глаза: — «Кто за?» Гимнастерки. Две трети. Направо треть:
 здесь рука, там рука...

Кончено.
 Крепки и точны
 Наши подписи,
 Ленинская точка.

Начало 1924

Вера Инбер

139. ТАК БУДЕТ

Закономерно, чередую длинной,
 Пройдут года.
 И в город-сад асфальтово-пчелиный
 Сольются города.

В нем будут розы на стеклянных крышах,
 Но мы — увы! —
 Его уж не увидим, не услышим,
 Ни я, ни вы.

Но всё же так легко себе представить
 И вам, и мне
 Зеленый город в солнечной оправе
 В ничьей стране.

Там памятник на площади крылатой
 Поставлен так,

Что солнце сыплет золото заката
На бронзовый пиджак.

Туда приходят маленькие дети,
Счастливые на вид,
И улыбаются в закатном свете
Тому, кто там стоит.

И мать, подняв ребенка на ступени
И за лучом следя,
Тихонько произносит: «Это Ленин,
Мое дитя».

(Март) 1924

Василий Александровский

140. У РУБЕЖА

Ставят старые новые вехи,
Лишь бы как-нибудь нас обойти.
Ерунда —
Никогда мы не сдрейфим.
Пустяки —
Не собьемся с пути.
Пусть давятся злостью Парижи,
Смехом гонят кровавую жуть,
Мы подходим всё ближе и ближе
К намеченному рубежу.
Им теперь не видать воскресений.
Ослепил их наш огненный дождь...
Умер Ленин...
— Да здравствует Ленин,
Настоящий и будущий вождь! —
Мир глазеет на нас версальцем,
Точит ненависть в впадинах глаз.
Но Ильич недрогнувшим пальцем
Нам укажет дорогу не раз.
Нет России болотисто-темной,
Сгинул в прошлом разбойничий зык;

Здесь теперь тыщеве́рстная до́мна
Тучам огненным кажет язык.
Ваши козыри пики и трефи,
Наши — мускулы.
Ставь и плати.
Ерунда. Никогда мы не сдрейфим.
Пустяки. Не собьемся с пути.

(Март) 1924

Владимир Маяковский

141. КОМСОМОЛЬСКАЯ

Смерть —
не смей!

Строит,
 рушит,
 кроит
 и рвет,
тихнет,
 кипит
 и пенится,
гудит,
 говорит,
 молчит
 и ревет —
юная армия:
 ленинцы.
Мы
 новая кровь
 городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
 нить.
Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.

Залили горем.
Свезли в Мавзолей
частицу Ленина —
тело.
Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
не блажить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин — жив
шаганьем Кремля —
вождя
капиталовых пленников.
Будет жить,
и будет
земля
гордиться именем:
Ленинка.
Еще
по миру
пройдут мятежи —
сквозь все межи
коммуне
путь проложить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

К сведению смерти,
 старой карги,
гонящей в могилу
 и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
 слова-враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
 товарищи.

Тверже
 печаль держи.

Грудью
 в горе прилив.

Нам —
 не ныть.

Ленин —
 жил.

Ленин —
 жив.

Ленин —
 будет жить.

Ленин рядом.
 Вот
 он.

Идет
 и умрет с нами.

И снова
 в каждом рожденном рожден —
как сила,
 как знанье,
 как знамя.

Земля,
 под ногами дрожи.

За все рубежи
слова —
 взвивайтесь кружить.

Ленин —
 жил.

Ленин —
 жив.

Ленин —
 будет жить.

Ленин ведь
 тоже
 начал с азов, —
жизнь —
 мастерская геньина.
С низа лет,
 с класса низов —
рвись
 разгромдиться в Ленина.
Дрожите, дворцов этажи!
Биржа нажив,
будешь
 битая
 выть.

Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.

Ленин
 больше
 самых больших,
но даже
 и это
 диво
создали всех времен
 малыши —
мы,
 малыши коллектива.
Мускул
 узлом вяжи.
Зубы-ножи —
 в знанье —
 вонзай крошить.

Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.

Строит,
рушит, кроит
и рвет,
тихнет, кипит
и пенится,
гудит, молчит,
говорит
и ревет —
юная армия:
ленинцы.

Мы
новая кровь
городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
нить.

Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.

31 марта 1924

Сергей Горбатов

142. ЛЕНИН В ЛЕГЕНДАХ

1

Когда пройдет столетий лента,
Быть может, скажут: «Ленин — миф»,
Трудом творимую легенду
Легендой времени сменив.

Ярмо кольцеобразных звеньев
Он, легендарный, разорвал...
До бесконечных поколений
Легенда Ленина жива!..

Каскад красноармейских касок...
И стрекот пулеметных лент...
Не мы ли — очевидцы сказок
И современники легенд?..

2

Не будет города без Ленина,
Не будет без него села.
Печаль глазами будет съедена,
И память станет весела.

Счастливый сын мечты оправданной
Идет по солнечной стране
И остановится, обрадован,
У пьедестальных ступеней.

А Ленин, мраморный иль бронзовый,
На солнце щурит мудрый глаз,
И вновь цветет хмельными розами
Октябрьский радостный рассказ.

(Апрель) 1924

Сабит Донентаев

(Перевод с казахского)

143. ВОЖДЮ

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Народ под небом любой страны
В день смерти твоей рыдал.
Но день рождения, день весны,
Не каждый в то время знал.

И только для близких тогда он был
Отрадным и светлым днем.
Но ты ушел — и каждый склонил
Голову в горе своем.

Да, я о горе сейчас говорю,
Но знаю — радость сильней:
Твой день рожденья зажег зарю
На благо простых людей.

С тобой несчастные обрели
Труда и счастья удел!
Твой день рожденья — весна земли,
Бессмертье великих дел.

Апрель 1924

Николай Полетаев

144. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИН

Лед половодьем уносит река,
Тяжелострунно пройдут века.
Черные, белые все рабы
Окаменелые расправят горбы,
Враз позабудут Будду, Христа,
Скажут: «Задаром не надо креста».
Скажут: «Сподручней нам так идти —
Меньше острогов будет на пути,
Меньше острогов, меньше больниц,
Меньше оглоданных, бледных лиц,
Меньше подвальных сырых углов,
Меньше вколоченных в них рабов.
Виселиц меньше, меньше солдат,
Меньше оборванных синих ребят.
Меньше портретов, икон, картин,
Меньше опутавших их паутин».
Скажут: «Довольно нам гнуть колени,
Умерли боги, да здравствует Ленин».

Воздуха, хлеба, света больше
Станет в Германии, в Турции, в Польше,
И разгорятся пышные зори
В ясном, прямом человеческом взоре.

(Июнь) 1924

Сергей Есенин

145. ЛЕНИН

(Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край,
Душа сжимается от боли, —
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копытами со всех сторон
Нас окружают печенег?
Не сон, не сон, я вижу въявь
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.

Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Всё спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор...

.

Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, —
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей...

.

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы. . .

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром.
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь. . .
И он пришел. . .

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите всё в рабочие руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен.

И вот он умер. . .
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из медно лающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
Ленин умер.
Их смерть к тоске не привела...
.

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...
(Июнь) 1924

Николай Кузнецов

146. ЛЕНИНЕЦ

Электромеханику М. Калашникову

Каждый раз, когда вечер алый
Уходит уснуть за город,
Он приходит домой, усталый
От гудящих электромоторов.

За день усталость грузом
Засела в его плечах,
А он в синей рабочей блузе
Садится за том Ильича.

На бульварах электроточки,
Дамы, духи, наряды,
А он по дорожкам строчек
Бродит упорным взглядом.

Жизнь не раз разразится громом
И не раз еще бурей вспенится,
Но от слов дорогих и знакомых
Закаляется сердце ленинца.

Стол залит электрическим светом,
В углах притаились тени,
И беседуют чуть не до рассвета
Он и Ленин.

(Сентябрь) 1924

Михаил Исаковский

147. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Деревенская быль

У нас в районе и сейчас
Живет и будет жить вовеки
Простой, бесхитростный рассказ
О справедливом человеке.

Его припомнит вам любой,
Расскажет тихими словами,
И Ленин — близкий и родной —
Как будто сядет рядом с вами.

1

В тот боевой и славный год,
За тыщи долгих лет впервые,
И власть, и землю брал народ,
И счастье в руки трудовые.

А здесь, в глухом селе Ключи,
Лишь с кривдой были мы знакомы.
А здесь творили богачи
Свои особые законы.

У них во всем — своя рука,
Они везде найдут основу.
И сельсовет у мужика
Забрал последнюю корову.

Остался двор совсем пустой, —
Один петух стоит на страже...
Хозяин ходит сам не свой, —
Куда пойдешь, кому расскажешь?

Его и слушать не хотят:
Мол, хватит нам с тобой возиться...
Да тут в село один солдат
Пришел с передовых позиций.

«Я, — говорит он, — научу,
Где правду отыскать людскую.
Ты, — говорит он, — Ильичу
Пиши записку докладную.

Пиши подробно: так и так,
Мол, всё пошло бы в лучшем виде,
Да власть у нас забрал кулак,
И мужики — в большой обиде.

Товарищ Ленин разберет
И в долгий ящик не положит.
Горой стоит он за народ
И мужику всегда поможет.

Он человек такой души,
Какой не сыщешь в целом свете.
Ты только сядь да напиши,
А он уж знает, что ответить.

А если сам ты не горазд,
Пера не брал, быть может, в руки,
Так я тебе составлю враз,
Как полагается в науке.

Недаром я на свете жил,
Понятна мне твоя кручина. . .»
Солдат писал, мужик светил
Сухой березовой лучиной.

Он так и так возился с ней
И повторял всё ту же фразу:
«Ты не мельчи. . . Пиши крупней,
Чтоб Ленин всё увидел сразу. . .»

2

Заглянет вечером сосед,
Поговорит про то, про это
И спросит вдруг: «Ну, как ответ?
Да и не зря ль ты ждешь ответа?»

Не выйдет, видно, ничего, —
Поторопился ты некстати:
Без нас с тобою у него
Про каждый день заботы хватит...»

А богачи, срывая злость,
Заводят речь при всем народе:
«Смотри, запеть бы не пришлось,
Как солнце всходит и заходит.

Товарищ Ленин — главный вождь,
За всю державу отвечает,
А ты с коровой пристаешь,
А что корова означает?»

И сердце падает опять,
Опять сомненье душу гложет:
Быть может, лучше б не писать,
Себя напрасно не тревожить?

Но на своем стоит солдат,
Не уступает, не сдается:
«Готов я биться об заклад,
Что молоко к тебе вернется!

Товарищ Ленин — он такой,
Что силу слабому прибавит,
А кто упал — своей рукой
Поднимет, на ноги поставит...»

Но дни идут, проходят зря,
Летят вперед неудержимо.
Взойдет заря, зайдет заря,
А почта проезжает мимо...

8

Это явь или только во сне?
Всё село говорит об этом:
Нарочный, в ночь, на коне
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин прислал приказ —
Строгий, короткий, точный:
«Корову вернуть тотчас,
И донести мне срочно.

Всех виноватых — под суд,
Раз не по-честному жили,
Пусть, — говорит, — понесут
Всё, что они заслужили».

Ходят весь день мужики,
Словно на праздник, по хатам.
Стали и ноги легки,
Стали и думы крылаты.

Те, что молчали весь век,
Сделались вдруг говорливы:
«Вот он, родной человек,
Вот он какой справедливый!»

4

Так говорят у нас в селе
Про Ильича, про жизнь былую...

В какой стране, на чьей земле
Вы правду сыщете такую?!

(Ноябрь) 1924

Василий Казин

148. МАВЗОЛЕЙ

О хлебе, о Керзоне, о коммуне,
С огнем знамен и с древней тьмой забот,
Давно ль его послушать шел народ!
Его руки народный поворот
И до сих пор над площадью встает, —
И вот невольню, слух взведя вперед,

Идет народ
И к Мавзолею, как к трибуне.

Но нет, не слышен ни единый звук. . .
Ильич уснул. . . Ни горькие рыдания,
Ни топот ног, ни гром рукоплесканья,
Ни гул заводов и ни грохотанье
Чугунных пушек — не подымут рук
И не разбудят пыл его дыханья.
Но можно дать поруку из порук —
Одно взмутит его покойный дух:
Призывный стон невыносимых мук
Разбитого рабочего восстанья.

(Декабрь) 1924

Павло Тычина

(Перевод с украинского)

149. БЕЗМЕРНОЙ НЕНАВИСТИ СИЛА...

Безмерной ненависти сила,
Бездонная любовь,
Как тяжело носить всё в сердце,
Какая в сердце боль!

Опять наверх всплывает пена,
Земную осквернив красу.
Как быть мне с чистою душою,
Кому я душу понесу?

Ложь, тупость, алчность, фарисейство
Ползут из всех щелей опять.
Лишь непреклонность не сдается
И не спешит знамен менять.

Лишь непреклонность рвется к цели,
Всей этой скверне вопреки.
О люди, люди, вашу душу
Не запирайте на замки!

О люди, племя душ бумажных,
Смогу ли всё распечь, разжечь?
Как пустоту мне вашу бросить
В пылающую печь?

Я не кричал бы так, не звал бы,
Но крика не убить во мне:
Нет главного у нас титана,
Уже на свете нет.

1924

Микола Терещенко

(Перевод с украинского)

150. ЛЕНИНСКИЙ ЗАВЕТ

В предутреннюю рань, вечерней ли зарею,
в часы ли отдыха, рабочей ли порою —
всегда в душе, как лучезарный свет,
ленинский завет:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

На пашне трудовой, на верфи, на заводе
мы чувствуем себя солдатами в походе;
зовет, зовет сердца дорогою побед
ленинский завет:

«Да здравствует всемирная власть трудящихся!»

Там, где простерлись рельсы в путь далекий,
где произвол царит, где правит гнет жестокий,
летит сквозь даль, как боевой привет,
ленинский завет:

«Долой капитал!»

Из края в край над горестной землей,
еще подернутой туманами и мглой,

пылающею верою согрет,
звучит завет:

«Товарищи! Вперед к коммунизму!»

1924

Дир Туманный (Николай Панов)

151. ВЛАДИМИР ЛЕНИН

Владимир Ленин. Вождь восставших масс,
Маяк для нерожденных поколений.
Он капитал поставил на колени
И править научил рабочий класс.
Был ярок блеск его усталых глаз,
Не знало тело отдыха и лени —
Над толпами взносясь в миллионный раз,
Мир потрясал громами четких фраз
Владимир Ленин.
И он погиб. Он, как другие, тленен.
Он погребен. Но в душах не угас,
Живет в груди у каждого из нас
Владимир Ленин!

1924

Кязим Мечиев

(Перевод с балкарского)

152. СЛОВО О ЛЕНИНЕ

Хочу, чтоб мое это слово
Звучало всё шире и шире,
Пусть знают, кем был наш Ленин
Для всех угнетенных в мире.

Он с детства стремился к знаниям,
И, знаний сумев добиться,
Он увидал, что законы
Служат одним кровопийцам.

Что жизнь народа темнее
Ночей, тесней, чем темница,

Что радость — вся для богатых,
А бедным она лишь снится.

Что трудно дышать под тяжелой
Пятой богачей проклятых,
Что царь не отец народу,
А только слуга богатых.

И Ленин решил уничтожить
Законы, что мощью всею
Право давали баям
Сидеть на мужицкой шее.

И Ленин решил воедино
Под знамя собрать миллионы,
Чтоб выбросить сразу из жизни
Царя и его законы.

И он направился к людям,
Полный любви и страсти,
Чтоб словом глубокой правды
Будить в них желанье счастья.

За эту простую правду
Страдал и терпел он много.
Легла сквозь тюрьму и ссылку
Его прямая дорога.

Скрываясь от царских ищеек,
В подполье провел он годы,
Чтоб от царей и от баев
Навек избавить народы.

И вот рабочий поднялся,
В подсумок набил патроны
И вместе с крестьянином бедным
Соигнал Романовых с трона.

Над пеплом старого мира
Счастья заря заалела. . .
В ней — мудрость Ленина светит,
В ней — ленинской партии дело.

Ворота к счастью широко
Открыты теперь для народа.
Советская власть защищает
И счастье его, и свободу.

Он умер, великий Ленин...
Его мы вовек не забудем.
Послушайте, люди, Кязима,
Кязим обращается к людям:

«Заветам Ленина верьте,
Старайтесь с пути не сбиться,
Не опирайтесь на камень,
Который может свалиться.

Ленин — утес нерушимый,
Ленинцы — лучшие люди...
Пусть партия Ленина вечно
Нам твердой опорой будет.

Смерть Ленина нас не сломит.
Хочу повторить опять я:
Ленин и разум — братья,
Ленин и мужество — братья».

1924

Дмитрий Горбунов

153. ЛЕНИН ПРАВО ДАЛ

Первый раз в волостном правленье
Был такой беспокойный сход.
И впервые здесь имя *Ленин*
Услыхал трудовой народ.
Богачи, кулаки сжимая,
Глотки рвут, поднимают вой:
— Нашу собственность отнимают!
— Кто дал право?
— Долой!
— Долой! —

Бедняки, что вчера еще были
Ниже самой ничтожной травы, —
Руки, словно орлиные крылья,
Грозным махом взметнули ввысь!
— Ленин право дал!
— Право наше!
— Жить, как жили, не дай господь!
— Мы всю землю теперь распашем
Миром всем под один ломоть! —
В этот день в волостном правленьи
Речи сыпались без числа...
Из столицы, как солнце,
Ленин
Нам декрет о земле прислал.

1924

Василь Мысик
(Перевод с украинского)

154

На людном месте — из простого камня.
Венков не надо. Он вперед глядит:
скрипят возы, груженные мешками,
и добрый блеск в глазах его горит.

И блеск не гаснет. Под веселым взором
кругом светлеют хаты, чередой
тучнеют скирды. С молодым задором
гудит, поет простор степной.

И смотрит, смотрит он неумоимо:
там вдалеке, прорезывая мглу,
встают из труб густые клубы дыма,
как бы привет селу.

А утром — труд, работа боевая.
Он видит: к полю трактора спешат.
Могуч их строй...

И Ленин принимает
здесь их парад.

1924

155. ЛЕНИН

В тесной моей каморке,
со стены, над столом
взгляд глубокий и зоркий
светит сердечным теплом.
Прячет спокойные мысли
лоб высокий и строгий.
Усы над губою нависли
в усмешке, лукавой немного.
С раскосинкой глазами,
прищуренными слегка,
пронзает века.
На столе под портретом
восемнадцатый том
говорит о конкретном,
важном и простом —
о крестьянской кляче,
о Коминтерне,
о пути начатом,
твердом и верном.
Слова шевелятся внутри,
горят,
и на портрете горит
острый взгляд.
Слышите, — радио гул
приносит рабочую грусть? ..
Этот взгляд замкнул
землю в радужный круг.
Сколько миллионов сейчас
сжали сердце в кулак?
Это от его глаз
их воля зажглась.
Разве отступят они,
разве пойдут назад,
если тяжелые дни
пронизывает этот взгляд?
Пусть сегодня горе острее,

города черной скорбью пенятся, —
не может Ленин умереть,
если есть миллионы ленинцев!
То, чем жил он и горел,
переполняет вселенную —
никогда не умереть
делу Владимира Ленина!

1924

Галактион Табидзе

(Перевод с грузинского)

156. ЛЕНИН

Город сегодня с утра взволнован.
Сборища в каждом саду и сквере.
Высится Ленин над миром новым,
Смотрит в лицо непогоды.

Вихрь стучится в окна и двери.
Людам открыт кругозор просторный.
Страстно взывают к буре валторны,
Кричат фаготы.

В честь этих дней бокал подымаю.
В гулах заводов рождается слава,
Сдвинута с мест природа немая,
Время пирует с нами.

Ленин, явленье мощного сплава
Трех революций, досель небывалых, —
В грохоте войн, в лавинных обвалах
Он наше знамя.

Тянет к нам руки свои, уповая,
Из далеких снегов избенка,
И отвечает ей вся боевая
Дружба рабочего класса.

Как по сердцам ударила звонко
Самоотверженность этого часа:
Всем угнетенным земли без изъятия —
Наши объятия!

Выше знамена и флаги подыдем,
Кончилось время разрух и пожарищ.
Провозглашает вождь и товарищ
Новые лозунги жизни.

В пороховом разъедающем дыме
Сгнули беды, блокады и голод.
Встаньте на ленинской вахте, кто молод
В нашей отчизне!

1924

Алексей Крайский

157. РАБОЧИЙ ВОЖДЬ

Песня старого партизана

Мы землю когда-то в поту и пыли
Лопатой пахали, сохою скребли,
Снимали пшеницу — для кулака,
Дворцы возводили и ткали шелка
На жадное племя
Купцов и вельмож...
Но жил на свете Ленин,
Рабочий вождь.

Он нас из подполья к борьбе призывал,
Но зов его страстный не каждый слышал:
Жандарм, словно пес, те слова сторожил,
А звон колокольный нам уши глушил,
Змеєю сомнение
Вползало не раз...
Но жил на свете Ленин
И верил в нас.

Когда ж началась мировая война,
В крови задымилась большая страна,
И мы задохнулись в крови и дыму,
Но многое поняли мы потому,
 Что ширилось племя
 Купцов и вельмож. . .
Но был ведь с нами Ленин,
 Рабочий вождь.

И он не стерпел, он, как буря, восстал,
Он в Питер пробился сквозь вражеский стан.
Когда к нему вышли навстречу полки,
Он, чуть усмехаясь, сказал: «Чудаки!
 Вы в центре сражений,
 Винтовки у вас. . .
Так что ж вам скажет Ленин,
 Приехав сейчас?

Коль начал бороться — борись до конца,
Чтоб не было ни кулака, ни купца,
Чтоб землю помещик твою не морил, —
Народу всему эту землю бери!
 Обуем, оденем,
 Накормим страну!»
Сказал нам это Ленин
 И кончил войну.

И в бой нас повел на господ и купцов,
И мы их разбили со всех концов.
Мы строить взялись на земле на родной,
Но вдруг словно холод дохнул над землей,
И черные тени и горе вокруг —
 Ушел навеки Ленин,
 Наш лучший друг.

Но звезды, как молнии, блещут во мгле, —
Горят его мысли в высоком Кремле,
И воля, мужая, упорствует в нас,
И к новым победам готовы сейчас,
И юного племени слышится клич:
 «Всегда с нами Ленин
 Владимир Ильич!»

Егеше Чарени

(Перевод с армянского)

**158. БАЛЛАДА О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ,
МУЖИКЕ И ПАРЕ САПОГ**

1

За красной чертой — что шаг,
То враг.
И хрипло,
Когда от волнения в горле першит,
Доносится с фронта
Шифр.
Волнение катится в Кремль,
Клокоча.
Вестей, донесений поток
Врывается в Кремль
И потом
Проходит сквозь мозг Ильича.
Ильич в кабинете.
Движенья спокойны, легки.
Читает.
Дает указания.
Мысли
Сосредоточены, сжаты.
Нависли,
Как кулаки.
Сидит он,
Пишет, нахмутив брови,
Перебирает, листает, в ящике шарит.
Лучится со светом настольным вровесь
Огромного лба полушарие.
Напрягся всеильный ленинский гений,
Стальной пружине под стать...
Такую армию нужно создать,
Чтобы не знать поражений.
Необходимо... Вопросов бездна.
Необходимо, чтоб не было меж,
Мотыги.

Необходимы газеты, книги,
Ликбез.
Из тех, что в рабстве были вчера,
Должны быть выкованы профессора.
Любой ценой.
И каждая труженица — кухарка —
Довольно ей кухонной копотью харкать! —
Должна научиться править страной. . .

Вопросов бездна,
Конца им нет.
Не отвлечешься, не дорешив.
Однако с фронта
Доносится шифр. . .
Депеши захлестывают кабинет.

3

Всё выше горы забот и дум.
Ильич дробит их и знай размалывает.
А время проносится, как самум,
А времени мало!
Но что это?
Рядом какой-то спор.
Басят во весь голос. . .
Ну и народ!
Ильич поднимается,
В глазах — задор,
Подходит к двери
Плечом вперед.

Подходит,
Приоткрывает чуть-чуть.
За дверью —
Говорок старика:
Пришел — притащился, мол,
Издалека.
Хочу, говорит, к Ильичу.

Ильич настораживается. . .
Эх, мужик!

Мужик нуждается в паре сапог.
Выпрашивал не у чужих.
Сказали — нету. Никто не помог,
Похлопали разве что по плечу.
Вот он и пришел к Ильичу.

У секретаря иссякают слова.
Какие придумать,
Чтоб он ушел?
Мужик несговорчивый,
Врос в пол.
Отважишься вывести?
Кишка слаба!
Ильич не торопится,
Хоть недосуг.
Глаза улыбаются — два луча.
И вдруг открывается дверь,
И вдруг —
Порывистый шаг Ильича.

— Откуда?
— Из самой Сибири.
— Давно?
— Да месяцев этак четыре.
Сын — красноармеец,
Со мной заодно...
— Землей обеспечен?
— Теперь-то богат.
— В Москву — по делам?
— Делегат.
Косилки нужны мне, плуги.
Отправил уж большую часть.
— Еще что?
Пора уж сказать — сапоги...
Глядит испытующе на Ильича.

Э-эх, мужик!
Мужик нуждается в паре сапог.
Выпрашивал не у чужих.
Сказали — нету. Никто не помог,

Похлопали разве что по плечу.
Вот он и пришел к Ильичу.
Хохочет, берется Ильич за бока,
Трясет улыбающегося мужика.
В глазах — лукавство и нежность.
Потом садится,
Становится строг,
И пишет:
«По принадлежности.
Снабдить подателя парой сапог».

Эх, эх!
Надевает мужик шапку,
Взяв ордер, как сапоги,
В охапку.

За красной чертой — что шаг,
То враг.
И хрипло,
Когда от волнения в горле першит,
Доносится с фронта
Шифр.
И снова напрягся мозг Ильича.
Нешаден времени вихрь.
И снова мысли взлетают, мчат,
И всё — ничто
Перед силой их.
... Эх, мужик!
Тебе нужна была пара сапог,
И не выслушать Ленин
Тебя не мог.
Все нужды твои понимал он!
А дел
Было много у Ильича,
А времени мало.

1924

Эдуард Багрицкий

159. 1924

Кончается. Окончен. Отгудел
Тяжелый год. По взморьям, лукоморьям,
По городам, лесам и плоскогорьям
Последний день туманом пролетел.
Он грузен был, двадцать четвертый год. . .
Тяжка его повадка трудовая:
В последний день он весело поет,
Тяжелые маховики вращая.
Среди веков проложена межа
Руками и штыками дерзновенных.
Прекрасны годы буйств и мятежа,
Сражений и восстаний вдохновенных.
Но нам прекрасней кажется стократ
Упорный год строительной работы,
Гул тракторов, размерный стук лопат,
Маховиков крутые повороты.
Был страшный час! Трещал на реках лед,
Кружился снег, дороги заметая.
Скончался Ленин! Но у нас поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая. . .

И эта кровь ведет к работе нас,
Пробег ее крылат и неизменен.
И кажется: одним движеньем глаз
Руководит рабочей волей Ленин.

Мы с Лениным заканчиваем год.
Незыблема повадка трудовая:
Ведь в каждом пролетарии поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая!

Мы слышим: сердце плещется в груди.
Мы чувствуем: наш голос чист и ясен.
Грядущий год, машинный год, иди!
Моря распахнуты — и труд прекрасен.

1924

Н. Семенов

160. ОКТЯБРЬ

Ух, какой же упрямый Ленин.
Как сказал — никаких богов,
Сказанных слов не изменит
И ненужных не скажет слов.
И сегодня сказал: «В атаку
И ни шагу, ни шагу назад».
Расцвело сердце алым маком,
И пылают огни в глазах.
Ну, какая ж, какая сила
Сдержит решимость его,
Если эту решимость вложили
Пашня, казарма, завод. . .
Ну, и кто же от Ленинской речи
Не зажжется стремленьем — вперед,
Если каждое слово — картечи
Страшной для господ. . .
Замелькали огни, замелькали,
Рупор Ленинской речью кричит.
Над далекой чернеющей далью
Вспыхнули кумачи. . .

(1925)

П. Смирнова

161. В ПАМЯТЬ ЛЕНИНА

Тьма еще в деревне не рассеяна,
Спят крестьянки непробудным сном, —
Так давайте же мы в память Ленина
Всеми силами бороться с тьмой-врагом!

Ведь теперь не то уж время черное —
Льется свет науки в села к нам,
И крестьянка не раба покорная,
Не слуга безвольная панам!

Так встряхнемтесь же, крестьянки-ссстры,
За ученье примемся живей,
В клубе промелькнет платочек пестрый —
Песни будут в поле веселей!

Быстро мы науку одолеем, —
Ни одной неграмотной не будет на село,
И навеки тьму тогда рассеем. . .
За работу же, крестьянки, веселей!

(1925)

Константин Алтайский

162. ИЛЬИЧ ВОДИТ ПЕРОМ РАБКОРА

Пишите так, чтобы заметки
Крепили Мировой Октябрь.

Ну и пусть фабричное горе
Еще хмурит рабкорью бровь
И газетное белое поле
Поливает чернильная кровь.

Ну и пусть без вздоха и стонов
Для проклятых вражьих ушей
Пал сраженный рабкор Спиридонов
Как разведчик газетных траншей.

Ну и пусть еще слог наш не точен,
Маяковских наш стан не родил, —
Зато штык наш на деле отточен,
И за нами — бесчисленность сил.

Зато в крепости нашей — «Правде»
Грозовеет рабкоровский форт,
И в фабричном убогом наряде
Каждый ратник газетный горд.

Мы сыны Октябрёвых волнений,
И перо и винтовка нам — снасть.

В каждом сердце рабковском — Ленин,
Его правда и мудрая страсть.

Лей, смывай косность дней водопадом
Строк, рожденных мильонами волю.
Стяг наш — ты, большевистская «Правда»,
А Ильич — наш девиз и пароль.

(1925)

Анатолий Луначарский

163. КАРТИНА

Он взял большое полотно
И сумраком его наполнил.
Еще предутренне темно,
И сталью отливают волны.

Упорной ратью среди вод
Идут измученные люди,
Идут, суровые, вперед,
И в пене кожаные груди.

Подруги их за ними вслед
Идут, детей держа высоко,
Им некий вдохновенный бред
Зажег расширенное око.

Идут, и мокрое от брызг
Противу ветра знамя плещет,
И только краем солнца диск
Поднялся и в волнах трепещет.

А сзади пристально и зло
С крутого берега взирает
Оскотиневшее хайло
На тех, кто в волнах умирает.

Но жабьей морды мерзопасть
Уже улыбку проглотила, —
Смотри, передовую часть
Заря сильнее озолотила!

Она смогла прошупать брод!
Желанный берег недалече,
Вода жемчужная течет
С одежд, и, выпрямляя плечи,

Передний ряд уже запел
И, алой пеной опоясан,
Стремит шеренги гордых тел
Движеньем хорового пляса!

Вон в небе туч косматых пласт,
Как бы разорванная вата,
Сейчас пробиться солнцу даст
Сквозь полог свой зеленоватый.

Смотри: в тумане маяком
Стоит там, тверд и неизменен,
Всегда живой Предсовнарком,
Путеводитель мира — Ленин!

(1925)

Сергей Есенин

164. КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым всё так
Близко, —
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн,
В своей расчистке
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке,
Всё делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,

Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан.
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

*17 января 1925
Батум*

Демьян Бедный

165. СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

(21 января) 1925

Иван Батрак

166. ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

Промчался тяжкий год. Но боль жива поныне,
Утрата горькая безмерно велика,
Такой не видели прошедшие века,
Так не скорбела мать о рано павшем сыне.

Кто может позабыть о лучшем гражданине,
Вожде, товарище и брате бедняка? . .
Как туча черная, надвинулась тоска
И свой справляет пир на мрачной годовщине.

Но ты недаром жил, великий наш Ильич!
Учение твое — веков грядущих клич.
Народный океан тобой, как бурей, вспенен.

Нет, никогда теперь ему не замолчать!
Пока потухнет мир, всё будет в нем звучать,
Как музыка эпох, родное имя: Ленин.

(21 января) 1925

Иван Приблудный

167. У ГРОБА

Я о вожде, как рядовой, жалею,
Как рядовой в незыблемом строю.
Под взмах знамен пристану к Мавзолею
И нужный срок в молчанье простою.
И в этот срок притихнет, замирая,
Моей страны воспрянувшая ширь,
И вновь сожмет сердца печаль большая,
Что недвижим наш вещей богатырь.
Пожар знамен и траурные марши. . .
Сегодня год,
Сегодня год,
Как, нашу рать покинув,
самый старший
Ушел туда,
откуда не придет.
И мы,
с пургой обветренным лицом,
Глаза потупим,
Головы опустим,
Как дети перед умершим отцом.
Но вместе с тем

Нам так понятным станет
 Сиротство наше,
 что, несчастью рад,
 Уже ничем нас враг не отуманит
 И не заставит повернуть назад.
 Мы все постигли заповедь простую,
 И миллионы маленьких голов
 Заменят эту голову большую,
 Уже светящую потомкам в тьме веков.
 (21 января) 1925

Николай Асеев

**168—170. ГОДОВЩИНА
СМЕРТИ ВОЖДЯ**

1

Зачем стихами
 писать об этом?
 Что выдумать тут
 стиху,
 где горе
 в горле —
 куском непропетым,
 где строки
 болью текут?!
 Затем стихами,
 чтоб не стихали
 тот говор
 и тот рассказ,
 чтоб бились сами,
 гремя сердцами,
 боль,
 гнев,
 тоска!
 Чтоб не скипелась душа,
 жалая,
 чтоб не затмился
 свет,

чтоб не зальдился
 у Мавзолея
его
 неостывший след.
Снова, снова
 холод жестокий
по избам
 глухих волостей
от Ташкента
 до Владивостока
пронизывает до костей.
Снова рабочий,
 снова крестьянин
нынешним
 зимним днем,
голову свесив
 между горстями,
затосковал
 о нем.
Какими ж словами
 утишить боль ту
на тысячах
 мглистых миль,
которая мчится,
 как мчится по льду
гонимая ветром пыль?
Только — припомнив
 голос и поступь,
прильнув
 к родному лицу,
спеть о нем тихо,
 спеть о нем просто,
как ветер
 поет в лесу.

2

Нету слов об этом...
Песня,
 честной будь!
По его заветам
направляй свой путь.

Будь, как можешь, проще
и других скромней.
Вот — опять та площадь
и ряды камней.

И простая кепка,
что весь мир вела,
и тугая,
 крепко
сжатая скула.

И в порыве локоть,
как кирка — на слом,
и тревожный клекот
всюду слышных слов.

И — еще бы малость —
этих губ раствор
закрепил, казалось,
всех людей родство.

Но, его не слыша,
этим зимним днем,
песня,
 тише, тише
говори о нем.

Будь простою, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле.

Проще, песня, проще,
и скромней, скромней.
Вот — опять та площадь
и ряды камней.

Город тот же самый,
тот же самый вид,
только — черной ямой
он насквозь пробит.

Он пробит навывлет
черным ломом лет,
и от снежной пыли
леденеет свет.

Леденеют губы,
леденят язык.
Этой песни убыль —
только — лед слезы.

Но у дальних наций
в непробудном сне
неотступно снятся
наши лед и снег.

И быть может, нашей
немотой над ним
всяких песен краше
мы весь мир сродним.

Будь же проще, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле.

Не могилу вырой,
замирая, стих, —
смокнул голос мира,
ветер мира стих.

в

Поляны,
голубые от снегов. . .
У нас и так —
бесчисленно врагов,
они и так
нас обошли вокруг,
а этот был наш вождь,
наш брат,
наш друг!

Как мать ведет,
уча, свое дитя —
он вел
страну рабочих и крестьян...
Еще ребенка
поступь не тверда,
а уж в тоске —
поля и города.
Но не погибнем мы
от той беды:
езде —
его горячие следы.
И мы дойдем
по этому пути,
которым он
хотел нас довести.
Вы,
пролетарии далеких стран,
соединяйтесь все
в единый стан!
И ты,
заря великая,
залей
вождя умолкнувшего
Мавзолей!

(21 января) 1925

Эдуард Багрицкий

171. ЛЕНИН С НАМИ

По степям, где снега осели,
В черных дебрях,
В тяжелом шуме,
Провода над страной звенели:
«Нету Ленина,
Ленин умер».
Над землей,

В снеговом тумане,
Весть неслась,
Как весною воды;
До гранитного основания
Задрожали в тот день заводы.
Но рабочей стране неведом
Скудный отдых
И лень глухая.
Труден путь.
Но идет к победам
Крепь, веселая, молодая. . .
Вольный труд закипает снова:
Тот кует,
Этот землю пашет;
Каждой мыслью
И каждым словом
Ленин врезался в сердце наше.
Неизбывен и вдохновенен
Дух приволья,
Труда и силы,
Сердце в лад повторяет:
«Ленин».
Сердце кровь прогоняет в жилы.
И по жилам бежит волнами
Эта кровь и поет, играя:
«Братья, слушайте,
Ленин с нами.
Стройся, армия трудовая».
И гудит, как весною воды,
Гул, вскипающий неустанно. . .
«Ленин с нами», —
Поют заводы
В скрипе балок,
Трансмиссий,
Кранов. . .
И летит,
И поет в тумане
Этот голос
От края к краю.
«Ленин с нами», —
Твердят крестьяне,
Землю тракторами взрывая. . .

Над полями и городами
Гул идет,
В темноту стекая:
«Братья, слушайте:
Ленин с нами!
Стройся, армия трудовая!»

(21 января) 1925

Зубило (Юрий Олеша)

172. ЖИЗНЬ

Эту смерть
Мы называем — жизнь.
Вылепили, вышили, сковали
Формулу бессмертия навеки:
«Ленин умер — ленинизм живет».
Кто сказал впервые этот лозунг?
Кто его придумал, сочинил?
Это голос
Сотен миллионов,
Сотен миллионов — воля. . .
В час один, в одну минуту ту же
Это током обежало землю,
Это разом сжавшийся кулак,
Вздых, похожий на подземный гул,
Это не типограф,
Не машина,
И не на бумагу,
А в столетья
Наши отпечатали сердца!
В первый день, когда простой листок
С извещеньем, что скончался Ленин,
Как снаряд,
Перекосил стену,
Из смешенья горя и упорства,
Из печали, твердости и веры
Этот лозунг вылился крепчайший:
«Ленин умер — ленинизм живет!»

В эти дни,
Когда летел в атаку
На Москву, по площадям, мороз,
Развернул к мостам и башням флаги,
Саблями по головам рубил, —
В эти дни,
Когда лежал на красном
Мертвый Ленин среди лент и роз, —
Люди шли увидеть и проститься,
Сотни тысяч
Двигались в порядке,
Жгли костры,
Дышали на младенцев,
Точно елки, в стуже индевели,
И в молчанье, в медленном движенье,
В строгости,
В спокойствии
И в скорби —
Эта очередь была, как лозунг,
Общий,
Непреклонный
И последний:
«Ленин умер — ленинизм живет».
Встал почетный караул у гроба.
Часовыми были слесаря,
Комсомольцы,
Мужики,
Наркомы,
Кавалеры Знамени — комбриги.
Часовые плакали. . . Их слезы,
Их остекленелые глаза
Говорили: «Ленин умер», —
Скулы ж,
Стиснутые, как затвор винтовки,
Выправка, молчанье, дисциплина
Говорили:
«Ленинизм живет!»
В день последний
Розовела стужа,
Бомбардиры повернули пушки
На четыре стороны земли.
Гроб поплыл над миром, как звезда. . .

Все слышали шелест покрывал
В каждой шахте
И в лачуге каждой. . .
И мороз московский леденил
В этот день и негра, и китайца.
Пять минут
Стояли поезда
И гудки печально рокотали,
Пять минут, как стружка из рубанка,
Лента телеграфная бежала.
Пять минут стоял без шапки мир
Обездоленных и угнетенных,
Стиснув зубы
И нагнув чело. . .
В этом всем: и в клокотанье пара
Сдержанных с разбегу паровозов,
В стук телеграфных аппаратов
И в раскате траурных гудков
Два звучали голоса,
Две правды —
Голос скорби
И победы голос:
«Ленин умер — ленинизм живет!»
Вождь оставил
Чудное наследство:
Партию, соратников и книги.
В книгах — слово,
В партии — дела.
Вождь оставил
Чудное наследство:
Мощную уверенность свою
В том, что коммунизм восторжествует,
И пути, и тактику, и опыт. . .
Вот оно — уверенность уже
Оправдалась! Вот оно: большое
Государство наше,
Наш союз
Существует, год за годом крепнет!
Вот оно: всё громче нарастает
Голос пролетариев всех стран.
Вот оно: всё глубже и опасней
Брюхо капитала загнивает. . .

Вот оно: шагают пионеры,
Дудки свищут,
Барабан стучит. . .
Вот оно: берет науку штурмом
Комсомола ярый миллион. . .
Это жизнь, как новая постройка,
Вырастает окнами на солнце, —
Это — ленинизм живет!

(21 января) 1925

С. Дорожный

173. ГОДОВЩИНА

Год прошел. Повторились дни. . .
Старой боли расти не сметь!
Миллионы людей роднит
Для борьбы Ильичева смерть.

Старой боли дороги нет,
Кроме черных знамен в рядах,
Да еще. . . печалит в окне
Ильичевый портрет в цветах.

Только на день наденем креп
И гудки протревожат сбор, —
Через год на работе окреп
Ильича посмертный набор.

Через год многотысячный шаг
Новых ленинцев тверже стал,
Они дело борьбы довершат, —
Целый год в них Ленин вралстал.

Год прошел. Повторились дни. . .
Старой боли расти не сметь!
Миллионы людей роднит
Для борьбы Ильичева смерть.

1925

Сабит Мукалов

(Перевод с казахского)

174. В ДЕНЬ ТРАУРА

На солнце затмение нашло,
И ветер охрип от рыдания.
О горе, как ты тяжело,
И нету тебе оправдания.

«О, Ленин!» — народ говорит.
Темнеют печальные флаги.
А сердце — болит и горит,
Глаза тяжелеют от влаги.

Вокруг затихают слова,
Людские дыханья клубятся.
Склонилась моя голова.
С колен не могу я подняться.

1925

Аялберген Мусаев

(Перевод с каракалпакского)

175. ЛЕНИН

Простите, если я не знаю лучших слов, —
Редчайшей редкостью в наш мир явился Ленин,
Он стал отцом для всех голодных и рабов,
Священны все места, где жил, трудился Ленин.

Как ясный лик луны, сквозь тучи он сиял,
Огнем правдивых слов он камни расплавлял,
Бессильным недруг стал, богатым нищий стал,
Со сворой палачей бесстрашно бился Ленин.

Широкий, светлый путь открылся нам вдали,
Сел на коня бедняк, а бай лежит в пыли,
Живым ковром цветов покрылся лик Земли,
Как будто на поля дождем пролился Ленин.

С трибуны речь держа, он звал идти вперед,
Казалось, тучи стрел на недругов он шлет,
И правде смелых слов поверил весь народ,
Благословляя день, когда родился Ленин.

У баев он отнял их прежние права,
Был зорок взгляд его, ясны его слова,
Где б ни стонал батрак, ни плакала вдова,
Для них опорой стал, за них вступился Ленин

Он всех законов был тончайшим знатоком,
Со всеми нуждами людскими был знаком,
Как с равным, говорил с последним бедняком,
Вот почему с людьми так породнился Ленин.

Распался старый строй, — кто прежде спину гнул,
Теперь на свет шагнул, проклятый строй стяхнул,
Ушла навеки власть иманов, баев, мулл, —
Так с первого же дня распорядился Ленин.

Он думал о стране, о будущем, о нас,
Весь необъятный мир он видел без прикрас,
В руке он план держал, — и в самый тяжкий час
От замыслов своих не отступился Ленин.

На тех, кто плеткою грозился бедняку,
В руке держал печать, а саблю — на боку,
Кто с нищих шкуру драл, а сам ходил в шелку, —
На них обрушил гнев и ополчился Ленин.

Творил он чудеса: сбывались все мечты,
На ветках высохших опять цвели цветы!
Взяв за руки дехкан, подняв из нищеты,
Свободы и добра для них добился Ленин.

Страницы мудрых книг его слова хранят,
Места, где он бывал, отныне люди чтят:
Великую Москву, Казань и Ленинград,
Сибирь, где некогда в глуши томился Ленин.

Казну всех богачей народу он раздал,
Рукой карающей их всюду настигал,

Была твердыня зла, казалось, тверже скал,
И все-таки ее сломать решился Ленин.

Но подлый враг его однажды подстерег,
Стрелял в него в упор, — с тех пор он занемог,
Шестидесяти лет и то прожить не смог —
Ушел, глубоким сном навек забылся Ленин.

Он пламенным цветком над всей землей горел,
Он вещим соловьем о новой жизни пел,
Он и теперь — исток всех наших дум и дел,
Кто путь его избрал, в том отразился Ленин.

Узнав, что умер вождь, был скорбью мир объят,
Как стадо матерью покинутых ягнят,
Но свет его идей ученики хранят,
Не умер — будет жить, с народом слился Ленин.

«Сто тысяч, — говорят, — один вожак ведет!»
Он знаньем и мечтой вооружил народ,
Он создал партию, что движет нас вперед,
Не счесть его сынов, — в них воплотился Ленин.

Мне книжной мудрости учиться не пришлось,
Но главное сказать мне все же удалось:
Заветы Ленина бессмертны! Всё сбылось,
Что нам предсказывал, к чему стремился Ленин!

1925

Николай Дементьев

176. ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Как ломкие пальцы невидимых рук,
Они задрожали, и, в звуках растаявши,
Они выражали и боль, и испуг —
Холодные продолговатые клавиши.

Зал слушал, как слушают птиц перелет
В осеннее утро, не видя парения.

И сердце не выдержало, и вперед
У каждого горлом хлынуло пенне.

Рос марш и разметывался в вышину,
И там становился угрюмой и меньше,
И легкая дрожь посетила одну
Из самых хороших и любящих женщин.

И, как электричество по проводам,
Вдруг перебежало по залу волненье,
И зал приподнялся, и зал зарыдал,
Смешались под сводами всхлипы и пенне.

Спадала улыбка, морщинулся лоб,
И под впечатлением горькой потери
Мы вышли, мы вынесли песню, как гроб,
В огромные, настезь раскрытые двери.

Там ночь подхватила рыдающий гул,
Вплела его в снег, затеряла в метели.
И в эту метель ни один не уснул
На смятой, горячей от горя постели.

1925

Египсе Чаренц

(Перевод с армянского)

177. ЛЕНИН И АЛИ

1

Москва — это сердце века.
Москва — древнее, чем Мекка.
Живет в ней великий Ленин —
и город этот бесценен
для каждого человека.

От Москвы до Трапезунда далеко,
далеко от Трапезунда до Москвы,
до нее пешком добраться нелегко.

Если ж в золоте ты
с ног до головы,
то нанять себе сумеешь пароход:
до Батуми доберешься ты сперва,
дальше поезд до Тифлиса довезет,
а потом Баку, Ростов,
и вот — Москва.

Там, в Москве, судьбу с народом разделив,
и живет Ильич. . .
Россия широка.
Этот Ленин — замечательный халиф,
но такой халиф,
что любит бедняка. . .

И за это в Трапезунде,
от Москвы вдали,
любит Ленина всем сердцем
лодочник Али.

Он — гребец в хозяйской лодке.
Дали моря хороши. . .
Долгий труд
и сон короткий,
плата — скудные гроши.

Счастья лодочник не знает,
а хозяйская рука
погоняет,
погоняет
бедняка, как ишака. . .

А матросов в порту —
не счесть,
и однажды русский матрос
в этот край далекий принес
о великом Ленине весть.

— Он хороший? — спросил Али.
— Да! — ответил матрос-урус, —
с плеч трудящихся всей земли
хочет сбросить он
бедствий груз.

Там, где Ленин, нет богачей,
нет эфенди — лютых господ,
что играют связкой ключей,
да чужой пожирают пот,
да у моря, усевшись в тень,
в нарды режутся целый день. . .

И тогда-то понял Али:
Ленин — это большой халиф,
боль народа ему близка. . .
Только это такой халиф,
что вникает в жизнь бедняка.
И хотя Москва далека
и добраться туда нет сил, —
всей простой душой бедняка
Ильича Али полюбил.

2

В трауре жгучем стояла Москва.
Черные, грозные ночи. . .
Знал, что любые бессильны слова,
осиротевший рабочий.
Вести летели о страшной беде,
люди скорбели о Красном Вожде.

Очи закрыл он, нахлынула мгла,
он не откроет их снова. . .
Партия силы свои напрягла,
мускулы вздулись сурово.
В этой ужасной ночи ледяной
встала она
непреклонной стеной.

Слышится Родины сдержанный стон,
сдавлено сердце печалью.
Но одевается воля в бетон,
полнится сердце сталью.
Знает рабочий: не дремлет враг,
рад он
нашей потере. . .

Выше подыдем могучий кулак!
Зорче, патруль у двери!

Сердцем скорбящим, родная страна,
ты в эти дни ощущала:
близится
новых свершений волна,
новых сражений начало.
В этих сражениях —
недругам пасть. . .
И под огнем кумачовым
далее пойдешь ты, рабочая власть,
верным путем Ильичевым!

Траурная радиоволна
не щадила неба синевы —
словно меч, рубила мир она,
в Трапезунд примчалась из Москвы.

В этот день измучился Али. . .
Даль уже подергивалась тьмой,
в гавани белели корабли,
и Али отправился домой.
Он дышал прохладой ветерка,
запахами стынувшей земли. . .
Русского знаконца — моряка
вдруг увидел издали Али.

И Али к матросу подошел
и хотел сказать ему: «Привет!»
По лицу струился теплый свет,
и сказал он:
«Ленин — карашо!»

Набегали волны, рокоча.
Был печальным,
пасмурным матрос;
вдруг он вместо «здравствуй!»
произнес:
«Ленин ёк» — «Не стало Ильича. . .»

Тени на лицо его легли,
он ушел. И сразу — тишина...
Эта весть,
как грозная волна,
рухнула внезапно на Али.

4

Ночь.
Трапезунд — это царство мрака,
лист ни один не дрожит...
Лишь полицейский,
словно собака,
улицу сторожит.
Только Али одному не спится:
горе сдавило грудь.
Вот он вдоль стен
крадется, таится,
знает: опасен путь...

К зданию подходит:
там, вечно молод,
алый пылает флаг.
Там нарисованы
 серп и молот,
сразу редеет мрак...
Надпись знакома на здании этом:
«Консульство СССР».

В городе тихо
 перед рассветом,
шепчет о чем-то сквер...

Вот уж над морем
 восходит зорька,
трогает край земли...
Хоть полицейский
 следил и зорко —
но прошмыгнул Али.

Быстро нажата на двери кнопка,
громкий звонок звучит...

John Armstrong
Morris Kramel
Jan 1928

Сердце Али
хоть бьется робко —
но громче звонка стучит!

Сторож не спит,
открывает двери:
— Кто к нам явился
в рассветный час?
Это Али?
Он глазам не верит:
плавали вместе с Али не раз. . .

Консул тоже не спит.
Выходит.
Видно, никак он заснуть не мог. . .
Слов подходящих
Али не находит,
шепчет он: «Правда ли —
Ленин — ёк?»

И тишина оглушает,
как молот,
бьет себя в грудь
потрясенный Али. . .

Даже сюда
добирается холод
с дальней,
с печальной московской земли.
Парень уходит
по улице узкой,
темные ноги —
в белой пыли. . .
«Не карашо», —
вдруг он шепчет по-русски,
горькие слезы роняет Али. . .

Что тут добавить?
По белому свету
всюду любовь к Ильичу горяча. . .

Другу Али посылаем приветы,
славим бессмертие дел Ильича!

1925

Михаил Светлов

178. МЕДНЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Без десяти минут семь
Медный всадник вздрогнул и ожил,
Сошел с коня, по-прежнему нем,
И молча стал приставать к прохожим.
Он будто спрашивал:
 чья это смерть
Одела в траур людей и здания,
Что даже его привычную медь
Сегодня весь день раздирали рыдания?

Никто ничего ему не ответил:
Их много — людей, он один на свете.

Спали, когда он пришел с прогулки,
Свернувшись котятками, переулки.
Спиной к Петру, лицом к Неве
Стоял курчавый человек.

Ночь размышляла, к нему подползая:
Можно его обнимать иль нельзя ей.
Звездами был Ленинград осыпан,
И губы Петра отворились со скрипом:

«Застонет моряк, если вот-вот утонет,
И самый бесстрашный застонет в беде.
Мне стон их понятен, но мною не понят
Сегодняшней скорбью отмеченный день.

Кто это смолк, но всё еще слышим?
Он выше меня? И намного ли выше?»

Человек молчал, и ночь молчала. . .
Сдавлена под тяжестью металла,
Бровь Петра чуть-чуть затрепетала.

«Ведь оплакивала не меня же
Вся моя родимая земля.
Я не умирал сегодня. Я
В этот день не простудился даже.

Только слышал я сквозь медный сон:
Чьей-то смертью город поражен».
Обернулся медленным движеньем
Человек и молвил:

«Умер Ленин!»

Темный отдаленный форт
Слышал, как затрясся Петр,
Даже конь, недоуменьем сбитый,
Опустил одно копыто.

Еле слышно к уху донеслось:
«Объясни мне, что ты произнес,

Для народа моего родного
Где ты выкопал такое слово?
Кто он и какого чина?

Вероятно, маленький мужчина.
Трезвенник! Его бы зашатало
От одного петровского бокала!

Выросший ребенок — город мой,
Для Руси моей удобный дом,
Ты обрадовался, что пришел другой,
Он ушел, и ты грустишь о нем.

Год за годом по Неве уплыл,
Ты меня еще не навестил, —
В день ли смерти, в день ли именин
Я стою по-прежнему один.

Никто не пришел, никого нет.
Только сегодня часов в пять
Явился какой-то худой поэт,
Проторчал два часа и пошел спать.

И больше он сюда не придет,
Он не покажется, сукин сын.
Ему ведь известно, что я — Петр,
Великий плотник моей Руси.

Русь родная, ты забыла
Четкий шаг твоих потешных,
Без разбору тратишь силы
Не для русских, для нездешних.

Ах, я помню: ты боролась,
Не давалась нипочем
Расчесать невымытый волос
Заграничным гребешком.

И теперь вот год за годом
Уплывают, и я знаю:
Острижешь России бороду —
У нее растет другая.

Как же мог уйти с победою
Тот, что смолк в моей стране,
Если он не мог как следует
Даже ездить на коне?

Всю премудрость книг богатых
Он в Россию натаскал,
Как учил его когда-то
Бородатый немец Карл.

Но моей славянской расе
Не звенеть немецким звоном, —
Сколько б дерево ни красить,
Будет дерево зеленым.

Русский утром встанет рано,
Будет снег с крыльца счищать,
В полдень он напьется пьяным,
Ночью шумно ляжет спать.

Утром он проснется рано
И посмотрит — есть ли снег;
Если есть — напьется пьяным,
Если нет — запьет вдвойне.

Утром он проснется рано,
Ночью снова будет пьяным».

Около семи утра
Смогкла речь уставшего Петра.
Сквозь молочный свет была видна
Всадника позеленевшая спина.

Медленно и величаво,
Чуть картавя, отвечал курчавый.
Видно было, как его слова
Схватывает Нева,
Слышно было, как, ломая лед,
Хочет прокарабкаться вперед.

«Ай, Петр, Петр!
Человек кричит, когда ему больно.
Зверь рычит, не найдя берлогу,
А Медный всадник сидит недовольный,
Что его никто никогда не трогал.

Стонет моряк, если вот-вот утонет,
Стонет поэт, если в стужу пальто нет,
Но ты-то чего здесь развел сентименты
Последнего Медного Интеллигента!

Ты в двадцать четвертом здесь правил конем,
Как в двадцать третьем и в двадцать втором,
А мы в это время у гроба стояли,
Как статуи чьей-то огромной печали.

Ты еще не видел, чтобы
Рядом горевавшая у гроба,
С человеком чувствуя разлуку,
Тень его вздымала руку.

Русь большая плакала во мгле...
Человек последний на земле
Так еще, наверно, зарыдает,
Меркнувшее солнце провожая.

Но мы знаем: если землю вдруг
Схватит вулканический испуг,
Память о Владимире лелея,
Хаос не разрушит Мавзолея.

Но мы знаем: мертвый Ленин рад,
Что назвали город — Ленинград,
Чуем: вместе с нами Ленин, рядом
Над оледенелым Ленинградом.

Пароход придет из-за границы,
Чтобы мудростью его напиться,
Быстрыми и жадными словами
Побеседовать с его учениками.

Видишь, в гавани торговый флот
Русскую воду пьет. . .

Ай, Петр, Петр!
Если б знал ты, хмур и одинок,
Как России трудно без него, —
Смерти, догоняющей его,
Ты б коня направил поперек.

Ты б услышал, как, звуча в мученье,
Эхо, отскочив от молотка,
Над склоненной скорбью мужика
Трижды простонало:

Ленин!

И, шагая по его еще
Свежему дымящемуся следу,
Больше, чем свое плечо,
Чувствуем плечо соседа.

Видишь, как нагнулась тьма
Слушать шаг идущих тысяч. . .
Это строят новые дома —
Терема плененных электричеств.

Как знамена, вскидывая искры,
Взволнованный Волхов гудит. . .
Петр!
Это только присказка,
Сказка еще впереди».

1925

Зубило (Юрий Олеша)

179. И ПЕСНИ И СКАЗКИ ЧУДЕСНЕЙ...

Земная лежит оболочка,
Как в сказке,
В стеклянном гробу.
Студеная зимняя ночка
С косматой луною на лбу.

И в стужу,
И в зиму такую
Крылаты костры
И пестры,
И люди, толпясь и танцуя,
Как птицу, хватают костры. . .

За городом древнее поле,
Пожар, конокрад и погост,
И близко надвинулся полюс
Сиянием снега и звезд. . .

И в сани впрягает оленей
Обросшая стужею
Русь,
Но тает под именем *Ленин*
Ее самоедская
Грусть.

Взошло над глухими полями
То имя на веки веков —
Блистательней радуг полярных,
Прекрасней оленьих рогов!

То имя,
То слово,
Тот голос,
Зовущий к последней борьбе,
Растет, разбухает, как колос,
В суровой мужицкой судьбе. . .

С тем словом, с тем именем — каждый
Слепой и прозрел и окреп,
С тем словом, понятным и важным,
Как слово *земля* или *хлеб*.

Недвижно, не видя, не зная,
Как мы продолжаем борьбу,
Лежит оболочка земная,
Как в сказке,
В стеклянном гробу. . .

Во френче, застегнутом твердо,
Так памятен, близок, знаком. . .
При жизни неношенный орден
Теперь лишь заметен на нем. . .

Приходят с заводов и фабрик
Увидеть. . .
И в мокрых глазах
Тот орден, как легкий кораблик,
На алых плывет парусах. . .

Два года шума пролетело,
Два года шума протекло. . .
Не тронуто мертвое тело,
Как в сказке,
Лежит под стеклом. . .

Костер обжигает колени,
Тулупом оброс часовая, —
В стекло похороненный Ленин
Лежит за оградой — Москвой.

Но тут же, но всюду, но рядом,
Над книгой,
В полях,
В мастерской,
Всё с тем же прищуренным взглядом
Работает Ленин живой. . .

И в каждой надежде и думе,
Везде, где пружинится труд,

Живет этот Ленин, что умер,
Как в сказках — и то не живут!

Со сказкой сравнить или с песней?
Не песня,
Не сказка — скажи:
И песни и сказки чудесней
Борьбой воскрешенная жизнь!

Заводы сияют во мраке,
Грохочет под поездом мост —
В машине, в укоме, в рабфаке
Работает Ленина мозг...

И в партии и в комсомоле,
Сквозь каждый земли уголок,
Пружинится Ленина воля,
Проходит сквозь массу,
Как ток.

Огонь революции дует,
Отвагой глаза расцвели,
И Ленина сердце бушует
Под синей рубахой земли!

(24 января) 1926

Лев Квитко

(Перевод с еврейского)

180. С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

1

Я на портрет его гляжу, подняв глаза,
и говорю:
— Наверно, хлопотен твой труд —
Весь строй людского бытия
Налаживать на новый лад,

Когда в пути не счесть помех,
Непониманья и преград.

Он отвечает:

— Ты всё тот,
В тугой узде красивых фраз,
Которая калечит рот
И ни на волос,
Ни на шаг
Тебя не двигает вперед.
Ты — человек,
Ты знаешь сам,
Причастен ты ко всем делам,
Свершающимся на земле.
Добро и правда,
Зло и ложь —
Во всем есть капелька твоя,
За всё ответственность несешь.
— Я знаю.

Вот я тут стою,
Тебе вручаю
Жизнь мою.
Пошли меня в далекий путь,
Пошли меня на грозный бой,
На тяжкий труд меня пошли.
Вели!
Над пропастью любой
Готов я выгнуться мостом.
Лишь мелочи меня гнетут —
Блуждание в лесу густом.
Уж проще реку повернуть
Иль гору срыть с лица земли!

Он глянул сверху и сказал:
— Твоя рубаха вся в грязи,
Не стиранная с давних пор.
Возьми ее и постирай
И окна распахни во двор.
Дыши погодой ветровой,
Покличь соседей и скажи:
«Давайте чистить дворик свой!»
Свою высокую мечту,

Свой вдохновенный непокой
Поймай, как птицу на лету,
Держи недрогнувшей рукой.
И каждый час,
И каждый миг,
И в каждой мелочи пылай.
Пылинку замыслов твоих,
Крупницу замыслов твоих
В своих делах осуществляй.

2

У слова каждого его
Своя высокая цена,
Свой круглый вес,
Свой полный вес.
Как наливающийся плод,
Оно срывается с ветвей.
Оно полнеет и растет,
Как плод, созревший для людей,
И слышен людям дальних стран
Широкий шум,
Могучий шум.
Так в каменные берега,
Наверно, плещет океан.
Страна растет
И ширится в плечах,
Сияет в собственных лучах.
Ей вдаль шагать,
Сметая прочь
Помехи на своем пути,
К такому счастью ей дойти,
Чтобы, как день, сияла почь!

8

Превыше неприступных гор,
Потоков искристых ясней
То светлое имя.
То светлое имя,
Зовущее в бой,
Ведущее нас за собой
К бесспорной победе.

В ком пламенно сердце,
Чья речь вдохновенна,
Тот знает то имя,
Тот помнит то имя,
Тот верит в то имя,
Простое и вечное имя
Ленин!

1926

Александр Безыменский

181. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

Фрагменты

1

Человек —
Сам себе награда,
Если только
Умеет жить.

Хочешь быть
Человеком что надо,
Но не знаешь:
Сумеешь ли быть?

Ведь не выпрыгнуть нам из нас же!
Жизнь идет,
А в груди нашей
Хруст. . .

Время сделало сердце наше
Общежитием всяких чувств.
Общежитье забито вещами,
А в углах где-то есть тайники,
Где скрываются чувства-мещане,
Чувства-буржуи,
Чувства-меньшевики.

Будоражит нас жизнь делами.
И подчас в наших чувствах

Раздор...
Открывается в сердце парламент,
Учредилловский разговор.
...Чтобы выгнать чужую нам свору,
Надо речи их знать наизусть, —
Надо вслушаться в шумные споры
Заседаний парламента чувств.

2

У Ленина нет дня рожденья!
Его рождение — века,
В заводском и фабричном пенье
Родившие большевика.

Мир, стиснутый тугою тенью,
Был залит солнечным дождем. .

У Ленина нет дня рожденья!
А вот Ульянов
Был рожден.

3

Цветет весна. Апрель приветен.
Большое небо — голубень.
Да, да! Сегодня Лениндень —
И сердце бьется только этим.

Брожу, задумчив, по Москве.
О, сколько дум и сколько планов!
И странно: нынче в голове
Не Ленин,
А Ульянов.

Ульянов! — человечьих рек
Одна слиянная громада. . .
Ильич,
Ульянов —
человек
что надо.

Он смел дерзать. Умел он видеть,
 Где созидать, где надо бить.
 О, как умел он ненавидеть
 И в ненависти той — любить!

С друзьями вдумчив был и ласков,
 К врагам суров и строг к себе.
 Срывая вражеские маски,
 Он мир учил — учил борьбе.

На стройку новых поколений
 Он дал свой человеческий век.
 Он делал всё, что делал Ленин,
 Ильич — Ульянов — человек.

Человек —
 Сам себе награда,
 Если только
 Умеет жить.

Хочешь быть
 Человеком что надо,
 Но не знаешь:
 Сумеешь ли быть?

Будоражит нас жизнь делами.
 И подчас в наших чувствах —
 Раздор. . .
 Открывается в сердце парламент,
 Учредиловский разговор.

. . . А сегодня вот, в сердце глянув,
 Я упрямо встряхнул головой.
 Владимир Ильич Ульянов
 Встал перед взором
 Живой.

О, Ильич! Человечья громада!
 Вот кто сердцем своим велик!

Вот он где —
Человек что надо:
Настоящий большевик.

Просто жить — небольшое искусство.
Ну, а ты
Жил до самых глубин.
Знал ты все человечьи чувства,
Но ты в чувствах
Был един.

Мал я, мал! Но, всем сердцем вспрынув,
Буду жить, не жалея сил.
Помню я, как Владимир Ульянов
Жил.

...Чтобы жизнь, как Ульянов, изведать,
Я учусь,
Неустанно учусь
Укреплять во имя победы
Большевицкую армию чувств.

1926

Александр Жаров

182. ЛЕНИН НА III СЪЕЗДЕ РКСМ

Пришедшие
Из всех углов страны,
С фронтов, с заводов,
Из глухих селений,
Мы были
В первый миг ослеплены,
Оглушены,
Когда сказали:
— Ленин!..

Не передать
Ни радости такой,
Ни клекота
Рукоплесканий жгучих. . .

К эстраде
Сгрудились мы
Тысячной толпой.
Зал грохотал
Овацией могучей.

Товарищ Ленин
Руку поднимал,
Молил пощады! . .
Но «пощада» — мимо!
И осажденный радостью, стоял
Он перед лагерем
Неумолимым. . .

— Скажи, Ильич,
Что делать нам с собой,
С сердцами,
Вдребезги готовыми разбиться?
В боях мы были,
Вновь готовы в бой! . . —
А он нахмурился
И вдруг сказал:
— Учиться!

— Учиться? . . Что?!
Мы землю на дыбы
Поставим,
Как взбешенную тигрицу! . . —
А он:
— Не отрываясь от борьбы,
Учиться,
И учиться! . .
И учиться! . .

— Учиться? . . Как?!
Великий командир,
В стране
Дела найдутся. . . поважнее. —
А он — свое:
О том, что новый мир
Без знания мы
Построить не сумеем! . .

Ильич спокоен.
Снова и опять
Слова: мораль. . .
Труддисциплина. . .
Знания. . .
О том,
Что надо смену воспитать
В коммунистическом
Соревнованье.

. . . Мы этих слов
Не слышали вовек.
Они сложны,
Слова простые эти.
Не знали мы,
Что может человек
Так зорко разглядеть
Пути столетья.

Простой. . . Родной. . .
Лицо. . . Часы. . . Жилет. . .
В руке листок,
На нем рисунок: школа. . .
И в этот день
Он на десятки лет
Нам написал
Программу
Комсомола.

1926

Берды Кербабаяев

(Перевод с туркменского)

183. ЛЕНИН

Вождям
от бронзового века
Ведется счет до наших дней,
А не родилось человека
Потомству ближе и родней,

Чем он,
 кто, расовым различьям
И расстоянья вопреки,
Из уст в уста рабочим кличем
Соединил материки. . .

И тем
 велик Владимир Ленин,
Что, как его ни возвеличь,
Он прост и правдою нетленен,
Что он всегда с людьми, Ильич.

1926

Сергей Спасский

184—186. **Л Е Н И Н**

1

ВАГОН

Весна в полях стелилась влажным паром,
Цедился дождь, царапая стекло.
И облаков знаменами недаром
Пригнувшееся небо замело.

И липы пролетали, салютуя,
Вдоль мокрых рельс.
И круглую звезду
Жег семафор навстречу.
И густую
Бросали искры россыпь на ходу.

Вагон дрожал. В вагоне пахло краской.
Скрипели деревянные скамьи.
И купол ночи ветреный и вязкий
Над ним покачивался в забытьи.

А станции отпрядывали. Чтó им?
В них суетня и окрики солдát,

В них оторопь погрузки перед боем.
Они войной, как факелы, чадят.

Кто им расскажет: около рассвета,
Вобрав перрон окошками на миг,
Здесь не вагон — гремучая комета
Перерезала время напрямик.

Но этот путь — еще он только начат,
Лишь оторвался камень от руки,
Еще совсем обыденно судачат
Ему навстречу стрелок огоньки.

И тормоза полязгивают крепко,
И плоский луч внутри переберет
То на столе промятый профиль кепки,
То на пальто суконный отворот.

И человек, устав от разговора,
Передохнуть ложится до утра
И морщит лоб.

— Да, мы приедем скоро. —
И дождь в окно царапает:
— Пора.

2

БРОНЕВИК

Листами зеленой стали
Обшитый, ты полз в бою,
И пули, скользнув, примяли
У башни щит на краю.

Войной в раскаленном чреве
Под спазмы взрывов зачат,
Ты здесь прогибаешь в гневе
Трескучих торцов накат.

Зачем же, в сквозных заплатах
Бойниц, суров и тяжел,

От этих полей проклятых
Ты в город, ворча, пришел?

Какую, бредя полями,
Себе выбирал ты цель?
Исчерченная огнями
Двугорбая цитадель.

Ты знал ли — шумя, окружит
Прорезы твоих бойниц
Тревога знамен и ружей,
Горячая лава лиц.

Пока, летя словно эхо,
Рядами не шевельнет
Скользкий шепот: '
 — Приехал.
Который? Смотрите! — Вот!

И — торопливой походкой,
Пересекая перрон,
Широкий, крепкий, короткий,
К тебе протиснется он.

Ведь здесь невозможно позже,
Ведь надо сейчас, скорей,
С размаху схватить за вожжи
Безумную скачку дней.

И хлещут слова, как плети,
И — вытянута рука. . .
Ты этого ждал? За этим
Катился издалека?

И вот, с приглушенной дрожью
Моторов, прилег мертво,
Чтоб кованым быть подножьем
Для первой речи его.

СМОЛЬНЫЙ

Спокойствие всего нужней. . .

Гул шаркает по коридорам.
 Сегодня в улицах огней
 Не зажигали. Перекорам
 Ружейных глоток нет конца.
 Сегодня город без лица
 Завяз до крыш в туман и слякоть.
 Дождю струистой сбруей звякать
 Вдоль заколоченных дверей.

Спокойствие всего нужней.
 Но коридор тревогой тронут —
 Здесь шарк подошв, прикладов топы.
 Сюда сегодня врывается фронт,
 Здесь задежурили окопы,
 Сгрудив шершавые шинели.

Здесь люди по три дня не ели.

Здесь заседают третью ночь.

Отсюда выкатились прочь,
 Топорща скользкие штывки,
 Гремучие грузовики.
 Та-ра-ра-ра. Та-та-та-та.
 Гнездится пена у моста.
 Матросский клеш скользит по лужам.
 Кронштадтский нрав с борьбою дружен.
 Накапливаясь по безлюдью,
 С дворцом они сошлись грудь с грудью.
 Из тесно сжатого кольца
 Они не выпустят дворца.

И меднобокая опора,
 Дымясь (и, значит, быть беде),
 Проводит борозды «Аврора»
 По оцинкованной воде.

И колоннадой круглоствольной
 Свою тревогу обведя,
 С ней связь не порывает Смольный
 Сквозь парус липкого дождя,
 Сквозь мрак, прозеленивший небо.

Спокойствие важнее хлеба. . .

Здесь нужен мозг — крутым узлом
Крепить и стягивать восстанье.
Здесь нужно ровное дыханье.
И он не дремлет над столом.
Доклады, словно клятвы, кратки.
В них дальних ружей молотьба.
Он слушает.

Лишь в лихорадке
Морщинка дернется у лба.
И точен, как патрон, приказ.
Здесь нужен выверенный глаз...
Но телефон охрип от крика,
Он надрывается:

— Впусти-ка,
Мне надо говорить — прими
(Зачем так хлопают дверьми?).
— Я слушаю... —

Он входит в зал:
— Не может быть.
— Да. Зимний взяли. —
По лицам ветер пробежал.
И стены колыхнулись в зале.

1926—1927

Сергей Марков

187. ПЕСНЬ О ЛЕНИНЕ

(Отрывок)

Станный и тихий час.
Есть ли у неба дно?
.. Костер зашипел, погас,
И стало в юрте темно.

Синий бархатный мрак.
Старик всколыхнул бородой,
Я дал ему нож и табак —
Он их отстранил рукой.

«Песни в сердце звучат,
В золотую сплетаясь нить.
О гость из дымных громад,
За них не нужно платить.

Зима холодной была,
Степи сковывал джут,
Мгла по небу плыла,
И пал не один верблюдо.

А там за белой стеной,
Что высится в блеске и мгле,
Поник большой головой
Единственный на земле.

От гневной грусти земли
Замедлен был солнца бег,
И черные тени легли
На пыльный скрипящий снег.

Ты видел — хищен и смел —
Беркут по небу плыл?
Желтое солнце задел
Взмахом пушистых крыл.

Дрожала черная тень
На яркой глади песка,
Орлиным крылом в тот день
Нависла над всем тоска.

Песни в сердце звучат,
Золотую сплетая нить.
Я не могу понять,
Почему перестал он жить!»

(Январь) 1927

Николай Асеев

188. МОЛОДОСТЬ ЛЕНИНА

Далека симбирская глушь,
тихо времени колесо. . .
В синих отблесках вешних луж
обывательский длинен сон.

По кладóвым слежалый хлам,
древних кресел скрипучий ряд,
керосиновых тусклых ламп
узаконенная заря.

И под этой скупой зарей
к материнской груди приник
лоб ребенка — еще сырой,
и младенческий первый крик.

Узко-узко бежит стопа,
начиная жизни главу;
будут ждать гостей и попа
и Владимиром назовут.

Будут мыши скрести в углу,
будут шкапов звенеть ключи,
чьи-то руки вести иглу,
обмывать, ласкать и учить.

И начнет — мошкаррой в глаза —
этот мир мелочей зудеть,
и уйдет из семьи в Казань
начинающий жизнь студент.

Но земля рванет из-под ног,
и у времени колеса,
твердо в жизни веря в одно,
станет старший брат Александр.

По какой ты тропе пойдешь,
на какой попадешь семестр,

о, страны моей молодежь,
отойдя от своих семейств?!

Далека симбирская глушь,
тихо времени колесо. . .
В синих отблесках вешних луж
обывательский длится сон.

Он, — пока я кончаю стих, —
на портрете встав, на стене,
продолжая меня вести,
усмехается молодо мне.

И никак не уйти от глаз,
просквозивших через века,
стерегущих и ждущих в нас
взгляд ответный — большевника.

(Апрель) 1927

Дежян Бедный

189. НИКТО НЕ ЗНАЛ. . .

22 АПРЕЛЯ 1870 ГОДА

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске, —
Пред ним обрывок «Манифеста»
Желтел на выцветшей доске.

На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Про-шай, студентик горемычный!»

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России. . . *Ленин родился!*

(Апрель) 1927

Николай Тихонов

190. 15-е МАРТА 18-го ГОДА

(Вступление к поэме «Выра»)

Четвертый Съезд Советов
Стопился перед зыбью,
Рокочут анархисты, взводя курки,
Ныряют соглашатели, чешуйчатостью рыбьей
Поблескивают в зале глухие уголки.

Колючей пеной Бреста
Ораторы окачены,
Выкриками с места
Разъярены вконец —
Эс-эры гонят речи, но речи, словно клячи,
Барьеров не осилив, ложатся в стороне.

По лицам раскаленным
Проносится метелица,
Ведь нам же, ведь сегодня здесь —
Вот здесь решать гуртом —

Винтовкой беспатронной ли
В глаза врага нацелиться
Или уважить вражью спесь
И расписаться в том.

«Вот когда мы шагали верстами,
Не так как теперь, дорожим вершком,
Так ведь за нами — и очень просто —
Те же эс-эры шли петушком!»

Зала разорвана, Ленин, заране
Нацелясь, бьет по отдельным рядам,
Точно опять погибает «Титаник», —
Рты перекошены, в трюмах — вода.

«Теперь как бойцы мы ничтожны слишком.
Тут и голодный и всякий вой,
Вот почему нам нужна передышка —
Мы вступили в эпоху войн».

Тонут соглашатели. Лысины как лодки,
Рты сигналы мечут, напропалую — ввысь,
Но гром нарастает — кусками и ходко
Холмы рукоплесканий сошлись и разошлись.

Рук чернолесье метнулось навстречу,
Видно, когда этот лес поредел,
Что это зима, где не снег бесконечен,
А люди — занесенные метелями дел!

(Ноябрь) 1927

Сергей Обрадович

191. БАЛЛАДА О ДЕЛЕГАТЕ

Нет родины там, где за труд земной
По счету плетей позор,
Где солнце над изнуренной толпой —
Как ржавый и тяжкий топор.

И раб с плантации, с гор зверолов,
С Гонконга грузчик — гонцом.
Так труден путь и так суров,
Но песня — проводником.

От песни той полыхали глаза,
Темнели двери тюрьмы,
И вещее

Ленин

Таила гроза
В предместьях глухонемых. . .

Шагал из Англии рудокоп,
Из Франции металлист.
Как много беспечных дорог и троп!
Как путь этот тесен и мглист!

Великолепьем цвели вокруг
Дворцы и дни богачей.
На скудной земле у казарм и лацуг —
Лишь черные комья ночей.

Ни хлеба, ни сна — за убогий порог. . .
Но вот — кордон и река.
Толпились, как беженцы, волны у ног
Под злую усмешку штыка.

Закинут за плечи закат.
За рекой —
Звезда за звездой — на ночлег.
И молвил один:

«Перед этой страной
Дороги сошлись у всех:

Кто с колыбели — как червь в ночах,
Кто, корчась от язв и нош,
Берег для боя, будни влача,
В лохмотьях песню и нож.

Кто в поисках истины — одинок —
Сгубил не одну весну,

Кто этой волне позавидовать мог:
Она — в иную страну...»

И эхо в ответ:
— Хорошо волне!
Она иною страной,
Как всадник веселый на звонком коне,
Сквозь праздничный скачет строй.

Леса новостроек всюду растут
Над гулом тайги и трав.
В стране той
и человек,
и труд,
И замысел величав...

«Волна за волною!» —
вскричал молодой,
Чуть слышно вздохнула река.
И долго волна трепетала звездой,
Качая лохмотья слегка.

«Ты с песней и вестью вернись, samagade!» —
Откликнулись призраки вслед.
И вздрогнул вдруг у кордона солдат,
Почуяв шаги на земле.

Он вскинул винтовку,
Он взял на прицел.
И тихо отбросил прочь.
На том берегу пограничник пел,
На этом — чернела ночь...

Но песне нет границ и преград:
Заря торопила тьму,
И вешее

Ленин

Таил солдат,
Под конвоем шагая в тюрьму.

(Ноябрь) 1927

Сандро Шанишавили

(Перевод с грузинского)

192. ЛЕНИН НА БРОНЕВИКЕ

Я видел броневик войны гремящий.
О, ужасы войны! О, мир горящий!

Всё то, что сотворили наши руки,
Он подминал, творя одни лишь муки.
Я видел в городах кипение борьбы:
Там поднялись на бой восставшие рабы.

И на восставших шло чудовище стальное,
Чтоб жили господа в довольстве и покое.

Бог золота — Мамона, страшный бог,
Поистине в те дни быть счастливым мог. . .

Но пробудилось наше поколеньё —
На броневик стальной поднялся Ленин.
Пришел Октябрь! Уходит зло! . . И вот
Внимает слову мудрому народ:

— Вся власть принадлежит теперь Советам —
И вы завоевали право это! —
Взметнулось знамя алое в века.
Глядит в грядущее наш вождь с броневика.

Движеньё, воля, мысль — всё это Ленин.
Мамоне — смерть! Конец его правлению! . .

Несется броневик, широк пред ним простор:
Моря, и степи, и громады гор.
И Ленин на броне, на пьедестале звонком, —
Он согревает нас, дарует свет потомкам!

1927

Николай Асеев

193. РУССКАЯ СКАЗКА

Говорила моя забава,
моя лада, любовь и слава:
«Вся-то жизнь твоя — небылица,
вечно с былью людской ты в ссоре,
ходишь — ищешь иные лица,
ожидаешь другие зори.

Люди чинно живут на свете,
расселясь на века, на версты,
только ты, схватившись за ветер,
головой в бурю уперся,
только ты, ни на что не схоже,
называешь сукно — рогожей».

Отвечал я моей забаве,
моей ладе, любви и славе:
«Мне слова твои не по мерке
и не впору упрек твой льстивый,
еще зори мои не смеркли,
еще ими я жив, счастливый.

Мне ль повадку не знать людскую,
обведешь меня словом ты ли? . .
Люди больше меня тоскуют:
видишь — ветер винтом схватили,
видишь — в воздух уперлись пяткой,
на машине качаясь шаткой.

Только тем и живут и дышат —
довести до конца уменье:
как такие вздумать снаряды,
чтоб не падать вниз на каменья,
чтобы каждый — вольный и дошлый —
наступал на облак подошвой.

И я знаю такую сказку,
что начать, так дух захолонет!

Мне ее под вагона тряску
рассказали в том эшелоне,
что, как пойманный в клетку, рыскал
по отрезанной Уссурийской.

Есть у многих рваные раны,
да своя болит на погоду;
есть на свете разные страны,
да от той, что узнал, — нет ходу.
Если все их смешаю в кучу,
то и то тебе не наскучу.

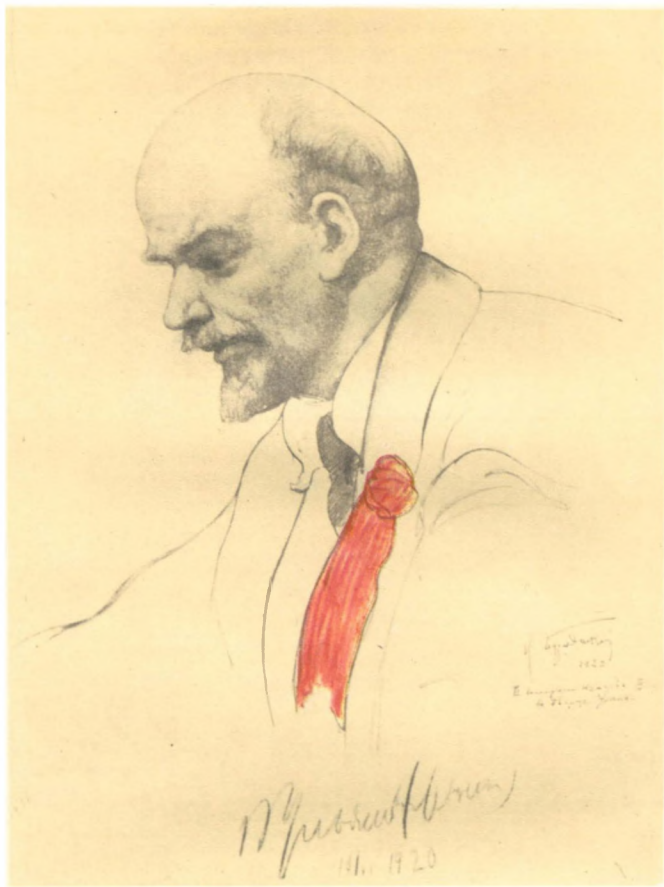
Оглянись на страну большую —
полоснет пестротой по глазу.
Люди в ней не живут — бушуют,
только шума не слышно сразу, —
от ее голубого вала
и меня кипеть подмывало.

Вот расплакалась мать над сыном
в том краю, что со мною рядом;
в этом — пахнет пот керосином,
рыбий жир в другом — виноградом;
и сбежались к уральской круче
горностаевым мехом тучи.

Вот идет верблюд, колыхаем
барханами песен плачевных,
и на нем, клонясь малахаем,
выплывает дикий кочевник;
среди зарев степных и марев
он улиткою льнет к Самаре.

А из вятских лесов дремучих,
из болот и ключей гремучих,
из глухих углов Керемети,
по деревьям путь переметив,
верст за сотню, а то сот за пять,
пробирается легкий лапоть.

Вот из дымного Дагестана,
избочась на коне потливым,

[Faint signature]
1920
E. ...
4 ...

[Signature]
14. 1920

А. Герасимов

№ 2

А. Герасимов

В. И. Ленин в кабинете на 2 этаже ЦК Коммунистической партии
(Апрель 1920 г.)

Завод № 16 (См. также № 15)

вьется всадник осиным станом,
синеватым щеки отливом.
А другой, разомчась из Чечни,
ликом врезался в ветер встречный.

А еще — в глухом отдаленье,
где морская глыба посинела,
тупотят копыта оленье
под луною окоченелой:
Медный остров, выселок хмурый,
шлет покрытых звериной шкурой.

Отовсюду летят и мчатся,
звонит повод, скрипит подпруга, —
это стягиваются домочадцы,
что не знали в лицо друг друга.
Из становий и из урочищ
собирает их старший родич.

Он лежит под стеною Кремлевской,
невелик и негрозен с виду,
но к нему — всех слез переплески,
всех окраин людских обиды,
не заботясь времени тратой,
поспешают вдогон за правдой.

Он своею силой не хвастал,
не носил одежды парчовой,
но до льдов, до снежного наста,
им вконец весь край раскорчеван.
В Бухаре и в Нижнем Тагиле
говорят о его могиле.

Что же ты грустишь, моя лада,
о моей непонятной песне?
Радо сердце или не радо
жить с такою судьбою вместе?!
Если рада слушать такое —
не проси от меня покоя.

Знать, недаром на свете живу я,
если слезы умею плавить,

если песню сторожевую
я умею вехой поставить.
Пусть других она будет глуше, —
ты ее, пригорюнясь, слушай!»

1927

Паоло Яшвили

(Перевод с грузинского)

194. ЛЕНИН В ШАЛАШЕ

Облако плыло в небе степенно,
Шелестела в поле трава. . .
Золотистый шалаш
Из осеннего сена
Ленина укрывал.

А где-то
Кричали газеты,
Керенский,
Властью своей упоен,
Говорил речи,
Давал банкеты
И выдумал. . .
Женский лишь батальон.
Но шум урагана уже был слышен!
В порывах ветра — неведомый век. . .
И однажды
Из-под соломенной крыши
Спокойно вышел
Простой человек.
Светом мысли,
Словом крылатым
Он озарил миллионы сердец,
Конец угнетению,
Конец богатым —
Всему
Прогнившему миру конец!
Ярость,
Словно курок взведенный. . .

Взгляды
Отточены, как ножи.
Плечи расправив,
Народ угнетенный
Готов
На смерть и на жизни!

Люди
Подняли головы выше,
Воздухом
Нового века дыша. . .
Человек
Невысокого роста
Вышел
Из золотистого шалаша. . .

1927

Николай Полетаев

195. НА ТРАНСПОРТ!

Я с год побыл поэтом,
Мне это надоело,
И мне, как солнцу летом,
Необходимо дело.
Железная дорога!
Я вновь в твоих тисках,
Тебе я отдал много,
Ты как жена близка.
Люблю вокзал гудящий,
И беготню, и гам
Пред каждым отходящим
К южным берегам,
Где солнце льет здоровье,
Где волны гонят грусть,
Где я морскойю солью
Согнал чахотки груз.
А вот в лохмотьях дыма
Грохочущий перрон —

О! Сколько слез любимых
Впитал он в свой бетон!
Тоску солдатской песни
И жен истощный крик;
Так старые болезни
Хранит в костях старик.
Но он сберег в движенье
И грохот наших сил:
На этом месте Ленин
Нам речь произносил.
Вот монумент. Не дорог,
Не очень чтоб похож,
-Но вижу как живого
Тебя, любимый вождь.
И слышу голос резкий,
Понятный, как приказ:
Оставь покуда песни,
Ты транспортник сейчас.
Гляжу: подходит быстро
Громадный паровоз;
Он, весь в дыму и искрах,
Тоску мою разнес.
Ни страха, ни сомнений;
Со мною мой вокзал.
Мне сам товарищ Ленин
Работать приказал.

1927

Владимир Сосюра

(Перевод с украинского)

196

Падают снежинки, тает нежный холод. . .
Падают снежинки на мои следы.
И уже сдается, что вокруг не город,
а леса да рощи, рощи да пруды.

Что это? Не сон ли? Это звон трамвая. . .
Что это? Не сон ли? То гудит авто. . .

Нет, промчался ветер, дерево качая,
след в снегу глубокий. . . Что же это, что?

Где же явь, где сон мой? Почернели ветви,
а меж ними — солнца на стволах печать. . .
. . . Шум толпы, как будто в нашей роще ветер,
звук шагов счастливых. . . Время ли сучать?

В клуб иду. . . С портрета — добрый взгляд навстречу.
«Что ты сделал?» — снова спрашивает он.
Что учусь в партшколе, я ему отвечаю,
что его заветом путь мой озарен.

Улыбнется Ленин. Стану я прилежно
слушать, что в письме нам говорит ЦК,
и как будто лоб мой гладит нежно-нежно
теплая, родная Ленина рука.

1927

Алио Мирцхулава (Машавили)

(Перевод с грузинского)

197. ЛЕНИН В НАШЕЙ БОРЬБЕ

Вспоминая тебя, вспоминает бои
Закаленный в сраженьях поэт. . .
Мне отрадны усмешка и взоры твои,
Как бесстрашный и строгий декрет.

Навсегда ты останешься нашим главой,
Нам сияет твой взор издали.
И могучий твой череп похож на крутой
Титанический глобус земли.

Ты в селенья кидал свой призыв, в города, —
И вставал за заводом завод.
И, спеша за тобою, мы знали всегда:
Грудь вождя — для врагов эшафот.

Снова грозен прибой большевистской волны,
Пролетарии — морю сродни.
И глаза их звездятся, отваги полны
И вольны, как Октябрьские дни.

Сколько жизни в глазах непокорных бойцов!
Как бушует их яростный гнев!
И взвивается стяг, окрылен и пунцов,
Знаменосцев зарею одев. . .

Как страна пролетарская, необозрим,
Ты народом могучим рожден,
И, шумя, протекают по венам своим
Полноводная Волга и Дон.

Говорим мы на разных земных языках,
Коммунары хребтов и полей,
Но идем за тобою, и в наших зрачках —
Отражение славы твоей.

Ты с врагами бороться всегда был готов
И учил нас свободу беречь.
И обильными зернами русских хлебов
В наше сердце легла твоя речь.

Ты грозою гремел, боевой капитан,
Ни тоски, ни бессилья не знал.
И умелой рукой, проходя океан,
Ты держал коммунизма штурвал!

Снова Азия с Африкой вместе идут,
Вновь слышался грохот пальбы.
И от края до края на белый редут,
Негодую, стремятся рабы.

Большевистским рядам поражений не знать!
Массы двинув в последний поход,
Обходя и хребты и равнинную гладь,
Имя Ленина массы ведет.

И, припомнив твой взор, вспоминает бой
Закаленный в сраженьях поэт.

И как прежде, отрадны мне взоры твои,
Как бесстрашный и строгий декрет.

И живешь ты, как жил, боевой капитан,
И, как компас, ведешь за собой. . .

Это будет, Ильич, мировой ураган,
Это будет решительный бой!

1927

Борис Корнилов

198. ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Ты меня канатом завязала
Слов и молодых и громовых,
Площадь у Финляндского вокзала,
Где застыл тяжелый броневик.

Кажется, что злей и бесшабашней
Щелкает мотор, как соловей,
И стоит у бóйницы на башне
Бронзовый, сутулый человек.

Он в тумане северном и белом
Ухватился мыслями за пыл,
Кепку из кармана не успел он
Вытащить,
А может, позабыл.

А кругом станки узнали отдых
И кругом
Литая встарь — она —
В черных и замасленных заводах
Выборгская встала сторона.

Перед ним —
Идет Нева рябая,
Скучно зеленея, как трава, —
Он стоит, рукою вырубая
На граните громкие слова.

Он не будет мягче и степенней
В гуде поседелого Кремля.
Слушает у каменных ступеней
Черная, тяжелая земля.

И когда он позовет:
— Громите... —
Сам пойдет среди путей кривых, —
Навсегда окаменев в граните,
Но застыть в граните не привык.

(Январь 1928)

Юрий Яновский

(Перевод с украинского)

199. 21 ЯНВАРЯ

Марш

Стоит четыре года твой
надгробный Мавзолей,
но эти годы, как живой,
ты с нами на земле.

Вождь — человек — не бронза он,
он превратится в прах;
но монументом бронзовым
несут его в сердцах.

Несут его, как разум масс
и как побед залог.
Один лишь гений знает час
и день таких дорог.

Один лишь гений скажет нам
короткое — *пора!* —
и дивными миражами
помчатся крейсера.

И в честь его — призывный марш,
и в честь его — огонь!
И слово гордое — *товарищ*,
и твердый шаг колонн!

Вождь — человек, зовущий в бой,
гранитный Мавзолей,
и красный стяг над головой,
на стяге имя — *Ленин!*

1928

Борис Пастернак

200. ИЗ ПОЭМЫ «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами загрибок,
Как шорох молнии шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне,
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

Тогда раздался гул оваций,
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце поддержек и преград.
И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном. Что в нем
В тот миг связалось с ним одним?

Он был — как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,

Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял течением мыслей
И только потому — страной.

Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

1928

Егшиш Чаренц

(Перевод с армянского)

201

Ленин! Ленин — но не митинговый,
Не литавры марша, не плакат,
Ленин — как вершина, как обхват
И как построенье темы новой,
Зреющей в тебе не как трава,
А как сталь, как воля. Эта тема —
Как начало жизни, как поэма,
Созиданья первые слова. . .

1928—1929

Владимир Маяковский

202. РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.
Должно быть,
 под ним
 проходят тысячи. . .
Лес флагов. . .
 рук трава. . .
Я встал со стула,
 радостью высвечен, —
хочется
 идти,
 приветствовать,
 рапортовать
«Товарищ Ленин,
 я вам докладываю
не по службе,
 а по душе.

Товарищ Ленин,
 работа адовая
будет
 сделана
 и делается уже.
Освещаем,
 одеваем нищ и оголь,
ширится
 добыча
 угля и руды...
А рядом с этим,
 конешно,
 много,
много
 разной
 дряни и ерунды.
Устаешь
 отбиваться и отгрызаться.
Многие
 без вас
 отбились от рук.
Очень
 много
 разных мерзавцев
ходят
 по нашей земле
 и вокруг.
Нет
 им
 ни числа,
 ни клички,
целая
 лента типов
 тянется.
Кулаки
 и волокитчики,
подхалимы,
 сектанты
 и пьяницы, —

ходят,
 гордо
 выпятив груди,
в ручках сплошь
 и в значках нагрудных...

Мы их
 всех,
 конешно, скрутим,
по всех
 скрутить
 ужасно трудно.

Товарищ Ленин,
 по фабрикам дымным,
по землям,
 покрытым
 и снегом
 и жнивьем,

вашим,
 товарищ,
 сердцем
 и именем

думаем,
 дышим,
 боремся
 и живем!..»

Грудой дел,
 суматохой явленный
день отошел,
 постепенно стемнев.

Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —

фотографией
 на белой стене.

(Январь) 1929

Николай Ушаков

203. ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Ах, этот бой на башне Спасской!
Не высота ль
пересыпает без опаски
ночной хрусталь?

С зубцов Кремля и с караулок
дымится свет.
Свернет трехтонка в переулоч,
вывозит снег.

Подняв свой воротник, не узнав
ником кругом,
среди машин в сугробах грузных
идет нарком.

Проходит в лунный и зернистый
снег января,
где торговали букинисты
и пекаря.

Он молча входит в наркоматы.
Склонясь к столам,
курьеры спят в пустых палатах
без снов
и ламп.

С лиловых,
желтых,
синих папок
и с теплых труб
ночь кинется десятком лапок
в свою нору.

Он тихо раскрывает двери,
и, просяив,
луна —
на книгах бухгалтерий,
как кисея.

И карандаш его нередко
сквозь мягкий дым
роняет на поля заметки,
как жар с звезды,

которая зовет к ответу
вас и меня,
снега одной шестой планеты
воспламеня.

Что я скажу?
И ночь, как вечер,
прошла не зря:
мой труд раскрыт.
Потушим свечи —
уже заря.

(Январь) 1929

Иван Кырля

(Перевод с марийского)

204. ЛЕНИН

Холод! Холод!
Стиснешь зубы —
И примерзнет
К зубу зуб.
Тяжкий день —
И всё нелюбо;
Окна —
Как промерзлый луб.

В стынь такую
Умер Ленин,
Сердце стихло
Навсегда;
Над Россией
Плыли тени,

Смеркла
Яркая звезда.

Нет, народа память —
Вечна,
Не забудут Ильича;
В жизнь
Для нас
Им путь намечен
Наподобие луча.

А враги,
Узнав о смерти,
Ухмылялись. . .
Их слова,
Как полярной стужи
Ветер,
Доносила к нам молва:

«Берег смывает —
Растечься морю,
Сирым рыбам умирать.
Как гнезду без птицы,
Вскоре
И Советам
Прахом стать! . . .»

Не боимся мы
Пророчеств;
Песнею труда живем!
Днепр и Волхов
В темень ночи
Брызжут электроогнем.

Нашу жизнь
Мы строим смело. . .
Гул заводов,
Рек разлив,
И земля зазеленела
От колхозных
Тучных нив.

Ленин, Ленин!
И родиться
Мне бы незачем,
Но ты
Вывел нищего марийца
В жизнь —
На свет —
Из темноты.

Будем жить!
Наш век — громада!
Нам во имя торжества
Будущего
Вечно надо
Помнить
Ленина слова.

1929—1930

Павло Тычина

(Перевод с украинского)

205. ЛЕНИН

Ленин!
Одно только слово, —
А мы, словно буря,
Готовы
Направо налечь и налево налечь,
Крушить и обрушиться глыбами плеч!

Ленин!
Пять маленьких литер!
А сколько энергий!
Так рвите ж!
Царям не помогут ни кривда, ни жест!
Шуми, расшумись, наш железный протест!

Вот умер он. С усмешкою злою
Толкует нэпман так и сяк.

Клянемся клятвою стальною,
Что не уйдет от мести враг!!

Вот умер он. Со смехом судят:
«Теперь спокойнее вздохнешь,
Державам сразу легче будет,
Махнем свободыньку за грош».

Пускай же знают «патриоты»,
Пускай уведомят «мещан»,
Что мы не прекратим работы,
Покуда с поля весь бурьян

Не вырвем мы.
А вырвем с бою,
Ударом
Трудовых атак.
Клянемся клятвою стальною,
Что не уйдет от мести враг!

1930

Муса Джалиль

(Перевод с татарского)

206. ЛЕНИНЦЫ

Родной язык
не по строкам Корана —
по Ленину учили мы с тобой.
К нему наш взгляд стремился непрестанно,
вокруг него шумел сердец прибор.

Не память о великом человеке —
его дела сейчас у нас в сердцах.
Он дал нам имя ленинцы навеки, —
мы — ленинцы,
и Ленин жив в веках.

1930

Ходжаненес Чарыев

(Перевод с туркменского)

207. В ДЕНЬ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Я ночью проснулся вдруг,
Не ведая ни о чем.
Отбросив рукой кошму,
Задел за тарим плечом.

Почувствовал, увидал,
До слез напрягая взгляд:
Устойчивый древний мир
Нарушен, смещен, разъят.

Склонились кроны дерев,
Друг друга коснуться тщась,
И птичий говор возник
Совсем в неурочный час.

И что-то сломалось вмиг,
Сместилось в природе всей.
А может, покинул мир
Один из моих друзей? . .

Молчание и печаль,
Как в час мировых невзгод,
Вверху полумесяц-серп
Вершину горы грызет.

Не светится больше лик
Померкших, потухших звезд.
Подрагивают они,
Как будто бы капли слез.

Вдали нарастает шум.
Еще на дворе темно,
Но всюду и стар и мал
Уже на ногах давно.

Ни ветра, ни ветерка,
И воздух вокруг сгущен.

Нет средства, чтоб это всё
Исчезло, как страшный сон.

И дуги согбённых спин,
И скорбные голоса,
Встречающихся друзей
Опущенные глаза.

Проталкиваюсь в толпу,
Оглядываюсь, смотрю:
Которому из друзей
Не встретить уже зарю?

Я в сторону отошел,
К какой-то стене прирос.
И, словно окаменев,
Повис на устах вопрос.

И сделалось тяжелей,
И стало ещё трудней
В неведение среди толпы
Сплоченных бедой людей.

Навстречу шагнул один
Товарищ надёжный мой,
И скорбный его ответ
Мне сердце окутал тьмой.

И к нёбу прирос язык,
И в горле застрял комок,
Унять подбородка дрожь
Товарищ никак не мог.

И всё же расслышал я,
Что Ленин. . .
И пала тень.
Мы знали, что болен он,
Прощались. . .
Но грянул день!

Природа! Как можешь ты
Продолжить круговорот?

Безжалостна, холодна:
Восход, закат и восход...

Пожалуй, еще века
Таких не видали бед,
И в мире никто другой
Такой не оставил след.

По Ленину траур...
Я
Домой повернул.
В груди
Я чувствовал скорбь и гнев.

Сегодня прошли года
С того непростого дня,
А ленинские всегда
Заветы влекут меня.

Для всех бедняков земли
Остался он до сих пор
Надеждою из надежд,
Опорою из опор.

Он всех революций вождь,
Грядущих идей венец.
Рожденный в его душе,
Растет наших дней дворец.

1930

Максим Рыльский

(Перевод с украинского)

208. ТЕНЬ ВОЖДЯ

Замолкнет день, работа отгремит,
Строения оденутся туманом,
И тень, синяя, ляжет на гранит
И поплывет пятном, густым и странным.

С толпой друзей, сквозь строгий лес колонн,
И ты войдешь в покой аудиторий,
И точных цифр незывлемый закон
Откроет вам невиданные зори.

Прозрачные узоры диаграмм
Покажут мир, который мог лишь сниться,
И ваше слово: это *нужно* нам —
Возможного перешагнет границы.

А если злых сомнений западни,
Как лживый бред, возникнут за тобою, —
Не бойся их, не верь им, но взгляни
На тень вождя с простертою рукою.

1931

Леонид Первомайский

(Перевод с украинского)

209. БАЛЛАДА ЧАСОВЫХ

Дремать не время, часовой, —
Шумит буря над головой!

Был вечер.

В клубе мы сидели.
Мороз по улицам шагал,
И от шагов его скрипели
Снега. Он кровь разогревал,
И, проходя, неторопливо,
В оконном он синел стекле. . .
Был вечер зимний, молчаливый,
Каких немало на земле.

Он ждал чего-то. Ветры злые
В вечерней тишине глухой
Через просторы снеговые
Мели поземкою сухой.
И в той метели, в той поземке,

Покорной веющим ветрам,
Вплетаясь в плач ее негромкий,
Рыданье долетало к нам.
Как будто вся земля в печали
В тот вечер, потеряв покой,
И здесь, вблизи, и в темной дали
Рыдала бурей снеговой.
Дремать не время, часовой, —
Шумит буран над головой!

У клуба встали мы толпою
И видели, как на коне,
Взметая снежную дорогу,
Промчалась улицей тревога —
Сквозь ночь морозную и снег.

Влетал, врывался ветер, как лед холодный.
На площади темной бойцы равнялись в колонны.

Дремать не время, часовой, —
Шумит буран над головой!

Москва рыдала в проводах.
Шел ветер вдаль по снежным иглам
Босым. (Горячая руда
Сердце кипела.) Пронесил он
Живую искру. Искра мчалась,
Она встречала ночь и даль,
И пела о тоске причала,
И дальше мчались провода,
И землю, словно в шторм, качало
В событиях мира, как в волнах, —
То вдалеке Москва рыдала
И замирала в проводах.

Партийный комитет. Глухая зала.
Метет метель. Ей не уснуть.
Какая стужа пронизала
Наполненную болью грудь?!

В руках секретаря забила телеграмма,
Как нам хотелось ей не доверять!

В сердца людей врывалась прямо
Печаль, которой не сдержать.
В молчанье секретарь сходил с трибуны,
Снегами выюг в лицо его мело...
И так его глаза смотрели сквозь стекло,
Что никли бури, падали бурашы.

Дремать не время, часовой, —
Шумит буран над головой!

Века застыли в эти дни
И видели: костры пылали
На Красной площади. В молчанье
Стоял на площади народ.
И густо нависали тучи
Над скорбным гробом. И текли
Минуты-дни. Часы — как годы.
И делегаты всех народов
Сошлись со всех концов страны,
Со всех дорог.

В оцепененье
Остановился ход времен.
Уже Москва и Украина
В слезах от горя. Беларусь
Скорбит в печали. А Кавказ
Многоязычный говор горя
Вознес к вершинам снежных гор.
В тайге упал столетний кедр.
Над Мурманом сиянье ночи
Венком пылало. Исполком
Интернационала заседал.
Политбюро в почетном карауле
Стояло. А в сердцах врагов
Горела радость, пряталась измена.

Дремать не время, часовой, —
Шумит буран над головой!

Всё, чем мы жили, было в нем;
Мы шли за ним сквозь все события века.
Я в сердце сберегу своем
Последний путь вождя и человека.

Он был единством наших сил;
Он все прошедшие события
С грядущими соединил,
Он был грядущим — должен быть им!

Когда ударили гудки
И к небу взвились,
Сердце печальных молотки
Остановились.
Безжалостна, бессильна смерть,
И ей не властвовать над нами!
В небесную ударив твердь,
Взлетели пули над снегами.

Гудки оборвались. Багрян
В лучах зари вставал туман.

Штыки печальные светились.
К труду живые становились.

Дремать не время, часовой, —
Шумит буря над головой!

1931

Павел Васильев

210. ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Из песен киргиз-казахов

Если всё обжорство волков
Соединить,
Если всю хитрость лисиц
Соединить,
Если всю злобу змей
Соединить, —
Всё же не получится
Обжорства,
Хитрости не получится,
Злобы не получится,

Какими обладают
Баи и муллы.

Баи ели жирных овец.
А нам — кости!
Баи пили айрам и кумыс.
Нам — опивки!
Муллы грязными ладонями
Закрывали нам глаза.
Мешали нам увидеть
Правду муллы.

Если всю горечь степей
Соединить,
Если всю озерную соль
Соединить,
То всё же не получится
Горечи,
Которую испытали
Батраки.
Но пришел
К казахскому народу
Ленин,
Отец наш и учитель
Ленин.
Он сказал:
«Все работающие — братья,
Их враги — только баи и муллы».

И мы увидели солнце!

Если всю мудрость
Мудрейших соединить
И на число звезд это умножить,
То и всё же
Не получится мудрости
Великого Ленина!

Он сказал слова
Простые, как солнце,
Сияющее в небе.

Лучше б отняли
У каждого
Правую руку,
Лучше б у каждой
Матери
Умер первый сын,
Лучше б вовсе он не родился,
Чем услышать
Такую страшную весты!

Лучше б все песни
Вдруг замолчали
И больше никогда
Не начинались,
Лучше б чума пришла,
Чем узнать,
Что умер великий Ленин!

Нет, этого быть не может.
Это просто выдумки
Лживых баев и мулл, —
Не может умереть
Наш Ленин.

Разве он решился бы
Уйти и оставить
Одинокими народы? . .
Нет, жив Ленин,
И еще бессчетное
Множество раз — жив!

А если даже
И правда,
Что опустили его
В каменную могилу,
Всё равно
Хорошо нам
Слышно отсюда,
Как бьется его
Большое сердце.

Мы сплетем
Наши руки труженников,

Мы сплетем
Наши пастушеские руки
И пронесем
Бессмертного Ленина
Туда, где
Не оскудевает свет. . .

(1932)

Савва Голованивский

(Перевод с украинского)

211. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Под петитом статей, под колонками планов.
Под декретом о мире, о хлебе — везде,
Прожигаая бумагу, стояло: Ульянов,
Точно луч путеводный в борьбе и в труде.

Смольный жил. Непрерывно — подобно потоку —
Шел народ, каждый миг к новым битвам готов.
Торопились курьеры с депешами к сроку,
Шли с заводов бойцы, делегаты с фронтов.

Смольный жил. Он людей уж вмещал через силу.
Он, как улей, гудел, клокотал и бродил, —
То с далеких фронтов, из глубокого тыла
В Смольный завтрашний день, побеждая, входил.

Еще мрут на фронтах неоглядных солдаты,
Еще кайзер Вильгельм собирается в Брест,
Еще внутренний враг и заморские каты
На свободе поставить надеются прест;

Еще хочет Архангельск зацапать Британия,
Еще в Липках Петлюра лютует, как зверь. . .
Но живет еще Либкнехт, и он за братание,
Вместе с Розой он наша поддержка теперь!

Еще — кто мы и что мы — Антанта узнает,
Смех хорош у того, кто смеется в конце!

Ленин поздно сидит, и на желтом лице
Уж не первой усталости тень проступает.

Вся страна, точно карта вот здесь, на столе,
Протянулась она без конца и без края.
Возвратить бы скорей хлебопашцев земле, —
Вот тогда-то дождемся и мы урожая!

Возвратить бы заводам рабочий народ,
Что томится без дела на линии фронта!
Ведь любая машина и каждый завод,
Как второго рождения, жаждут ремонта.

Он за мир, и немедля! Ведь срок уж настал
От пожара войны отдохнуть и Европе,
И немецкий солдат, тот, что зря умирал,
Кой-какую науку усвоил в окопе.

Совнарком заседает. Уж близок рассвет,
Но Ильич не уходит, про сон забывая,
И усталости нет уж, и новых побед
Перед ним возникает картина живая.

Видит Ленин Россию грядущих годов:
Неразлучное братство племен и народов,
Дружбу тесную сел и родных городов —
Всё, за что предстоит еще драться в походах;

Видит он ее славной, свободной в веках,
Видит он ее всюду меж равными равной,
Видит он ее грозной, готовой в боях
Защитить справедливость всей мощью державной.

Воля партии массы на подвиг зовет,
Крепнет вера в себя, побеждается голод,
Штык затупленный в землю вонзает народ,
И берется за плуг, и берется за молот.

Он теперь никому не отдаст своего —
Что добыто в боях, то добыто навечно!..

Для него пишет Ленин и учит его,
Как работать, чтоб цели достигнуть конечной.

И расчетлив, и мудр его каждый совет,
И простые слова дышат силой и страстью.
Мудрый лоб. Пламя глаз, устремленных в рассвет,
И в усмешке их — искры грядущего счастья.

1932

Максим Рыльский

(Перевод с украинского)

212. ЛЕНИН

С жестом простым и суровым,
С мудрою лаской во взоре,
Неувядаемо новым
Встал он в решающем споре.

Да, он титан, и рассеял,
Сбросил титанов с их тронов;
Только взглянул — и развеял
Прах омертвевших законов.

Да, он титан, и на крови
Битв, где столкнулись две силы,
Здание радостной нови
Воля его заложила.

Этот порыв непреклонный,
Сила вот эта — откуда?
Мозг его — это миллионы
Мыслей рабочего люда.

Нищим, безродным, голодным
Слово его не затмится!
И маяком путеводным —
Взмах огненной десницы.

1932

Александр Прокофьев

213

Когда мы в огнеметной лаве
Решили всё отдать борьбе, —
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

По совести — другая думка
У нас была, светла, как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме суши и морей
Забыли всё, что было можно
Забыть.

Забыли матерей,

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клочок,
Пески и розовую глину —
Всё то, что звало и влекло.

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя Ленин,
Как снова не произнести!

Всё было в нем:

поля и семьи,
И наш исход из вечной тьмы, —
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

1932

Мажит Гафури

(Перевод с башкирского)

214. ОН НЕ УМЕР

Когда умрет
Какой-то человек,
Обыкновенно задаем вопрос:
— Кто умер?
Есть ли у него семья?
А кто беднягу на кладбище снес?

Когда покинет нас хороший друг,
Разлука с ним прискорбна только нам.
Потеря друга, что уснул навек,
Горька бывает лишь его друзьям.

Когда умрет кулак или купец, —
Кто будет слезы лить над богачом?
На кладбище его препроводив,
Лишь богатеи и всплакнут о нем.

И надевают траур в этот день
Стяжателей десятка два всего.
А весь трудящийся рабочий люд
Не даст и двух копеек за него.

Но если друг у бедняков умрет,
Тогда печаль миллионов горяча.
Она стрелой
Пронзает их сердца.
Припомните
Кончину Ильича.

Его кончина громом потрясла
Трудящихся людей на всей земле...
Иные умирают, — год пройдет,
И память их теряется во мгле.

Воспоминанья об иных из нас
Засыплет время, как следы — песок.

Грусть о других — с годами всё сильнее,
И образ их всё более высок.

Потомки ставят памятники им
И чтут в сердцах их благородный труд.
Так Ленин и учение его
У нас в душе вовеки не умрут.

Ученье это никому из нас
Не даст с дороги правильной свернуть.
Он проложил, как мудрый инженер,
В грядущее прямой и ясный путь.

Он — образцом великим служит нам,
И образцов светлей и ярче нет.
Вовеки будет над землей сиять
Его немеркнувший и чистый свет.

Мне кажется, Ильич не умирал.
Я думаю — он жив поныне в ней,
Неутомимой, бдительной, стальной,
Прямой и мудрой партии своей.

Да, он презрел течение быстрых лет, —
Всё больше он народами любим.
Ильич живет! Не умирает он!
И злобный враг трепещет перед ним.

1933

Николай Асеев

215. ОПЫТ ПОРТРЕТА

(Отрывок)

Даты ленинской жизни
известны всем.
Их не втиснешь
в строчку скорую.
Он — великий итог
всёдневных тем,
волновавших
когда-либо историю.

Но особенно в нем
я люблю и чту
то, что в жизни
им наново добыто:
ту способность
доводить мечту
до людского вседневного опыта.
Мечту
не о жирных
собственных шах,
мечту
овладенья
запрятым где-то секретом, —
о более крупных,
о более веских вещах —
о всем человечестве,
накормленном
и обогретом.

Нам в Ленине каждая мелочь любя:
и скулы,
и рот неуступного склада,
и эти прекрасные
линии лба,
и меткая прищурь
прицельного взгляда.

Но я говорю
не об этих чертах —
о мыслях,
вязавших узлами тугими,
о воле,
залегшей у каждого рта,
о сердце,
что в лад ударялось
с другими.

Энергия
многих прошедших веков,
от прадеда к внуку
копимая скупю,

водила его
 неустанной рукой
и дуги
 надбровные
 вывела в купол.
И я
 вспоминаю
 об этом лице,
о складках,
 которые начали кластся
на каждом заводе
 и в каждом сельце
у губ и у скул
 пробужденного класса.
У губ и у скул,
 зажавших тоску,
обиду,
 и волю,
 и к жизни упрямство,
у множества множеств,
 у губ и у скул
татарских,
 мордовских,
 калужских,
 зырянских.
И если я вижу —
 растет человек
в стране,
 что отбросила тяжесть апатии,
и двигает делом
 в его голове
мечта воплощенная
 ленинской партии, —
я знаю, что, тем же нагревом лучась,
и ныне,
 за краем безмерной
 потери,
он с нами
 действительно жив и сейчас —
живым подтвержденьем
 движенья материи.

1934

Валериан Гаприндашвили

(Перевод с грузинского)

216. ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВОЖДЯ

Прошли мы множество дорог
За эти десять лет —
Наш взор опять печально-строг,
В сердцах тоски и скорби след.

Как будто вновь стоим в мороз,
Окутанные в снег,
И вот лежит он, наш герой, —
Избранника уж нет.

Он увлечен жестоким сном, —
Над ним склонен штандарт,
И слезы drobные о пол,
Как в бурю град, стучат.

Как будто подан знак морям,
Чтобы прихлынуть им.
И голос волн услышал я,
Тоской о нем томим.

Бетховен, Вагнер, — кто бы мог
Ту выразить тоску?
Нас боль замкнула, как замок, —
Молчим — до боли скул.

В гробу лежит безмолвен он
И с улиц слышит шаг, —
Идет рабочих миллион,
И слезы их стучат.

Непроницаемой стеной
Стоим вокруг вождя.
Январский ветер вышел в бой,
Про эту скорбь гудя.

Не в силах были уступить
Мы прах его земле,
И дали клятву мы любить
Его всегда, везде.

1934

Георгий Шатберашвили

(Перевод с грузинского)

217. ЛЕНИН В ХЕВСУРСКОЙ САКЛЕ

Как будто солнце темной ночью встало,
Разлив вокруг неугасимый свет, —
Семь юношей в хевсурской сакле старой
Разглядывают ленинский портрет.

И кажется, что в тесной сакле горной
Сам Ленин у светильника сидит
И о борьбе тяжелой и упорной
Негромко с пастухами говорит.

Зовет вперед он юность и дерзанье,
Чудесный гость
С прищуром мудрых глаз. . .
Он открывает первое собранье
Архотских комсомольцев в этот час.

Но отчего застыл саркали хмуρο
В дверях, сжимая шашки рукоять?
Глядит он, задыхаясь, как хевсуры
Дерзают сами жизнь свою менять.

К окошку женщины сходиться стали, —
Так необычен поздний этот сбор!
И всё краснее злобный взгляд саркали,
И всё родней вождя знакомый взор.

— Зачем чужак здесь? Он сулит нам беды, —
Саркали зло кивает на портрет, —
Ведь жили наши прадеды и деды
И без него прекрасно много лет! . .

Молчат в окошке горные вершины,
Минута в сакле тянется века,
И комсомолец,
Молодой Апшина,
Опасливо глядит на кулака.

Другие парни тоже побледнели,
Кто смеет спорить с Бердиа самим?
Казалось всем, что грозы и метели
Сейчас сорвутся на голову им.

Но, светом наполняя помещение,
Вселяя смелость в души молодых,
Глядит с портрета на хевсуров Ленин,
И разом робость покидает их.

Семь рук сурово тянутся к кинжалу,
Чтоб защитить улыбку Ильича,
Чтоб у змен бесстрашно вырвать жало,
Чтоб Ленина спасти от палача.

И пятится старик. . . Дрожат колени. . .
Пред гневом юных отступает враг.
И вместе с молодыми смотрит Ленин,
Как Бердиа бежит в полночный мрак

И женщины отходят от оконца,
Крестясь и успокоенно шепчась,
И в ночь уходят к саклям,
Ждущим солнца,
И темнота скрывает их тотчас.

Горят глаза у юношей-хевсуров.
Работу продолжает комсомол:
— В наш горный край
Тропою днких туров
Великий Ленин нас спасти пришел!

1934

Александр Прокофьев

218. ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Вот идут товарищи, которых
Ленин называл по именам.

Дальше речь пойдет о переправах,
О земле в пороховом дыму,
И предоставляется по праву
Слово поколению моему.

Тут, величья класса не унизив,
Через смерть шагнувшие горой,
Комиссары армий и дивизий
Воинский выравнивают строй.

А за ними, не окинуть глазом,
Под могучим стягом боевым
Молодость, которая ни разу
Не видала Ленина живым!

Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Впереди товарищи, которых
Ленин называл по именам!

1934

Павел Железнов

219. В ЭТОТ ДЕНЬ

Каждый год, в студеный день январский,
мы склоняем гордые знамена,
черным крепом пригасив их пламя.
В этот день, в тот час, когда на небо,
словно траур, сумерки ложатся, —
вспоминаю, как во время нэпа

здесь, где встал гранитный Мавзолей,
гипсовый, большой белел рабочий,
издали на Ильича похожий.
Я его рассматривал со спуска,
что за Спасской башней. . . Там я часто
спал у запыленных стен Кремля.
Я тогда плевал на пыль веков,
как и на прохожих чистых граждан.
И когда зимой в Колонный зал
шел рабочий класс с вождем проститься,
я из любопытства встал в толпу.
С фабрикой какой-то макаронной
я прошел туда, как посторонний,
как звереныш дикий и замерзший.
Но когда в молчанье шел у гроба,
вдруг, как острый ножик между ребер,
в сердце мне ударила тоска.
И еще не понял, но нутром
я отчаянную ощутил печаль
всех, кто был там, всей Страны Советов
и рабочих мира. . . И потом
вспоминаю, как вошел однажды,
через шесть недолгих трудных лет,
в храм науки, в университет.
Не дрожащим зайцем, не украдкой,
с книжками и толстою тетрадкой,
с поднятою гордо головой,
я вошел студентом равноправным
в величавый дом на Моховой.
Никогда б мне этих стен не видеть,
после стен асфальтовых котлов,
если бы не Ленина забота,
если бы не власть большевиков.
И в колонне нашего района,
проходя со знаменем склоненным,
шаг у Мавзолея замедляя,
сознаю отчетливо и ясно:
не холодной бронзою и камнем
мы о нем в веках оставим память,
а своей горячю работой!

1934

Дали Назберенов
(Перевод с каракалпакского)

220. ЛЕНИН

Без отца и без матери с детства
Я остался давшим-давно.
И куда малышу было деться?
Телу синему холодно.
Обессиленный, — где б укрыться?
Где поесть бы? — всегда о том
Я мечтал, но чужие лица
Отвечали мне холодком.
Будь для бая рабом покорным,
Непокорные не нужны!
Видно, дни мои были черные,
Ночи черные без луны.
Мысли желтые; мука длится;
Яду горя предела нет.
Всё ж с мечтою освободиться
Я дружил уже с малых лет.
Я дождался моей свободы, —
Всех врагов пробирает дрожь!
Кто ж тот муж, что прогнал невзгоды?
Это Ленин — народа вождь!
Голытьбы угнетенной много
На земле было — без земли.
По прямой, по его дороге
Миллионы людей пошли.
Дав свободу нам, Ленин умер!
Как песок пронеслись года,
В наших песнях и в наших думах
Он останется навсегда.

(1935)

Джен Алтаузен

221. СТРОФЫ О ЛЕНИНЕ

Н. Котомину

Если спать
Твой ребенок ляжет,
Стебелек,
Который лелеют,
Разбуди — он тебе расскажет
Про того, кто спит
В Мавзолее.

Этих глаз
Высоту простую,
Этот лоб,
Широкий и гладкий,
Он по памяти нарисует
В темно-синей своей тетрадке.

Хоть в рисунке
И тьма изъянов,
Но невольно придешь в волнение —
Подпись та же:
Сначала Ульянов,
А потом, уже в скобках, — Ленин.

Это имя, как солнце, греет,
В каждом лучшем
Живет примере,
В стратостате,
Который реет
В фиолетовой стратосфере.

И воздушным путем
И водным
Мы прошли под дождем
И градом,
Чтобы Днепр стал
Судоходным
И Царицын стал
Сталинградом,

Чтобы сквозь поля
И заставы
С грузом хлеба,
Свинца и стали
Наши слаженные составы
Шли по правильной магистрали.

Люди дань отдают
Природе.
Он упал,
Как боец в сраженье,
Но по-прежнему он приводит
Миллионы сердец
В движенье.

И стараться будут веками
Песни
В каждом призывном кличе,
Гипс
И бронза,
Гранит
И камень
Передать нам его величье.

1935

Владимир Сосюра

(Перевод с украинского)

222. СКВОЗЬ ГОДА И ВЕТЕР

Сквозь года и ветер всходит над веками
Дальнее сиянье первых Октябрей.
И в огнях и зорях тот, кто вечно с нами,
Кто пути наметил армии своей.

И шумят знамена, и знамена эти
Сквозь года и ветер вторят дальним дням.
Ленин смотрит, Ленин, сквозь года и ветер,
И его улыбка так знакома нам.

⟨1937⟩

Перец Маркии

(Перевод с еврейского)

223. ЛЕНИН

Придет одно и сменится другим,
Уходят поколения навеки,
Но никогда народ не разлучался с ним,
Как с морем никогда не расставались реки.

То слово, что, взлетев с броневика,
Над миром, как набат, когда-то прозвучало,
Еще живет в сердцах и будет жить века —
Одержанных побед великое начало.

На строгий монумент, чей сумрачный гранит
Хранит его черты, порывистость движений,
Народ воспрянувший не с горестью глядит,
А с гордостью — мы с ним в труде, в дыму
сражений.

Народ его мечты взрастил, как семена,
И сердце уберег, его заветам внемля,
Цветущая, как сад, раскинулась страна,
Обильный урожай едва вмещают земли.

Что времени незыблемый закон?
Пускай в природе неизбежно тленье,
Но смерть побеждена, и вечно будет он
Великим светочем грядущих поколений.

И полон новых сил, и к подвигам готов,
Идет народ-творец заре навстречу.
Поднявши голову до самых облаков
И богатырские свои расправив плечи.

Во всем, что ныне мы без усталости творим,
Сверкает мысль его великая, простая,
И кажется — он здесь, он жив, и вместе с ним
Любимая страна живет и расцветает.

Ту клятву родине, которую сыны
Народа дали в дни кончины и печали,
Они исполнили, ей до сих пор верны.
В боях закалены, они обет сдержали.

Его простертая в грядущее рука
Сулит свободу, мир, зовет к счастливой доле
Народы всей земли, которые пока
Томятся, как рабы, под гнетом и в неволе.

Народом вскормленный, познал он до конца
Его стремления, и радости, и горе.
Со всех сторон к нему стекаются сердца —
Так воды вешних рек, бурля, несутся в море.

На строгий монумент, чей сумрачный гранит
Хранит его черты, порывистость движений,
Народ воспрянувший не с горестью глядит,
А с гордостью — мы с ним в труде, в дыму сражений.

1937

Джамбул Джабаев

(Перевод с казахского)

224. ЛЕНИН

Мы слышим твой голос, кипящий, как горный поток,
Как мощь водопада, дробящего скалы в камень,
Он льется на север, на запад, на юг, на восток,
Он рвет все плотины — всемогущ, могуч и глубок,
Мы слышим твой голос, батыр человечества — ЛЕНИН!

Глаза твои видим. Как летнего солнца лучи,
Они согревают сердца нам во время сражений.
От блеска их сразу теряют покой богачи,
Бледнеют от страха душители и палачи,
А мы наступаем, как ты завещал это, ЛЕНИН!

Могучий, широкий, бушующий, как оксан,
Велик и безбрежен твой смерти не знающий гений,
На бой поднимает народы закованных стран;
Рабы поднимаются, а изумленный тиран,
Почувствовав ужас, читает на знамени: «ЛЕНИН!»

Везде твое пламя: в отваге испанских бойцов,
В китайских солдатах, идущих на смерть, — ты нетленен;
В геройстве штурмующих черный фашизм храбрецов,
В упорстве томящихся в тюрьмах народных борцов, —
Везде твое пламя, борьбу вдохновляющий ЛЕНИН!

Бессмертен твой образ! Милльоны, шагая в рядах,
Ёму подражают, горя в благороднейшем рвенье.
Растишь ты героев на фабриках и на полях,
Они с орденами. На их золотых орденах
Твой образ, любимый, забвеньем не тронутый ЛЕНИН!..

1937

Николай Майоров

225. ЛЕНИН

Вот снова он предстанет в жестах,
Весь — наша воля. Сила. Страсть. . .
Кругом — народ. И нету места,
Где можно яблоку упасть.

Матрос. И женщина. С ней рядом,
Глаза взведя на броневик,
Щекой небритою к прикладу
Седой путиловец приник.

Он рот открыл. Он хочет слышать,
Горячих глаз не сводит он
С того, о ком в газетах пишут,
Что он вильгельмовский шпион.

Он знает: это ложь. Сквозная.
Такой не выдумать вовек.
Газеты брешут, понимая,
Как нужен этот человек.

Ему. Той женщине. Матросам,
Которым снился он вчера,

Где серебром бросают осыпь
В сырую ночь прожектора. . .

И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила, —
Быть может, им и только им
В тысячелетиях Россия.

И он пришел. . . Насквозь прокурен
В квартирах воздух, кашель зим.
И стало сразу ясно: буря
Уж где-то слышится вблизи.

Еще удар. Одип. Последний. . .
Как галька, были дни пестры.
Гнусавый поп служил обедни.
Справляли пасху. Жгли костры.

И ждали. Дни катились быстро.
Уж на дворе октябрь гостил,
Когда с «Авроры» первый выстрел
Начало жизни возвестил.

1937

Евгений Панфилов

226. ЛЕНИН

Смывает всё история сурово,
Как бурная весенняя вода,
Но власть труда и ленинское слово
История не смое никогда.

Здесь нашей силы грозное рожденье
И счастья небывалого исток.
Вот почему, услышав имя *Ленин*,
Глядят с надеждой Запад и Восток.

Встает пред ними легендарный Смольный,
Призывно звезды светятся в Кремле,
И входит Ленин в лагерь подневольных —
Вождем всех угнетенных на земле.

Вотще плетут предательские путы
Любых мастей бесславные враги —
У них отныне руки коротки:
Везде — от Сан-Франциско до Калькутты —
Народы слышат Ленина шаги.

1937

Никита Сахаров

(Перевод с эвенкийского)

227. ЛЕНИН С ЭВЕНКАМИ

В чашах жили северяне —
Старожилы.
Зверя били северяне,
Бедно жили.

Возле рек глухих и хмурых
Жили старожилы
И напевы зимней бури
В песни положили.

А как ленинское солнце
Землю обогрело —
Песни наши стали звонче,
Веселее дело.

В нашей песне будет Ленин
Славиться веками.
Вечно с нами будет Ленин,
Ленин всюду с нами!

(1938)

Алексей Платонов

(Перевод с ленинградского)

228. ПО ДОРОГЕ ЛЕНИНА

Нашей радости основу
Положил великий Ленин.
В северных краях таежных
Светит солнце жизни новой.

По пути, что дал нам Ленин,
Ясный день коммуны всходит,
Озаряя ярким светом
Молодое поколение.

Светоч Ленина великий,
Мудрость мысли, силу слова
Мы впитали в кровь и тело,
Как дыхания основу.

Им указанной дорогой
Мы пойдем к победам новым.
В северных краях таежных
Светит ленинское слово.

(1938)

Аким Самар

(Перевод с нанайского)

229. ЛЕНИН

Великий учитель Ленин
К победе открыл пути,
Для счастья всех поколений
Народы он пробудил.

Летят миллионы снежинок,
Сугробы они наметут;
Из тысячей тысяч песчинок
Сыпучие дюны растут.

Под знаменем непобедимой
Великой правды своей
Силою стали единой
Миллионы рабочих людей.

И поднялся мир угнетенных
На богачей и господ,
И Ленин повел миллионы
В большой, справедливый поход,

Октябрьским живительным ветром
Он землю омыл, и вперед
По ленинским мудрым заветам
Народ наш к победам идет.

{1938}

Матра Вахрушева

(Перевод с мансийского)

230. ЛЕНИНУ

До нашего дальнего края,
К берегам мелководной Юконды,
Весть печальная докатилась:
«Дедушка Ленин умер».

Умер добрый, добрее солнца,
Нам подаривший счастье.
Плачут охотники-манси,
Плачут их жены и дети.

Он прогнал нищету и невзгоды
Из наших мансийских селений,
Нашим детям просторные школы
Он построил, дедушка Ленин.

Его верное слово будет
Жить в душе моего народа
Столько лет, сколько наша Юконда
Будет мчать свои чистые воды.

{1938}

Хамид Амиджан

(Перевод с узбекского)

231. САМАРКАНД 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Тот день не позабудется вовек,
В воображенье оживает он.

Как стан аистов, кружился снег,
Весь мир был белым снегом занесен.
В густом снегу все ветки и сучки,
В снегу, запахиваясь на бегу,
На площадь торопились старики,
И дети пробирались сквозь пургу
Между садов из дальних кишлаков,
И женщины бежали, все в снегу,
Отбрасывая паранджи покров. . .

В волнении великом вся страна,
Огромная печаль у всех одна —
Печаль утраты горше всех утрат.
Кто ж в том всеобщем горе виноват?
Какая весть сердца живых прожгла,
Как огненная грозная стрела?
И в изумлении старик один
Спросил в толпе у сына своего:

«Кто был тот человек, — скажи мне, сын, —
Что провожает весь народ его?
И ведь не в Самарканде умер он,
И даже не жил в наших он краях!
Так почему ж печаль во всех глазах
И тьмы людей пришли со всех сторон?»

«Сегодня умер Ленин! — сын в ответ. —
Таких, как он, еще не видел свет!
Стара вселенная, и много в ней
Рождалось мудрецов, богатырей.
Но Ленин всех великих превзошел.
Всю книгу жизни мира он прочел.

В ночи кромешной, в заточеньи он
Всех бедных, угнетенных слышал стон.
Свой гнев он на тиранов устремил
И тиранию в пепел превратил.
В твердыню мрака рухнули врата,
Исчезла вечной ночи темнота!
Сквозь ураган провел он караван
Опустошенных, разоренных стран
И вывел страны на великий путь,
Где светит солнце, вольно дышит грудь!
Он хлеб голодным, кров бездомным дал,
Он беднякам навечно землю дал.
Будь жив сейчас великий Прометей,
Огонь небес добывший для людей,
Увидев Ленина, он на вершинах гор
Порвал бы цепи, вышел на простор!
И вот кого смерть нынче унесла...
И вот чья смерть скорбь эту навлекла!

Всё будет мало — сколько ни скорбим.
Не хватит в мире слез — рыдать над ним!»

Печаль в глазах народа моего,
Печаль и скорбь в душе сынов его.
Как море, дышит площади жерло,
Как море, толпы дышат тяжело.
Людские волны мчатся без конца,
И бьются, как морской прибой, сердца...

А снег валил. Косматый, талый снег,
Как хлопок белый, небывалый снег.
И облаков, тот снег несущих, мгла
Тяжелой тенью по земле легла,
И тени той, казалось, не отвесть.
И в сумерках всё гуще падал снег.

В воображеньи оживает весь
Тот день, незабываемый навек.

1938

Василий Казин

232. СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волнение глубоко,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем —
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнет и засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец — покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз пронизательный шуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1938

Николай Майоров

233. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Иди познай людское дело
И в Мавзолей войди, как в жизнь, —
Рукой дрожащей и несмелой
Его бессмертия коснись.

Здесь всех основ лежат начала.
Мы знаем, что и он любил,
Он тоже был живым сначала
И этой площадью ходил.

По тем же стершимся ступеням...
Но как ни мудрствуй, ни пиши,
Ты не вступишь в название «Ленин»
Вселенский взмах его души.

Пройди весь мир насквозь и снова
Вернись к нему, и у Кремля
Тебя согреет этим словом
Его родившая земля.

Им каждый подвиг наш пронизан,
И он во всем, чем мы живем,
Он нам необходим и близок —
Мы в нем бессмертье узнаем.

1938

Мирза Геловани

(Перевод с грузинского)

234. ЛЕНИНУ

В миг ли усталости, в час ли сомнений,
в день ли погони за трудным ответом
словно бы внять чередо откровений —
перед твоим постоять мне портретом.

Как ни устал я, но ясность настанет
в чувствах, застывших на шаге превратном.
Вдруг до предела понятно мне станет:
вот перед кем я в долгу неоплатном.
Вижу, как подняты делом и словом,
грозно встают городские кварталы. . .
Цепь юнкеров перед зданьем дворцовым.
И крейсеров огневые сигналы. . .
Вижу я площадь, где правду святую
с броневика ты поведал солдатам.
Вижу Россию, босую, худую,
в пламени буйном, в дыму бородатом.
Вижу, молчу — и проходит усталость,
и безнадежность умчится в мгновенье,
и остается мне то, что осталось:
творчество, поиски и дерзновенье.

1938

Кадыр Даян
(Перевод с башкирского)

235. СКОРБЬ И ЛЮБОВЬ

Когда б всю скорбь о Ленине собрать,
В сердцах таящуюся у людей,
То тяжкий груз не в силах удержать,
Хребет земли согнулся бы под ней.

Когда бы мы в одно собрать могли
Любовь к нему, сиянье и тепло —
От света лучезарного земли
Померкло б солнца древнее чело.

1938

Федор Тымэтэҕин

(Перевод с чукотского)

236. РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Плохо было луораветланам
В дни, когда страной цари владели,
Мысль о книге далека была нам,
Карандаш держать мы не умели.

Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил.
Вот когда мы стали жить светлее,
Словно горы к солнцу вырастая!

Раньше жили на болоте пнями,
И подняться было не под силу,
А теперь равняемся с горами,
И за это — Ленину спасибо!

1938

Михаил Голодный

237. КАНТАТА О ЛЕНИНЕ

В небе солнце есть,
Вечны облака:
Ленин был и есть,
Будет жить века.

Ленин был и есть,
Будет жить века:
Вечной жизни цвеств
В шуме ветерка.

Ленин — крыльев взлет,
Ленин — песни звон,
Ленин — даль высот,
Ленин — гул времен.

Ленин — солнца свет:
Он из всех светил
Ярче всех планет
Землю осветил.

Был он, будет, есть
Навсегда, навек.
С нами всюду весь
Ленин — Человек.

Ленин — зов вперед,
Ленин — честь бойцов,
Ленин — бури лёт
С четырех концов.

Свет его — заря,
Речь его — река,
Глубь его — моря,
Жизнь его — века.

1939

Таир Жароков

(Перевод с казахского)

238. О ВОЖДЕ

Всегда привык я слышать и везде
Слова любви о дорогом вожде.
Он в Мавзолее сном спокойным спит.
Он спит, но ясно слышит, как кругом
Поет страна, как по земле летит
Ее великих дел победный гром.
Пускай глаза закрыты Ильича,
Но видит он, как жизнь цветет вокруг —
Как будто в майских радостных лучах
Шумит весенний и просторный луг.
Стоит над Мавзолеем тишина,
Ее оберегает вся страна
Лишь потому, что в Мавзолее спит
Тот, кто не будет нами позабыт,

Тот, кто увидел зорко сквозь века
Свет коммунизма, кто народ повел
Дорогою прямой большевика,
Сметая всюду царский произвол.

1939

Иоханнес Барбарус

(Перевод с эстонского)

239. ЛЕНИН

С благоговением одно твержу я имя,
Что и любой твердит иноплеменник,
Что и ребенок учит по складам:
Вла-ди-мир Ле-нин!

О, чудо! Он меж нами, меж простыми,
Живет, доступный всем сердцам:
Гигантский образ видим, полный силы,
Где все черты полны одушевленья
И каждая резцом проведена.
В граните — чтоб не стерлась ни одна!
То не фантазия, не взлет воображенья,
Когда мы чувствуем: всё бьются эти жилы
И жизнью дышат в мыслях и делах.
Так яркий блик в эмалях, на холстах
Порой живет в течение столетий:
Где творческий раскрылся человек,
Там всё, что в прошлое кометой улетело,
Хранится в свежести, порой безумно смелой,
И времени не смыть того вовек. . .

Так гений, в труд сойдя, живет в нетленном
свете!

Да! Узок стих мой, чтоб вместился в нем
Великий гений: слишком слабо слово,
Чтоб выразить мощь духа твоего,
Владимир Ленин, —

Надежда стольких поколений!
И если б я по мрамору резцом

Твой создал образ, то и здесь бы снова
Был нужен не талант, а волшебство! . .
С благоговеньем лишь могу твердить я имя,
Чтоб озаренным быть в ночном зловещем дыме!

1939

Барон Боциев

(Перевод с осетинского)

240. ЛЕНИН — ЭТО ЖИЗНЬ

Стенала вьюга иступленно
Над помертвевшею землей,
Исчезли выси небосклона
За пепельно-седою мглой!

Январь принес нам скорбь и слезы,
Утрату, горше всех утрат,
Раскальвались от мороза
Утесы вековых громад!

Сердца живых людей страдали,
В тот черный день осиротев,
Снег падал саваном печали,
Покровом скорбным мир одеv. . .

Обвал срывался за обвалом. . .
Зимы той не было лютей,
И полоснуло, как кинжалом,
Отчаяньем сердца людей.

Когда, поникшие от горя,
Они внимали вести злой,
Береза в ледяном уборе
Склонилась низко пред бедой. . .

Я на земле родной, свободной, —
Так что ж гнетет меня печаль,
Что ж мглою скорби безысходной
Затмилась солнечная даль?

Как небесам не омрачиться?
Ушел, кто миру солнце дал!
Как вечным скалам не крошиться?
Ушел, кто светочем нам стал.

Грудь разрывается на части,
И слезы хлынули из глаз. . .
Ушел, открывши людям счастье,
Как животворный ключ, для нас!

Навеки тот январь запомни,
Тот день, печальнейший из дней,
Что мир потряс бедой огромной,
Утратой, всех утрат страшней. . .

Всё помню я: подкошен горем,
На улице, совсем один,
Стоит, за грудь схватившись, горец,
Суровый старый осетин.

Вот горестные слезы вытер
Ладонью сморщенной руки,
Сквозь снегом обдающий ветер
Побрел, шатаясь от тоски.

И вдруг сквозь стоны непогоды
Ловлю я голос. . . он растет:
«Великий сын всего народа —
Вовеки Ленин не умрет!»

Жив в сердце мира светлый гений,
Он там, где жизнь кипит ключом,
Где новое встает творенье,
Где рвутся к правде — напролом!

Ума и воли светлой властью
Он нашу жизнь преобразил,
И алым солнцем — солнцем счастья
Грядущее он озарил. . .

И пусть невиданное горе
Нам сердце болью обожгло,

Мы сбережем, со смертью споря,
Его мечты, его тепло. . .

Он жив, он — солнце над отчизной,
Он — славный путь ее побед,
Дыханье обновленной жизни
И дня немеркнувшего свет!

1939

Михаил Тимофеев-Терешкин

(Перевод с якутского)

241. СИБИРСКОЕ СЛОВО ПРО ЛЕНИНА

(Отрывок)

В годы изгнаний — бедствий
Видели камни и волны
В сибирской земле кандалной
Славного светоча жизни,
Ленина видели в ссылке.
Духом своим высокий,
Сердцем могучим твердый,
Владимир Ильич Ульянов
Беседовал с вечным солнцем.
В годы своих изгнаний,
Бодростью не колеблясь,
Владимир Ульянов-Ленин
Беседовал с быстробегущей
Волной свободолюбивой.

Народные слезы видя,
Скорбя о народной доле,
Великий изгнанник думал
О том, чтобы солнце всюду,
Для всех и всегда сияло.

В раздумьях своих, в заботах,
Печалась о бедном люде,

Изгнанник на Енисее
Глядел на свободно-шумный
Поток, разбивавший камни.
Мечтал он о новой жизни,
О новом свободном мире.

Когда на хребтах Саянских
Гремучие грозы бились,
Когда голубые стрелы
Разящих и острых молний
Распарывали густые,
Нависшие мрачно тучи, —
Тогда минусинский ссыльный,
Великий мечтал изгнанник
О битвах грядущей бури,
Готовил себя, предвидя
Грозу Октября Вселенной. . .

Всё то, о чем он думал,
Всё то, что он наметил,
Сбылось — осуществилось.
Желанное стало явным,
Делом скрепилось слово.

. . . На всех языках народных
Завет Ильича повторяют,
Мысли его запомнив,
Память его согласно
Чтут, сохранив навеки.

Жизнью цветя счастливой,
Славой, храня свободу,
Наши живут народы,
Сердцем благословляя
Имя его родное,
Вечное словно солнце,
Яркое имя — ЛЕНИН. . .

1939

Александр Твардовский

242. ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе, —
Никаких иных угодий
Не имел он на земле. . .

«Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?!»
Да сплеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.

А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
«Хорошо ругаться можешь».
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой. . .
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая, —
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть его желая:
«Как фамилия?» — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
«Ленин», — просто отвечает.
«Ленин?!» — Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

А по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
«Вы такой-то?»
Свесил руки:
«Вот он я. . .»

«Собирайтесь!»
Взял он шубу,
Не найдет, где рукава.
А жена ему:
«За грубость,
За свои идешь слова. . .»

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.

« Попрошу, — сказал военный, —
Ваш инстру́мент взять с собой».

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки напрямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом, —
Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал.
«Хорошо ругаться можешь», —
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно всё, что было, — прочь.
«Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?»

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
«То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно! . . .»

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инстру́мент. «Ну-ка. . .» —
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстучал.

В чем причина, в чем беда,
Догадался — и за дело,
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Всё нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый. . .

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет. . .

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова,
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал еще печник:
«Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик».

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.

Ну а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то всё загнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет. . .

За столом сидели вместе,
Пили чай, велась речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.
Сознаю свою ошибку. . .

Только Ленин перебил.
«Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл. . .»

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, —
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал. . .

Не спала жена, встречает:
«Где ты, как? — душа горит. . .»
— «Да у Ленина за чаем
Засиделся», — говорит. . .

1938—1940

Якуб Колас

(Перевод с белорусского)

243. ЖИВЕТ СРЕДЬ НАС ГЕНИЙ

Пришел он, как утро, как зори восхода, —
Из глуби народной живой,
Подслушал он правду и мудрость народа,
Чтоб выполнить волю его.

Увидел он светлые дали, просторы,
Что новью теперь зацвели.
Нам Ленин пути указал, по которым
Идти к новой правде земли.

И в сердце людском, и на солнечных нивах
Лежит его правды печать.
Словам его мудрым, простым и правдивым,
Как песням, вовеки звучать.

Звучать им повсюду, где жизнь молодая
Бурлит во всю гордую мощь.
И в песнях, и в думах родимого края
Бессмертен, как солнце, наш вождь.

Живет он в громовом дыханье заводов,
В кремлевских пурпурных огнях,
И в нашем единстве, и в дружбе народов,
И в партии зорких очах.

Живет он в делах нашей Армии Красной,
В отваге и силе бойца.
Ведет его имя на подвиг опасный
Бесстрашных героев сердца.

Живет средь нас Ленин, как солнце восхода,
Как мудрость великой земли,
И светит лучами, огнями свободы,
Чтоб солнцем народы цвели!

1939—1943

Эффенди Каписев

244. ЛЕНИН

(Отрывок)

Зажигаем костер — огонь поет о тебе,
Ткем ли новый ковер — лишь тронь — поет о тебе,
Начинаем ли сказку — великаны поют о тебе,
Так проходит зима — день за днем с именем *Ленин*.
Устремляясь в полет, птицы поют о тебе,
Пробиваясь сквозь лед, травы поют о тебе,
Тая вешним ручьем — самый лед поет о тебе,
Так весна начинается в мире с именем *Ленин*.
Над вершинами гор самолет поет о тебе,
Бесконечный простор наших нив поет о тебе,
На глубинах морей знойный жемчуг поет о тебе, —
Так цветет в свой черед лето ясное с именем *Ленин*.
Повисая с ветвей, красный плод поет о тебе,
Золотая пчела, собирая свой мед, поет о тебе,
В звездах, ярче огней, круглый год небосвод поет о тебе,
О, великий из всех, кто велик был, великий наш Ленин.
(1940)

Лев Квитко

(Перевод с еврейского)

245—248. СТИХИ О ЛЕНИНЕ

1

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД

Пришел он, плотный, двадцати трех лет,
с упорной волей, с ясной головою,
и как стратег глядит на поле боя,
увидев, что пути другого нет,
взглянул на гордый город над Невою.

И те, что шли, не поднимая лиц,
подняли головы, расправив плечи.

Горячий ветер воли дул навстречу.
Гремели звуки долгожданной речи
о том, что будет враг повергнут ниц.

Глядели, глаз не в силах отвести,
и наглядеться не могли досыта
на юношу, что смело и открыто
к большой победе взялся их вести.

А юношу велели запереть
в далекую холодную темницу.
Но разве мог он сдаться и смириться?
Он продолжал душой к друзьям стремиться,
их воздухом дышать, мечтою их гореть.
Такая страсть не может покориться,
такой высокий дух не может умереть.

2

НОЧЬ В ЦЮРИХЕ

Прекрасен над озером спящим
полночный торжественный бой.
По старому Цюриху ночью
студенты проходят гурьбой.

Студенты смеются и спорят,
как малые дети точь-в-точь,
им горы веселые вторят,
и ими любитесь ночь.

И, день завершая вчерашний,
звенит и мигает им в лад
часов, укрепленных на башне,
глазастый резной циферблат.

Спор тянется. Ночь на исходе.
Туманится день впереди.
И все замолкают внезапно,
когда начинает один.

Друзьям указал он рукою
на светлое чье-то окно.

Глубокой полночной порою
зачем не погасло оно?

И кто там не спит до рассвета?
Работает? Думает? Ждет?
Но знает о том без ответа
притихший веселый народ.

Студенты бесшумно, как тени,
на цыпочках мимо идут.
Сердца их колотятся — Ленин
до света работает тут.

8

СИНИЕ ТЕТРАДКИ

Я вижу: на исходе лета,
в сиянье солнечного света,
как он сидит у шалаша,
как легок бег карандаша.
Вот он с минуту наблюдает,
как в небе ласточка летает,
над шалашом его кружа.

Вот он сидит, готовый к бою,
и видит мир перед собою,
и пишет в синюю тетрадь.
Готовый встать, со всем поспоря,
чтобы смести фундамент горя
и новый, лучший мир создать.

А между тем меняет лето
оттенки зелени и света,
сухие листья вороша.
И там, где прежде голубело,
сегодня в тучи солнце село,
свой круг обычный завершая,

тепла чудесного лишая
того, кто ждет у шалаша.

Недолго ждать ему осталось.
Свершится всё, о чем мечталось.
Ударят грозные грома.
Он поспешит, готовый к схватке,
и спрячет синие тетрадки,
и то, что в них не дописалось,
уже допишет жизнь сама.

4

СОКОЛЬНИКИ

Москва тогда не метена была,
и без огней, просторна и бела,
она в снегах, голодная, лежала.
Но слышал каждый, в ком душа жила,
как вся она гудела и дрожала.

Кто научил людей в глаза глядеть
с каким-то новым светом и участием?
Иначе руки жать,
иначе песни петь,
впервые выволакивая сеть
из моря, называемого счастьем?

Смеркается. И с первой темнотой
выходит человек из Совнаркома.
В Сокольники не близкий путь лежит,
и он по переулочкам спешит,
окутан сокровенной теплотой,
веселым нетерпением влекомый.

Уже, наверно, ждут его они,
Надежда Константиновна и дети.
И он шагает сквозь мороз и ветер,
чтоб новогодний праздник с ними встретить,
туда, где детский дом зажег свои огни.

Там ждет его ребяческий привет.
Они хотят его увидеть в этот вечер.
Трамваи не идут,
машины нет,
и он идет пешком, слегка сутуля плечи,
о будущем мечтая человечьем.
И вот поющий дом, веселых окон свет.

(1940)

Семен Кирсанов

249. ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Над высотой
Дворца Советов,
где облаками
воздух вспенен,
протянет руку
в даль рассвета,
лучу зари,
товарищ Ленин.
Из Одинцова
путник выйдет —
Москва
за лесом,
за рекою. . .
Но путник
Ленина увидит
с простертою к нему
рукою.
С дороги сбившись,
летчик ищет
маяк Москвы
в туманной каше,
и Ленин
дружеской ручищей
аэродром
ему покажет.

Гроза решит
 раскатом грома:
«Паду на дом,
 огонь раздую!» —
но Ленин
 отведет
 от дома
огонь
 и бомбу грозовую.
Его рука
 весь мир обводит —
вершины,
 низменности,
 воды. . .
И может,
 вспомнит о свободе,
краснея,
 статуя Свободы.
С вершины
 нового Монблана
поэт
 увидит
 с удивленьем
мир,
 перестроенный по планам,
что людям дал
 товарищ Ленин.
И вы,
 с планетою
 в полете,
глазами
 обернувшись к другу,
всем человечеством
 пожмете
живую
 ленинскую руку!

1940

Саломея Нерис

(Перевод с литовского)

250. ЛЕНИН НЕ УМРЕТ

(Из поэмы «Путь большевика»)

Драгоценное лицо недвижно.
Сон великий тих и непробуден.
Алые знамена рдеют пышно. . .
Путь победы был высок и труден.

Не литовские крутые грозы,
Не балтийские литые волны —
Сестры дорогие, — это слезы,
Только слезы, и они безмолвны.

Словно кровь из ран, текут неволью,
В том, что плачу, я не виновата.
Значит, сердцу нестерпимо больно. . .
Вот он, край, где Ленин жил когда-то!

Вот шалаш, ему служивший кровом
В злые дни осенней непогоды. . .
Ленина я вижу, как живого,
На борьбу ведущего народы.

Он, могучей бурей испытан,
Нас провел сквозь вьюгу, кровь и пламя,
А теперь в гробу стеклянном спит он
Дни за днями, ночи за ночами.

По его следам, к его высотам
Мы ведем иные поколения.
Ленин — в них, и с ними не умрет он,
Никогда ему не знать забвенья! . .

1940

Арсений Тарковский

251

Чем больше лет ложится мне на плечи,
Тем очевидней светлый мой удел:
Я — гражданин державы русской речи,
И русской музе я в глаза глядел.

Такая сила есть в моем народе,
Что я устами новой жизни стал.
И счастлив тем, что я не в переводе,
А в подлиннике Ленина читал.

1940

Степан Сарыг-оол

(Перевод с тувинского)

252. ЛЕНИНСКОЕ СОЛНЦЕ

Неугасимо солнце мое,
Если б над нами ты не взошло,
Вьюга снесла бы мое жилье,
Холод переборол бы тепло.

Светлое солнце, людей любя,
Ты отогрело наши сердца.
Как же нам не любить тебя
Больше чем мать, сильнее чем отца!

Где бы я ни был — в саду, в дому,
На енисейской крутой волне, —
К счастью великому моему,
Солнце сопутствует вечно мне.

Тянется солнце ко мне в окно
Ясным, как мудрость, прямым лучом.
Вот уже сердце озарено,
В доме веселье кипит ключом.

Нет для него ночной темноты,
И нипочем для него зима!
Ленина солнце, то светишь ты,
Нас ни метель не страшит, ни тьма.

1940

Михаил Исаковский

258. ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую,
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам
Дождь. . .

(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я всё-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти. . . И может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего. . .
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,

Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на горах тряпья,
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо, —
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому, великому делу его.

1940, 1951

**254. ИЗ ПОЭМЫ
«ВОЖДЬ ВЫПЛАВЛЯЕТСЯ ВЕКАМИ»**

Он рос лобастый, ясноглазый,
Упрямый шахматист.
Он в книгах разбирался сразу
И помнил каждый лист.
Он много спорил, чуть картавый,
Насмешливый, живой,
Всегда веселый и лукавый,
Горячий и прямой.
И всё, чем пелось и дышалось
По-юному светло,
И всё, что возбуждало жалость,
Что мучило и жгло,
И всё, что жало и душило
Казенною рукой,
И всё, что юношу учило,
Что было красотой —
Вода, трава, деревья, птицы,
И хлеб, и отчий дом,
Закаты, радуги, зарницы
На небе грозовом,
Газетных строк сухие крохи
Из-под цензурных лап,
Крестьян окрестных злые вздохи
И всхлипыванья баб,
Что «мой-де сын, рожевый, старший,
На фабрике зачах. . .»
И слух о первых, о восставших
Морозовских ткачах,
И запрещенных мыслей блески,
И брата смех живой,
И то, что там, на перекрестке,
Стоял городской,
И Чернышевского страницы,
И Герцена листки,
И снова грозы и зарницы,
И травы, и пески —

Всё, что кругом, его растило —
В лесу, в полях, в домах,
Всё, всё ему давало силу,
И мудрость, и размах,
Чтоб путь к победе выбрать строго
И не сходить с пути,
Чтоб открывать грозе дорогу
И вместе с ней расти!

Вождь выплавляется веками
С народом наравне.
Он закален, стоцветный камень,
В земле, в ее огне.
В нем — все мечты, решенья, думы,
Всё, чем дышал народ —
От темных бредней Аввакума
До Марксовых высот.

Не позднее 1940

1941—1955

Валериан Гаприндашвили

(Перевод с грузинского)

255. ЛЕНИН

(Сонет)

Всё человечество, томясь судьбой кровавой,
От века жаждало, чтоб дух его возник.
И вот история, как мудрый формовщик,
Из бронзы создала нам образ величавый.

Жизнь Ленина Октябрь венчал бессмертной
славой.

Рабочий победил, низвергнув лжевладык:
Сверкающая мысль острила верный штык,
Ведя сограждан в бой неумолимо правый.

Он, ураганы слов пролив с броневика,
Не город покори́л, но годы и века,
Он землю взбороздил для возрожденной нивы.

Когда же древний гнет страна стряхнула с плеч,
Он осветил наш путь, он дал нам в руки меч. . .
Пусть умер наш герой, — его деянья живы!

1941

Витаутас Монтовила

(Перевод с литовского)

256. ЛЕНИНУ

Иные гении
Приходят и уходят,
Но гений Ленина —
На все века.
Кто сердцем тянется
К борьбе, к свободе,
В том верность Ленину
Всегда крепка.

Дорогу к правде
Указал нам Ленин,
Он завещал нам
Светлый мир труда.
Как верность Ленину,
Навеки неизменен
Обет —
Бороться
И творить
Всегда.

Наш путь полюбится
Другим народам.
И там, где Лениным
Рассеян мрак, —
Над светлым миром
Правды и свободы
Коммунистический
Возьется стяг.

1941

257. ДАЙНА О ЛЕНИНЕ

Не ива качается,
Грустная ива,
Не сосны скрипучие
Гнутся вдали, —
То мир отмирающий
Стонет тоскливо...
А новый наш мир —
Это утро земли.

Сердца не сдадутся —
Пусть ветры бушуют.
Как сталь закалились мы
В трудных боях.
Наш пот, что как золото
Капал буржуям,
Шиповником в наших
Гылает сердцах.

Сердца наши с песнею
В ритме едины,
А песня — маяк
Нашей гордой борьбы.
Сильны, и упорны,
И непобедимы,
Мы настезь откроем
Ворота судьбы.

Борьбу баррикадную
Песня венчала,
Песня встречала
Революции гром
В дни,
Когда Ленин
Под знаменем алым
Поднял рабочих
На битву с врагом.

Великого Ленина
Сердце безмолвно,

Это знамя — победа и сила —
Ленинград от врага защитит,
Победит, и над вражьей могилой —
Будет день! — на весь свет прошумит!

1941

Ило Мосашвили

(Перевод с грузинского)

260. ЛЕНИН НА БРОНЕВИКЕ

Ночь, но не тронут ее чернотой
Город великий. На западе снова
Дымы повисли завесой густой.
Зарево забагровело сурово.
Змей у ворот городских
Рыщет в потемках глухих,
Город он стиснул железной подковой.

Бури следы на знаменах видны,
Пристально смотрит на улицы Ленин —
Всюду там свежие раны войны.
Готовит он броневик для сражений;
Став на него, призывает в речах
В бой за Октябрьский священный очаг.

Площадь обходит от края до края,
Ночь пробуждает раскатами слов,
Вновь по-родительски благословляя
К ближнему фронту спешащих сынов.

Там их сердца — как бесчисленный строй
Лезвий стальных, и сквозь пламя и дымы
Слушает с жадностью город-герой,
Что говорит ему Ленин любимый.

Слушают, выстроясь, как на смотре,
Несокрушимых сердец батальоны —
И, подымаясь, врагов поутру
Крепость встречает огнем непреклонно.

Зорко дозоры глядят из траншей,
Грозной броней обшиты заставы, —
Нет, не коснуться рукам палачей
Города Ленина, города славы!

1941

Ладо Асатиани

(Перевод с грузинского)

261. КНИГА ЛЕНИНА

Я прочитал чудесных книг немало,
Я упоенье испытал не раз.
В одних, признаться, сказка увлекала,
В других рисунки радовали глаз.

Иные — чувства нежные будили,
Но перешли к любимой иль к друзьям.
А многие под слоем старой пыли
Я сохранил, хоть им не верил сам.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
Но эта — самой драгоценной стала
И, словно воздух, нужной для меня.

Целитель древней скорби поколений,
Моих напевов гордость и венец,
С ее листов ведет беседу Ленин
Со мною, как заботливый отец.

И эта книга — солнце с ореолом,
Отрада миру, сестрам и сынам —
Меня шагать учила с комсомолом
И строить мир, несущий счастье нам.

Когда б не свет зари ее высокой,
Борьба была бы тяжелей для нас.
Мы каждый день читаем эти строки,
Вникаем в эту книгу каждый час.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
А эта — самой драгоценной стала
И, вечной став, зовет к борьбе меня!

1941

Лажути

(Перевод с таджикского)

262. БЕССМЕРТНОМУ ЛЕНИНУ

Сегодня твой народ, бессмертный Ленин,
Приветствует начало избавленья,
Твой путь и Партии отважный гений
Несут нам снова жизнь, освобожденье.
Врага мы гоним, бьем со всех сторон.

За ним народа ненависть несется,
Куда ни ступит, — вдруг стена взметнется,
В реке пред ним не влага — пламя льется,
И бомбы ливнем шлют воздухофлотцы,
За реки крови нам заплатит он.

Прогоним так, чтоб снова не пришел он,
Раздавим так, чтоб больше войн не вел он,
Чтоб не топтал, не жег советских сел он.
Народ, решимости великой полон,
Всё совершит, тобою вдохновлен!

Твои незабываемые битвы,
Что с Октябрем победоносным слиты, —
Маяк героям нашим знаменитым.
Бессмертный Ленин, наш обет прими ты:
Сразимся так, чтоб от орды бандитов
Был род людской навек освобожден!

Январь 1942

Илья Сельвинский

263. БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике, на́ море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя. . .
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.
— Тонко сработано!
Кто ж это тут?
ЛЕНИН.

Ах, вот оно!

— Аб!

— Гут!

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Кони хвостатые
Взяли в карьер.

Нет
 статуи,
Гол
 сквер.
Кончено! Свержено!
Далее —
 в круг
Входит задержанный
Политрук.

Был он молоденький,
Двадцать всего.
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали. . .
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе
Подле шеста;
Вот ему на плечи
Брошен канат.
Мыльные каплищи
Петлю кропят. . .

— Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде!
Всплачется, взмолится
Хоть на момент,
Здесь, у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
— Ауф!
 — Гут!

Желтым до зелени
Стал политрук.
Смотрит. . .
 О Ленине
Вспомнил. . . И вдруг

Он над оравую
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —
И, как явление
Бронзе вослед,
Вырос

Ленина
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник. . .

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,
Глядя на улицу
Из ворот.

Мигом у цоколя
Каски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись. . .
Всё же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Нáзло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

1942

Михаил Дудин

264. СТИХИ О ШАЛАШЕ

Мелкий лес да болото. В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов, и дыма тяжелая грива:
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.

Нас мороз леденил, к нам в землянки вривалась
вода.

Снег крутил, заметал переходы и щели.
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода,
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.

Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила порыва.
Это видевший виды, из веток сосновых, шалаш.
Это Ленин здесь жил,
в шалаше у скупого Разлива.

Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодной сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту,
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.

Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи, и ветер, летящий над
миром.

... Он обходит расчеты и, проверяя посты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.

Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает, —
Этот голос и жест, и на Запад простерта рука,
Непрерывно вперед, непрерывно вперед призывает.

Сквозь огонь и грома́, раскаленные зноем дожди,
Через рвы, через надолбы, через траншеи,
на Запад!

С нами вместе, в походных шинелях, вожди!
Горизонт лиловет, горячею кровью закапан.

Он приходит, победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал. И прищурившись смотрит
на нас.
Мелкий лес да болото. Бессмертный шалаш
из гранита.

Август 1942

Павел Антокольский

265. СКАЗКА ВЬЮГИ

Не знаю, правда иль сказанье, —
Скажу, как слышал, не солгу.

Он был студентом, жил в Казани,
В домишке низеньком, в снегу.
Всё было впереди: Женева,
Дни возмужанья, дни труда,
Рожденье Правды в Искре гнева —
Всё было впереди тогда.
Покончив с шахматным турниром,
Заправив в лампе керосин,
Он с глазу на глаз с целым миром
Остался, стало быть — один.

И слышит он, как в дымоходах
Поет крещенская пурга.
Когда ж достанется ей отдых?
Не знает отдыха карга.
И только он подумал это —
Глядь, распахнулась дверь во тьму,
Старуха входит, в снег одета,
И усмехается ему.
Он поднял лампу, чтоб взглядеться
В лицо старухи вековой, —

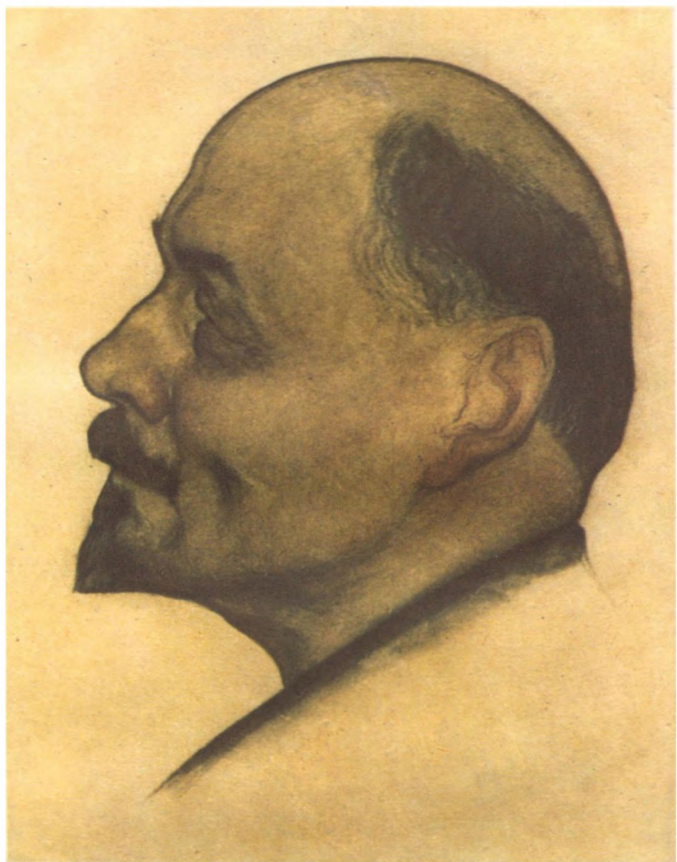
Недаром смельчаком был с детства
Мечтатель с ясной головой:
«Кто ты, бабуся? Что за дело
Тебя к студенту привело?»
— «Я Вьюга, миленький! Глядела
Час битый в потное стекло. . .»

«Да ты озябла, замечаю!
Весь твой салопец из прорех.
Войди, дам сахару и чаю,
Отрежу ситного — не грех!
Прости еще вопрос нескромный:
Где проночуешь эту ночь?»
И тут раздался вздох огромный:
«Студент, ты должен мне помочь. . .»
Пошла выкладывать старуха
Без точек и без запятых
Речь, непривычную для слуха.
Казалось, целый мир притих. . .

«Я для тебя стара, товарищ,
Тысячелетняя карга,
Когда по заревам пожарищ
Лечу, трубя во все рога.
Товарищ — это обращенье
Подарок первый мой тебе.
Мое великое крещенье
Припомнишь в завтрашной борьбе».

Студент приблизился и глянул
В глаза старушечьи сквозь дым,
И только вникнул — и отпрянул,
Хоть и остался молодым,
Но старше стал на полстолетья.
А Вьюга, встав из-за стола,
Хлестнула об пол белой плетью,
Как будто пару поддала:

«Еще не раз на снежном пире
Мы повстречаемся с тобой!

Я прилечу к тебе в Сибири
И поведу в последний бой.
Когда в свинцовый шрифт листовок
Твой замысел вольется весь,
И гул рабочих забастовок
Тебе откликнется: «Я здесь!» —
И ты поймешь, что закипела
Святая ярость непогод, —
Тогда припомни всё, что пела
Старуха Вьюга в давний год.

В лесной глуши и в чистом поле
Припомни только и покличь.
Мы будем рядом и в подполье,
Сынок Владимир свет Ильич!
И будет день, когда навеки
Уснешь ты в купках свежих роз.
И я смежу немые веки
В тридцатиградусный мороз,
И, твой последний сон лелея
У стен московского Кремля,
Прильну к земле у Мавзолея
И ей шепну: «Не плачь, земля!»

И будут годы, будут годы
В лучах тревоги огневой,
В громах военной непогоды,
Когда твой город над Невой,
Встав под знаменами твоими,
Все беды вынесет в бою.
И я твое, товарищ, имя
Бойцам как лозунг пропою.
И вот на севере, на юге
Они пойдут, врагов круша.

.
Что, хороша ли песня Вьюги?»
Студент ответил:
«Хороша».

1942

Вера Инбер

266. ЛЕНИН

Он не украшен свежими цветами,
Ни флагов, ни знамен вокруг него, —
Укрытый деревянными щитами,
Стоит сегодня памятник его.

Он мог бы даже показаться мрачным,
Но и сквозь деревянные щиты,
Как будто стало дерево прозрачным,
Мы видим дорогие нам черты.

И ленинских бессмертных выступлений
Знакомый жест руки — такой живой,
Что хочется сказать: — Товарищ Ленин,
Мы здесь, мы отстояли город твой.

Лавиною огня и русской стали
Враг будет и отброшен и разбит.
Мы твой великий город отстояли, —
Мы сами встали перед ним, как щит.

И близится желанное событие,
Когда тебя опять со всех сторон
Взамен глухого, темного укрытья
Овеет полыхание знамен.

Ты будешь вновь приветствиями встречен,
Как возвратившийся издалека.
И вновь, товарищ Ленин, с краткой речью
Ты обратишься к нам с броневика.

Все захотят на площади собраться,
И все увидят жест руки живой,
И все услышат: «Слава ленинградцам
За то, что отстояли город свой!»

*Январь 1943
Ленинград*

Семен Гудзенко

267. БАЛЛАДА О ЗНАМЕНИ

1

Летом
на Украине
каждую ночь звездопад.
В заводах,
в тихой тине,
теплые звезды лежат.
Мы не ценили звезды
и соловьев
ни в грош.
Пыль набивалась в ноздри,
в глотку —
не продохнешь.
Мы дорожили махрою
и ключевой водой. . .
Только глаза закрою —
тянется шлях степной.
Пыльные сапожищи
черную мнут стерню.
Кажется, люди ищут
долю свою.
Глаз от земли не поднимут
друзи мои, нелюдимы.

2

Мы отступали.
С нами
(в ранце у земляка)
шло полковое знамя,
сорванное с древка.
Вышит на знамени
шелком
Ленина силуэт.
. . . Сколько прошли мы,
сколько
вынесли горьких бед!

Но по ночам
на привалах
мы собирались под ним,
нашим нетронутым,
алым
знаменем боевым.
Так нам тогда казалось:
труден военный путь,
сделано очень мало,
чтобы его развернуть
и под простреленным флагом
мчаться по большаку,
в город врываться —
и шагом,
гордо,
рука к козырьку.
...Парень напрасно просится
у командира в бой —
нашего знаменосца
в сечи не брали с собой...

8

Трудно двадцатилетним
в самом начале войны
было ночами летними
видеть солдатские сны.
Мало быть сильным,
мало
храбрым быть.
В первом бою
злости нам не хватало,
той, что дробит броню.
Нам бы такую злобу —
мертвые шли бы на танк,
так ненавидели,
чтобы
насмерть валил кулак.
Но мы еще не знали,
что у сожженных хат,
что на берлинском вокзале
девушки наши кричат...

Видно,
 солдатскими касками
 горе черпать до дна.
 ...Город, разбитый фугасками,
 полк оставлял.

 Тишина.

Окна
 как будто грозою
 настезь распахнуты в сад.
 Битым стеклом —
 не росую —
 травы на солнце блестят.
 Мертвых

 пугаются лошади,
 им непонятна беда.
 ...На разбомбленной площади
 Ленин стоит,
 как всегда.

Вот она,
 с детства знакомая,
 вытянутая рука.
 (Вспомнил я военкома
 гаубичного полка...)

Вот они,
 очи Ленина,
 мудрые,
 глубоки.
 (Вспомнил,
 как вслед смотрели нам
 в Гомеле старики...)

Вот он,
 как на знаменах,
 самый
 великий
 солдат.
 (Вспомнил друзей — поименно
 тех,
 что под Брестом лежат...)

И неумная ярость
 нас захлестнула так —

немец бежал от ударов
первых контратак.
Ленин
шел вместе с нами,
слушал бойцов
в пути.
Мы развернули знамя,
чтобы вперед идти.

б

Снова снег,
третий снег,
третий год.
И туда,
где встречали войну,
нас дорога
от Волги ведет —
через Днепр,
за Десну,
на Двину.
Этот край нам с июня
знаком.
Задыхаясь
в горячей пыли,
мы здесь
встретились с Ильичем,
гнев
и ненависть обрели.
Вот она,
знакомая рука,
глубина
видавших битвы
глаз.
...Генерал седой
с броневика
нам читает
боевой приказ.

1943

Николай Тихонов

268. ЛЕНИН

Зима неожиданна и проста, зима, а ночи страшно кратки,
Дел бесконечна широта, мелькают дни смертельной
схватки.

Под утро редкий перерыв, в работе отдых скоротечный, —
И вот он видит, как с горы, страну, забывшую
беспечность,

Страну в походе, на ходу, страну любимую — Россию,
На шапках — красную звезду, в огне просторы снеговые.

Не дни пылают там — века, и в очистительном пожаре
Гудит народная река, и тот огонь ее не старит.

Всё так же молодо оно, народа сердце ретивое,
Всех грез огнем озарено предназначенье мировое.

И он, отдавший жизнь свою служенью радостной России,
Ведет бестрепетно в бою ее дружины молодые.

Зарей окрашен небосклон... Уж в вечной дымке
годы эти...
Любить Россию так, как он! Что может быть святей
на свете!

Бушует снова вихрь войны, и вновь зима и ночи кратки,
И стонут вновь поля страны под топотом смертельной
схватки.

Страна в походе, бой идет, в народном сердце мести
пламя,
И знамя Ленина встает опять над русскими полками!

1943

Март Рауд

(Перевод с эстонского)

269. БЕССМЕРТИЕ

Здесь имя

Ленин

твердая рука
Врубила в мрамор вековой породы.
Еще прочней

оно войдет в века, —

Его в сердца

врубили все народы.

Вечна любовь к нему.

Она

Зари пленительной светлее.

Он встал над миром, пламенея,

И правдою его

земля озарена.

1943

Алексей Сурков

270. ЛЕНИН

Где на еловых ветках стынет иней,
Где снег на крышах от мороза синий,
Где взгляд яснее и слова теплей,
Среди большого города святыней
Народ воздвиг гранитный Мавзолей.

Под каменной своей прохладной сенью,
Послушный всенародному велению,
Багровый полированный гранит
Наперекор безжалостному тленью
Нетленный прах бессмертного хранит.

Стихает гром московского трамвая,
Звенят куранты, полночь отбивая,
Яснеют блики лунного луча.

И красный флаг, как песня боевая,
Шумит над Мавзолеем Ильича.

В полярных льдах и в глубине забоя,
На поле смерти, в грозном громе боя,
В полете, устремленном в высоту,
Скорбя, ликуя, побеждая, строя,
Мы к Ленину стремим свою мечту.

Всё воплотилось в этом человеке —
Людские судьбы, океаны, реки,
Безмерные просторами поля.
Со дня его рождения — навеки
Бессмертной стала русская земля.

1944

Степан Щипачев

271. ДОМИК В ШУШЕНСКОМ

Поэма

1

Опять погода завернула круто.
Над Шушенским ни месяца, ни звезд.
Из края в край метелями продута,
лежит Сибирь на много тысяч верст.

Еще не в светлых комнатах Истпарта,
где даты в памяти перебирай,
а только обозначенным на картах
найдешь далекий Минусинский край.

Еще пройдут десятилетия горя
до мокрого рассвета в октябре,
и пушки те, что будут на «Авроре»,
железную рудой лежат в горе.

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени,
село до ставней вьюги замели,

но здесь, где трудится, где мыслит Ленин,
здесь, в Шушенском, проходит ось Земли.

Уж зá полночь, окно бело от снега,
а он всё пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
двадцатый век, он разглядел тебя.

Он знает, видит, в чем России сила
и чем грядущее озарено.
Пускай еще не высохли чернила,
словам уже бессмертие дано.

Невзрачный домик затерялся в мире.
Но на стекло морозный лег узор,
и тут вся география Сибири —
от океана до Уральских гор:

Вот серебро равнин ее широких,
вот, в иглах весь, тайгу засыпал снег,
и различимы горные отроги,
и, как рога оленьи, русла рек.

И на столе белеют не страницы,
а тот же русский снеговой простор,
где все губернии. . . где он в таблицах
учел и тот однолошадный двор —

С косым плетнем, засыпанным метелью,
где позапрошлую неделю
осталась без отца семья,
где в эту ночь родился я.

Мать — хоть от горя ослабела —
гадает о моей судьбе.
Промерзла дверь, заиндевила,
и ходит ветер по избе.

В сенях, где страх теперь таится,
то скрипнет вдруг, то звякнет тишина;
где вынута пешнею половица,
земля замерзшая видна.

На эту половицу прадед
ступал, наряженный к венцу,
а в черный день она в ограде
постругана на гроб отцу.

Но всё — и горе — он учел в таблицах.
Потрескивает на столе свеча.
Пусть ночь темна и непогода длится,
он всю Россию видит в этот час.

Крутые переулочки Казани,
библиотеки старые Москвы
и Питер, Питер вновь перед глазами —
в граните серая вода Невы.

Звонки условные — и он в квартире.
Висят часы на выцветшей стене,
и ржавой цепью тянут время гири,
секунды отбивая в тишине.

Глухи за Невскою заставой ночи.
Со следу сбив назойливых шпиков,
он снова на кружке рабочих
глядит в глаза учеников.

Пойдут на смерть — не предадут такие.
На сердце горячо от этих глаз;
в них светится мечта твоя, Россия,
в них молодость твоя, рабочий класс.

2

Какое утро! Белизна какая!
И этой белизне под стать
хребты Саянские сверкают, —
сегодня их и в Шушенском видать.

Снег на катке волнистый и горбатый.
В глазах рябит от белых снежных гряд.
И, пронеся хоругвями лопаты,
ребята рядом с Лениным стоят.

Одним морозным воздухом с ним дышат,
свои следы в его вплетают след,
хоть, может, имя Ленина услышат
они впервые через много лет.

Кто ж из мальчишек первым быть не хочет,
когда, заиндевелый до бровей,
он с ними сам, как маленький, хохочет, —
и снег с лопат летит еще живей.

Необозримая лежит Россия,
до края и ветра не долетят.
Будь это шушенские, костромские —
жизнь одинаковая у ребят.

Во всех краях она, еще слепая,
уводит от отцовского крыльца.
Десятилетний паренек Чапаев —
на побегушках в чайной у купца.

В Уржуме легкая летит пороша,
видны леса — куда ни погляди.
Приютский мальчик Костриков Сережа,
что может знать он о своем пути?

Еще в зарницах первых дни глухие.
Буденновские конники лихие,
чапаевцы — еще в пеленках спят.
Их как травинок в поле, — на Руси ребят.

Где в чашах заячьи петляют тропы,
где солнце в космах снеговых встает,
в избе, уткнувшейся в уральские сугробы,
на свете мальчик первый день живет.

Мать рядом спит.
Ей сон тревожный снится,
ей не дойти до светлой правды той,
что и в глухую эту ночь родиться
не страшно даже сиротой.

Под окнами черствеет снег вчерашний,
святые скорбно смотрят из угла.
За сына было б матери не страшно,
когда бы знать про Ленина могла.

з

Всё те же
в той, где он бывал, квартире
висят часы. . .
Позеленели гири.

От времени не отставая,
на циферблате, заспанном на вид,
идет по кругу стрелка часовая,
и по орбите шар земной летит.

Исхоженные дальние дороги
ведут от детства, от плетней косых.
Годины войн и революций сроки
секундами измерили часы.

И на холодном быстром Енисее,
в еще не очень обжитом краю,
благоговейно в домике-музее
я у стола рабочего стою.
Тут Ленин жил, за этот стол садился.
Еще я только что на свет родился,
а он уже решал судьбу мою.

Поймешь и ты, праправнук, без труда,
задумавшись над ленинской строкой,
что и твоя судьба — еще тогда —
была намечена его рукой.

Прошло вихрастое, босое детство,
и после, в день великий Октября,
не двор — страну я получил в наследство:
поля и реки, горы и моря.
Я честь и славу своего народа,
как сын, под красным знаменем принял.

Пилотку, полинявшую в походах,
я с головы еще за дверью снял.
На половицы бережно ступая,
по домику я тихо прохожу.
Стоит в нем тишина святая,
я ею, как бессмертием, дышу.

Но эта тишина — не для молитвы,
а для присяги. В этой тишине
еще слышнее грохот битвы
и поступь времени еще слышней.

1944

Ян Судрабкалн
(Перевод с латышского)

272. ЛЕНИН

В сердцах веками мысль горела:
Земля чудесным садом расцветет,
И Ленин в битву поднял смелых
За то, чтоб в жизни не было сирот.

«Кто мал и слаб, не жди свободы», —
Лжецы твердили испокон веков.
«Как братья будут жить народы», —
Сказал нам мудрый вождь большевиков.

Союза он воздвиг основы,
Навек свободным стал рабочий люд, —
Как праздничный венок дубовый,
Сплетается людей счастливых труд.

...Когда прорвался гнев наружу
И Пятый год Россию сотрясал,
Латышским братьям по оружию
Великий Ленин свой привет прислал.

И вот он, бронзовый, пред нами,
Как в Октябре, — могучий, огневой.
В гражданскую войну сквозь пламя
Водил стрелков латышских Ленин в бой.

1944

Самуил Маршак

273. БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

1

Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ,

И статую с простертою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

— Убрать! — сказал немецкий генерал
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла.
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Ее увез в машине грузовой.

2

В ту ночь на склонах бушевал буран,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемет.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам — с машины грузовой —
Смотрел на этот партизанский бой.

Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: — Друзья, мы победим!

Он говорит — или шумит река,
Бегущая сюда издалека. . .

(1945)

Теофилис Тильвитис

(Перевод с литовского)

274. МАВЗОЛЕЙ

На Красной площади, ветрам открытой настезь,
У стен Кремля стоит гранитный дом.
Лежит в нем человек, боровшийся за счастье
Всех, кто богатства создает трудом.

С благоговением сюда народ вступает:
Здесь вождь Октябрьских пламенных побед,
Укрытый знаменем, спокойно отдыхает.
Зажженный им, горит всё ярче свет.

Как мне объять величие такое?
По скорбной лестнице я подымаюсь вновь!
И вспоминаю сызнова былое —
Этапы, тюрьмы и поля боев!

1946

Вагаршак Норени

(Перевод с армянского)

275. У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ В ЕРЕВАНЕ

Стою пред бронзой — символом бессмертия —
И думаю: навек восславлен ты,
И мысль твоя течет в тысячелетия,
И в жизнь воплощены твои мечты.

Среди мужей великих мира древнего,
Украшивших собою Пантеон,
Нет гения, тебе по мощи равного,
У всех народов всех былых времен.

Я вижу путь народов, будто слушая
Всех сорока веков гудящий шторм.
И взору открывается минувшее
В причудливом многообразье форм.

Но выше прежних форм существования
Советский строй в огне борьбы возник.
Отдав ему всю жизнь, ты это здание
С народом вместе на земле воздвиг.

И, вдохновлен задачей величавою,
Ты не жалел ни времени, ни сил.
Труд, ставший честью, доблестью и славою,
Ты правдою земли провозгласил.

Всё, что в веках сияло сказкой милою,
Что нам несла мечта, как луч, светла,
Воплощено твоим умом и силою,
И справедливость в нашу жизнь вошла.

Пока над древним миром лучезарное
Сияет солнце и мы живы им,
Мы все, твоим деяньям благодарные,
Звать будем счастье именем твоим.

И если мы с Земли, все бури выстоя,
На новую планету путь найдем,

То имя *Ленин*, светлое и чистое,
Туда в своих сердцах перенесем.

Стою пред изваянием с волнением
И думаю, что вечно славен ты,
И гений твой добился воплощения
Своей заветной и большой мечты.

Ты на земле работу вел бессменную
И создал строй, который так же прост
И мудр, как гармоничная вселенная
Со светом солнца и сияньем звезд.

И счастлив я от одного сознания,
Что я с тобою вместе в мире жил
В эпоху битв, в эпоху созиданья,
И разум мой ты светом озарил.

И нет работы, что б почел я низкою,
Твоей борьбе отдав себя всего:
Быть буквой в книге, звуком в песне, искрою,
Лишь стать бы долей мира твоего.

Я говорю с глубоким убеждением:
Смысл жизни в полной мере понят мной —
В созвездиях, твоим зажженных гением,
Гореть хоть самой малою звездой.

1946

Симон Чиковани

(Перевод с грузинского)

276. У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Таает утренней дымки завеса
И лучи простирает восток
Там, где волны в теснине Загэса
Создают электрический ток.

Мцхет Арагвой обвит и Курюю...
Где б я ни был, рассветной порой,

Лишь глаза на мгновенье закрою,
Вижу — Ленин стоит над Курой.

Вижу — Ленин стоит над волнами,
Озирая земли торжество,
И листва Зедазени, как знамя,
За плечами шумит у него.

Смотрит пристально он с пьедестала,
Как цветут берега над водой
Там, где прежде волна клочкотала
В белой кипени, в пене седой.

Пробудились деревья во Мцхете
В чистом свете живого луча,
И сверкнул этот луч на рассвете,
Словно мысль над челом Ильича.

И красою увенчаны строгой
Гордых скал вековые верхи,
Где Военно-Грузинской дорогой
Пушкин шел, сочиняя стихи,

Где ветра возносили впервые
Над снегами нагорий седых
Сочиненный поэтом России,
Воспевающий Грузию стих.

И прекрасен рассветной порою
Гор Кавказа незыблемый строй.
Там, где Ленин стоит над Курой,
Загорается свет над Курой.

Этот свет величав и нетленен
В нашей жизни, в трудах и в бою.
И меж всеми народами Ленин
Делит светлую мудрость свою.

1947

Николай Заболоцкий

277. ГОРОД В СТЕПИ

(Отрывки)

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто среди степей разбил испеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет выпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполох восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликованья,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари.

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремяна.
И стрепет, вылетев из-под копыт,
Шарахается в поле, как лазутчик,
И солнце жжет верхи сухих колючек,
И на сто верст простор вокруг открыт.
И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,
И вокруг него ликуют птичьи хоры,
Звенит домб́ра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Қазахстаном крылья распластав.

1947

Наири Зарьян

(Перевод с армянского)

278. ЛЕНИН

Жар вдохновенья дал мне столько сил!..
И я не сплю. Еще не рассвело,
Но свет зари уже позолотил
Крутой горы высокое чело.

Масис вознесся выше горных гряд,
А ты вознесся выше всех людей.
В грядущее был устремлен твой взгляд,
Ты возвестил начало новых дней.

Рассветный сумрак был еще дремуч,
Но с твоего высокого чела
Уже струился солнца первый луч,
Поднявший нас на славные дела.

Ты нам открыл благословенный путь
К любви, которой не видать конца;

Помог народу спину разогнуть
И верой в счастье окрылил сердца.

Душой огромной, вскинутой рукой
Ты обращен к вершинам новых дней;
Свой каждый шаг теперь весь род людской
Соразмеряет с поступью твоей.

1947

Г. М. Кржижановский

279—292. С О Н Е Т Ы
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ ЛЕНИНУ

1

Мне той далекой осени не позабыть вовеки!
Сбылось всё, о чем я лишь мечтал:
Судьба меня свела с чудесным человеком,
В нем гения я с первых встреч признал.

О, как он с той поры мне стал и мил и дорог,
Как всё особо в нем, полно своей красоты,
Кто враг ему — и мне тот злейший ворог.
В беседе с ним, как миг, идут часы.

Уйдет — и всё вокруг бледнеет,
И мысли вслед ему без усталости бегут,
Вернется — и заря повсюду заалееет,
И лучшие надежды расцветут...

Была та встреча юных дней
Великим счастьем жизни всей!

2

Прекрасна Волга-матушка в разливе,
В сиянье солнечном и в синих далях гор.
Весна играет в плеске волн шумливых,
Ведет веселый с ними разговор.

С природой связаны все судьбы наши,
Вселенской жизни вечный бег,
Но каждому из нас красот природы краше
И разуму и сердцу милый человек.

Из всех людей тот будет нам дороже,
Кто глубже всех собою воплотил
То лучшее, что миру дать лишь может
Бессмертный наш народ, могучих полный сил.

И ты, Ильич, простой и величавый,
Не оттого ль достоин вечной славы?

5

Всё в этой комнатке, обставленной сурово,
Сегодня приняло особый вид,
Не оттого ль, что Ленинское слово
Впервые мощно здесь звучит?

В его докладе всё так просто, ясно,
Но взято с небывалой глубиной,
И каждого из нас неотразимо, властно
Увлёк он в дум своих заветных строй.

Немного нас, но нас влекут не грезы,
А правда жизни всей на нашей стороне,
Не страшны нам врагов угрозы,
Добьемся счастья мы родной стране!

И то, что было нам еще темно,
Его чудесный ум прозрел давно!

6

Как быстро всё в кружке преобразилось,
Когда живительно забил родник твоих идей,
И сколько раз, бывало, я дивился
Чудеснейшей весне твоих расцветных дней.

Как удалось тебе в такие сроки
Проникнуть в тайники возвышенных умов?
И как умел ты в бисерные строки
Чеканить мысль, не тратя лишних слов!

Какое счастье забежать украдкой
К тебе, в твой скромный уголок,
В беседе дружеской учесть все наши неполадки
И бодро встретить то, чем угрожал нам рок. . .

Давно, давно тебя уж нет,
А всё держу с тобой совет!

7

Немного дней прошло, а кажется порою,
Что в заключенье я не малый срок. . .
Тюремный перестук стал легкою игрою,
В искусстве этом всё я превозмог.

Соседям и похвастать не могу я —
Людьми, мне чуждыми, я окружен,
О горестях своих они со мной толкуют —
В тюрьме нет стен немых, в них всюду сердца
стон.

Библиотеку здесь за дар небес считаю,
Наш шифр условленный в ней пущен в ход,
Шлю в книгах письма, письма в них читаю —
Какой для наших чувств здесь найден был исход!

Звучит и здесь нам голос твой,
Отвагой полнит боевой. . .

8

Общенье с Радченко мое недолго длилось,
С «поличным» скоро я уловлен был. . .
Мой вахтер на угрозы не скупился,
Но кончил только тем, что друга удалил.

Вновь потянулись дни сугубого надзора,
Вновь круг меня был чужаков кордон,
Но в книгах мы вели свои переговоры,
Властителем же дум по-прежнему был он.

Трудом неустанным он дни свои заполнил.
Грохочет ящик книг... Мы знали: то — к нему,
Здесь думы родились, что скоро мир заполнят
И светом озарят веков насилья тьму...

Какой бы рок ему ни угрожал судьбою —
Дней обывательских не знал он за собою!

9

Газету, настоящую рабочую газету
Мы в типографию подпольную сдаем!
Ей не пришлось увидеть света,
Погибнуть ей пришлось под вражеским огнем...

Твоими большинство статей в ней были,
Грядущей «Искры» виден в них размах.
Мы свой отряд в стан мировой включили,
Зажечь огонь надежд мы жаждали в умах!

Немало жертв нам стоила газета!
В борьбе за новый мир нам жертв не избежать...
Кто не проникнут мыслью этой,
Товарищем того нельзя назвать.

Ты говорил: в страде наш мир родится,
Тот не борец, кто мук борьбы страшится!

10

Три шага вширь и пять в длину —
Очерчен так всей камеры мирок.
Окошко вздернуто предельно в вышину.
В двери, над форткой запертой, глазок.

Листок железа — стол стеной,
Стул откидной, такая же кровать...
В белесом потолке порой ночной
Малютка-лампочка начнет мерцать.

Здесь вашей воли нет; ее сломить
Наметил враг. Он на расправу крут.
Вас будут одиночеством томить,
Не все, не все его перенесут...

Но вот письмо, твой бодр привет,
Условным шифром шлю ответ.

11

С допросами ко мне недолго приставали:
Неподходящий был, как видно, «матерьял»;
В охранку раза два всего лишь вызывали,
Жандармский офицер меня сопровождал.

Любезен без конца: сигары предлагает,
Любых услуг, казалось, он не прочь...
Духами острыми он весь благоухает,
Но видно по лицу: вчера кутил всю ночь.

Вот прокурор Кичин, чиновник именитый,
Старается внушить, что он-де знает всё,
Что карты наши явно биты,
Что участь мы свою признаньем лишь спасем...

Но злейшему врагу всё ж было невдомек,
Как близок ты к нему, расправы грозный срок!

12

Как робко северной весны дыханье!..
Разведкой скромной были первые шаги
Тогдашних наших начинаний...
Подстерегали нас со всех сторон враги.

Но с каждым днем заметно нарастали
И крепили силы наши в той борьбе,
И всё ясней мы сознавали,
Сколь многим мы обязаны тебе.

Заботой дружеской проникнутое слово,
От зорких глаз твоих ничто не ускользнет.
И легче дышится нам снова —
Сквозь полог туч нам солнца луч блеснет. . .

Дерзание юности и мудрость зрелых лет —
Таков источник мировых побед!

13

Какое горе — тяжело болен он! . .
Преступно было нам его не уберечь.
Ужели может быть — недугом он сражен?
А врач нам говорит — идет о жизни речь.

Придешь к нему, и трудно оторваться
От этих черт любимого лица. . .
Высоким лбом нельзя не любоваться —
Нет, смерти не сломить бесстрашного борца!

Всё та ж чудесных глаз с раскосинкой загадка,
Грассирующий тот же говорок,
Губ волевых с насмешечкой укладка,
На этот раз над тем, что сам сплющить так мог. . .

Болезнь побеждена, он снова с нами,
Дни баррикад не за горами!

14

Ужель всё кончено? Все струны отзвенели?
И о страде всех нас замолкнет в мире речь. . .
Не может быть! Недаром мы сумели
Такой костер из искорок зажечь. . .

Далеких юных дней отрадные волненья,
И встречи первые, Ильич, с тобой...
О, если бы в последнее, предсмертное мгновенье
Твой облик пламенный предстал передо мной!

И чтобы не укор прочесть в твоём мне взоре,
А прежний тёплый твой и дружеский привет...
С самой бы смертью я тогда поспорил,
Сказал бы я: где ты — там смерти нет!

Где ты — там сердце мира бьётся,
Там знамя красное победно развернется!

1948

Николай Рыленков

293. БАЛЛАДА О ПОРТРЕТЕ

Не в мастерской художника, где краскам
Дано грустить и радоваться, нет, —
В глухом лесу, в становье партизанском,
Тот необычный создан был портрет.

Когда над лесом проносились грозы
И гром гремел на языке чужом,
Среди поляны на коре березы
Его разведчик вырезал ножом.

И стало вдруг светло под небом хмурым,
И сразу все поверили — он здесь.
Глядит сквозь чашу точный глаз с прищуром,
И мир пред ним — как на ладони весь...

К нему тянулись тропки по оврагу,
Где шепотком деревья говорят,
Ему спешили принести присягу
Все, кто отныне приходил в отряд.

Что были им фашистские угрозы,
Кто мог их след невидимый найти,

Когда в лесу из-под шатра березы
Сам Ленин им указывал пути!

И час расплаты видел мститель грозный,
Одним его присутствием согрет. . .
Не зря теперь меж мрамором и бронзой
Поставили в музее тот портрет.

1948

Айбек

(Перевод с узбекского)

294. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Не иссякнет ключ тот вдохновенный,
В нем истоки жизнь сама берет.
Наше солнце — дух его нетленный, —
Движет он историю вперед.

И хотя глаза его сомкнуты,
Мысль его у нас в сердцах горит.
Он провидит вечность до минуты
И с грядущим смело говорит.

На груди навеки недвижимы
Руки, сбросившие гнет веков. . .
Торжество мечты непобедимой
Сделал явью вождь большевиков.

В Мавзолее мраморные своды.
Он лежит в объятьях тишины,
Вождь всего советского народа,
В самом сердце у своей страны.

Кто его опишет нам, живого,
Образ, что не меркнет до сих пор?
Где найти для описанья слово,
Как измерить дум его простор?

Жизни все мудрейшие законы
Были ясны для него всегда.
Молот наш, серпом пересеченный,
Дал он нам эмблемою труда.

Он пришел, как первый гром весенний, —
Молодела старая земля.
В каждый дом вошел великий Ленин
Через дверь московского Кремля.

Пламя боя — первый рокот бури
Прокатился по Неве-реке.
Встали волны на седом Амуре,
Повинуясь поднятой руке.

Заглянул он под чадру Востока
И сорвал ненужное тряпье.
Так весна живительным потоком
Зимнее тревожит забытьё.

Злые боги нищей доли нашей
Перед ним рассеялись в пыли.
Торопясь припали люди к чаше,
Полной свежей мудростью земли.

Он пришел, и с этого момента
Пробудились в хижинах рабы —
На просторах разных континентов
Укреплялись силы для борьбы.

Захлебнувшись рабочей кровью
Имя *Ленин* страшно, как чума.
Мастерам обмана и злословья
Имя *Ленин* — это смерть сама.

Ленин жив. Его душа открыта
Для грядущей жизни всех веков.
Нам он — мира новая орбита,
Гениальный вождь большевиков.

Светлый разум партия впитала,
Стал ее он разумом живым,
Имя *Ленин* знаменем нам стало,
Знаменем высоким, боевым.

1948

Анатоль Имерманис

(Перевод с латышского)

295. ЛЕНИН В РИГЕ

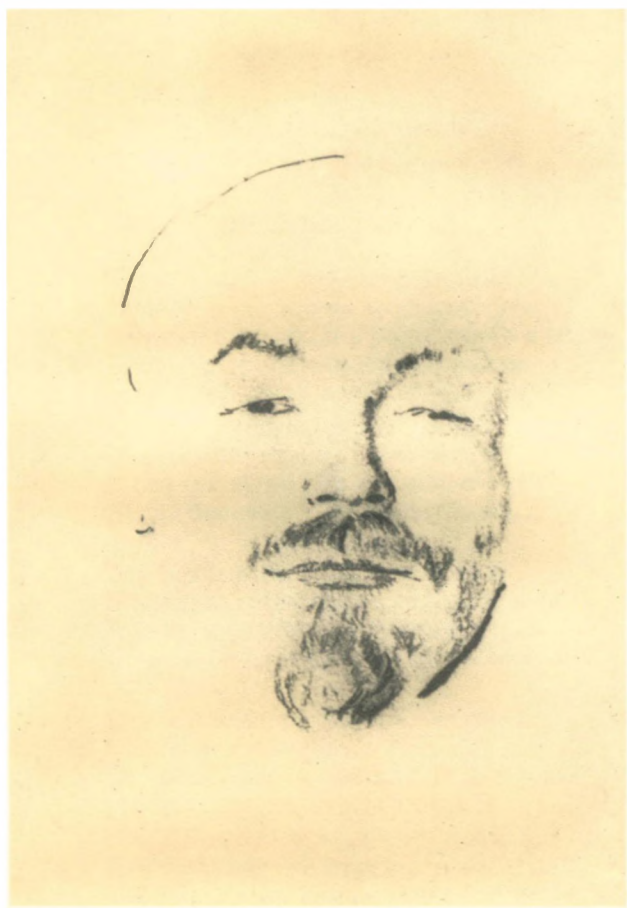
По улицам, где каждая квартира
Косилась окнами нужды и горя,
Он быстро шел, и будущее мира
С ним рядом шло, его походке вторя.

Был мир еще, казалось, неизменен,
И люди о свободе лишь мечтали,
Но, проходя весенней Ригой, Ленин
Уже глядел в сияющие дали.

Навстречу шли по хмурой Цесу-йела
Рабочие, согнув устало плечи,
Формовок пыль в морщинах бронзовела,
И слышались слова латышской речи.

И Ленин всматривался теплым взором
В худые и обветренные лица,
Он видел близящийся бой, в котором
Латыш и русский будут рядом биться.

Снег таял. Мчались ручейки вдоль зданий,
Звенящими капелями облитых.
И думал он о будущем восстанье,
Что загрохочет и на этих плитах!

Он прозревал огромные высоты,
Подъем к которым — счастье человека...
Летел над Ригой год девятисотый —
Канун коммунистического века.

1948

Муслим Марат

(Перевод с башкирского)

296. ЗНАМЯ СЕРДЦА

Ленина имя — победное знамя,
Ум наш и сердце на трудном пути.
Ленин и в бедах, и в радостях — с нами,
Лучшего друга — вовек не найти.

И обожженные руки солдата
Держат багровое знамя полка.
В битвах не раз он хранил его свято,
Будет беречь его — дышит пока...

Так вот и мы пронесли это имя,
В красном углу своих душ сберегли...
В небе веков над путями земными
Ярче, правдивей — звезды не нашли!

Пел я о нем под пургой ледяною,
Песня меня сберегла от тоски.
Грозные смерчи прошли надо мною —
Но не осели на чувства пески!

Как ледокол, не страшась непогоды,
Айсберги горя крошил он во мгле...
Знамя его и в грядущие годы
Будет превыше всего на земле.

1948

Якутия

Перец Маркиш

(Перевод с еврейского)

297. БАРЕЛЬЕФ ЛЕНИНА

Нужны большие ветви эти
Зеленой ели, чтоб могла
Над барельефом простереть их
Крылами вольного орла.

Вся прочность горного гранита
Нужна граниту, чтоб века
Хранил, как до сих пор хранит он,
Труды резца и молотка.

И даль со снежными горами,
И роща над речной дугой
Нужны, чтобы в чудесной раме
Нам видеть образ дорогой.

1948

Эдуардас Межелайтис

298. ОГОНЕК

(Перевод с литовского)

От неправды мир задохся.
Но среди горя и тревог
В сердце Ленина зажегся
Жаркой правды огонек.
Вот лесами и полями
Искры ветром понесло,
Охватило мигом пламя
И столицу и село,
По казармам покатилося,
Появилось в шалаше,

Петушками задымилось
В каждой пламенной душе, —
Так сияет над вселенной,
Сердцем ленинским высок,
Негасимый и нетленный
Жаркой правды уголек.

1947—1949

Александр Твардовский

290. ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слышали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному, —
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном доме.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охажками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,

Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч:
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живею.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с боя берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

2

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища. — Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

А может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Уже пол-Европы идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть всё это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

8

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы.

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожика
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была,

Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес. . .

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.

И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такую заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.

И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

Абдул-Вагаб Сулейманов

(Перевод с нумынского)

800. В МАВЗОЛЕЕ

Мавзолея строгие ступени.
Чувств моих не выразить словам:
Я вошел
 и, преклонив колени,
Как живому, прошептал:
 «Салам».
Здесь, с бойцами рядом, в карауле,
Тихо вечность замерла сама.
А в моем надоблачном ауле
Раскрывают Ленина тома.
Что аул!
 Сегодня вся планета
Чувствует присутствие его.
Ленин жив!
 Мы утверждаем это
Жизнью государства своего.
Ленин с нами!
 И пути вернее
Ленинского нету для борцов.
И к нему под своды Мавзолея
Все народы шлют своих гонцов,
Чтоб поведать с ясными глазами,
Преклонив колени, как всегда,
Что ведет нас ленинское знамя
В коммунизма близкие года.

(1949)

Игнатий Рождественский

301. ШУШЕНСКОЕ

Шушенское. Зимние рассветы.
Енисей. Саянские хребты.
Здесь во всем отыскиваешь ты
Ильича знакомые приметы,
Октября бессмертные черты.

Ты его встречаешь в каждом доме...
Вот, лучами лампы осяян,
С нами обсуждает он в райкоме
Будущего Шушенского план.

Он в саду и в тракторном отряде,
На леса он всходит — погляди.
Ленин — у отличника в тетради,
Ленин — у героя на груди.

Мысль его несет библиотека
До сердец, где вечно он храним,
Без него живем мы четверть века,
Ни на миг не расставаясь с ним.

Пролетают снежные бураны,
Пьедестал запорошив слегка.
Ленин смотрит — нет, не на Саяны —
В коммунизм, в грядущие века.

Шушенское. Зимние рассветы.
Енисей. Саянские хребты.
Здесь во всем отыскиваешь ты
Ильича знакомые приметы,
Октября бессмертные черты.

(1949)

Фридон Халваши

(Перевод с грузинского)

302. ШАЛАШ В РАЗЛИВЕ

На землю снег течет неторопливо
Который день, который век подряд.
Шалаш и Ленин около Разлива,
Шалаш и вечность рядышком стоят.

Из темного гранита лоб горячий.
Зажат в гранитных пальцах карандаш.
Пусть снег идет — он никогда не спрячет
Его следы, ведущие в шалаш.

Сосна тихонько ветками качает.
Как будто бы касается плеча,
И вспоминает зимними ночами
Горячие ладони Ильича.

Снежинки голубыми светляками
Над шалашом кружатся в январе.
Отсюда Ленин мудрыми руками
Планету нашу повернул к заре.

1949

Карло Каладзе

(Перевод с грузинского)

808. ПО МИРНЫМ ДОРОГАМ ГРУЗИИ

Тот, кто горные любит высоты,
Кто влюблен в небосвод голубой,
Кто, встречая ручьи, без заботы
Раскрывает объятия весной;

У кого под ногами, с отрога
Поднимаясь, клубится туман
И сквозь горные цепи дорога
Переброшена, точно аркан, —

Тот под песню мою зашагает,
Не боясь неприступных вершин.
Песня людям сердца окрыляет,
Вдохновляя на подвиг грузин.

Всё равно, голубые ли горы,
Изумруды ли вешних полей, —
Лишь бы только сияли просторы
Вечно юной Отчизны моей.

Ты на каждом холме в восхищенье
Остановишь внимательный взгляд:
Весь народ там в труде и движении,
Только древние крепости спят.

Утомясь от полдневного солнца,
Любишь ты наклоняться к ручью,
Чтоб ладошкою с самого донца
Зачерпнуть ледяную струю.

Погоня гнедую лошадку
Иль в машине своей за рулем,
Все названия сёл по порядку
Вспоминаешь ты ночью и днем.

Ты несешься дорогой крутою,
Выше, выше! И вдруг, как живой,
Мудрый Ленин с простиертой рукою:
На вершине встает пред тобой.

Впереди в созидательном шуме
Блещут села, бегут огоньки,
И, крутясь под напевы хоруми,
Мчатся волны грузинской реки.

И на мост с высоты пьедестала
Вождь глядит, как внимательный друг.
И напеву речного хорала
Внемлют горы, вставая вокруг.

Как мечта, воплощенная нами,
Этот мост всенародной весны
Здесь повис меж прошедшими днями
И великим грядущим страны.

Льется свет из лазоревой выси,
И сады шелестят без конца,
И ликует село Варджаниси,
И ликуют людские сердца.

Мчишься ты по высоким подъемам,
Устремленный к труду и борьбе.

Ленин издали жестом знакомым
Открывает дорогу тебе.

И летишь ты с веселою песней, —
Ты ведь знаешь, что наша весна
Этой мудрой рукою чудесной
Для Отчизны твоей создана.

1949

Педер Хузангай

(Перевод с чувашского)

804. У МАВЗОЛЕЯ

В сердцах навеки сохранятся
В простой и строгой красоте
У всех людей, народов, наций
Пять букв на траурной плите.

И как призыв и вдохновенье
Для всех пяти частей Земли
Пять букв слились в слово ЛЕНИН,
С которым в завтра мы вошли.

Оно дало бойцам бесстрашие,
Вело под красною звездой,
С ним побеждала правда наша,
Наш мир рождался молодой.

И неся громкий клич свободы
От башен древнего Кремля:
«Вставайте на борьбу, народы!
Вставай на подвиги, Земля!»

... Знакомое, родное имя
Ты издали еще прочел
И молча, следом за другими,
В раздумье в Мавзолей вошел.

И кажется тебе, как будто,
Великий не закончив путь,
Не навсегда, а на минуту
Пришел Учитель отдохнуть.

1949

Аркадий Кулешов

(Перевод с белорусского)

805. ЖИВОЙ ЛЕНИН

Когда прощальный марш звучал в Колонном зале
И по Москве костры горели в зимней мгле,
Над Ильичем, скорбя, знамена мы склоняли,
Но не желали мы отдать его земле.

Не веря в смерть его, сошлись мы в час суровый,
Посланцы городов, станиц, аулов, сел.
Над ним, как над живым, звучало наше слово:
«Спи, дорогой Ильич, спи, горный наш орел!»

Мы не позволили безжалостной могиле
Забрать его во тьму, туда, где солнца нет.
И мы гранитный дом в Москве ему сложили,
Бесстрашному орлу, на сотни долгих лет.

Любил он высоту — с вершины цель виднее, —
Стоит гранитный дом у вечных стен Кремля,
На Красной площади, храним страну всюю, —
Отсюда, как с горы, вся на виду земля.

Любил он моря шум, любил он на просторе
В бушующую даль заглядывать вперед.
На площади он спит, которая, как море,
Волнуется, шумит в дни празднеств каждый год.

И, в дом к нему идя бескрайней чередою,
Обвили мы его не траурной каймой, —
Мы опоясали его живой рекою,
Навек ему сплели живой венок людской.

Нет! Понапрасну, смерть, зловеще, дни и ночи,
Стояла ты над ним, больного стергла.
Ты в тот январский день ему закрыла очи,
Но ты засыпать их землю не смогла.

Ты не властна над ним, как не властна над теми,
Кого он посылал на грозные фронты!
Смеялись над тобой бойцы, идя сквозь темень,
Хоть их у Сиваша свинцом косила ты.

Ты не имеешь прав на них, как не имела, —
Имеет только жизнь — одна — права на них.
А что сказать о нем, чье праведное дело
Мильоны за собой ведет солдат таких!

Спокойно Ленин спит. На страже — часовые.
Течет из года в год к нему поток людской...
И счет годам ведут куранты вековые,
Которые завел он собственной рукой.

Земля не давит грудь, свет негасимо льется.
Он не в глуши лежит, ветвями осенен,
Он на вершине спит, что площадью зовется,
Он в центре мира спит среди родных знамен.

...Всё ярче, что ни год, огни ракет взметенных,
Всё громче, что ни год, над ним гремит салют.
Всё чаще воины к ногам его кладут
Капитализма
 черные
 знамена.

1949

Георгий Леонидзе

(Перевод с грузинского)

806. ЛЕНИН В ГРУЗИИ

Это — сельский учитель, юноша,
И в глазах у него вдохновение.
Книжный шкаф он открывает вечером,
Погружается в размышления.

Книгу Ленина он перелистывает,
Словно с садом цветущим беседея.
— Вот он — судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

Сердце отдал он миллионам сердец.
Наш он! Ближе он всякого близкого,
Но обидно мне: не бывал Ильич
Здесь, в гостях у народа грузинского!

Очень грустно, что Ленин не был здесь.
Здесь он, в Грузии, не был ни разу ведь!
Жаль, что в нашем селе очевидца нет,
Чтоб о Ленине мог нам рассказывать!

.

Жаль! Не пробовал он хлеба нашего,
Не был встречен он песнями нашими,
И его за столами нашими
Не встречали заздравными чашами.

Сторож Каха учителя слушает.
— Что такое? Не видели Ленина?
Кто ж поверит в нашем селении,
Что не видела Грузия Ленина?

Я-то видел его! Очевидец я!
Здесь мы голос ленинский слушали!
Разве не был он в каждой хижине
В дни, когда мы бывшее рушили?

Знал меня он! Клянусь я Лениным,
Наизусть он знал жизнь батрацкую.
Протянул он мне с алого знамени
Руку друга с улыбкою братскою!

Улыбнулся учитель-юноша.
— Это верные рассуждения!
Каха, Каха! Сказал ты правильно! —
И читает он книгу Ленина.

Он читает, как будто не с буквами,
А с цветущим садом беседуя.
— Вот он — с судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

1949

Гамзат Цадаса

(Перевод с аварского)

807. ЛЕНИН

Кто сказал, что Ленина нет?
Слуху ложному вопреки,
Всюду — ленинской мысли свет,
След рабочей его кирки.

Ленин жив, никуда не ушел,
Он — в размахе больших работ.
Как стремящийся ввысь орел,
Он в дерзаньях наших живет.

Большелобая голова
И прищуренный зоркий взгляд.
Огневые его слова
Беспощадно врагов разят.

Весь он — словно в горах река,
Весь — кипение, весь — полет.
Вдаль протянутая рука
Путь указывает, зовет.

Славят Ленина все уста
На наречиях всех широт.
А святая его правота
В миллионах сердец живет.

1949

Константин Симонов

808. НОЧЬ ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ

Умер парень где-то
на земле яванской
В душный и дождливый
зимний день январский.
Умер, не покайсявшись,
не сказав ни звука,
У стены тюремной
из старого бамбука.
Умер с ясным взглядом,
умер с сердцем чистым,
Умер, как положено
это коммунистам.
А в тюремной камере
в ночь перед расстрелом
Он увидел землю
в оперенье белом;
Белые, как хлопок,
елей вереницы;
Серые, как порох,
от страданья лица.
Он увидел Горки —
русское селенье,
Где в январский снежный
день скончался Ленин.
Парень видел это
сердцем, а не глазом,
Потому что снега
не встречал ни разу,
Никогда не видел,
как качались ели,
Но он знал, что люди
там над гробом пели.
Он не знал по-русски,
по-явански знал он:
Род людской воспрянет
с Интернационалом.
Ленин был всю ночь с ним;
он не знал по-нашему,

По-явански Ленина
он всю ночь расспрашивал.
И когда товарищ
Ленин, всё ответив,
Из тюремной камеры
вышел на рассвете,
В кандалах поднявшись
с пола на колени,
На стене он кровью
нацарапал: «Ленин».
Это было зимним
утром, на рассвете,
В камере на Яве,
в ночь перед бессмертьем.
Потому бессмертьем,
что бессмертье это
Есть не только в буквах,
видных всему свету,
У стены кремлевской
перед нами прямо
Врезанных навеки
там в гранит и мрамор,
Но и в этих буквах,
после утра пыток,
На стене бамбуковой,
завтра же замытых.

1949

Ярослав Смеляков

309. ЛЕНИН

Мне кажется, что я не в зале,
а, годы и стены пройдя,
стою на Финляндском вокзале
и слушаю голос вождя.

Пространство и время нарушив,
мне голос тот в сердце проник,
и прямо на площадь, как в душу,
железный идет броневик.

Отважный, худой, бородатый —
гроза петербургских господ, —
я вместе с окопным солдатом
на Зимний тащу пулемет.

Земля, как осина, дрожала,
когда наш отряд штурмовал.
Нам совесть идти приказала,
нас Ленин на это послал.

Знамена великих сражений,
пожары гражданской войны. . .
Как смысл человечества, Ленин
стоит на трибуне страны.

Я в грозных рядах растворяюсь,
я ветром победы дышу
и, с митинга в бой отправляясь,
восторженно шапкой машу.

Не в траурном зале музея —
меж тихих московских домов
я руки озябшие грею
у красных январских костров.

Ослепли глаза от мороза,
ослабли от туч снеговых,
и ваши, товарищи, слезы
в глазах застывают моих. . .

1949

Сергей Городецкий

310. НАШ ИЛЬИЧ

Какие сплотились в нем светлые силы,
Что, смерти не зная, средь нас он живет?
За что все народы его полюбили,
За что им гордится советский народ?

За то, что он мыслью своей прозорливой
В сердцах прочитал у рабочих людей
Тоску молодую о жизни счастливой
И пламя зажег в них от искры идей.

Раздвинув границы всемирной науки,
Народам он дал путеводную нить
И гневною силой рабочие руки
Наполнил, чтоб рабские цепи разбить.

Средь вихрей враждебных над бездной кровавой
Он поднял незыблемый стяг Октября
И вывел отчизну на путь величавый,
Где мира и славы восходит заря.

И нет на земле высоты или дали,
И в счастье грядущем не будет луча,
Где б солнцем великих побед не сверкали
Бессмертные искры идей Ильича.

1949

Самед Вургун

(Перевод с азербайджанского)

311. ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Поэма

1

Немало разных книг на белом свете:
Есть клеветницы и уродцы есть,
Язвят и жалят, расставляют сети,
Поют отравой, если их прочесть.

Немало книг, вопящих, как кликуши,
Слепящих взор и сеющих раздор.
Так Ницше отравлял живые души,
Так Гитлер бормотал зловещий вздор.

Иная книга благо возвещает,
Иная проповедует добро,

И кажется, весь мир она вмещает, —
Но всё в ней, кроме автора, старо.

Иная в нашу память, словно гвозди,
Вколачивает тщетные слова.
Но не читайте этой книги, бросьте!
Она — как лед, она мертвым-мертва.

Но есть на свете книга, от которой
Всё мирозданье звездами горит.
Она полна весеннего простора.
Она о счастье людям говорит.

2

И эта книга, лучшая на свете,
Здесь предо мной раскрыта на столе.
Она не сказка, чтоб читали дети.
Она прошла в знаменах по земле.

Она тонка, но праведный удар свой
Обрушила на грузные тома.
Читай на переплете: «Государство
И Революция». Она сама!

Попробуй, не переводя дыханья,
Прочешь ее. Нельзя. Остановись!
Тут ленинского гения сверканье,
Тут откровенья ленинского высь.

Рожденный революцией, он снова
Ее рождает в грозной книге той.
Нет отступленья. Нет пути иного.
Расчет проверен в каждой запятой.

Летят слова, нацеленные метко.
Их звездная дорога далека.
Такие книги создаются редко.
И жить им не мгновенье, а века.

Любая скобка в тексте — как блокада.
Любая точка — пуля по врагу.
Так нарастает в книге напряженье...
И я налюбоваться не могу

Вот этой книгой, лучшею на свете,
Здесь, на столе, раскрытой предо мной.
Она не сказка, чтоб читали дети.
Она — итог всей мудрости земной.

И прошлых лет возникла непогода.
Без прошлого — и будущего нет.
Встает сентябрь семнадцатого года,
Начало всех событий и побед.

8

Нелегкий час! Десятки лжеученых
Клевещут, лгут, грозят исподтишка.
Их слишком много, в званья облеченных.
Работа их уныла и тяжка.

Вожди, вчера кричавшие о мести,
Боятся света, избегают битв.
Меж тем с фронтов идут дурные вести,
Россия голодает и скорбит.

И в той ночи, промозглой, неприглядной,
Лежит земля в крови, в огне, в дыму.
И хищничает банда беспощадно
В наследье Маркса, как в своем дому.

Вот Каутский, истолкователь хилый,
Вот Шейдеман, еще какой-то «ман»...
Что ж! Великан не встанет из могилы,
Не привлечет к ответу за обман.

И что ни шаг — измена зреет снова.
И стены лжи всё выше и мертвей.
В ходу не смысл, не истина, а слово
У этих буквоедов и червей.

Нет, господа! Маркс не бездетен. Голос
Грядущего не будет заглушен.
Недаром человечество боролось!
Спор о грядущем — Лениным решен.

4

Всё чаще толки, всё упорней,
Что болен старый грешный мир,
Что червь незримый точит корни
Его чертогов и квартир.

Обрюзгший и обросший жиром,
Давно не дерзок и не бодр,
Хоть и наскучив грешным миром,
Не хочет лечь на смертный одр.

Он ждет кончины, еле дышит,
Но тускло теплится тоска,
Но волчья пасть отравой пышет,
Сверкают лютых два клыка.

Уже крыло над ним простерла
Смерть, и поют «за упокой», —
А он готов схватить за горло
Костлявой, дряблою рукой.

А он, подобно старой шлюхе,
Еще румянится слегка,
Пускает всяческие слухи
И подкупает простака.

Иль назовется братом честным,
Доверчивостью поразит,
И где-то в закоулке тесном
Нам в спину острый нож вонзит.

Набиты тюрьмы до отказа.
Звенят в Сибири кандалы.
И от Камчатки до Кавказа
Законы беспощадно злы.

Законы злы. Сердца — как камень.
Казенных деспотов не счесть.
Во мглу, в зловонье черных ямин
Забиты разум, совесть, честь.

Но революция не шутит.
Ее работа нелегка.
Она без промедленья судит,
И каждый час ее — века!

5

Проснулся пролетариат
Среди громов и молний.
Знамена красные горят,
Все площади наполнив.

Здесь воля каждого борца
Способна сдвинуть горы,
Пусть в окна Зимнего дворца
Ударит залп «Авроры»!

Но Ленин сквозь огонь и дым
Зовет борцов свободы.
Дыханьем жарким, молодым
Разбужены заводы.

Он говорит: «Борьба тяжка.
К оружию, к наступленью!
Сегодня каждый час — века!» —
Так призывает Ленин,

6

Так на глазах менялась карта мира.
Так правый гнев трубил во все рога.
Так сила жизни насмерть разгромила,
Загнала насмерть лютого врага.

А в книге не дописана страница,
Не довершен могучий взлет ума.
Так рукопись для нас и сохранится, —
Допишет революция сама!

Так Ленин подводил итог. Такая
Уверенность наполнила его.
Так встал он, глаз горящих не смыкая,
Над колыбелью дела своего.

7

Огромный мир открылся предо мною.
Здесь правда торжествует и царит.
Здесь творчество реальное, земное
Меня восторгом каждый день дарит.

Здесь каждая минута стóит вéка.
Мой первенец, любимый мой сынок,
Здесь вырастет в борца и человека,
Который на земле не одинок.

На всей земле, как под отцовским кровом,
Он вольно и счастливо проживет.
Приветом дружелюбным, добрым словом
Его борец за правду призовет.

Один закон здесь царствует великий:
Честь человеку, честь его делам!
А старые законы, как мотыги,
Отправлены в музейный пыльный хлам.

Не будет завтра крепостей и тюрем.
Свободный, сильный, зоркий человек
Диктует волю молниям и бурям,
Меняет мир, ломает русла рек.

И в час зари, и ночью многозвездной
На страже правды бьются все сердца.
И с дисциплиной, точной и железной,
Слилась отвага каждого борца.

И в первых главах этого рассказа,
Друзья, прочтем мы наши имена!
Сбирает чай иль хлопок дочь Кавказа —
Но борется за коммунизм она.

Нефтяник из Баку, шахтер Донбасса,
Ведя работу славную свою,
Стоят на вахте завтрашнего часа —
Как коммунисты, как бойцы в строю.

Не из каких-то выдумок чудесных, —
Из кирпичей, из струганых досок
Миллионы рук, мозолистых и честных,
Построят дом, и будет он высок.

8

Всё ближе Коммунизм! Он перед нами.
Не за горами где-то вдалеке. . .
Идет борьба за правду во Вьетнаме,
На азиатском всем материке!

На улицах Парижа иль Каира
Его дыханьем демонстрант согрет.
Дочь Индии, прядильщица Кашмира,
Хранит в лачуге ленинский портрет.

Всё ближе Коммунизм! Подходят сроки.
Что Ленин нам предсказывал — сбылось!
Зачем, зачем пишу я эти строки!
Зачем мне быть бойцом не довелось!

Нет! Неуместно это сожаленье!
Разит, как пуля, быстрая строка.
Нет для нее границ, нет отдаленья.
Она находит цель издалека.

Мой брат Амаду, бразильянец смелый!
Чрез океан мне руку протяни,
Чтоб наша песня общая гремела
В торжественные, боевые дни!

Пусть, над стеной тюремной вырастая,
Назым Хикмет возвысит голос свой!
Пусть Эми Сяо, брат мой из Китая,
Сражается в бригаде боевой!

Пусть римский друг, и пражский,
и московский —
Поэты мира — строятся в ряды!
Наш командарм — Владимир Маяковский.
Так будем же отважны и тверды!

Вперед, друзья, сложить нам песню надо,
Чтоб тяжелее многих тысяч тонн
По всей земле гремела канонадой, —
Пускай ее услышит Вашингтон!

Чтобы звучала приговором смертным
Для черных поджигателей войны!
Чтоб ритмом вдохновенным и безмерным
Мы были дальним правукам слышны!

Вперед, поэты! Сильными руками
Раздвинем шире занавес времен!
В грядущее войдем большевиками
Под славной сенью ленинских знамен!

Март 1950

Расул Рза

(Перевод с азербайджанского)

312. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕНИН».

Где Ленин?
В Смольном.
Петроград
не спит.
На улицах горят
костры
во тьме глубокой ночи,

и загораются в ночи
надеждой блестящие очи.
Над городом,
по низким тучам,
бегут прожектора лучи,
предгрозовая ночь простерла
свои огромные крыла.
«Аврора» медленно вошла
в Неву.
Вошла —
и пушек жерла
в упор
на Зимний навела.
Где Ленин?
В Смольном,
среди своих
друзей,
испытанных в былых
неравных битвах за свободу,
среди соратников стальных,
поклявшихся служить народу.

Проходит ночь,
проходит день,
над городом огромным снова
сгущается ночная тень,
но ширится огонь багровый
уже зажженного костра.
Народный вождь
не спал вчера
и в эту ночь не спит.
Сурово
его лицо.
В глазах горит
уверенность.
И вдруг улыбка
в них заискрится ярче звезд. . .
Он донесения читает,
путиловца он принимает
и поручает важный пост;
друзей выслушивает мненья,

распоряжения дает,
в неслыханное наступленье
на крепости врага ведет
восставший трудовой народ.

.

1950

Григол Абашидзе

(Перевод с грузинского)

313. ЛЕНИН В САМГОРИ

Светится в памяти первая встреча
На побережье далекой поры.
Я увидел из долины двуречья —
Ленин стоит над плотиной Куры.

Жизненным светом наполнен до края,
На пьедестале, на свежем ветру,
Сильную руку к реке простирая,
Ленин великий глядит на Куру.

И от Загэса над Грузией круто
Свет заревой поднимается ввысь.
В сердце моем навсегда в ту минуту
Ленин и свет воедино слились.

Светится встреча далекая эта,
Память о ней до сих пор горяча, —
Стал для меня воплощением света
Облик любимого мной Ильича.

Я проходил над бурливым Рионом
И на Храмгэсе боролся с волной, —
Ленин повсюду в краю озаренном
В образе света вставал предо мной.

И на Самгорской изрытой равнине,
Там, где слагаю я песню свою,
Ленин великий мне видится ныне,
Облик немеркнувший вновь узнаю.

Снова Ильич заревыми лучами
Нас озаряет в родной стороне,
Крылья растут у меня за плечами,
Дальняя даль открывается мне.

Слышу листву на Самгорском просторе,
Вижу мечтой, как у самой волны
Ленин великий стоит над Иори,
Волны Иори покорства полны.

Чудится мне, что Ильич с пьедестала
Светлой Иори приказ отдает,
Чтобы она по степи разметала
Сонмы лучей, устремленных в полет.

Скоро прольется в безбрежье степное
Этот лучистый поток проливной.
Ленин родной над иорской волною
В образе света встает предо мной.

1950

Мирсаид Миршакар

(Перевод с таджикского)

314. ТЫ ЖИВЕШЬ

Я оттуда, где на крыше мира
Знамя Ильича водружено.
Каждое селение Памира
Лампой Ильича озарено.

Посмотри: к тебе стремится, Ленин,
Радости народной океан.
Ты живешь — поэтому нетленен
Мой цветущий край Таджикистан.

Ты живешь, — поэтому таджики
Видят счастья своего расцвет.
Ты живешь — поэтому великий
Нам сияет коммунизма свет.

1950

Владимир Солоухин

315. ЭТО БЫЛО В ДВАДЦАТОМ

Это было в двадцатом суровом году.
Были вьюги в российской советской столице.
Раскалялись морозы, от них на лету
Задыхались и мертвыми падали птицы.
Были выбиты стекла в цехах заводских,
Индевели станки, и молчали моторы.
Трудно с хлебом — и резали фунт на двоих,
Трудно с топливом — шли на растопку заборы.
С перебоем в дома приходила вода,
Неожиданно свет угасал на неделю.
Но ведь это в столице, а что же тогда
От Москвы вдалеке, за декабрьской метелью!
Так он думал, из дальней страны человек,
Этот город суровый увидев воочью.
Перед фарами пылью крутящийся снег,
Переулки, афиш шелестящие клочья
Да никчемность трамвайных завьюженных рельс,
И над всем вековые кремлевские башни.
Был великим фантастом британец Уэллс,
Стало страшно Уэллсу от были тогдашней.
Всё он понял еще до кремлевских ворот.
Предстоящая встреча добавит немного:
Вся Россия во мгле, полудикий народ,
К омертвению и тлену прямая дорога.
Эта схватка миров не похожа на ту,
Что ему представлялась в часы вдохновений.
Не к вождю марсиан в темноту, в пустоту
Шаг за шагом его поднимали ступени, —
Двое рослых, в военной одежде, людей
От парадных дверей до приемного зала
Проводили его коридорами, где
Под глубокими сводами свет вполнакала.
Под ногами паркет, позабывший про воск.
Распахнулась тяжелая дверь кабинета...
Что там думает этот загадочный мозг
Истощенной России, державы Советов?

У вождя кабинет протопили вчера,
Но сегодня прохладно в его кабинете.
И внакидку пальто, и сидеть до утра,
И работать с мечтой о свободной планете.
Вот британскому гостю движеньем простым
Предлагает он кресло, обитое кожей.
«Не угодно ли чаю, пока не остыл,
Удивительный чай, без варенья, но всё же...»
А по окнам струя снеговая, как бич.
Без конца и без края страна за стеною...
«Ну, а всё-таки, что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страной?..»
Натянулась беседы суровая нить.
Гость открыто сочувствует, смотрит жалея.
«Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы стало и жить и работать светлее».
И по карте — от Пинских болот до Кремля,
От Кремля над тайгой — и руки не хватило.
Разве может погибнуть такая земля,
Разве можно такой напорочить могилу?
От движенья пальто соскочило с плеча,
По просторам страны заскользила указка,
И поплыли тогда в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка.
Будто дикие реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши,
И струится высокая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен.
Будто вся до конца задымилась тайга,
Засветилась она заводскими огнями,
Будто реки бросают свои берега
И уходят дорогой, указанной нами.
Будто мертвую степь заливают вода
И лимонные рощи в степи вырастают,
А на месте пустынь — города, города,
И над ними — машин светлокрылые стаи!

Гость ушел раздраженным, он в Лондоне даст
Интервью о поездке своей за границу
И о том, что сидит утопист и фантаст
За кремлевской стеной в азиатской столице.
Нам не спорить о том, к нам стучится весна,

Нам мечтать вдохновенно и радостно строить,
Но душа торжеством до избытка полна,
И поэтому хочется крикнуть порою:
— Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым и ржавым, —
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!
Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая просторы Австралий и Азий.
А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам — и это не область фантазий!

1950

Кара Сейтмиев

(Перевод с туркменского)

316. БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

Дома лежали в щебне и в пыли —
Шестое октября. Землетрясенье.
Ударила гроза из-под земли,
И город стал руинами в мгновенье.
Природы разрушительный порыв
Тот не забудет, кто остался жив.

Увидел я людей богатырями:
Пустить грозу такую в океан —
Зальет волнами он десятки стран,
Но всё ж она не совладала с нами.
Коль в небосклон ударила б гроза,
Упали бы на землю небеса...
Увидел я людей богатырями!

Стоят передо мной картины эти:
И тишина внезапных пустырей,
И пыль столбом, и плачущие дети,
И слезы безутешных матерей,
И воздух, сдавливающий дыханье,
И стройные еще недавно зданья,

Лежащие без жизни, без огней
Дымящимися грудами камней.

В минуты горя дружбу проверяешь.
Среди обломков и разбитых стен
Не позабыл товарища товарищ:
Туркмена — русский, русского — туркмен.
Не растерялись мы перед грозой,
Глядели, не боясь, в лицо грозе.
Курбан из-под развалин вынес Зою,
Иван из-под обломков спас Гюзель.
Во имя жизни смерть перешагнули,
На выручку друг другу торопясь.
И свет погас, и связь оборвалась.
Не так ли мы когда-то шли под пули,
Во имя жизни смерть перешагнули?

Подкрался незамеченным рассвет,
Но был для нас он, как закат, печален...
Мы увидали: Ашхабада нет!
Чернели очертания развалин.
К земле пригнула улицы беда.
А там, где шелестели листья сада,
Казался Ленин выше, чем всегда,
Над сумрачной равниной Ашхабада.

Земля дрожала. Это видел вождь.
Он видел всё: детей осиротевших,
Дымок кирпичный, пыльных листьев дрожь,
Как будто траур в этот час надевших,
Над грохотом и тишью городской.
Как командир, заботливо и строго
Он каждому простертою рукой
Уверенно указывал дорогу.
С погасшей бронзы сыпалась пыльца.
Стоял Ильич, и жались на рассвете
К нему, ища защиты у отца,
Отцов своих лишившиеся дети.
По улицам клубились тучи пыли.
Любой карниз и камень нес беду...

Но те, что возле памятника были,
Остались живы в Ленинском саду.

Отсюда шли и возвращались снова.
Сюда любой с надеждой приходил.
И сквер напоминал в тот час суровый
Штаб боевой, где Ленин — командир.
Он направлял и подвиг и работу
Среди слепой разверзшейся земли.
Отсюда разносили хлеб и воду,
Сюда, к подножью, раненых несли.

Когда везде еще кирпич дымился,
Когда из всех подъездов и ворот
Еще несли носилки, — появился
Над Ашхабадом первый самолет.
Потом из тучи вынырнул неожиданно
Второй и третий — в море синевы.
Продукты привезли из Казахстана,
И прибыли лекарства из Москвы,
И докторов прислал Таджикистан,
И мастеров прислал Узбекистан,
Приехали Киргизии посланцы,
Грузины, москвичи, азербайджанцы,
Небесный бороздя простор, сюда,
Где под крылом развалины темнели,
Посланцы всех республик, как всегда,
Своей сестре на помощь подоспели.

Казалось, что собрался весь народ
На горестной земле Туркменистана.
Москвичка приглубила сирот,
Перевязала украинка раны.
А Ленин, простирая руку ввысь,
Всех направлял уверенно и мудро.
У памятника Ленину сошлись
Народы в то нерадостное утро.

Еще тогда, еще в пыли седой,
Что, оседая, сыпалась за ворот.

Он раньше всех увидел молодой,
Несдавшийся, из пепла вставший город.

Прошли недели, месяцы, года.
Поверженная стройкою упорной,
Отпрянула от города беда,
Как будто скрылась за грядюю горной,
И выгорел на солнце траур черный.
Сильнее смерти оказался труд.
Строенья поднимаются над нами.
Вновь улицами улицы зовут,
Становятся опять дома домами.
И снова сад веселым садом стал.
Ильич простор окидывает взором.
Керамикой сверкает пьедестал,
Ковровым опоясанный узором.
И Ленин солнцу руку подает.
На светлой бронзе ни следа печали.
Его лица касается восход,
И кажется: два солнца повстречались.

1952

Симон Чиковани

(Перевод с грузинского)

317. ДОМ ЛЕНИНА В ПОРОНИНО

В пути на Татры, возле поворота,
за перелеском, на исходе дня
окликнул дом бревенчатый меня,
и я вошел в открытые ворота.

Здесь Ленин жил,
и вести из России
под этот кров сквозь тысячи преград
с конспиративной почтой приносили
подпольщики,
и Ленин был им рад.
Он у окна просматривал газеты.
Вершины Татр сияли невдали;

дыханьем революции согреты,
здесь до рассвета совещанья шли.

Здесь на стекле запечатлелись взоры
глядящего в просторы Ильича.
И эхо слов хранят ревниво горы,
и слышен голос горного ключа.

И ленинскими мыслями до края,
как книжный том, наполнен этот дом;
здесь на меня, горя и не сгорая,
зарницы мыслей падают дождем.

Здесь даже дверь — как родины частица,
открыта для грядущего она,
и слышу я, как о порог стучится
истории тяжелая волна.

Когда весной, прохладной и недолгой,
манили Татры Горного Орла,
скалистыми ущельями с двустволкой
его тропа охотничья вела.

Он затевал с крестьянами беседы
и слушал здесь пастушеский рожок.
Он сеял искры. Он зарю победы
под кровлей дома этого зажег.

Густые тучи шли по окоему,
клубилась мгла над соснами внизу,
и Ленин в Татрах радовался грому,
подставив грудь под вешнюю грозу.

Подобен Волге,
гневно и упорно
сражающейся с засухой земли,
здесь Ленин сеял
мудрых мыслей зерна —
и нивы Польши дружно расцвели.
Ее земля просторна и богата,
ее судьба крылата и светла.

И через двор, где Ленин шел когда-то,
теперь дорога мира пролегла.

В дверь домика история стучится,
и домик этот видится тебе,
как в летописи Партии
страница
о ленинской работе и борьбе.

И не однажды я припомню снова
то, что запомнил сердцем и душой:
в пути на Татры домик небольшой —
свободной Польши прочная основа!

1952—1953

Дмитрий Гулиа

(Перевод с абхазского)

318. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Вот он! Черты знакомого лица.
Его я видел много-много раз.
Где? Там, в горах Абхазии, у нас,
На Волге, на Днепре и на Неве,
И в Ленинграде, и в Москве.
Вот человек! Повсюду он со мной,
Душе и сердцу близкий и родной!
И возле гроба Ильича
Я замедляю шаг, шепча:

«Товарищ Ленин! Если б встал ты вдруг
Да посмотрел, какая жизнь вокруг,
Да увидел бы, как Москва растет,
Как вся земля советская цветет!

Товарищ Ленин! Выросла страна,
Теперь неузнаваема она —
Всё стало так, как завещал нам ты,
В явь воплощаются твои мечты!

Придя к тебе как сын высоких гор,
С которых виден вольный наш простор,
Свидетельствую я перед тобой,
Что прежде даже в песне ни одной
Не грезили о жизни мы такой!

Ярчайший свет сияет на горах,
Доступных прежде лишь одним орлам;
Идут машины нынче даже там,
Где лазила лишь горная коза!
Так много школ сегодня даже там,
Где люди книг не видели в глаза!»

Я говорю: «Товарищ Ленин, знай:
Всё стало так, как думал ты, хотел!
Вот вместе с нами нынче и Китай!
О, если бы ты встал и посмотрел!
Полмира с нами! С нами и с тобой,
Товарищ Ленин, близкий и родной!»

И я на Ленина смотрю,
И Ленину я говорю:

«Взгляни на нас! Как путники в горах,
Идем всё выше! Партия ведет,
Находит самый верный путь,
Без устали мы движемся вперед.

Товарищ Ленин! Крепкий мы народ,
Колени не сгибаются у нас.
Мы не устанем! Партия ведет,
И мужеством сердца у нас полны,
И мы друзьям своим всегда верны».

На площадь Красную я выхожу...
Я снова полон силой молодой:
Могуча грудь, как будто выше стал,
И тяжесть лет слетела с плеч долой.
И надо мною — ясный небосвод,
Над головою — вольных птиц полет.
И мне легко, как будто я в горах,
Мне хорошо, как будто я в степях,

В широких плодороднейших степях,
Что новою водой орошены!
Мне хорошо в горах и на полях
Советской мощной, радостной страны!

Январь 1953

Иосиф Гришашвили

(Перевод с грузинского)

319. ЛЕНИН

Он вечно жив. Лучистым, теплым взглядом
Следит за нами, мудрый и родной.
Он на трибунах съезда с нами рядом,
Он и в труде, и в песне огневой.

Он — в Грузии, на Волге, в Каракумах,
На мирных стройках, на полях страны.
Хранимы Партией его большие думы,
Его мечты в дела воплощены.

1953

Чимит Намжилов

(Перевод с бурятского)

320. К ЛЕНИНУ

Над дорогой пыль
встала облаком белым,
обгоняя облако,
всадник промчался.
Что-то гортанное,
смелое пел он,
солнцу весеннему улыбался.
Мне припомнилась
солнечная Монголия,
встреча такая ж
припомнилась снова.
Это было,
когда начиналась история,

начиналась монгольская
история новая. . .
Конь под всадником был
гнедой, запыленный,
видно, всадник скакал
издалека;
был он солнцем
и ветром степным обожженный,
с кнутовищем сандаловым
в крепких руках.
Сухэ-Батор!
В его кнутовище лежало
письмо народа
в Россию, к Ленину.
В нем не было
старых привычных жалоб —
была надежда
на освобождение.
На дружбу и помощь
была надежда,
чтоб Ленин-багша
указал им путь —
как старой жизни
изношенную одежду
с плеч монголов
скорей стряхнуть.
Земля
из-под конских копыт убегала,
а сердце Сухэ
коня обгоняло,
а сердце
коня вперед торопило,
то замирало, то трепетало.
Словно ветры,
годы промчались с тех пор,
степь по-иному цветет,
степь стала свободной,
счастьем народа
украшен ее голубой простор. . .
Сухэ-Батор
исполнил наказ народный.

1953

Маргарита Алигер

321. ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В южном городе был день морозный.
Море поседело в этот день.
Нам прочла учительница грозный,
краткий бюллетень.
Умер Ленин.

Слушали мы стоя,
октябрюта, первый класс.
С новым смыслом, с новой теплотою
отовсюду он смотрел на нас.
Он был нарисован на тетради,
он глядел из наших первых книг,
и в его знакомом, остром взгляде
жизнь не угасала ни на миг.
Со стены,
с портрета в хвойной раме,
замкнутого траурной каймой,
он следил внимательно за нами,
проводил по улицам домой
школьников, мальчишек и девчонок,
октябрюта своих, внучат своих,
мимо жалких мелочных лавчонок,
мимо магазинов дорогих.
На витринах — фрукты и конфеты,
шубки и шелка.
А ребята кое-как одеты,
кое-как накормлены пока.
Город южный, город многолюдный
жил и расточительно и скудно.
Кто кого?! Суровые года. . .
Как ему, должно быть, было трудно
оставлять нас именно тогда!
Всей своей душой человеческой
он тревожился о нас.
Может, потому-то каждый встречный

в этот смутный час
на гурьбу озябших ребятишек
пристальной глядел, шагая тише,
думая о них.
Это были люди трудовые —
рыбаки, ребята портовые,
железнодорожники седые
из Январских мастерских.
Мы им стали ближе и дороже,
а они для нас —
все как есть на Ленина похожи
были в этот час.
Кто — лица характерною лепкой,
кто — улыбкой,
кто — помятой кепкой,
кто — прищуром глаз.
Ленинской заботою горячей,
доброй думой о судьбе ребячьей
нас они старались окружить.
Не умея, видимо, иначе
горе пережить,
не умея первое волненье
скрыть или сдержать,
первое свое стихотворенье
вечером писала я в тетрадь.
Я писала первыми словами,
первый в жизни раз:
«Он не умер. Он живет. Он с нами».

Я наутро с первыми стихами
прибежала в класс
и, робея, с гордостью невольной,
до того как прозвенел звонок,
отдала учительнице школьной
вкривь и вкось исписанный листок.
Поглядела ласково и строго
на меня она из-под очков.
Перед ней уже лежало много
вкривь и вкось исписанных листков,
на которых первыми словами,
так же, как и я, —

«Он не умер. Он живет. Он с нами», —
написали все мои друзья.

За окном мела и выла вьюга.
Мы сидели, слушая друг друга,
сдержанны, тихи.
Друг за другом мы читали стоя.
Детских строк звучание простое...
Это было больше, чем стихи!

Сколько весен в море убежало,
прошумело гроз, взошло хлебов!
Но точнее не найти, пожалуй,
первых чувств и слов.
Если оглянуться:
как мы жили?
Как мы нашей родине служили,
чувствам тем верны?
Может быть, помедлить нам с ответом?
Может быть, не нам судить об этом?
Может быть, видней со стороны?
А по-моему,
как в раннем детстве,
в дни трудов, и праздников, и бедствий,
и вперед на тысячу годин
первыми горячими словами —
«Он не умер. Он живет. Он с нами» —
вправе мы ответить как один!

1953

Сергей Смирнов

322. ЛЕНИНУ

Он стоит уверенно и крепко.
Под ногами сталь броневика,
Не винтовку,
а простую кепку
Стиснула горячая рука.

Он везде,
Он постоянно рядом,
Исполин с простертою рукой.
Под его родным отцовским взглядом
Стал другим,
 воспрянул род людской!

Скромный, мудрый, небольшого роста,
Он таким безмерно дорог мне,
Не в броню закованный,
 а просто
Человек, стоящий на броне.

1954

Николай Заболоцкий

823. ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Всё смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —

Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет, —

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыли,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

Василий Казин

324. ИЗ ПОЭМЫ «ВЕЛИКИЙ ПОЧИН»

Рванулась в радости земля.
Все города ее, поля
Взгляд устремили в Кремль:
Работник,
Хоть он и в древности Кремля,
До новизны большой охотник,
С народом труд всегда деля,
И Ленин вышел на субботник.

Страны главнейшее лицо,
Вождь пролетарской диктатуры,
Он вышел из дому,
Крыльцо,
Весь Кремль, его стены кольцо
Обдав свежей, чем деревцо,
Всею бодростью своей природы.

Направился он, шагом скор,
В ту сторону, где разговор
И где от «Варшавянки» дико
Успенский съежился собор, —
Как все, кремлевцы с ранних пор
Шагали с песнями на сбор.
И все — от мала до велика —
В порядке. Лишь один припёр,
Так праздник встретивший, что в хор
Не рвался, — не вязал он лыка.

И Ленина из-за него
В досаде из-за одного
Вдруг покорило всего.

Но грянули тут музыканты,
Под гром их труб, под торжество
Пошел он, скор и без того,
Живее марша самого,
Туда, где строились курсанты.

И, к ним спеша, наискосок
Почти весь двор он пересек.
Пред командиром, невысок,
Великий,
Взял под козырек:
«Товарищ командир!
К вам в роту,
К вам на субботник, на работу
В условленный я прибыл срок.
В строй разрешите встать».

б

Но строг
Устав. И в сильное смущенье
Впал командир.
Как в подчиненье
Вождя поставить?
Высший ранг,
Да штатский.
Думал. И мгновенье
Ползло, тяжелое, как танк.
Но счастья вырвалось волненье:
«Товарищ Ленин!
В подкрепленье
Вы встаньте к нам
На левый фланг».

«Что ж!
И при царском строе правым
Не числился я».
И, лукавым
Занесшийся огоньком,
В строй звездочек предсовнарком,
В строй гимнастеров, целиком
Поладив с воинским уставом,
Встал в кепке молодцом-бойцом,

Как врос, родной, рабочим, старым
Своим гражданским пиджаком.

И только встал, как в девять ровно
Команда. И туда, к местам,
Где шпалы с досками, где бревна
Уродовали Кремль, как шрам,
Строй с песней тронулся, и сам,
Сам командир запел, но словно
Он скоро звонким голосам
Обрезал песню, вскрикнул там:
«Стой! Вольно!»
И, как с немцем в Ковно,

Пошел в Кремле с разрухой бой.
И Ленин, как мастеровой,
Смешавшись с массою людской,
Бревно вдруг ухватил рукой —
Той самой — ленинской, какой
Писал декреты нам о мире
И о земле. И — ой! —
Все глянули, дивясь, и шире

Царь-колокол разинул рот:
Бревно,
Бревно берет,
Взял на плечо, взвалил он — тот,
Кто тяжестей-то нес уж гору,
Кто Землю, двинув, как «Аврору»,
Повел в иной круговорот,
Кто вот уже не первый год
Груз государства, груз работ
И груз огромнейших забот
Нес на себе, сплотив в опору
Партию, народ.

Царь ссылкой проморил, кутузкой.
В побоищах с такой нагрузкой
И вовсе б не легко
Весть в коммунизм, так далеко,
Да закалил в них, как никто,

Ту стойкость, что в народ наш русский
Века вковали глубоко.

При сокрушительном разгроме
Врагов, при смертном их конце,
При братском чувстве к чукчам, к коми,
Всем гением, во всем объеме,
Россия в Ленине, в борце,
В учителе, в предсовнаркоме,
В характере его, в лице,
Горела на крутом подъеме,
Как вдохновение в творце.

Но, русский с головы до ног,
Он, Ленин, был, как мир, широк.
У Маркса взяв борьбы урок,
Он, как орел высокогорный,
Провидел то сквозь даль дорог,
Что даже и с трубой подзорной
Наш глаз увидеть бы не мог.

Как солнышка восход высотник
Скорее, чем другой работник,
Увидеть может, так с вершин
Марксистской мысли он один,
Лишь первый прогремел субботник,
Великий усмотрел почин.

Статью, где каждая страница,
Где каждая ее крупница
Бьет высшей мудрости ключом,
Еще, еще раз перечтем, —
И нет, нельзя не подивиться
Всей прозорливости провидца,
Кого, счастливы с ним сродниться,
Мы звали нашим Ильичем.

Ну, не на диво ль до сих пор нам?
Предвидел, как к моторам, к горнам,
Как двинется народ в забой,
Как установленным всем нормам
Он даст такой

Поистине разгромный бой,
Что в век новатором бесспорным
Он вторгнется.
О век ты мой,
Как видел вождь!
Я ни бельмеса
Не смыслил, полон интереса:
Что на коптилку, злее беса
Мне чадом лезшую в нутро,
Смотрел он с фото так хитро?
Сквозь чад коптилок всех остро
Он видел зори ГОЭЛРО,
Он видел солнце Днепрогэса,
Кремля созвездье, блеск метро.

И сам он свет такого рода
Зажег в огромности народа,
Которым и теперь народ,
Как прежде, как живой, ведет
Он в коммунизм,
Где жизнь, свобода
В том совершенстве трудовом
И в том богатстве всенародном,
Что с ним, вождем,
В труде своем
Зачали тем субботним днем,
Тем незабвенным
Днем голодным.

1954

Николай Браун

825. ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Ничто — ни музыка, ни слово,
Ни кисть, ни бронза, ни гранит —
Его, для всех времен живого,
Так никогда не сохранит,

Илья Авраменко

328. В ЗИМНЮЮ НОЧЬ НАД ЕНИСЕЕМ

Днем тут сильно мело,
а под вечер утихло немного...
Их ведет за село
голубая в наметах дорога.

Холодна тишина
в это зимнее время ночное.
Заливает луна
ровный снег на степи белизною.

Снег мерцает над всей
утонувшей в сугробах округой.
Спит во льдах Енисей,
словно витязь, укрытый кольчугой.

В избах меркнут огни.
Вот и всё уже смолкло живое...
Над рекой лишь они
жарко спорят, недремные, двое.

А морозец бодрит,
обжигает лицо и колени.
И о чем говорит,
убеждает товарища Ленин?

Резким взмахом руки
широко рассекает он воздух,
и ворсинки дохи
от луны в переблестках, как в звездах.

Где-то взмыл бубенец
над прибрежным лесным косогором.
«Скоро ссылке конец!» —
прозвенел он с веселым задором.

Скоро, скоро назад,
и опять — за горячее дело...
Грезит ленинский взгляд,
устремленный в простор поседелый.

Эти годы вдали
для работы прошли не напрасно:
мысли в книги легли,
и с чего начинать — уже ясно.

«. . .Только, только печать,
общерусская наша газета!
С ней и ветру крепчать!
Кржижановский, поймите вы это...»

Тени жмутся к кустам.
Стужа за полночь — звонче и злее...
«А у нас-то ведь там,
в Подмоскovie, гораздо теплее...»

Так идут не спеша
вдоль реки они в лунном сиянье,
и летит их душа,
презирая пути-расстоянья,

вслед за тройкою той,
что пропала во тьме за холмами...
А морозец крутой.
А снежок свиритит под пимами.

1955

Аалы Токомбаев

(Перевод с киргизского)

329. ОН В ПОДВИГАХ ЖИВЕТ

Всегда смотрю на Ленина портрет,
Открою сердце, — он мне даст совет.
Его глаза в грядущее глядели,
И он увидел нашу молодежь.

Лежит мой сын любимый в колыбели,
И чем-то он на Ленина похож.

Всегда смотрю на Ленина портрет,
О чем я ни спрошу — найду ответ.
Когда порою нам трудна дорога,
Мы взоры обращаем к Ильичу.
Живу одной мечтой: хотя б немного
Похожим быть на Ленина хочу.

В отчизне уголка такого нет,
Где не висел бы Ленина портрет.
Счастливым смех детей, садов цветенье,
В седых горах построенный завод, —
То Ленина живое воплощенье,
Ильич в народных подвигах живет.

Какой художник и какой поэт
Создать сумеют Ленина портрет?
Он первым в мире, при лучах восхода,
Явил свободы радость и расцвет.
Мы знаем: Ленин — солнце и свобода, —
Вот настоящий Ленина портрет!

Нельзя на счастье наложить запрет, —
Все в мире знают Ленина портрет.
Народы поднялись, чтобы сплотиться
Во имя счастья, мира и труда.
Вовек не даст народам заблудиться
Кремля пятиконечная звезда.

Он светоносен, Ленина портрет,
А всё живое борется за свет.
Он, Ленин, жив, он в каждом сердце чистом,
Могущественен, вечен, как народ,
Он озарил дорогу коммунистам,
Он в подвигах, он в партии живет.

1955

Сергей Васильев

330. ЗДЕСЬ БЫЛ ИЛЬИЧ

Здесь всё наполнено далеким эхом —
и ширь полей,

и лес,
и водоем.

Сюда

в двадцатом

сам Ильич приехал
с Надеждой Константиновной вдвоем.
В какое время, посудите сами!
В хозяйстве — неустроенность, урон,
Россия вся истерзана врагами,
которые ползут со всех сторон.
А что в деревне?

Черная краюха.

Нет керосина, даже соли нет.

Сиротство.

Запустение.

Разруха. . .

А тут —

в избе горит электросвет.

И — входит Ленин!

Вот он близко, рядом.

Шагнул в избу, как в освещенный зал.

Обвел крестьян широким, теплым взглядом

и,

улыбнувшись,

«Здравствуйте!» сказал.

Всё расцвело в избе и за избою.

И потекла беседа, как ручей.

Казалось — он принес сюда с собою
большую связку солнечных лучей.

Он говорил: вот дайте расквитаться
с врагами нам — тогда наступит день,
и мы зажжем огни электростанций
на землях всех российских деревень.

Да, это скоро будет, совершится!

Иная жизнь придет под мирный кров.

И будет хлеб,
и вдоволь будет ситца,
плугов стальных,
и даже тракторов!
Теперь же надо потерпеть немного,
пока идет военная гроза. . .
И у людей, внимавших речи строго,
навертывались слезы на глаза.
. . . Вперегонки, по утреннему следу
трубят всю осень ветра.
Давным-давно Ильич здесь вел беседу,
а очевидцам кажется — вчера.

1955
Деревня Кашино

Иван Цховребов
(Перевод с осетинского)

331

В том краю, где горные высоты,
Поговорка есть, как лунь седа:
Полностью родительской заботы
Дети не оплатят никогда.

Только раз слова не сбылись эти:
Был такой, кто, не щадя себя,
Оплатил за всех детей на свете,
По-сыновьи Родину любя.

Он в своей любви был неизменен,
Ненависти к рабству не тая. . .
Этот человек — Владимир Ленин.
Им гордится Родина моя.

1955

Гафез

(Перевод с осетинского)

332. НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ

(Из поэмы)

Зима угрюмо отступала.
В мутном свете
Снег засыпал продрогший Петроград.
Весна! Уже принес студёный ветер
Ее далекий пряный аромат.
Был хмурый день.
Застыв стальной пружиной,
Стояло время. Головы пригнув,
Мы быстро шли по улице пустынной,
И стук сапог врезался в тишину.
У здания Финляндского вокзала...
Встревоженные взгляды. Толкотня.
Волненье охватило и меня,
И сердце торопливо застучало.

.. Мне образ Ленина был дорог и знаком,
Но видел я его лишь на портрете,
И ничего так не желал на свете,
Как наяву увидеться с вождем.
Вздых паровоза,
Сдавленный гудок.
Земля заколебалась.
Воздух замер.
Как я смотрел!
Я в ту минуту мог
Кусок гранита просверлить глазами!

Он вышел из вагона. Да, таким
Он был всегда в моем воображенье:
Стремительным в порывистых движеньях,
Живым и удивительно простым.
Он быстро оглянулся.
В каждом взоре
Он мог увидеть теплый свет любви.
Вот он легко взошел на броневик
И там застыл, как от людского горя.

На строгом лбу — следы больших забот;
Во взгляде — отблеск внутреннего жара,
И рассекает воздух,
Словно сабельным ударом,
Рука, простертая вперед.

Признаюсь откровенно:
В те мгновенья
Так пристально, так жадно я смотрел,
Был так охвачен радостным волнением,
Что слов вождя запомнить не сумел,
Но взмах руки — то сжатой, то простертой —
И огненные взгляды ясных глаз
Вооружали сердце волей твердой,
Воспринимались четко, как приказ:
Сломить врага,
Всю власть отдать Советам!
Смести с земли буржуев, кулаков.
Вести народ к свободе, счастью, свету.
Быть до конца
В рядах большевиков.

Я — коммунист,
Я верный сын Отчизны.
Сквозь дым боев,
Сквозь вихри бурь и гроз
Я образ Ленина, как знамя, гордо нес
И с ним ни разу не расстался в жизни.
Вот он стоит — любимый и живой, —
Таким он был,
Таким остался с нами.
Вот он стоит с простертою рукой,
А над страной, взвиваясь высоко,
Победно реет
Ленинское знамя.

1955—1956

1956—1969

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

Наум Коржавин

884. ПАМЯТЬ

О Ленине память — не бронза,
Не камень, что встал тяжело,
Не пламень сжигающий солнца,
А просто — людское тепло.

Да, Ленин в истории Мира
Живет, не меняясь никак.
На нем — не сиянье мундира,
А будничный скромный пиджак.

И память о нем — без предела.
Она навсегда — и во всех.
В ней то, что он делал и сделал,
И то, что он был человек.

Он был и товарищ и гений.
Был свой среди самых простых.
И правда его откровений
Была откровением их.

Пусть в залах был дым самокруток
И лампы мерцали едва,
Но самое лучшее в людях
Его пробуждали слова.

И люди за ним беззаветно
Шли к правде по трудным путям,
Что правда возможна на свете —
Он был доказательством сам.

Мы дальше несем его знамя
В дороге своей боевой.
Он — в нас,
и всё так же над нами
Живучая
правда его.
1956

Владимир Луговской

885. МОСКВА

(Поэма)

Осенний день был золотист и рыж.
Пылали в небе купола соборов.
Наш Малый Николаевский дворец,
Где я служил в Кремле, был полон света.
А Кремль — корабль из камня — плыл над миром,
Курантным боем говоря с Москвой.
Вдруг позвонили мне:

«Иди скорее!

Приехал Ленин. Выздоровел он.
Он в кабинет вошел. . . Он в Совнарком!»
Какая сила вынесла меня —
Не знаю. Я бежал и задышался.
В молчанье перед аркой Совнаркома
Толпа стояла, очень небольшая,
Смятенно как-то и сурово глядя
На черный ленинский автомобиль.
Шофер ходил, как звери ходят в клетке, —
Вперед — назад. Опять вперед — назад.
Москва была еще тогда тиха.
Часы на Спасской медленно пробили.
Весь золотой, по старой мостовой
Скользнул шуршащий лист. . .

И вышел Ленин.

Он вышел медленно, но как бы быстро,
Ссутулясь и немного припадая,
Зажав в руке потрепанную кепку.
Он вежливо ответил нам. Желтел
Огромный лоб болезненно и влажно.

Он всех коснулся взглядом, но глядел
Прищуренными, жгучими глазами
В такую даль, что и сказать нельзя.
На небо посмотрел, на Совнарком,
На стены — вековечный труд народа,
На золотых орлов, тускневших в небе,
На бронзу пушек — след Наполеона,
На самый верх Никольской блеклой башни,
Что сбили мы снарядом в Октябре.
На всё, что мы зовем Кремлем, Москвой.
Россией. Государством. Нашим миром.
Он на секунду обернулся к нам,
Чуть поднял руку, сделал два движенья
Ладонью — вверх и вниз. Да! Вверх и вниз.
Но он глядел на окна Совнаркома,
Те самые,

откуда виден мир.

Шофер, блестящий в ярко-черной коже,
Как смерть осунувшись за полчаса,
Рванул наотмашь дверцу. Взвыл мотор.
В последний раз прошла в окне машины
Отцовская, крутая голова.

Он понимал: последний раз, прощай!
Последний раз — Москва, последний раз —
Вы, окна Совнаркома, и последний
Раз —

караул курсантов у ворот!
И молча, в странной тишине осенней
Мы разошлись, ни слова не сказав
Друг другу.

Так простился Ленин
С тобой, Москва!

Он больше не вернулся?

Нет, он вернулся!

Слушай, это ты,
Ты, город мой, ты, свет и сердце мира,
Ты, жизнь. Бессонный говор миллионов.
Ты, пламя негасимое народа,
Отлив, прилив истории людской,
Источник вечной юности планеты,
Глашатай трудной правды на земле.

Ты, город мой, великий, несуразный,
Кривоарбатский и замоскворецкий,
С официальным холодом порталов,
С нелепыми фигурами на крышах —
Не то людей, не то эмблем бетонных,
С немymi высями высотных зданий
Среди лачуг, изъеденных коростой,
С однообразьем высаженных лип.
Ты, город без начала и конца,
Где вдруг воздвигнется гряда из камня
Над избяной бревенчатой трухой,
Или сомнут небритые домишки
Квадратный бред француза Корбюзье,
Или пройдет такая ширина,
И вышина, и свет, и четкость линий,
Что сразу успокоится душа.

Что делать мне, плохому сыну века?
Я был с тобой, мой город, я хотел
Преображенных, умудренных лиц
И юности безоблачной и статной,
Прохладных улиц, холода музеев
И мраморных людей в тени колонн,
И книг, и справедливости.

Но это
Не так всё было просто. Из глубин
Природы человеческой я сам
Приподнял силы горя и преграды.
Но сам я твердо верил. И над миром
Я нес одну звезду, шуршащий сноп,
Победу света, листья лип московских,
Пречистенских, остожепских, шумящих
От пламени людей, чьи голоса,
Горячие и жадные, встречались
Порою с ледниками красноречья,
Постановлений, смет, неверных цифр,
С чиновничьим, свинцовым равнодушьем,
С предательством и горечью его.

Здесь под вечер я видел старичка,
Бровастого, колючего, сухого,
В пальто потертом и помятой шляпе,

С какой-то странной палкою в руке.
Я снизу вверх косился на него.
Он что-то мне сказал — я застеснялся.
И кто-то рядом охнул:

«Лев Толстой!»

Да было ли всё это наяву?
Ходил ли я с Дзержинским в «Метрополь»,
Остробородым, остроглазым, остро-
Угольным, проверяя бронь билетов
Командировочных, храпящих на полу?
Быть может, это сны, и сны, и сны?
Нет, это всё двадцатый век!

Громада
Событий, лиц, движений беспримерных
В душе народа.

Это сам народ,
Всё создающий, судящий, берущий
От каждого по крохотной черте
И формирующий из всех обличье века.
Я сам в него вложил крупницу жизни —
Я что-то пел, я что-то говорил,
Кого-то убивал, в кого-то верил.
И через жизнь мою прошла, как совесть,
Отцовская, крутая голова
В стекле кремлевской латаной машины.
Он разве не вернется?

Нет, вернется!

Что движет человечеством?

Любовь,
Иль темный голод, или страсть творенья,
Борьба за жизнь, инстинкт или простор,
Что впереди проложен каждым шагом?
Пойми, познай!

Но мы,
мы шли за ним,
Не бронзовым, не мраморным, не книжным —
Живым, пока в груди у нас дыханье.

Взрыв бурной музыки. Шаг миллионов
На демонстрациях, парадах майских,
В октябрьских, ветром двинутых колоннах.
И вдруг Москва Димитрова встречает.

В громовом, жарком, перекатном гуле
Плывет болгарин, победивший смерть.
Челюскинцы. Идет Валерий Чкалов,
Уверенно-восторженный. Идут
Папанинцы.

Хоронят стратонавтов.

На Красной площади салют победы,
Объятья, теплые ладони мая,
Бушующий прибой спешащих толп.
Скажи, мой город, разве ты не видел,
Что в каждом облике народной славы,
Что в каждом подвиге являлся Ленин,
Тот, с рыжеватой жесткою бородкой,
Невиданный на свете человек,
Сам никогда не думавший о славе?

С тобой я говорю, мой вечный город —
Оплот труда, работ, творящей мысли.
Ты слышал клятву Сталина? Его
Пронзительную речь в Большом театре?
Он медленно произносил:

«Клянемся

Тебе, товарищ Ленин!»

Мы клялись.

Но все ли клятвы мы потом сдержали?
Да, клятвы все сдержал потом народ,
И в том была его большая правда.

Ты, город мой, надежда всех народов,
Ты, город мой, наивный, как ребенок,
И мудрый в грозной красоте событий.
Ты ошибался тысячью ошибок.
Ты верил мишуре и грому маршей.
Но, как бы ни свершались все ошибки,
Во всех твоих деяньях и заботах,
Во всех народных радостях и бедах,
Едва на миг задумаешься, город,
Проступят ясно Ленина черты.

О город молодой, восьмисотлетний,
Бурли, бурли, шагай шагами вузов,
Гляди глазами девушек бессонных,

Тех, что, окончив школы, собрались
На Красной площади и до рассвета
Прощаются, мечтают и поют.
Гляди глазами юношей, сидящих
На Ленинских горах, в заре летучей
Решающих, что делать в новой жизни,
Какой прямой избрать по жизни путь.
А липы молодые чуть трепещут.
Ново-Девичий монастырь в тумане.
Лежат гигантской чашей Лужники.
Во имя этих юных будем жить,
О город мой, ни разу не солгавший
Ни времени, ни юности, ни миру.

Ты видел, как догматиков скрипучих
В мертвящий плен цитаты загоняли.
И всё же, вопреки железной скуке,
Рвались под солнце зло, неудержимо
Десятки тысяч подлинных людей,
Талантливых, умелых, непреклонных.
Кто выводил их к свету?

Вел Октябрь,

Ни с чем на целом свете не сравнимый,
Та ленинская теплая ладонь,
Что на плече своем услышит каждый,
Кто хочет шагом твердым жизнь пройти.
Шаги, шаги, шаги, шаги, шаги.
Шаги тяжелые, шаги прямые,
Веселые шаги, шаги надежды,
И молодости, и решенья. Шаг
Батальонов. Шаг полночной смены.
Лукавые и легкие шаги
Девичества. Усталый шаг ученых.
Шаг физкультурников, широкий, четкий.
Мечтательный и звонкий шаг весны.
Но чьи я слышу длинные шаги
И трости стук на выбитом асфальте?
То Маяковский ночью по Тверской
Идет домой, огромный, одинокий.
Апрель. Капели. Вогнутая ночь
От ветра, одиночества и силы,

Которая уже уперлась в стену
Еще ему неведомых времен.
Идите, Маяковский. Правда с вами,
Колючая и тяжкая.

Идите!

Идите через смерть. Не становитесь
Опорой для начетчиков.

Спешите

Туда, куда вас звал в поэме Ленин, —
В бессмертье, в чистый ветер Октября.
О город мой, ты знаешь силу века,
Ты знаешь тяжесть государства.

Знаешь,

Как в Петербурге грозный Медный всадник
Мятущуюся душу раздавил?
Скажи, чем будет кончен вечный спор
Между одной на свете единицей
И государством.

Между личным счастьем

И государством.

Между личной волей

И государством.

Между личной правдой

И государством?

Совершится чудо.

Никто не будет вслед за мной скакать,
Звеня топочущей столетней бронзой!
Я сам пойду по золотой стезе
Той государственности, что ведет
Меня к родному ленинскому свету,
И если от него я уклонюсь,
Мне будет плохо, не кому другому,
Как человеку, что пошел на холод
Из теплого родительского дома.

Пойми меня, мой непреклонный город!
Всё, что я вижу впереди себя,
Вокруг себя и позади, ты слышишь,
Я сделал сам: обычаи, законы,
Опору государства и устои —
Всё это создал я по зову сердца,

По воле собственной,
 по чувству долга.
За это всё, ты слышишь,
 я в ответе...

Фадеев, старый друг, свергни опять
Глазами голубыми, с легкой злинкой,
С невероятной преданностью жизни.
Опять живи, как песня, среди нас,
Но только б одиночество не жало
Большую грудь так холодно и дико.
Веселый комиссар, гуляка мудрый,
Иди Москвою!

 Я не верю в смерти!
Москва моя, есть на твоих знаменах
Кровь юности и дерзости моей.
Поистине погибну я в тот миг,
Когда предам себя во власть сомненья.
Но дух трагедии тревожит камни
Священных стен твоих, моя Москва.
И дух трагедии есть очищение,
Упорство, гордость, непреклонный взлет.

Я верил в бога, я любил его,
Я видел бога.

 Он сидел во тьме,
Старинный, одинокий, непонятный,
Держа в руках модель самолета
Работы первых строгих мастеров,
Мечтавших в девятнадцатом столетье
О высшей правде и победе человека
Над безобразным скопищем стихий.
Молился я ему. В цветные стекла
Стремился вечер. Мерное кадило
Вздыхало, колебалось, говорило.
В открытое окно шел легкий запах
Бульваров, мостовых и очень строгой,
Глубокой, вечеряющей Москвы.
И батюшка в потертой желтой ризе
Невнятно бормотал о той же правде,
Что авиаторы последнего столетья
Хотели принести как жертву мне.

И это было всё едино:

бог

И Блерио, лобастый Менделеев,
Кюри, Пастер, Попов, Жуковский, Нансен —
Все люди-полубоги, все громады
В тяжелых бородах, в потертых фраках,
Солидные и грозные, как тучи,
Летящие над веком грозных снов.
Да, я молился.

Рослый, темнобровый,
Вставал Христос в огнях паникадила
И обещал смирение сердец,
И вечный мир, и тишину, и славу.
Всё детство трепетало в синей мгле...
Ведь я ребенок был, ребенок века,
Птенец неоперенный, полный веры
В кинематограф, лифт и телефон,
В трамвай, в Жюль Верна, в лимузины Форда.

Немало лет прошло уже с тех пор.
Я распят был болезнью в трудный час,
И в грозовую ночь мне бог приснился.
Я видел бога.

Он сидел во тьме,
Держа в руках модель атомной бомбы.
Не тот он был, что в детстве,
нет, не тот,

Угрюмое, грустнее и тревожней,
И сам дивился он тому, что создал.
Нет, не тому, что создал,

а тому,
Что быстро создали его создання, —
Печам Майданека, концлагерям,
Неслыханным предательствам и пыткам
И этим полушарьям из урана
В чуть-чуть дрожащей старческой руке.

И стало мне во сне так жалко бога:
Ведь только миг —

зевнет, как солнце,

взрыв,

И всё начнется с гибели вселенной.

Великим человеческим стремленьям,
И долго в человеке зверь таится.
Здесь ни один философ не сумеет
Найти предел, иль меру, иль объем.
И разве мог себе представить Маркс,
И разве мог уже предвидеть Ленин
Сожженье в полыхающих печах
Мильонов стариков, детей и женщин,
Испепеленье рас, племен, народов?
Кто, проносясь по Невскому, смеясь
Морозцу легкому, поверить мог
В смертельную блокаду Ленинграда?
Нет, в человечестве есть запасные силы
Добра и героизма, тьмы и страсти.
Что мне сказать,

 плохому сыну века?

Я только много видевший свидетель,
Испуганный своим высоким знаньем.
Но я хочу страстней и беспристрастней
О времени и людях говорить.

Мне ничего не надо.

 Я хочу

Лишь права сказки, права распадаться
На сотни мыслей, образов, сравнений,
На миллион осмысленных вещей,
Откуда снова возникает цельность,
Большие руки ласковых героев,
Правдивые и мудрые легенды.

Ты знаешь, город мой, душа России,
Ты знаешь:

 в нашем мире человек

Оценивает жизнь свою сполна,
Смысл целой жизни — по своей эпохе,
По лучшему, чистейшему, что в ней
Он увидал, услышал и продумал,
Что понял неожиданно в бою,
В труде, в страданье, в подвиге народном.
О город мой, ты для меня вожатый

На всем моем пути. С тобой вошла
Моя душа в атомный век.

Вошла

В ускоренное, взвихренное время
Несущихся космических частиц.
Вошла душа в большое время правды,
Той правды, что для нас, людей, одна.
И жертвенность, и героизм, и гордость,
Что так привычны нашему народу,
Беспрекословно служат этой правде.
Народ великий, терпеливый, грозный,
В терпении своем, в своем размахе
Не для того переносил невзгоды,
Невиданные тяготы и беды,
Чтоб усомниться в самой чистой правде,
Которую своей железной волей
Поставил выше всех на свете правд.
А в этой правде есть и быль и сказка,
Без сказок правды в мире не бывает.

И вера в человечество, и вера
В родную землю, в равенство людей
Перед Октябрьским, ленинским законом.
Ведь через нашу жизнь прошла, как совесть,
Отцовская крутая голова.
Мы шли за ним.

Всегда, всегда за ним.

За Лениным. За нашим человеком,
Не бронзовым, не мраморным, не книжным —
Живым, пока в груди у нас дыханье.
Но помнишь — он с тобой в Кремле простился,
О город мой, звезда моя и слава,
В осенний золотисто-рыжий день?
Он умер?

Нет, не умер!

Он вернулся!

Где видишь ты его?

Он рядом с нами.

1956

Борис Лихарев

336. СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Еще грозила нам Антанта.
Был трудный год,
Суровый год.
Есть снимок:
Площадь,
Демонстранты,
А в их рядах Ильич идет.

Идет Ильич с улыбкой доброй,
Идет среди простых людей,
Таким его тогда фотограф
Запечатлел для наших дней.

В тот день Ильич сошел с трибуны,
Вступил как старший в общий ряд, —
И флаги алые Коммуны,
Непобедимые, шумят.

Зовут в далекие походы,
Зовут в бессмертные года.
Родной Ильич идет с народом,
С народом будет он всегда!

1956

Виктор Боков

337. ЛЕНИН

Нет весны без весеннего веянья,
Без густого гудения пчел.
Нету дня, чтобы жил я без Ленина,
Где бы ни был, куда бы ни шел.

Речи Ленина знаю на память,
Всё в них правда, они нам не лгут.

Каждое слово на крыльях летает,
Каждая мысль пашет землю, как плуг.

Взгляд нацелен в тысячелетия,
В звонкое завтра, что смело идет.
Первые слезы мои — это смерть его,
Первая радость — во мне он живет.

Доброта и хитринка лукавая
Полюбились мне с детства еще.
По-отцовски ложилась рука его
Не однажды ко мне на плечо.

В бой звала и в колхозные борозды,
Чтобы мирным колосьям цвести,
И любые невзгоды и горести
Помогала с дороги смести.

Сколько зерен на хлеб перемолото!
Сколько поднято новых знамен!
Если я и сберег в себе золото, —
Как беречь, мне подсказывал он!

Ленин —
Слово весеннее, юное,
С очистительным пламенем гроз.
С полной верой в него
За Коммуною,
Распрямясь,
Иду в полный рост!

1956

Изим Искандеров

(Перевод с уйгурского)

338. СКАЖУ Я: «ЛЕНИН»...

Скажу я: «Ленин», —
и над нами,
Раскинув крылья, как рассвет,
Зажжется трепетное знамя
Борьбы, исканий и побед.

Скажу я: «Ленин», —
 пусть нагрянет
Любая черная беда —
Полотнищ пламенный багрянец
Мы не уроним никогда.

Вглядевшись в мир под небосводом,
Скажу я: «Ленин», —
 и пойму,
Что Ленин — здесь,
Что Ленин — вот он,
Идет по краю моему.

Ты жив, товарищ и советчик!
Ты с нами, вождь и человек!
С пути, что был тобой завещан,
Мы не свернем —
Он наш навек.

1956

Андрей Малышко

(Перевод с украинского)

339

Я видал его лишь на портрете,
Когда в школу прибегал юнцом.
В старой кепке, проще всех на свете,
С просветленным он стоял лицом.

В радости, в печали был он с нами, —
Так тогда всё в нашей жизни шло.
Залп «Авроры», революций пламя
Озаряли Ленина чело.

В человеческом, сердечном взоре
Каждый видел путь далекий свой,
Дни свободы на родном просторе,
На земле, отныне молодой.

Всё я помню: и снега, и ночи,
И портрет тот в школе на стене,
И живые ленинские очи
Вечно смотрят прямо в душу мне.

1956

Шалва Апхаидзе

(Перевод с грузинского)

840. СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Год семнадцатый!.. Красный семнадцатый год!..
Я забыть не могу тех суровых свершений;
Ясный свет над великой Россией встает, —
Начинается жизнь моя в буре весенней.

И вplывает в столетье Финляндский вокзал:
Гул людской... Броневик...
И над толпами — Ленин.
Там во всем —
и в великом и в малом —
дышал
Его огненный гений.

Он
в хибарки усталых людей
проникал
И под своды встревоженных мраморных зданий,
И теплом своим
жизнь на земле оживлял,
И ее поднимал на восстанье.
И ворвался в меня
этот огненный шквал,
И всё чуждое в этом великом кипенье
Он объял,
раскачал,
и разрушил,
и смял, —
И пришло, и явилось большое прозреньё.

Не сообщив о том заране,
Он опоздал лишь раз один:
В тот день, когда был тяжело ранен
И смерть стояла перед ним. . .

Еще он принимал лекарства,
Еще с трудом писать он мог,
Но вновь для пользы государства
Минуту каждую берег.

Зато и Время в свой черед
Его навеки сбережет.

1957

Виссарион Саянов

342. ВСТРЕЧА

Огромный зал был переполнен,
И кто-то, выйдя из рядов,
Нежданно Ленину напомнил,
Что в этом зале Шелгунов.

«Где он?»

— «Вот этот, с бородою,
В косоворотке и очках».

— «А, помню, силой молодою
Хвалился, что была в руках».

«Он и сейчас силен. . . Но зренья. . .
Ведь он давно уже слепой».

«А нашего ж он поколения. . .»
И вдруг, слегка взмахнув рукой,
Ильич президиум покинул —
И прямо к Шелгунову в зал.

Слегка нагнул, сутулясь, спину,
Поцеловал его, обнял.

Взглянул в глаза его слепые
И вспомнил даль ушедших лет,
Когда забрезжил над Россией
Незабываемый рассвет.

Была та жизнь им не по нраву...
И, думой полные одной,
Припомнили, грустя по праву,
Сегодня Невскую заставу
Ильич и друг его слепой,

Собрания кружков рабочих,
Конспиративную страду
И свет далекой белой ночи
В навеки памятном году.

1957

Расул Гамзатов

(Перевод с аварского)

348. ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах
Люди песни о нем и слагали и пели,
С этим именем на пересохших губах
Умирали бойцы в Араканском ущелье.
В тесноте наших дымных и бедных лачуг
Узнавали легенды о нем друг от друга.
И когда пел о Ленине песню ашуг,
Снова петь эту песнь заставляли ашуга.

Знали имя его,
Но в горах никогда
Не видали хотя б небольшого портрета...
В Дагестане тяжелые были года,
Были жаркие битвы и жаркое лето.

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим измученным людям во сне
Снился Ленин.

Им казалось:
Он был выше сосен и гор,
Вынет шашку —
Враги разбегаются в страхе.
Им казалось, что острый, как лезвие, взор
И блещит и горит из-под черной папахи.

И когда собрались в путь-дорогу к нему,
Снарядились в столицу послы Дагестана,
Насекли кубачинцы
Огромную шашку ему
И в Анди приготовили
Бурку на великана.

Повезли ему трубку
С алмазами чистой воды,
Повезли ему шитые шелком кисеты.
А еще Дагестан —
Весь,
От Каспия до Цумады —
Передал ему теплое слово привета.

И пошли через горы, поля, города,
На ветру обжигая широкие лица,
Горцы,
Много выдавшие,
Но никогда
Не бывавшие в светлой советской столице.

А в Москве дорогой, а в Москве трудовой
От зари и до ночи кипела работа. . .
У кремлевской стены молодой часовой
Отсалютовал им, пропуская в ворота.

Отворились им двери во всю свою ширь.
Всё здесь было приветливо, строго и просто,
И в приемную вышел к ним
Не богатырь,
А простой человек невысокого роста.

И в кремлевских палатах,
Средь стен расписных,

Как-то ласково шурясь от яркого света,
Словно старый их друг, он сидел среди них,
Говорил, как с друзьями,
И спрашивал даже совета.

Незаметно и быстро часы пронеслись,
И послы Дагестана так счастливы были,
Что когда уж совсем уходить собрались,
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку, и шашку с насечкой горящей,
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Им тогда не признался,
Что он некурящий.

И сказали они:
«В нашем горном краю
Никогда твоего не видали портрета.
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою, —
Самым лучшим подарком для нас будет это».

И посланцы народа спешили домой,
По пути обсуждая идеи и планы.
И несли они горцам портрет дорогой,
Где написано Лениным:
«Красному Дагестану».

1957

Мирмухсин
(Перевод с узбекского)

344. ЛЕНИН

Рассвет в сердцах людских гасили ханы грозно,
Народу не забыть зловещей той поры:
Как вороны в садах, хоканы свили гнезда,
Справляли во дворцах кровавые пиры.

В этом слове сила и суровость
Революции
 воплощена.

Он внушает право и законность
Баррикадам — биться до конца.
В этом слове — целеустремленность
Революции.

 И все сердца,
Ощущая времени огромность,
Начинают биться, как одно.

В этом слове — простота и скромность
Революции.

 Ему дано
Обнимать события четкой мыслью,
Несогласных логикой круша.
В этом слове — страсть и бескорыстье
Революции.

 Ее душа
Здесь встает, чтоб до конца бороться,
Зная цель и не жалея сил.
В этом слове честь и благородство
Революции.

 Он возносил
Главное. На место ставил частность.
Разделял случайность и закон.
В этом слове — доброта и ясность
Революции.

 Ладонью он
Разрубал всех доводов негодность,
Звал вперед, в иные времена.
В этом слове — воля и народность
Революции. . .

<1958>

Петру Заднипру

(Перевод с молдавского)

846. ОДНОСЕЛЬЧАНИН

Услышал этот я рассказ
От старика Игната:
«Сынок, а ведь в селе у нас
Сам Ленин был когда-то.

Увидел он, как беден я,
Хожу — пустое брюхо...
Нет ни одежды, ни жилья...
Детишки... Голодуха...

Ведь лошаденки, видит, нет —
Свою вспахать полоску...
Да и сосед не спит чуть свет:
Где хлеб добыть? Где доску?

Тут Ленин, знаю я, бывал
В те горестные годы,
Иначе — как бы он узнал
О бедствиях народа?»

«А может, то не Ленин, дед?
Ведь память-то хромает?»
Прищурил дед глаза в ответ:
«Кто ж Ленина не знает?

Хоть лет немало утекло —
Но доказательств много:
Взгляни, как расцвело село,
Как широка дорога!

Он с нами! Он тебе помог,
Счастливый молдаванин!
Уж если хочешь знать, сынок,
Он — наш односельчанин...»

1958

Александр Гитович

347. СТАРОМУ ДРУГУ

К. А. Демину

Ну вот мы и встретимся снова,
Вдвоем посидим у стола,
Обдумаем век наш суровый,
Превратные наши дела.

Что ж, старое сердце не вынешь,
Никак не починишь его. . .
Мы вместе выходим на финиш,
И вроде бы — всё ничего.

И всё же, как надобно смертным,
Еще раз проверим, дружок, —
Горит ли огонь беззаветный,
Который в нас Ленин зажег?

1958

Сулейман Рабаданов

(Перевод о даргинского)

348. ЛЕНИН

Всегда во всей Вселенной будет
Звучать фанфарой песнь о нем.
И наших гор высоких люди
Не зря зовут его орлом.

Есть в Дагестане мастер старый,
Давно сдружился он с резцом,
В ауле Кубачи недаром
Слывет он златокузнецом.

Ни разу мастер не был рядом,
Не видел Ленина слепой.
Но смотрит вождь орлиным взглядом
С его творенья, как живой.

1958

Борис Слуцкий

349. ДЕКАБРЬ 41-го ГОДА

Памяти Михаила Кульчицкого

Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны

мы написали по стиху
На смерть друг друга.

Это означало,

Что знали мы.

И вот — земля в пуху,
Морозы накрепко стеклят,
Трещат, искрятся, как в печи поленья:
Настали дни проверки исполненья,
Проверки исполненья наших клятв.
Не ждите льгот, в спасение не верьте:
Стучит судьба, как молотком бочар,
И Ленин учит нас презренью к смерти,
Как прежде воле к жизни обучал.

(1959)

Михаил Луконин

350. ЕГО ЛЮБОВЬ

(Из поэмы «Признание в любви»)

Россия-мать
ждала его,
искала,
в ладонях Волгу
пить
ему несла,
у Каспия
немного расплескала,
степям в пути напиться подала.

А сын ее
уже в полет стремится,
припал он к Волге,
пил ее.
Она
смочила опаленные ресницы,
разбуженные рыбы
шли со дна.
Он видел солнце здесь,
в летящей глади,
большие облака у самых глаз,
и, может быть, тогда
в глубоком взгляде
зажглись лучи,
счастливые для нас.
На будущее
шаг равняя каждый,
он вышел,
путь прокладывая свой,
и навсегда прижалась к сердцу жажда
той волжской полосы береговой.
Он голод ненавидел всей душою
и не любил бессилие и тьму.
Людское счастье —
самое большое! —
с рожденья было дорого ему.
Свободный,
неподвластен был он плену
тюрьмы и ссылки,
звал и звал
к борьбе.
И ссыльную подругу Волги
Лену
так полюбил, что имя взял себе.
Любил он реки родины любимой,
от Волги
шел к Москве,
дружил с Невой.
И мыслью разглядел сквозь сумрак дымный
бушующий
Октябрь,
заветный мой.

Ей никакой не страшен груз,
Она идет — людской заступник, —
Она шагнет вот-вот в Союз
Коммунистических Республик.

1959

Петр Крученюк

(Перевод с молдавского)

352. ПОД РУБИНОВЫМИ ЗВЕЗДАМИ

Из кишиневских светлых площадей
Мы Площадью Победы ту назвали,
Где Ленин, коммунизма Прометей,
Среди цветов стоит на пьедестале.
Сюда приводят матери детей. . .

Проходим мы под ленинской рукой
В дни праздников и в тихий час досуга. . .
Он вечно в нашей памяти такой —
Мы видим в нем учителя и друга
И говорим: «Спасибо, дорогой!»

Пусть ветры стонут, злятся холода,
Пусть вьюга воет, занеся просторы, —
Дарует Ленин мужество всегда,
Он в трудный час — надежда и опора,
Он — в новый путь зовущая звезда!

Знамена, песни. . . Улицы полны,
Проходят ветераны, пионеры. . .
И в этом звонком празднестве весны
Стоит Ильич, как символ нашей эры, —
И взоры все к нему устремлены.

А люди всё идут, идут, идут —
Те, кто дает стране своей богатство,
И в песнях вдохновенно славят труд,
Кремлевские рубины, наше братство, —
Их ленинские лозунги ведут!

Октябрь и Ленин — вот источник тот,
Что силы в человечество вселяет,
Оно к нему склоняется и пьет,
И вечно жажду счастья утоляет —
Чтоб, крылья развернув, уйти в полет!

1959

Анатолий Тяншев

(Перевод с мордовского)

853. У ЛЕНИНА

Как тихо! Только слышно: сердце бьется.
Тут каждый взгляд торжественен и строг.
Здесь всё как было. . . Кажется, что срок
Придет — и Ленин в комнату вернется.
Вот вешалка. Вот зонт его и трость.
И на столе — раскрытые страницы. . .
Не умер Ленин! Слышит каждый гость
За окнами дыхание столицы.
И день и ночь — работа горяча,
Пылают домны, высятся заводы. . .
По всей земле дорогой Ильича
Идут разноязыкие народы.
Он думал тут о хлебе для страны. . .
Живая тишина в его квартире!
Тут с мыслями о счастье и о мире
Шагал Ильич, и в трудный день войны
Грядущее уже провидел он, —
Страна в боях блокаду прорывала,
Был каждый гвоздь сосчитан и патрон, —
Но Родина в огнях пред ним вставала. . .
И к Ленину сходились все пути,
Отсюда начинались все дороги,
И успевал комдив к нему зайти,
И шел мужик в надежде и тревоге.
Как тихо! Только слышно: сердце бьется.
Мы всё запомним: карту, телефон. . .
Тут жил Ильич. И всё, что сделал он,
И в душах, и в столетьях отзовется!

1950-е годы

Семен Кирсанов

354. ТЫ, ГОРОД

Ты, город,
всюду слит
цементом
и крепленьем
мемориальных плит
с коротким словом —
Ленин.

Произнесешь
пять букв,
не прибегая к фразам, —
и бывший
Петербург
в них исчезает сразу.

И возникаешь
ты —
простой рабочий город,
прибавший на щиты
свой герб —
свой серп и молот,
прибавший
на дома,
на стены серых зданий —
гранитные тома,
слова напоминаний. . .

Читай:
он тут бывал,
здесь проходил в колоннах,
здесь митинг
открывал,
здесь выступал
с балкона. . .

И всё же с каждым днем
я чувствую
всё резче:

нельзя писать о нем
во времени
прошедшем.

И как сказать
«он был»
об этом человеке, —
сейчас
с ним говорил
студент в библиотеке.

Советуются
с ним
в Большом Кремлевском зале,
и словом
ни одним
«он был»
там не сказали.

А чтение до зари
его страниц знакомых?
А вы —
секретари
райкомов и обкомов?

Что,
разве хмурия лбы
над сложностью явлений,
не спрашивали вы:
«Как быть,
товарищ Ленин?»

И есть
его ответ —
большим целинным хлебом,
и скоростью
ракет,
вонзающихся в небо,

и свежестью весны
с миллионом новоселий,

и миром
 без войны,
и всем,
 о чем мы пели —

октябрьский гордый марш
красногвардейским строем —
при Ленине:

 «Мы наш,
мы новый мир построим».

При Ленине
 живем,
при мыслях и советах,
при нем,
 всегда живом
в им созданных
 Советах!

Ты, город,
 сенью крыш
и стенами своими
в сердцах людей
 хранишь
его живое имя.

(1960)

Гурген Маари

(Перевод с армянского)

355. ЛЕНИНУ

Спишь непробудно ты,
Но мужество твое
Везде живет.
Ты — гений правоты,
Ты — мысли острее,
Эпохи взлет.
Ты в поле золотом,

Ты в шахтах, рудниках
Всегда средь нас.
Как заповедь, как гром,
Во всех людских сердцах
Звучишь сейчас.

(1960)

Михаил Квливидзе

(Перевод с грузинского)

356. ЛЕНИН

В ту ночь Земля в своем круговращенье
Вдруг резко изменила направление.
Багровый свет окрасил небосвод.
Гремели залпы с палубы «Авроры»,
И буревестник рассекал просторы
Над гребнями седых балтийских вод.

То был Октябрь семнадцатого года.
Приветствуя победу сил народа
Над миром рабства, мрака и тоски,
Ильич стоял со взором просветленным...
С тех пор Земля стремится неуклонно
По направлению ленинской руки.

(1960)

Кайсын Кулиев

(Перевод с балкарского)

357. ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

1

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

Касалась неба древних скал гряда
Со всех концов нагорного аула.
И, как туман, в аул ползла беда
По скалам, поднимавшимся сутуло.

Но скалы горя не могли сдержать —
Нужды и бед неумолимых войско.
Оно врывалось, яростная рать,
И сеяло тоску и беспокойство.

И — нет зерна. И — мрачен цвет камней,
И словно лед потоков горных воды,
И небеса — потоков холодной,
И, словно щели, узки огороды.

А дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна.
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжимает зерна.

С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий.
И кукурузу горец вез с равнин,
И зернам нартов радовались дети.

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось.
Где горек хлеб и тяжела беда, —
Шесть дней в том мире мне прожить досталось.

В ауле нашем был бедняк один
С нуждой своею — постоянным гостем.
В живых ему остался младший сын,
А старших путь оборвался погостом.

Как терпит камень жар огня и лед,
Так он терпел обиду и тревогу:

«Нас проклял сатана. И не найдет
Никто из нас счастливую дорогу».

Две дочери заснули смертным сном,
Как две звезды, — их оспа погасила,
Как два цветка нагорные. Потом
Двух сыновей взяла к себе могила.

Один от тифа умер. В снегопад
Другой сорвался со скалы прибрежной.
Живым остался младший, Бекболат,
В дому тоски единственной надеждой.

Мать, Халимат, молилась за него,
Седой отец о нем молился тоже,
Чтобы в земной юдоли ничего
Его судьбы не омрачило, боже.

Был склон горы кладбищенской горбат.
К могилам свежим в зарослях кизила
С горящим сердцем часто Халимат
В вечерний час тропинкою спешила.

Там, сердце погружая в темноту
Отчаянную смертную тоскою,
Погасли звезды матери. В цвету
Четыре вишни срублены весною.

Теперь на небе матери одна
Горит звезда. И как же не бояться?
И ночь кругом. Тропинка не видна,
И утреннего света не дожидаться.

Среди застывших каменных громад,
Оплакивая горькую утрату,
У очага садился Азамат,
И звезды не светили Азамату.

Он не сумел своих детей спасти —
Позвать врача или добыть лекарство.
В долинный мир отрезаны пути
Из диких дебрей каменного царства.

Я вижу саклю, вижу скудный свет
И Азамата каменную спину,
Заплатами рыжеющий бешмет
И бороды колючую щетину.

И я, двухлетним мальчиком, просил
У Азамата самодельный ножик
И, бегая по сакле, голосил,
Держа в руках ножны из черной кожи.

О Халимат, прости меня! Тогда
Знать было сердцу моему откуда,
Что есть на свете горе и беда,
В которых не спасает даже чудо.

Что много мўки в сердце. А муки
Ни горсточки, в переднике — заплата.
Как эти годы детства далеки. . .
А я, как брата, помню Бекбслата.

Вот он меня, на зависть детворе,
Сам из себя коня изображая,
Катает долго на своем дворе,
Потом везет, на ослика сажая.

Вот мы уходим к берегу Жылги,
Летит в поток волосяная леска,
И от нее расходятся круги,
Потом она, натягиваясь резко,

Звенит и вылетает. Наяву,
Подобная невиданному чуду,
Живая рыбка прыгает в траву.
Я этого до смерти не забуду.

А Бекболат, от радости смеясь,
Мне отдает ту рыбку на удачу.
И я тогда, богатый, словно князь,
В восторге счастья и смеюсь и плачу. . .

Форель и впрямь, как слиток золотой,
Горит и вырывается упрямо.

И, как цыпленок, я бегу домой,
Чтобы со мной порадовалась мама.

Вот Бекболат у сванов, в стороне
За перевалом, недоступной глазу,
Два яблока выпрашивает мне,
А я не видел яблока ни разу.

Я помню звезды над горбом горы,
Ущелья, утонувшие в туманах.
И Бекболат до утренней поры
Мне сказки говорит о великанах.

Нет, я не знал, что нет в горах бедней
И горестнее жизни Азамата,
Не мог понять, как смерть живых людей
Несет туда, откуда нет возврата.

И почему у одного — коней
Лихой табун, играющий на склоне,
А у другого — ветер меж камней,
Пустой очаг и ни осла в загоне. . .

А золотые рыбки, и хребты
Лиловых скал, и Бекболата сказки
В моей душе тревожили мечты
И поселялись, смешивая краски.

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

О, детства промелькнувшие года,
Душа моя не вами ли крылата!
. . .И в горести, и в радости — всегда
Я неизменно помнил Бекболата.

Белоказаки в горы ворвались,
 Тень виселиц застыла на дороге,
 Огнем пожара опалило высь,
 Запричитали женщины в тревоге.

Слеталось и кричало воронье
 Над темною тесниною Чегема.
 В тот день отец мой, зарядив ружье,
 Обнял меня и попрощался немо.

Аул Чегем разграблен был сполна,
 И в нашей сакле настезь дверь открыта. . .
 Там весь запас последнего зерна
 Рассыпали под конские копыта.

И мать моя, прижав меня к груди,
 Рассвет встречала, сидя у ограды.
 Кровавые дороги впереди,
 Туман и партизанские засады. . .

Потух огонь в холодных очагах,
 Как мамина случайная улыбка.
 И уплыла на легких плавниках
 И не вернулась золотая рыбка.

Забыл в те дни про сказки Бекболат
 И про меня, иною занят целью.
 Он в партизанский убежал отряд,
 Как тень в ночи, по темному ущелью.

. . .И партизаны выгнали врага,
 Как гонит буря снежную лавину.
 Но, встретив пулю, в мутные снега
 Упал мой друг без памяти на спину.

Его под буркой привезли в аул.
 Понуро кони разминали слякоть,
 Клубился снег, и ветер скалы гнул,
 И не решались женщины заплакать. . .

Они над ним сомкнули тесный круг.
А я, освистан снежной крутовертью,
Спал в эту ночь, не зная, что мой друг
В бреду и муке борется со смертью.

К нему под утро привели меня,
Но Бекболат навстречу не поднялся.
Кого-то призывая и кляня,
Он, как огонь, под буркою метался.

Я в бледный лоб его поцеловал,
Просил подняться со своей постели,
Чтоб мы опять пошли за перевал
И наловили удочкой форели. . .

Я звал его. Я был на всё готов,
Рукою бурку стаскивал с кровати. . .
Тогда я слышал много разных слов
Неслыханных, не для моих понятий.

Откуда было мне тогда понять,
Как может, на пути подкарауля,
К постели Бекболата приковать
Мизинца меньше маленькая пуля. . .

А он кричал: «Винтовка. . . Мой бешмет. . .
Где мой карман? . . .» — и падал, как в тумане.
Я слушал молча раненого бред:
Что за бешмет и что в его кармане? . .

Но взяли бекболатовский бешмет —
Кровь по нему разводами заволгла. . .
В его кармане отыскав портрет,
Все в очередь рассматривали долго.

Недоуменный отводили взгляд,
Пожав плечами, становились с краю.
И, посмотрев, сказала Халимат:
«Средь родичей такого я не знаю. . .»

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О, книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекболата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

И в книге той я увидел портрет,
И память озарилась ясным светом:
Я вспомнил бекболатовский бешмет
И дома стал рассказывать об этом.

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лёт паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое в пору!
Сын пастуха, его мечтой горя
Весь мир увидеть, поднялся на гору.

Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,

К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

4

Прошло еще три года. В третий класс
Я торопился каждый день с друзьями.
И книги завораживали нас,
Теперь уже не расставаясь с нами.

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь — неполна, а все дороги — узки.

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающий сурово,

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда вы так внимательно глядели,
Наверно вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью

Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатъич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставлю вам над вашей могилой.

Я свято вспоминаю о поре,
Где счастьем сердца не было границы,
Как я читал ребятам на дворе
Заветные о Ленине страницы.

Читал родным, и матери читал,
Гостям, соседям, путникам бывалым,
Табунщикам, чей зоркий глаз видал
Свет новых звезд над горным перевалом.

Я понимал, что их глаза смелей
Надеждой окрылялись понемногу,
Как у застрявших на скале людей,
В долинный мир увидевших дорогу.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами, как гора,
И наши души поднимала в горы.

И русский мастер с топором в руках
С артелью горцев-каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Мы прикрепили Ленина портрет
Над самым входом, на стене веселой.
И весь аул, как мотыльки на свет,
Спешил сюда полюбоваться школой.

Теперь учительствовал Бекболат,
Свою учебу кончив раньше срока.
Я этой встрече был не меньше рад,
Чем золотистой рыбке из потока. . .

Был чист и светел звонкий школьный зал,
Все пионеры в сборе были в зале.
И нам учитель новый рассказал
О тех боях на снежном перевале,

Когда его под буркой привезли
Друзья в аул, и стали к изголовью,
И на груди простреленной нашли
Портрет, залитый Бекболата кровью.

«Не узнаю», — сказала Халимат
Тогда и наклонилась над портретом.
А он для сына был родней, чем брат.
Откуда знать она могла об этом? . .

^
Нам тот портрет учитель показал.
С него глядел Ильич, глаза прищуря.
И наш учитель видел по глазам,
Какая в душах бушевала буря.

И зависть мы не прятали свою.
Не знали мы, что с Бекболом вместе
Придется нам идти в одном строю
Дорогой справедливости и мести.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
Но не уступит ленинское знамя,

Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату.
. . . Откуда ж в девятнадцатом году
Попал портрет в ауле к Бекболату?

Жил с нами рядом ссыльный Михаил,
Рабочий русский, мастер на все руки.
Он печи клал, игрушки мастерил,
Столярничал и плотничал в округе.

В горах он прожил долгие года,
Родным для нас, ни бедно, ни богато.

Из рук его и перешел тогда
Портрет вождя под сердце Бекболата.

... Сам Бекболат теперь сутул и сед,
Согбен уже трудами и годами,
Но тот давно подаренный портрет
Под ленинскими носит орденами.

Нас на рыбалке видели не раз,
Как двух друзей, у быстрого потока.
Проходит время, как ночной рассказ,
Старинным другом начатый до срока.

Я дружбу нашу свято берегу,
Она горит в душе моей так чисто,
Как первый бой за перевал в снегу
В душе седого друга коммуниста.

5

В Москве мело. Снег шел со всех сторон,
Как в наших скалах, самый чистый в мире.
Я вышел с Бекболатом, удивлен
Всем, что увидел в ленинской квартире.

Железная солдатская кровать.
Шаль на кровати. Ситцевые шторы.
А ум его миры умел объять
И должность высока была, как горы.

Я видел шали темную кайму —
В горах у нас такие носят шали, —
Мать подарила эту шаль ему
В час расставанья, в горький час печали.

В изгнание время медленно текло. . .
И, от родных за тридесатой далью,
Он, засыпая, чувствовал тепло
Родной души под материнской шалью.

И лучшая на целом свете мать
До сына снова не могла добраться,

И сыну больше не пришлось обнять
Родную мать и встречи с ней дожидаться. . .

Он жил, как все, кто, не жалея сил,
Хлеба растил, пускал чугуны из домны,
Хотя всегда на целый мир светил
Своей душой, чьи помыслы огромны.

Ни с чем нельзя сравнить его труды,
А сам он жил в квартире небогатой.
Ел хлеб, как все, — от белой лебеды
И отрубей сухой и горьковатый.

Здесь по Кремлю, подошвами стуча,
Он проходил походкою торопкой,
Надев пальто, у левого плеча
Заштопанное аккуратной штопкой.

Цари и графы, ханы и князья,
Ценою человеческой печали,
Паркетами вошными скользья,
Вы только нищим золотом блистали.

Что вам народ, его печаль и труд,
Плоды и хлеб, добытые рабами!
Репейник и крапива прорастут
Над вашими забытыми гробами! . .

Я вышел с Бекболатом, про себя
Судьбы великой повторяя повесть.
В Москве мело. С вершины декабря
Клубился снег, чистейший, словно совесть.

Снег оседал на позолоту глав
Церквей старинных и летел на крышу.
Мы молча шли Кремлем московским, став
Добрее сердцем и душою выше.

Мы шли, и каждый думал про себя,
Свои шаги отмеривая мерно,
Как Ленин, удивляясь и любя,
На снег такой в окно глядел, наверно.

И Бекболат в метели снеговой
Сказал слова с неповторимой жаждой:
«Что мы сегодня видели с тобой,
Увидеть должен на планете каждый».

6

Разноголосы в мире соловьи,
По-разному текут ручьи и реки.
В ауле каждом правила свои,
И голос свой дан каждому навеки.

Любой живой по-разному живет —
За перевалом и у перевала.
И мой ущельем стиснутый народ
Своя беда в пути подстерегала.

Едва живой въезжал в аул мой дед
На одноухом муле из долины
По тем тропинкам, где случайный след
Стирали камнепады и лавины.

Тот след петлял по осыпи камней
Ущельями, кинжальной уже раны.
Был мой народ, как древний Прометей,
Прикован к скалам, спрятанным в туманы.

Он камнем стал в теснинах рыжих скал,
Свой хлеб из камня выжимая черный,
Но только камень жалобы слышал
Души народной о судьбе упорной.

Он в сонмы звезд бесчисленных глядел,
Ждал откровенья разуму и глазу.
Не раз без хлеба на воде сидел,
Но мужества не уронил ни разу.

Он песни пел. Как звезды, в них жива
Тоска и боль. Их давний путь просторен.
И мельницы крутили жернова,
Хоть ран на сердце было больше зерен.

Его герои к золотой поре
Мечтой тянулись из ущелий тесных
И гасли так, как звезды на заре.
Их имена навек остались в песнях.

Как солнца свет, светили до конца
Через обиды, горечи и годы,
Кровоточа, отважные сердца
Твоих абреков — рыцарей свободы.

Ты всё познал, мой каменный народ,
Свои дороги не коврами выстлав!
И жизнь твоя в пословицах живет,
Исполненных трагического смысла.

Ты сам сказал: «На чью арбу залез —
Того и песню запевай в дороге».
Арба, скрипя, ползла наперерез
Ущельям через горные отроги.

Ты сам сказал, что «мужество души
Ломает скалы», — и поверил в это.
Светильника души не потушил —
Пронес его до самого рассвета.

Оно пришло, как солнце сквозь туман
В ущелье, знамя ленинского дела.
Был свет его сияющий багрян —
Кровь храбрецов на знамени горела.

И мужество, которое ты нес,
Орлиным взмахом развернуло крылья,
Арбу насилья сбросив под откос,
Отрезав в горы все пути насильям.

И каменные жалобы твои
Душой своею чутко Ленин слышал.
Ты шел за ним сквозь дебри и бои,
Чтоб видеть дальше — поднимался выше.

Апрель в то утро, горы веселя,
 Одел, наверно, легким пухом ивы,
 Зазеленела горная земля,
 Запенились чегемские извивы.

И маки разбежались по земле.
 И в этот день на дальней Волге где-то
 У русского учителя в семье
 Родился мальчик в тихий час рассвета.

Был звонок крик, а может, первый плач
 Открывшего на мир глаза пострела.
 И, как всегда, готовился палач.
 И дожидались узники расстрела.

И, как всегда, мой дед спешил в аул.
 И осыпалась горная порода,
 И оступался длинноухий мул
 У каменной ограды огорода.

А Азамат чужие гнал стада.
 Цвела на скалах шапка заревая,
 И на пиру богатом тамада
 Зевал, об утре не подозревая.

Десятилетним мальчиком Кязим¹
 В бешмете рваном по дороге старой
 Высоко в горы с посохом своим,
 Наверно, поднимался за отарой.

Откуда было знать ему о том,
 Что, став поэтом гор, через полвека
 Он будет славить вещим языком
 Рожденного в то утро человека?

Ткачи, как прежде, на работу шли,
 Шахтер врубался в каменные своды...
 Откуда знать в тот день они могли
 О сердце народившейся свободы?

¹ Кязим Мечнев (1859—1945) — балкарский народный поэт.

Не знал об этом горестный мужик,
С картошки еле волочивший ноги.
Не знал пастух, закутанный в башлык,
Застигнутый бураном у дороги...

Я вечно буду славить этот день,
Он для меня высоким светом светел, —
Мы без него бродили б, словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел,

Как серый пух убитого орла,
И наш язык пропал бы бесполезно,
Как конь, окровенивший удила,
Подстереженный каменной бездной.

Но он не сгинул в смутном далеке, —
Я стих веду, как поводами правлю,
Пишу стихи на этом языке
И тот апрель благословенный славлю.

Пою деревьев той поры красу
И травы воспеваю, словно друга,
И на траву упавшую росу,
И синий воздух заливного луга;

И свет звезды, и птичий разговор,
Дождя по крышам шум и перестуки,
И сына выводящие во двор
Добрейшие, внимательные руки;

Блеск радуги над Волгою-рекой,
Ее оттенков сполохи живые,
И рощи той березовой покой,
Где он ходить осмелился впервые;

И груди материнской молоко,
И добрых глаз добрейшую улыбку,
И руку, покачнувшую легко
Бессонной ночью маленькую зыбку;

Ораву босоногой детворы,
С которой Ленин заигрался в прятки,

И тот букварь, прочтенный до поры,
В обложке синей школьные тетрадки;

И школьный класс, гудящий роем пчел,
И книги, пережившие столетья,
В которых Ленин в первый раз прочел
О злой несправедливости на свете...

Я славлю это, как седой Кязим
Страну Советов вещим словом славил
И, совестью чистейшей не казним,
Нам сердце откровенное оставил.

Приветствуя высокой цели жизнь,
Испивший мудрость из ее колодца,
Он говорил о прошлом: «Не держись
За камень тот, что со скалы сорвется».

8

Всё лучшее на свете для меня
В поэзии души — открытом храме —
Всей теплотой сердечного огня
Я сравниваю с гордыми горами.

Что слишком часто я пишу о них,
Меня мой критик судит однобоко.
Товарищ Ленин, думаю, мой стих
Не заслужил подобного упрёка...

Пусть упрёкают. За перо берусь —
Толпятся горы у стихотворенья.
Мне вот сейчас, пожалуй, лишь Эльбрус
Один бы пригодился для сравненья!

Всегда видна с заоблачных вершин,
Как сердце друга, дальняя равнина.
А всё, что Ленин на земле свершил, —
Для всех веков великая вершина.

О мой Эльбрус! Ты и высок и бел.
Таких вершин в Европе не отыщешь.

Но Ленин выше в развороте дел,
И мысль его снегов Эльбруса чище.

За мир познания я в него влюблен,
Его идеи ревностный служитель.
А он был прост, сердечен и умен,
Внимателен и мягок, как учитель.

Он был в дерзанье революций смел,
Народы за собою поднимая.
И он умом миры обнять умел,
И был задумчив, как поэт, мечтая.

Построить мост в грядущее сумев,
Он строил планы, чей размах огромен,
И слушал, от восторга онемев,
Как ликовал по клавишам Бетховен.

Я всей душою в Ленина влюблен.
Он для меня — всегда орел в полете.
И вижу я, как раскрывает он
Том Тютчева в старинном переплете...

Играет с ребяташками... Затем
Смеется с ними звонко, балагурия,
И видит не открытое никем
В той стороне, где закипает буря.

Я вечно славить Ленина готов.
И воздух свеж. И мир души не тесен.
Спешу, мой стих, ручьем от ледников
В людское море радости и песен!..

Пусть грозные и светлые года
Идут, как ливни через горы прежде,
Но с Лениным народам никогда
Не потерять своих путей к надежде.

Он больше всех для радости людской
На свете сделал и оставил свету, —
И в горести и в радости простой
Зовет вперед. Иной дороги нету!

Как вешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая, —
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная!

1956—1960

Джубан Мулдагалиев

(Перевод с казахского)

358. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

У благодарности в плену,
к нему пришел я
на свиданье,
боясь нарушить тишину
своим взволнованным дыханьем.

Глубокой думой осень,
негромким орденom алея,
он потрясенного меня
спокойно
встретил в Мавзолее.

Хоть в давний миг,
жестокий миг,
Ильич ушел от нас навеки, —
я знал, он на сынов своих
глядит сквозь сомкнутые веки.

Ведь неспроста
в сердца проник
могучий свет в багровых бликах.
И я стоял,
как ученик,
перед учителем великим.

Мы все
минуты этой ждем:
одолевая расстоянья
и проходя перед вождем,
проходят люди испытанья.

Проходят здесь его века
и совесть высшая планеты.
В какой-то миг
моя рука
сама коснулась партбилета.

Коснулась, дрожи не тая,
как бы священного чего-то.
В нем жизнь моя,
в нем честь моя,
мои дерзання и заботы.

И пусть потом
с учеником
не скоро встретится учитель, —
как большевик с большевиком,
навекы мы неразлучимы!

<1960>

Григорий Санников

359. ЛЕНИН И УЭЛЛС

Внимателен и откровенен,
В сужденьях неопровержим,
Беседовал с Уэллсом Ленин,
Растерянным, но не чужим.

То замыкался на мгновенье,
То вдруг улыбчив, то суров,
Развеивал недоуменья
У автора «Борьбы миров».

И тот дивился, озаренный,
На собеседника в Кремле,
На то, как он над разоренной
Страной, дичающей во мгле,

Волнуясь, зажигал светила
Высоковольтного огня
И шурился: глаза слепила
Россия завтрашнего дня.

<1960>

Григорий Петников

360. ГЛЯДЯ НА ЛЕНИНА

Я родства с тобой не забываю:
Первый взгляд мой часто на тебя —
Чувством направленья обладая,
Я не заблужусь, когда, любя,

Я дорогу не по звездам только
Или по главным компасам —
Курс прокладываю ночью долгой
По светящимся — *твоим* глазам,

Столько перевидевшим на свете,
В ссылках и борьбе — не потеряв
Первой свежести, что разве на рассвете
Так сияют, как роса средь трав.

Если новые локаторы обманут,
То глаза твои — уж никогда! . .
Вижу их в людском, широком плане,
Вглядывающимися в меня.

Нет! И поручней с тобой не надо мне,
Чтоб над пропастью тридцатые пройти:
Знаю слово я — живое снадобье,
Помогающее в пути.

От каких корней — лучей оно?
Вросших в почву. Ленинских. Живых.
Из Октябрьских зерен, вовремя посеянных,
Нелегко взошедших на крови.

...А теперь здесь всё в знаменах утренних
Зацветающих садов — весной, —
Мне бои за мир напоминающих
Давнею — и нынешней порой.

1960

Баграт Шинкуба

(Перевод с абхазского)

361. У ЛЕНИНА

Под морозным небом в облаках,
Мимо древних, знаменитых зданий,
В черных бурках, в белых башлыках
Шли Москвой абхазские крестьяне,
Нет, не шли — летели по земле,
Чтоб увидеть Ленина в Кремле.

В ленинский вступили кабинет,
Где их встретили теплом и лаской,
Принесли они вождю привет
От своей республики Абхазской,
И, в смущенье сбросив бурку с плеч,
Встал один старик и начал речь.

Но Ильич сказал: — Поговорим
По душам, друзья, вставать не надо! —
Что тут стало с пахарем седым!
Он обвел абхазцев робким взглядом:
Как теперь мы выход тут найдем —
Мне сидеть пристало ль пред вождем?

Постоял, с волнением поглядел,
Наконец, вздохнув, повел он слово:
— У тебя-то, Ленин, столько дел
Ради блага и труда людского,
Что тебе и некогда присесть,
Мне же постоять здесь — только честь.

Под кремлевским сводом, в зимний день,
Потекла душевная беседа,
Будто люди разных деревень
Повстречали умного соседа:
Так и так, мешают богачи,
Помоги советом, научи.

— Да, покуда беден ваш народ,
Гол крестьянин, жизнью изнуренный,
Он сохою пашет, он живет
В нищей пацхе — в хижине плетеной,
Но сумеет счастья он достичь,
Мы поможем вам,— сказал Ильич.

Сделалось от этих слов светлей!
Но пора уйти: ведь Ленин занят,
Он возводит счастье для людей,
И на всей земле оно настанет!
А в Москве — мороз. Москва — в снегах,
Снег блестит на бурках, башлыках.
Там, на родине, уже тепло,
Слышен смех в морском протяжном шуме,
И мелькает ласточки крыло,
И пылает солнце над Сухуми,
И листвы пленителен приют,
Возле моря яблони цветут,
И целебна родников струя,
Воздух свеж на горном перевале...
— Что же мы наделали, друзья?
Ленина мы в гости не позвали!
Мол, хотя б немного в эти дни
Ты у нас в Сухуми отдохни.

...Гость с улыбкою встречается у нас,
А Ильич любых гостей дороже.
Одного простить себе не можем —
Не сказали в памятный тот час:
— Отдохни, Ильич. В наш теплый край
Ну хотя бы на недельку приезжай.

1960

Гафур Гулям
(Перевод с узбекского)

362. ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ НА ВОСТОКЕ

Памятник Ленину — вот он, у нас на Востоке...
Библиотека в Ташкенте и надпись у входа.
Надпись на камне — простые и строгие строки —
Светлая память восстания пятого года.

Памятник Ленину — вот он стоит над Востоком;
Памятник Ленину нами воздвигнут навеки.
Нежностью он наполняет сердца и восторгом.
— Ленинцы мы! — говорят мои братья узбеки.

Каждая строчка его всенародных декретов
Стала садами, и светом, и нашей дорогой.
Эти высокие окна университета,
Полные солнца глаза трудового Востока.

Землю Востока он сделал навек молодой —
Землю, которую зноем века опалили.
Мысли его животворны — живую воду
Землю сухую Востока они напоили.

Памятник Ленину — вот он, у нас на Востоке.
Книги его в переплетах рассветного цвета,
Ленина томики — мудрости вечной истоки.
Взгляд его добрый, бесценно глядящий с портрета.

Памятник Ленину — это река, что с разбега
Рушится вниз и турбины приводит в движенье.
Памятник Ленину — лампочка в доме узбека,
Теплого-теплого взгляда его отраженье.

1960

Максим Танк
(Перевод с белорусского)

363. ТАМПЕРЕ

Когда здесь Ленин был, пожалуй,
Как и сегодня, ветер шальный

Взвивал клубами дым фабричный,
Свистел над Нясиярви зычно,

Носился со слепым упорством
Над улицами Таммерфорса,

Швырялся пригоршнями снега,
Толкал на поиски ночлега.

Я этот город слабо знаю.
Но, хоть погода нынче злая,

Я не ищу уютных комнат,
Хочу найти места, где помнят

Походку Ильича и взгляд
И голос в памяти хранят.

Хочу войти в дома простые,
Куда он заходил впервые.

Рабочий клуб. Цветы на сцене.
Здесь побывал когда-то Ленин.

Гранитные мосты и зданья,
Сердечные воспоминанья.

Здесь прошлое передо мною
Встает нетленное, живое.

Здесь, как везде на белом свете,
Покажут вам отцы и дети

Места — народные святыни,
Где помнят Ленина и ныне.

Он, как земляк, любому дорог,
Он не покинул этот город.

1960

Константин Ваншенкин

364. ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.

Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.

Так только дети — кровь живая
Давно погибшего отца —
Глядят, всё больше открывая
В чертах родимого лица.

1960

Вероника Тушнова

365. СУДЬБА РОССИИ

Грачи галдели,
было половодье,
светились ветлы пухом золотым. . .
Его назвали ласково
Володей
и любовались лобиком крутым.
Ночами в окнах
вздрагивали стекла,
в них барабанил ветер озорно.
Ребенок спал,
тяжеленький и теплый,
как спит до срока
в борозде зерно.

Уже в нем силы зрели
и бродили,
готовые пласты веков
поднять.
А в гости сослуживцы приходили,
хвалили сына,
поздравляли мать
и, постояв у колыбели чинно
по вежливой традиции гостей,
вновь говорили —
о делах мужчины,
а женщины
про жизнь и про детей.
Как дальше будет? —
думали-гадали,
предполагали, спорили,
а там
чай допивали, пироги съедали,
спохватывались:
надо по домам!
«Нет, нет, не провожайте нас!» —
просили
и уходили в суетные дни,
не понимая,
что судьбу России
уже воочью
видели они.
(1961)

Марк Лисенский

366. УЛИЦА МАРИ-РОЗ

Улица Мари-Роз,
Париж.
Лампа не гаснет в доме четыре,
Светятся окна.
Полночь. Тишь.

Ленин работает в этой квартире.
Шутит хозяйка:
«В Париже нет
Из-за вас керосина ни грамма».
Улыбается Ленин в ответ:
Говорит, что лампа упряма,
Без керосина не хочет гореть...
А может, лампа с изъяном?

Люди приходят сюда посмотреть,
Как жил господин Ульянов.
А жил господин, как рабочий простой,
Бедам житейским не поддавался.
По лестнице узкой, скрипучей, крутой
С кипкою книг к себе поднимался.
Похож на каморку его кабинет.
Некрашенный стол.
На диване — книжки...
Теперь ни стола, ни дивана нет:
Они были дряхлыми слишком.
Старая лампа светила ему,
Служила чернильницей чашка.
Известно лишь Ленину одному,
Как Ленину было тяжко.
Не потому, что он впроголодь жил,
Ботинки носил худые...
Он по России в Париже тужил,
Думал о бедной России.
Не зря же волнение сердца обожгло
У тех, кто парижской весною
Принес в этот дом из России тепло,
Ту улицу сделал родною.
Рассеяло солнце над Сеной туман,
Нам улица стала знакома,
Как будто мы были среди парижан
Под окнами старого дома.

(1961)

Александр Гитович

367. НЕ ЛЕНИН ЛИ ГОТОВИЛ ЭТОТ ЧАС...

Ю. А. Гагарину

Не Ленин ли готовил этот час,
Когда соединил рабочий класс
Свой светлый ум и золотые руки
И, не подвластный никакой судьбе,
Весь род людской он пригласил к себе
На пиршество отваги и науки!

Апрель 1961

Александр Гатов

368. ЛЕНИН

Горжусь я с Родиною вместе,
Что Ленин — русский человек,
Что вывел он на подвиг чести,
На бой за мир Двадцатый век.

Как вождь, как истинный волжанин,
Он бросил вызов миру зла,
И над земными рубежами
Звезда возмездия взошла.

Он родился в семидесятом —
В году, который был чреват
Коммуны знаменем крылатым,
Огнем парижских баррикад.

И от Парижа до Симбирска
Прошел тогда сквозь души ток,
Что, вспыхнув большевистской искрой,
Зарю Октябрьскую зажег.

Так дух мятежный и суровый
И Маркса мысль соединя,
Он стал творцом эпохи новой,
России будущего дня.

Из поколения в поколение
Бойцам, поэтам, горновым
Протягивает руку Ленин
И с пьедестала сходит к ним.

В сердцах народов имя-знамя.
Во славу ленинской земли
Атомоход в бою со льдами,
И мчатся в космос корабли.

Заводы как стальные оды!
Пшеничный гимн! Плечом к плечу
За счастье борются народы
И строят жизнь по Ильичу.

1961

Илья Девин

(Перевод с мордовского-моника)

369. ОТЧЕГО НОЧИ СТАЛИ СВЕТЫМИ

Когда еще мальчишкой был я малым,
Любил я слушать сказки, слушать были...
К односельчанам подходил бывалым,
Ловил всё то, что люди говорили...
Один твердил:
— Да я не лгу, ей-богу... —
Другой свое:
— Я помню этот город,
Да только позабыл туда дорогу —
Не знают там про лапти и про голод... —
Велись часами разговоры эти,
Я помню их неспешное течение,
Слова: «Счастливый город есть на свете —
Готов хоть руку дать на отсечение...»

Но мне одна запомнилась беседа:
В тот летний вечер люди приходили
Послушать однорукого соседа —
Он с Лениным встречался, говорили...

— Давно то было. Ныне нами всеми
Забыты те лишения и беды.
Пешком под стол в то горестное время
Ходили наши прадеды и деды.
Уже тогда мечтали предки наши
О том, чтоб ночи сделались светлее:
Стояла тьма чернее черной сажки,
За ночью ночь — всё тягостней и злее...

И люди в темноте разжечь пытались
Свои костры —
Но быстро гасло пламя. . .
В кромешной тьме растерянно скитались,
Шептали в страхе:
«Что же будет с нами? . . .»

И вот, — сосед промолвил одноруким, —
Устав от жизни темной, обнищавшей,
Мы, тех людей и правнуки и внуки,
Костер разжечь решили небывалый!
Собрал же нас
И силы дал нам — Ленин.
Развеял мрак, к дороге вывел вольной.
Был ум его могуч и дерзновенен. . .
Вы про «Аврору» слышали?
Про Смольный?

Там, в Петрограде, мы костер раздули —
Ильич нам дал негаснущие спички. . .
Я руку потерял, идя под пули, —
То тут, то там завязывались стычки. . .
Пылал огонь всё радостней, всё шире —
Зажег Ильич тот факел лучезарный.
И свет его
Повсюду виден в мире,
И Ленину
Народы благодарны! —

Давно уж нет среди нас того соседа,
Что руку потерял в борьбе за счастье.
А почь — светла, и позабыты беды,
И навсегда развеяно ненастье. . .

1961

Аркадий Клабуков

(Перевод с удмуртского)

870. У ЛЕНИНА

Устав от нелегкой дороги,
В крестьянских своих зипунах,
Смущенно стоят на пороге,
А в душах — надежда и страх. . .

Ильич к ним подходит. От взгляда
Становится сердцу тепло. . .
— Пройдите, стесняться не надо.
Так что вас ко мне привело?
Вас, верно, послала община
По нужным, по важным делам?
Товарищи, в чем же причина,
Что слова не вымолвить вам?

И входят удмурты-крестьяне
В простой кабинет Ильича, —
Глаза их как будто в тумане,
Кровь бьется в сердцах, горяча. . .

К стоявшему около двери
Плечистому бородачу
Ильич подошел — и с доверьем
Тот глянул в глаза Ильичу.

— Как звать вас?

— Лавыром. . .

— Уж сразу

Скажите и отчество. . .

— Хм. . .

Отцовское имя ни разу

Не ставилось рядом с моим. . .

— Так было. Но разве же схожи

Былые — и новые дни?

Так как же по батюшке всё же?

— Иваныч. . .
— Не стойте в тени,
Садитесь поближе, о деле
Давайте вести разговор. —
. . . Сердца у крестьян потеплели,
Слова обретали простор.

А Ленин выслушивал живо,
Пытливо расспрашивал он:
На хлеб какова перспектива,
Как приняли новый закон?

Крестьяне поведали много
О дальнем удмуртском селе. . .
Спросили: а как же без бога?
Чем кончится спор о земле?

Лавы́р же промолвил: — Народу,
Мы видим, по сердцу пришлась
Несущая мир и свободу
Власть новая. . .
Наша ведь власть. . .
Но власть ведь считаться с народом
Должна же, Владимир Ильич?
— Конечно!
— Вот мы, всем приходом,
Давно обжигали кирпич:
Церквушка стара, неказиста
В селе —
Время новую класть. . .
Да взяли кирпич коммунисты —
Комбеды, Советская власть. . .

— Для церкви кирпич? А вот школа,
Наверно, большая у вас?
— Избенка. . . В ней сыро и голо,
И раньше пуста — и сейчас. . .

— Иваныч! Так как же мы будем
Без школ к коммунизму идти?

Под силу ль неграмотным людям
Прокладывать к счастью пути?
Поверьте, приятнее глазу,
Чтоб в школьную стену кирпич
Был вложен. . .
Уж мы его сразу
Вернем вам! — промолвил Ильич.

Никто и не думал, что Ленин
Вот так разговор повернет. . .
С народом он был откровенен —
Был с ним откровенен народ.

Текла задушевно беседа. . .
Всё взвесив, продумав, поняв,
Сосед посмотрел на соседа:
— А Ленин-то все-таки прав!

...«Лавы́ром» всю жизнь тебя звали,
Лаврентий Иванов. . . Теперь
Увидел ты ясные дали,
Раскрыта в грядущее дверь!

Мальчишкой — не ведал о школе,
Была она в дальнем селе. . .
Работал без устали в поле,
Вслепую ходил по земле.

Пойми перемену большую,
Себе и народу ответь:
Что лучше — воспрянуть душою
Иль в темных церквах плесневеть?

И думали люди упорно
О детях своих, об отцах —
И ленинской мудрости зерна
Уже прорастали в сердцах.

Лавы́р, поразмыслив, ответил:
— Как жизнь изменилась! До дна. . .
Мир станет прекрасен и светел,

Не церковь нам —
Школа нужна!

... По лестнице сходят крестьяне.
Все мысли — о встрече в Кремле.
Их взоры уже не в тумане,
Прямее идут по земле!

В село ходоки возвратятся —
Его перестроят они.
В домах и в сердцах загорятся
Надежды и счастья огни.

1961

Сибгат Хаким

(Перевод с татарского)

**371. ПИСЬМО ЛЕНИНУ ОТ КРЕСТЬЯН
ДЕРЕВНИ КОКУШКИНО**

Это было декабрьской порой
На просторе казанских широт.
Завершается двадцать второй,
Двадцать третий навстречу идет.

Ветер голода грозно метет
По замолкшим дворам деревень,
С крыш солома ободрана вся,
И разобран на топку плетень.

Серебрящимся светом луна
Освещает измученный край,
Над Кокушкином молча стоит
И блестит над тобой, Апакай.

Две подруги, две бедных сестры —
Две деревни моей стороны,
Вам бы только до солнца дожить,
Дотянуть до зеленой весны.

Забирает всё круче зима,
Всё сильнее пробирает мороз...
Отчего ж в это время сюда
Вдруг дыханье весны донеслось!

Стало вроде бы сразу теплей,
С окон словно бы стронулся лед,
И, собравшись в просторной избе,
Оживился ослабший народ.

Здесь когда-то Владимир Ильич
Жил в начале пути своего,
И в историю века вошла
Эта первая ссылка его.

Не забыли об этой поре
Деревенской земли старики,
Ветви зимних склонившихся ив,
Берега занесенной реки.

Да, наверно, он помнит и сам, —
Быть не может, чтоб он позабыл, —
Как с народом тогда толковал,
Как по нашим тропинкам ходил.

Хорошо бы добраться к нему,
Побеседовать с глазу на глаз:
Ты свободу и землю нам дал,
Помоги же нам снова сейчас.

Объявился охотно ходок,
Собирается в путь второпях;
Жаль, гостинца нельзя прихватить —
Только ветер один в закромах.

И надежен бывалый ходок,
И дорога как раз хороша,
Но в карманах крестьянских пустых
Не нашлось для него ни гроша.

Приуныли сперва старики,
Но потом, пораскинув умом,

Рассудили — хоть в общем письме
Рассказать Ильичу обо всем.

«. . Мы полки чужеземных врагов
Разгромили оружием своим,
И на нашу советскую жизнь
Мы твоими глазами глядим.

По широкой дороге твоей
Мы сознательно сами идем,
Без приказа свое кулачье
Осудили бедняцким судом».

(Без чинов, а по-свойски, на «ты»
Говорили они с Ильичем:
Ведь за месяцы ссылки его
Стал он вроде бы их земляком.)

«В этот черный засушливый год
Не видали мы вовсе дождей;
Вместо хлеба и вместо овса
На полях лебеда и пырей.

Сладить с горькою этой бедой
Нам одними руками невмочь—
Только лошадь, лишь лошадь одна
Может вызволить нас и помочь.

Слух прошел, что Советская власть
Хочет в долг продавать лошадей.
Посодействуй, Владимир Ильич,
Всей крестьянской земле порадей...»

Наклонились над низким столом
Старики в белых шапках седин.
Уважительно держит перо
Грамотей деревенский один.

Вот они разошлись по домам
В ожидании лучших времен. . .

Мне известно, что в двух деревнях
Снился им одинаковый сон:

От полян, где цветы и трава
Вешним солнцем прогреты насквозь,
Лошадиное ржанье сперва
Еле слышно сюда донеслось.

Вот уже и дорога кипит,
Кони тесно идут табуном,
Вот от топота многих копыт
Вся окрестность пошла ходуном.

Вот они вереницей стоят,
Красотой поражая своей,
И на утреннем солнце блестят
Разномастные крупы коней.

Сам Ильич под уздцы их берет
И заводит их сам во дворы. . .

Сбылся сон твой, крестьянский народ,
Дожил ты до великой поры.

Не воротятся те времена,
Горе горькое скрылось вдали.
Широко ты шагаешь, страна,
Воплотившая счастье земли!

1961

Сильва Капутикян

(Перевод с армянского)

372. ТВОЙ ПАМЯТНИК

Нет — монумента мы не воздвигали,
Холма не выбирали повидней,
Чтоб ты царил на пышном пьедестале,
Далек от шума, от людей,

Превыше всех, как идол некий,
В своем всевластии уверенный навекп. . .

Нет, ты иначе в город наш вошел!

. . . Был Ереван бескровен, гол.
Улыбчивый, веселый, деловитый,
Держа строительные чертежи,
Остановился ты — но не в тиши —
На звонкой площади, ветрам открытой!

Ты вместе с нами строил город наш,
Как мы, седел от известковой пыли,
И окна новых зданий взор слепили,
И песни, словно птицы, мимо плыли,
И в небо шел за этажом этаж.

Ты слышал стен старинных стоны —
В прах обращались дряхлые дома.
И день рабочий блек.
И подступала тьма.
И очи закрывал наш город утомленный.
И на бульваре пел флейтист слепой,
Бежавший из пылающего Вана,
Глаза мерцали сталью ятагана,
Текла мелодия кровавою рекой. . .

Всё слышал ты. И видел всё ты,
Знал упования наши и заботы.

Ты с нами был.
Ты жил среди нас,
Ни на мгновенье нас не покидая.
И мы росли,
И жизнь неслась —
Безудержная, молодая.

Но монумента мы не строили тебе.
Ты не царишь над городом, надменен,
Ты среди нас — в делах, в сердцах, в судьбе.
О, ты — не памятник,
Ты — наш товарищ Ленин. . .

<1962>

Иван Драч
(Перевод с украинского)

378. ПРОМЕТЕЕВА БАЛЛАДА

Столетия текли у бровей моих тучами
И потом катились с крутого чела,
И солнце истерлось о крылья орла,
Что бил мое сердце, усердьем измученный.
Года высыхали, как росы на скалах,
Закраплены кровью, заснежены злом,
Гефест приковал меня — был я юнцом, —
Земля мне навеки пристанищем стала.
Пришел я весною, а завтра мороз
Осыплет мне голову белую пылью.
Огонь — мой сынок — безотцовщиной рос,
Ведь руки отцовские скованы были. . .

Ты атомный ныне, огонь мой кудрявый,
Сынок мой родной, трижды проклятый мой,
Глотаю я воздух войны грозовой,
Как будто дышу вулканической лавой.
Мой сын, у отца еще скованы руки,
Но с сердцем бездонным по свету иду,
То дух мой, бессмертный обветренный дух,
Сквозь тучи пробился в Шевченковы муки.
Ты отцеубийцею был, мой огонь,
Когда я горел, воплотившись в Джордано,
Мой долг — умирать и страдать неустанно
Под свистом и лаем всех пуль и погонь.

Я в сердце Лумумбы не жить не могу,
Я всюду, где нужно развеять туман.
Чтоб росам искриться на каждом лугу,
Гляжу я на солнце зрачками из ран.
Как прежде, для рук моих в черном краю
Оковы куют, и решеток ограды.
Рожденный в Элладе —
 в застенках Эллады
Я Глезос, и голос я свой подаю. . .

И стали от злобы бессильной воронами,
Клюя мое вечное сердце, орлы.

И флагом поднялся огонь мой из мглы,
И грозным пожаром бушует над тронами.
Меня

среди черных
и белых
людей

Найдете по звону тюремных браслетов...

Он с Лениным ходит по тюрьмам планеты,
Он — ленинец духом, старик Прометей!

(1962)

Петрусь Бровка

(Перевод с белорусского)

874. «ПРАВДУ» ЧИТАЕТ ЛЕНИН

С юности давней запомнилось мне,
Сердце мое наполняя волненьем,
Старое фото на светлой стене —
«Правду» читает Ленин.

Входит рассвет в пробудившийся дом,
В первых лучах, в озаренье весеннем,
Вижу с утра за рабочим столом —
«Правду» читает Ленин.

Вижу глаза его с блеском живым,
Силу мечтаний и славу свершений,
Домны, плотины встают перед ним —
«Правду» читает Ленин.

Дальние дали с вершины видны,
За поколеньем идет поколеньем,
Шелест пшеницы в краю целины —
«Правду» читает Ленин.

Правда сильнее угроз и неправд,
В ней — и дерзание и вдохновенье.
За космонавтом летит космонавт —
«Правду» читает Ленин.

Солнце идет по огромной стране,
Неугасимо, как наше стремленье.
Мир просыпается. Радостно мне —
«Правду» читает Ленин.

1962

Миртемир

(Перевод с узбекского)

875. СВЕЧА

Как памятник пред нами предстает
Подсвечник в кабинете Ильича.

Бывало, Ленин ночи напролет
Писал, писал, а тонкая свеча,
Казалось, озаряла целый мир,
И нашу Русь, и Запад, и Восток.
Идет война, а нужен, нужен мир,
И нефть нужна, и уголь. На листок
Ложатся буквы. Людям нелегко,
И за декретом следует декрет:
Рабочим — хлеб, детишкам — молоко,
Ташкенту — первый университет.
Земля в Степи Голодной горяча —
Пусть там родится плодоносный цвет! . .

И озаряет тонкая свеча
Весь мир, всю новизну грядущих лет.

1962

Андрей Вознесенский

376. ЛОНЖЮМО

Поэма

*Посвящается слушателям
школы Ленина в Лонжюмо*

АВИАВСТУПЛЕНИЕ

Вступаю в поэму,
как в новую пору вступают.
Работают поршни,
соседи в ремнях засыпают.
Ночной папирской
летят телецентры
за Муром.
Есть много вопросов.
Давай с тобой, Время,
покурим.

Прикинем итоги.
Светло и прощально
горящие годы, как крылья, летят за плечами.
И мы понимаем, что канули наши кануны,
что мы, да и спутницы наши, —
не юны,
что нас провожают
и машут лукаво
кто мамным шарфом,
а кто — кулаками. . .

Земля,
ты нас взглядом апрельским проводишь,
лежишь на спине, по-ночному безмолвная.
По гаснущим рельсам
бежит
паровозик,
как будто
сдвигают
застежку
на «молнии».

Пусть корою сосна дремуча,
сердцевина ее светла —
вы терзайте ее и мучайте,
чтобы музыкою была!

Чтобы стала поющей силищей
корабельщиков, скрипачей. . .

Ленин был
из породы
распиливающих,
обнажающих суть
вещей.

2

Врут, что Ленин был в эмиграции.
(Кто *вне* родины — эмигрант.)
Всю Россию,
речную, горячую,
он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
пили в Питере под охраной,
воровали казну галантно,
жрали устрицы и гранаты —
эмигранты!

Эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками,
отгораживались газетами
от осенней страны раздетой,
в куртизанок с цветными
гривами —
эмигрировали!

В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый,
среди великодержавных харь,
среди ряс и охотнорядцев,
под разученные овации
проезжал глава эмиграции —

царь!

31

Раз!..

...А где-то в начале века
человек, сощуривши веки:
«Не играл давно», — говорит.
И лицо у него горит.

4

В этой кухоньке скромны тумбочки,
и, как крылышки у стрекоз,
брезжит воздух над узкой улочкой
Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
и совсем из других миров
слышен колокол доминиканский,
Мари-Роз,

прислоняюсь к прохладной раме,
будто голову мне нажгло,
жизнь вечернюю озираю
через ленинское стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
меж торговых, машин, корзин,
на прозрачном велосипеде
проскользил,

или в том кабачке хохочет,
аплодируя шансонье!
или вспомнил в метро грохочущем
ослепительный свист саней?

или, может, жару и жаворонка?
или в лифте сквозном парит,
и под башней ажурно-ржавой
запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжат,
точно в воду погружены,
как у крабов на побережье,
у соборов горят клешни, ¹

над серебряной панорамой
он склонялся, как часовщик,
над закатами, над рекламами,
он читал превращения их,

он любил вас, фасады стальные,
точно ракушки в грустном стиле,
а еще он любил Бастилию —
за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
баррикадами взвив кольцо,
проступало ему Революции
окровавленное
лицо,

и, глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
всё в скворечниках и маевках,

а за ними — фронты, юденичи,
Русь ревет со звездой на лбу,
и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду,

вот зачем, мой Париж прощальный,
не пожар твоих маляров —
славлю стартовую площадку
узкой улочки Мари-Роз!

Он отсюда
мыслил
ракетно.
Мысль его, описав дугу,
разворачивала
парапеты
возле Зимнего на снегу!

(Но об этом шла речь в строках
главки 3-й, о городках.)

В доме позднего рококо
 спит, уткнувшись щекой в конспекты,
 спит, живой еще, невоспетый,
 Серго,

спи, Серго, еще раным-рано,
 зайчик солнечный через раму
 шевелится в усах легко,
 спи, Серго,

спи, Серго, в васильковой рубашечке,
 ты чему во сне улыбаешься?
 Где-то Куйбышев и Менжинский
 так же детски глаза смежили.

Что вам снится? Плотины Чирчика!
 Первый трактор и кран с серьгой!
 Почему вы во сне кричите,
 Серго?!

Жизнь хитра. Не учесть всего.
 Спит Серго, коммунист кремневый.
 Под широкой стеной Кремлевской
 спит Серго.

Ленин прост —
 как материя,
 как материя —
 сложен.
 Наш народ — не тетеря,
 чтоб кормить его с ложечки!

Не какие-то «винтики»,
 а мыслители,
 он любил ваши митинги,
 Глебы, Вани и Митьки.

Заряжая ораторски
философией вас,
сам,
как аккумулятор,
заряжался от масс.

Вызревавшие мысли
превращались потом
в «Философские письма»,
в 18-й том.

Его скульптор лепил.
Вернее,
умолял попозировать он,
перед этим, сваяв Верлена,
их похожестью потрясен,

бормотал он оцепенело:
«Символическая черта!
У поэтов и революционеров
одинаковые черепа!»

Поэтично кроить вселенную!
И за то, что он был поэт,
как когда-то в Пушкина —
в Ленина
бил отравленный пистолет!

7

Однажды, став зрелей, из спешной повседневности
мы входим в Мавзолей,
как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.

Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин:
«Скажите, Ленин, мы — каких вы ждали, Ленин?!»

Скажите, Ленин, где победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели?..»

Нам часто тяжело. Но солнечно и страстно
прозрачное чело горит лампообразно.

«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»
И Ленин
отвечает.

На все вопросы отвечает
Ленин.

1962—1963

Роберт Рождественский

377. ПИСЬМО В XXX ВЕК

Отрывок из поэмы

Я —
по собственному велению, —
сердцу
в верности
поклоняясь,
говорю
о ВЛАДИМИРЕ ЛЕНИНЕ
и о том,
что главное
в нас.
Вот уже,
разгибаясь под ношей,
вырывается мир
из тьмы!
Начинаются
горы
с подножий.

та,
 которую создал
он!
Мир
 готов за нее
 поручиться
перед будущим
наверняка!

И лежит
 на пульсе Отчизны —
вечно! —
ЛЕНИНСКАЯ
 РУКА.

Он —
ровесник всех поколений,
житель Праг,
Берлинов,
Гаван.
По широким
 ступеням
 столетий
поднимается ЛЕНИН
к вам!
Представляю
 яснее ясности,
как смыкают
 ваши
 ряды

люди
ЛЕНИНСКОЙ
 гениальности,

люди
ЛЕНИНСКОЙ
 чистоты.

Не один,
 не двое,
а множество!
Вырастающие,
 как леса,

Ты, словно солнце, встал над миром,
и люди счастье обрели.

Позор векам угрюмым, душным,
что нас на гибель обрекли,
дорогу к чумам равнодушным
холодным снегом замели.

И встало солнце из тумана
над ширью ледяных полей.
И лед седого океана
ломают днища кораблей.

Кто дал пустыням заметным
дороги из села в село?
Кто безымянным, угнетенным
дал имя, счастье и тепло?

И в сердце нет тоски и злости,
и боль развеялась, как дым.
И я, якут, приехал в гости
к эвенкам — родичам моим! . .

Вот, дочь спасенного народа,
хозяйка-девушка встает
и из заветного комода
оленью кожу достает.

Ее лицо весельем дышит,
и на щеках алеет свет:
искусною рукою вышит
на ровдуге родной портрет.

Среди снегов, людей, оленей
высокий чум изображен,
а рядом, поглядите, Ленин!
Сюда приехал в гости он.

Он как живой.
Он обернулся,
молчит, глядит по сторонам,
глаза прищурил, улыбнулся
и руки пожимает нам!

Сверкает снег — простор, свобода!
И мы встаем,
и мы поем.
У эвенкийского народа
в гостях мы с Лениным вдвоем.

1964

Семен Данилов

(Перевод с якутского)

379. СЧАСТЬЕ ЯКУТОВ

И здесь, где солнце ласковей и чаще,
Здесь, где приволжский солнечный простор,
Я по-якутски думаю о счастье
Моих якутских братьев и сестер.

О том далеком думаю апреле,
Как лед на русской тронулся реке,
Как русский мальчик плакал в колыбели
В далеком среднерусском городке.

И было детство розовым, как утро,
И всё ему казалось нипочем.
Глазами он напоминал якута,
А по отцу был мальчик Ильичем.

О, как якутский край тогда знобило,
Морозом пробирало до кости.
И низенькому солнцу не под силу
От векового холода спасти.

То льдом сковав, то инеем окутав,
Зима царила вечно, как беда.
Но царские указы для якутов
Чернее ночи, ледянее льда.

Что видели якуты — лишь метели,
Был белый снег, как белая стена.
Лишь бог да черт их душами владели,
А ум не мог очнуться ото сна.

Казалось — счастье так невероятно,
И был у времени особый счет:
Оно не шло, а пятилось обратно,
Покуда вымирал за родом род.

Откуда было знать тогда якутам,
Блуждающим в потемках и тоске,
Что родилось их счастье как-то утром
В далеком среднерусском городке.

И здесь, где солнце ласковой и чаще,
Здесь, где приволжский солнечный простор,
Я по-якутски думаю о счастье
Моих якутских братьев и сестер.

1964 (?)

Владимир Сосюра

(Перевод с украинского)

380. ЛЕНИН

Когда рассвет горит на небосклоне
И в шуме рек гремит двадцатый век,
Ты у станка стоишь в комбинезоне,
В шахтерской каске ты проходишь штрек.

Ты в землю зерна спелые бросаешь,
Кладешь кирпич, возводишь к солнцу новь.
Ты варишь сталь и яблоню ласкаешь,
Чтобы цвела... Как звать тебя? — Любовь.

Любовь ко всем, кто рвется сквозь метели,
Сквозь все ветра несет огонь живой.
История в простреленной шинели,
Идущая вперед, — вот образ твой!

В простом рабочем брата ты увидел
И бросил клич мильонам на заре,
И с той поры летим мы по орбите,
Начертанной тобою в Октябре.

Твоим дыханьем дышит вся планета,
Смеется день сквозь щелки твоих глаз.
Твои идеи, как потоки света,
Пронзают душу каждого из нас.

Ты выпустил на волю из металла,
Из дерева, из камня, из сердец
Энергию, которая дремала
Века — и вот проснулась наконец.

Ты начертал нам путь к свободе ясный,
Ты нам найти самих себя помог.
Огонь коммуны, чистый и прекрасный,
Ты в нас на веки вечные зажег.

Труд по земле идет и сеет зерна,
И зерна прорастают не спеша,
И в каждом том ростке живет, бесспорно,
Твое бессмертье и твоя душа.

(1965)

Леонид Мартынов

381. ЛЕНИН

Где Ленин?

Ленин в Мавзолее.
И на медали. И в звезде.

Где Ленин?

Даты, юбилен. . .
Но где же Ленин? Ленин где?

Где Ленин?

Он на полках книжных.
Но не стоять же целый век
На постаментах неподвижных
Ему во мгле библиотек!

Где Ленин?

Поздний вечер манит
Спокойно погрузиться в сны,
Но Ленин вдруг в окно заглянет:
— А все вопросы решены?

Где Ленин?

Вот его квартира,
Вот кабинет его в Кремле.

Где Ленин?

Там, где судьбы мира
Вершат народы на земле!

1965

Давид Кугультинов

(Перевод с калмыцкого)

382. ЛЕНИН

Он думал, что работал в меру сил,
Как все, на светлой стройке многотрудной.
Как все, домой зарплату приносил
И получал паек такой же скудный. . .
Себя не звал вождем народным он —
И стал вождем народов и времен.

Не в том ли смысл высокого пути,
Чтоб быть в любом поступке человеком,
Но всех других трудами превзойти,
Но разумом возвыситься над веком
И постигать, в чем связь веков живая,
Быть человеком не переставая? . .

1966

383. ЗАПИСКИ ЛЕНИНА

Записки Ленина! . . Запечатлен
Взлет мысли — по следам ее горячим
В бурлящих недрах микрокосма
схвачен,
Заснят на пленку
вспыхнувший нейтрон. . .
Кипение потока временного,
Где мир творится небывало ново.

Строка! . . И ею человек спасен.
Еще строка! . . Истории движенье. . .
Я чувствую руки его скольжение. . .
За мыслью мысль
векам бросает он.
Та вольным государством станет.
Эта —
Летит к Луне стремительной
ракетой.

1966

Илья Сельвинский

384. ЛЕНИН

Политик не тот, кто зычно командует ротой,
Не тот, кто усвоил маневренное мастерство, —
Ленин, как врач,
Слушал сердце народа
И, как поэт,
Слышал дыханье его.

1966

Виталий Коротич

(Перевод с украинского)

385. ЛЕНИН, ТОМ 54-й

Фрагмент из поэмы

В пятьдесят четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят письма, записки и телеграммы, написанные в ноябре 1921 — марте 1923 года...

Берегите их...

Пара, железа и угля пора

Понесла и рождает зачатого ею ребенка.

Это трудные роды — рождение мира добра,

Что приходит на землю в кровавых, как знамя,

пеленках.

Он, занесший с рождения руку

на вечное зло,

Положив на колени винтовку,

усталый от боя,

Ожидает тепла, —

Лишь вобрав из хаоса тепло,

Новосозданный мир сможет стать

наконец-то собою.

Неустройству навстречу, неполадкам,

что ждут впереди,

Он, как первый весенний листок,

ищет ощупью лета.

... Баррикадные пули носят в теле бойцы и вожди,

В неосевших могилах герои еще не воспеты,

Возникает,

Растет из холодных рассветных росин,

Огненосным копьем продирается в мареве сонном,

По ступеням клинков поднимается в самую синь

Стосиянно, стократ повторенное

в отблесках солнце.

Я внимаю легенде...

Жива та октябрьская кровь,

Хоть иная реальность, иные заботы тревожат.

... На коленях достичь невозможно лучистых миров,

Быть неправедный гнев утверждением

правды не может.

Берегите их!
Спины людей распрямляет дыханье весны.
И покорность они удивленно
и медленно душат.

Прорастают сквозь будни.
Сквозь книги.
Сквозь митинги,
Сны.
Революция главная та,
что свершается в душах.

Берегите их!
Жизнь — не коллекция горьких гримас.
Пусть встает человек, оставляя всю боль за собою,
Входит в трезвость, рожденную самозабвенностью масс,
Тем экстазом, что нес обновленье стране после боя.

Берегите
От тронов,
Сатрапов,
Интриг и свинца,
От холуйского духа,
Зазнайства и спеси.
Впервые
Началось сотворение мира,
Как будто сердца
На отростках сосудов побеги дают молодые.
Поднимаются тысячи,
взгляд оторвав от земли,

Смотрят в дальние дали —
взволнованно, молча, столико.

Нет ничтожных и малых людей,
души есть на мели,

Нет ничтожных и малых забот,
если дело велико.

Есть высокое в буднях,
в тревоге обыденных дней:

Мир взрослеет,
Одежда становится тесной и старой,
И грядущее видно конкретней,
Поскольку ясней
Различаются лица в огне мирового
пожара.

(1967)

Улуру Адо
(Перевод с юнагирского)

886. ЛЕТО ЮКАГИРАМ ЛЕНИН ПОДАРИЛ

Мне отец недаром
в детстве говорил:
— Лето
юкагирам
Ленин подарил.

И рассвет забрезжил,
солнце вышло в путь, —
и надежда
людям
отогрела грудь.

Стало небо тундры
теплым, словно дым,
словно голубика
стало голубым. . .

Мне отец недаром
в детстве говорил:
— Лето
юкагирам
Ленин подарил.

(1967)

Владимир Лоргоктоев
(Перевод с эвенкийского)

887. ПО ТВОИМ ЗАВЕТАМ, ЛЕНИН

На таежных горных кручах,
на равнинах рек могучих,
в дыме чумов, в нищете
жил народ мой, год за годом
видел только страх и голод,
на просторах — в тесноте.

Но когда в мой край озерный —
с комарьем, с зверьем проворным —
слово Ленина дошло,
старики-эвенки тут же,
взяв сынов и в руки ружья,
встали на людское зло:

На шаманские приплясы,
на жандармские лампы,
на обиды всех мастей
шли эвенки с русским братом,
рядом с бедняком-бурятом,
шли с Сибирью рядом всей!

А сейчас взгляни — надежно
край мой строится таежный;
он, как озеро Байкал,
в глубине родной Сибири
дружбу всех народов мира
целиком в себя впитал.

Он живет, народ оленный,
по твоим заветам, Ленин,
пятьдесят великих лет.
Так веди дорогой той же
нас, детей далеких стойбищ,
мудрый ленинский завет!

<1967>

Любовь Забашта

(Перевод с украинского)

388. ЛЕНИН В ПАРИЖЕ

Он жил в Париже — Мари-Роз, 4, —
Приветливый и скромный россиянин,
Любивший Францию уже за то,
Что клич «Свобода, Равенство и Братство»
Она сумела начертать когда-то
На праведных знаменах, на фронтонах

Дворцов и школ...

Да, он любил Париж
За штурм Бастилии, за Робеспьера,
За пламя революции Великой,
Так именующейся и поныне,
Однако давшей мало — очень мало! —
Простым французам...

Здесь, в небольшом кафе,
Играл он в шахматы, спешил, бывало,
В Национальную библиотеку,
В бесчисленные книги погружался, —
Работал, спорил, говорил с народом...

И его,
Подвижного «мосье в фуражке серой»,
На этой улице любили люди
За светлую лучистую улыбку,
За нрав общительный, за мягкий говор,
За всю неисчерпаемую мудрость
Его простых речей...

О Мари-Роз!
Когда он проходил тут ранним утром,
Наверно, ощущали эти камни
К грядущему какую-то причастность,
И ты о жителе своем бессмертном
Навеки память в сердце бережешь.

<1967>

Мирзо Турсун-Заде

(Перевод с таджикского)

389. ДОРОГА К МАВЗОЛЕЮ

На Красной площади, при свете Мавзолея, —
Душа моя смелей и зрение острее.

Здесь хочется мне быть бессменным часовым,
Чтоб я беседовал с учителем моим,

Чтоб днем и ночью я стоял на карауле,
Чтоб сердце и глаза вовеки не уснули.

Хочу Дзержинским стать, чтоб, Ленина храня,
Душа моя была — как рыцаря броня,

Иль, как рабочий-финн, хочу я терпеливо
Плыть вместе с Лениным в челне среди залива,

Вечнозеленою хочу я стать сосной,
Сродниться навсегда с Кремлевскою стеной,

На башне каменной стать стрелкой часовой,
Иль двигаться к стене весеннею травой,

Хочу я стать цветком, который, словно флаг,
Багрянцем напоен; его сюда земляк

Принес из моего далекого Гиссара,
И столько в нем любви и пламенного жара!

А всё же мне всего отрадней и милей
На площадь Красную идти среди людей,

И чувствовать, и знать, что здесь — вершина века,
Достоинство судьбы и сущность человека,

Мы к Ленину идем, чтоб с Лениным идти,
Чтобы не дать земле сойти с его пути.

Всем уезжающим — обычай есть в народе —
Благословение дает старейший в роде,

Так за напутствием, собравшись в край чужой,
Я прихожу сюда с сыновнею душой,

Пусть на моем пути преград возникнет много, —
Отсюда мне видна в грядущее дорога.

(1967)

Николай Тихонов

890. БРОНЕВИК

Эта ночь была непроста, —
В ней родился победы клич!
Броневик у вокзала встал,
И с него говорил Ильич.

И казалось ему самому:
Броневик лишь сигнала ждет —
Будто сам подставил ему
Броневое плечо народ.

Черной ночью, от искр рябой,
Изменялся города лик,
Человеческий шел прибой,
Унося с собой броневик.

В алых блесках факельных пен
Человечеству нес привет,
Бурю нес больших перемен,
Всей земле — неведомый свет.

В море лет тот прибой не стих,
До сих пор он в сердцах звучит,
Жив и отблеск волн огневых,
Броневик в апрельской ночи.

А теперь он стоит суров,
Как исполнивший долг боец,
И не нужно высоких слов,
И не нужен красок багрец.

Пусть на нем играет заря
Молчаливо и горячо,
Только шапку сними, смотря
На его седое плечо!

(1967)

Всеволод Рождественский

391

Раздольный, словно песня, дух народа
Лепил его скуластые черты;
В его лице вся русская природа
Отражена в величье простоты.

Могучей Волги плавные просторы,
Не знающая края ширь степей,
Леса, поля, долины, реки, горы —
Весь светлый облик Родины моей.

В слегка раскосом глаз его прищуре,
В крутом надлобье, в крепкой лепке лба,
Во всей его стремительной фигуре
Отражена народная судьба.

Он — и порыв, и грозный пламень воли,
И зоркий ум, пронзающий века.
За всё, что он принес народной доле,
Земной поклон, великая река!

<1967>

Павел Радимов

392. КРЕМЛЬ

Иван Великий с колоколом черным,
Соборов цепь давнишней старины.
Раздольный ветер в кровли бьет упорно,
На башнях в вечер звезды зажжены.

Мой Кремль родной! Ты вековые были
Хранишь в стенах, Россию буйных дней,
С тобою слава и жестокость были,
И светлый зов ульяновских речей.

О Ленине в Кремле звенят куранты,
Он проходил по площадям твоим.
Боец, не дрогнувший под натиском Антанты,
Твой шаг мне слышен здесь, и сам ты мною зрим.

(1967)

Александр Решетов

893. ПРЕКРАСНАЯ БЫЛЬ

Он спал на солдатской кровати,
Жил в комнате уютной, когда
Заставил вельмож в Петрограде
Покинуть дворцы навсегда;

Когда с его именем беским,
Как с пропуском в жизнь, бедняки
Въезжали в квартиры на Невском,
Вселялись в особняки.

Хотел тогда Питер рабочий,
Чтоб Ленин, как первый борец,
Дом занял, какой лишь захочет,
Хоть в Зимний вселился дворец. . .

Что Ленин смеялся над этим —
Прошла по народу молва,
Что если б решил он ответить,
Сказал бы такие слова:

Мол, с новыми давние песни
Поются в народе, как встарь;
Не стало бы Ленина, если
Он жить пожелал бы как царь.

Мол, и рассердиться он может,
Услышав такое опять;
Коль будут цари и вельможи,
Не стоило прежних свергать. . .

Молву эту слышал впервые
Я в юности от работяг,

Еще из них живы иные,
Еще умирать не хотят.

Молву, что от них я запомнил,
Никто из нас не позабыл.
И новым расскажем знакомым
Ее — как прекрасную быть.

1967

Василий Федоров

394. МАВЗОЛЕЙ

Я буду помнить весь свой век
Игру снегов
И холод чертовый,
Мороз и снег,
Мороз и снег,
Как в январе
Двадцать четвертого.
Плечом к плечу,
Плечом к плечу
Мы шли безмолвно.
Снег, не вейся!
Придем из вьюги к Ильичу,
Войдем с мороза и согреемся.

Снег и мороз,
Поток людей
Был смутен
Смутностью былинною.
Противник всех очередей,
Я был доволен
Самой длинною.

Старушка —
Из-за трех одеж, —
Нарушив строгость ненамеренно,
Как будто шла к живому Ленину,

Спросила тихо:
«С чем идешь?»

Припомнив
Быль и небылицы,
Я шел к нему,
Продрогший весь,
Что был Он, —
Лично убедиться,
И в том увериться,
Что есть.

Снег,
Снег...
Сквозь снег
И ветер адовый,
Что мне в лицо
Шрапнелью бил,
Я шел к нему
С судьбою братовой,
Который так его любил...

Снег...
Снег...
И только башни — вехами,
И только выучка — терпи,
Я с трудовыми шел успехами
И с неудачами в любви.

Снег...
Снег...
Но часовых видать.
Всё ближе блеск
Штыка почетного.
В буденовках бы им стоять,
Как в январе двадцать четвертого.
Пусть форма та века пройдет,
Пусть, вызывая чувство странности,
В ней революция живет
В своей суровой
Первозданности.

Вниз...
Вниз...
Тепло.
Там Ленин спал,
Не потревоженный шагами,
Там темный камень прозревал
Голубоватыми цветами.
Вниз...
Вниз...

В печальном полукруге
Судеб, как бы обнявших гроб,
Лежали трудовые руки,
Светился думающий лоб.
Вниз...
Вниз...
Лицо его сурово,
Широк, высок бровей размах.
И недосказанное слово
Еще теплело на губах...

Я думал,
Душу облегча,
Счастливо выйду
С легкой ношею,
А выходил от Ильича
С нагрузкою
Намного большею.
Я старше, я мудрее стал,
Как будто он за все мучения
На всю большую жизнь мне дал
Ответственное поручение.

Не знаю,
Сколько буду жить,
Но, отработав
В цехе огненном,
Приду однажды доложить,
Что сделано
И что исполнено...

1967

Ярослав Смеляков

395. СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я был, понятно, счастлив тоже,
когда влюблялся и любил
или у шумной молодежи
свое признание находил.

Ты, счастье, мне еще являлось,
когда не сразу, неспроста
перед мальчишкой открывалась
лесов и пашен красота.

Я также счастлив был довольно
не каждый день, но каждый год,
когда на празднествах застольных,
как колокол на колокольне,
гудел торжественно народ.

Но это только лишь вступление,
вернее, присказка одна.

Вот был ли счастье в жизни Ленин,
без оговорок и сполна?

Конечно, был. И не отчасти,
а грозной волей главаря,
когда вокруг кипело счастье
штыков и флагов Октября.

Да, был, хотя и без идиллий,
когда, опять примкнув штыки,
на фронт без песен уходили
Москвы и Питера полки.

Он счастлив был, смеясь по-детски,
когда, знамена пронося,
впервые праздник свой советский
Россия праздновала вся.

Он, кстати, счастлив был и дома,
в лесу, когда еще темно. . .
Но это счастье всем знакомо,
а то — не каждому дано.

(1968)

Сергей Орлов

396. ИЗ ЦИКЛА «ОДА РЕВОЛЮЦИИ»

Мы — загадка, враги которую
Собирались не раз разгадать.
Сколько их на свалке истории
Дотлевают — не сосчитать.

Нас хулили они за терпение
И хвалили за доброту.
Не понять Россию без Ленина,
Сложность всю и всю простоту.

Ленин был настоящим русским,
Он был всюду собой самим.
Был, когда за Саяны услан
И когда возглавлял Совмин.

Хлеб всегда остается хлебом,
Небо всюду на свете — небо.
Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был.

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Ленин — правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
И без нас его не осмыслить!

<1968>

Юстинас Марцинкявичюс

(Перевод с литовского)

397—401. СЕГОДНЯШНИЙ ЛЕНИН

1

ЛЕНИН РАБОТАЕТ

Сравненья наши — словно пьедесталы,
чтоб вознести, воспеть велеречиво. . .
А он в пальто распахнутом, усталый,
из зала в ночь идет неторопливо.

Закрылась дверь. И вовсе не в былое —
в грядущее шаги его уходят. . .
Он в мыслях весь. И чуточку смешною
он нашу страсть к парадности находит.

Кто надвое переломил эпоху
и создавал — неистов, как Бетховен,
тот выправляет сделанное плохо
и с будущим вставить умеет вровень.

И некогда стоять на пьедестале,
не время отдыхать на книжной полке, —
он должен спорить: яростнее стали
дебаты о рутине и о долге.

Он борется. Порою разбивает
и тех, что сотни раз его читали. . .
Попытки подменить его — бывают,
но временно. И лишь на пьедестале.

Велит поправить, если ошибется. . .
Он весь в работе, дышит полной грудью.
Он с нами строит, думает. Он бьется,
и ныне прав — не буквою, а сутью.

ЛЕНИН ГОВОРИТ

Сжал он мысль, как сжал в ладони шапку —
кажется, сейчас с трибуны бросит. . .
Сердцу в этот век сомнений зябко —
и оно такой вот правды просит.

Ленину в себе, в одежде — тесно,
с шара говорить ему земного:
взвешено, нацелено чудесно
в наши души брошенное слово.

А в груди, как лава, неослабно
страсть клокочет — строя, сокрушая. . .
И сейчас огромно и масштабно
мыслит голова его большая!

Бсё в нем ныне стало говорящим:
обувь и глаза, лицо и кепка. . .
Смело управляет настоящим,
руки держат будущее крепко.

Мысль свою он делает собою —
в облике и в жесте воплощая. . .
В смерть, как в жизнь, войдешь крутой тропюю,
ленинское слово ощущая.

Словно шапку, новый тезис речи
сжали руки, ум его и слово.
Объясняет век противоречий. . .
Это мы — трибуна Ильичева.

У ПАМЯТНИКА

За всю-то жизнь не разберут иные,
куда влекла их времени река.
А он — смотрите — впереди и ныне,
в грядущее протянута рука.

И сам я понимаю: штампом стала
рука вождя, простертая вперед. . .
Но ведь такую тяжесть поднимала!
По ней твой ток, столетие, идет.

Нам путь она бесстрашно открывала,
и слышал
голос Ленина народ:
Я — только старт.
Я — новых дней начало, —
а вам веками двигаться вперед!

Он видит всё, что лживо и двулично,
он фальшь полой вовек не прикрывал.
Готов он отмахнуться энергично
от всяческих пройдох и прилипал.

Поэтому и в памятнике даже
не догма он. Он хочет быть тобой,
когда, у современности на страже,
души он жаждет —
ленинской, живой.

4

АППАССИОНАТА

Звуки кипят, клокочут,
как под мостами реки. . .
В строй становясь, рокочут,
падают вниз — навеки. . .

Каждый могуч тут — всеми,
все тут — одним могучи.
Кровью из вены — время,
неумолимей, круче.

Гимн ли победный это,
гроб ли в открытой яме?
Зов ли к добру и свету,
истины нашей знамя?

Смысл обретают вещи,
сердце слова находит,
звуки взлетают резче,
падают вновь, уходят. . .

Свет замирает бледный,
вскрыта земли утроба. . .
Вот и аккорд последний —
комья о крышку гроба.

5

СЕГОДНЯ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Сегодня,
в ленинский день рождения,
буду о нем я думать:
читая утреннюю газету,
буду о нем я думать;
хлеба ломоть отрезая утром,
буду о нем я думать;
дочку свою провожая в школу,
буду о нем я думать;
и на работу идя неспешно,
буду о нем я думать. . .
Видя:
как новое строят здание —
буду о нем я думать;
как самолет реактивный мчится —
буду о нем я думать;
как новоселы переезжают
и на машине
женщина держит фикус рукою —
колышет ветер
листья большие, словно знамена, —
буду о нем я думать;
глядя, как в двери универсама
входят люди
и как выходят —
буду о нем я думать.

Слыша
простое «Доброе утро!»,
«Как хороша сегодня погода!» —
буду о нем я думать.
Слыша:
звучит «Аппассионата», —
буду о нем я думать.
Ночью, склоняясь над страницей белой,
буду о нем я думать;
в завтрашний день раскрывая окна,
буду о нем я думать.

1968

Леонид Лапцуй

(Перевод с ненецкого)

402. ЕДЕТ ИЛЬИЧ НА ОЛЕНЬЕЙ УПРЯЖКЕ

(Из поэмы «Приехал Ленин»)

Нежданное, негаданное чудо
Свершилось той зимою на Ямале. . .
Вся в трещинах была земля от стужи.
Вдруг грянул гром, дохнуло влажным ветром,
И люди в ожидании застыли.
А вьюга, как песок, к земле припала
И слушала: вдали шаманским бубном
Полозья нарт по мерзлоте звенели. . .
И там, где небо обнялось с землею,
Забился вдруг дымок белесоватый,
Затанцевал и снежной пеленою
За нартами, играя, потянулся.

Как лебеди — олени две упряжки,
А языки оленей — как сосульки,
Холмисты спины их, рога ветвисты. . .
Приблизились олени и устало
Пошли теперь танцующей походкой. . .

Вот, впереди, каюр — хозяин тундры,
Чья редкая бородка, как кустарник,
На яростном ветру оледенела.
За ним вторая движется упряжка —
В ней сам Ильич в одежде белоснежной,
Он весь покрыт искристою порошей,
Что на него летит с копыт оленьих. . .

Соболий капюшон назад откинут,
И пар столбом клубится от дыханья,
Ильич огромен, как скала седая,
Весь небосклон собою заслонил он,
К нам сказочным явившись великаном.
Он смотрит вдаль, и глаз его прищурен —
Так смотрит только опытный охотник,
И каждый бугорок морозной тундры
Охватывает зорко этот взгляд.

Всё перед ним: гряда холмов ямальских,
Где зайцем над снегами пляшет солнце,
Пурга, что улеглась постелью мягкой. . .
А ветер мчит, дорогу расчищая,
Он горностаем впереди несется,
Гордясь, что первым встретил Ильича!
Белужьим стадом белые сугробы
Лежат по сторонам, и ветром сдуты
Песцовые их шапки, и с поклоном
Сугробы эти Ленина встречают. . .

Легко упряжкой управляет Ленин —
Он как ездок умелый, житель тундры;
Гуляет ветер меж рогов оленьих. . .
Узду, как тетиву, натянет Ленин,
Березовый хорей семисаженный
Поднимет он — и вот олени мчатся. . .
Над головой, как стая куропаток,
Летят со свистом снежные комки.
И Ленин вдаль глядит из-под ладони.
Развеивая тьму полярной ночи,
Поговорить он с каждым ненцем хочет,
Высвечивает он людские души.

И всё, что есть — живое, неживое, —
На Ленина глядит с холмов окрестных:
Еще такого не бывало чуда —
Сюда приехал Ленин! На оленях!
И думает народ: не сон ли это?
Глаза протерли рукавами малиц:
Да, на оленях, не на самолете,
Как многие начальники летают. . .

Почуяли олени близость чумов:
Над ними дым вздымается, и ветер
Его полощет, как оленью шкуру. . .
Без усталости на чумы смотрит Ленин,
Свой лоб крутой он думами наморщил,
Морщины эти — словно реки в тундре.

А возле чумов пастухи собрались. . .
Одни с пеньками схожи, а другие
Расхаживают важно, как пингвины.
Ильич остановил своих оленей,
Он с нарты соскочил молодцевато,
Сказал: «Привет!» — на ненецком, на чистом.
Всё стойбище ответило: «Привет!»
Был узнан пастухами гость желанный,
Как старшего в семье, его с почтеньем
Все окружили и, глазам не веря,
Смотрели: перед ними — сам Ильич!

И люди на черты его глядели —
Как будто бы с портретами сличали;
Лицо его, целованное ветром,
Еще пылало утренним румянцем. . .
Светлеет чум от ленинского взгляда,
И на оленьей шкуре, словно ненец,
Сидит Ильич и смотрит на огонь.

И ленинское слово заарканить
Тундровики старались, как оленя, —
Казалось им, что новая дорога
Проложена по древнему Ямалу:

Невиданно прямая, без ухабов,
Не знающая тьмы полярной ночи. . .
Ловили люди ленинское слово,
Чтоб сыновьям и внукам передать.

1968

Иван Вавилин

(Перевод с коми)

408. ЛЕНИН В НАШЕМ СЕЛЕ

Из-под седых камней сочится,
ключом холодным бьет-кипит,
на бор глядит в упор, лучится,
небесной синью взор слепит,
ни днем, ни за полночь не спит —
так плещет тихую водою
родная Вычегда-река
года, а может быть, века. . .
С зеленой мшистой бородою
земля до боли мне близка.

Здесь, средь берез, в глуши сселенья
я повстречал начало дня
и отчее благословенье.
Здесь осенил Октябрь меня.
Здесь ветры огненные дули. . .
С тех пор в коре чернеют пули,
как родинки, — глубокий след
давно ушедших детских лет.
Я не кичусь, что счастлив я:
судьба послала мне удачи.
Пусть так и будет! А иначе
в могилу не сойду, друзья.

Мой дед, обычай храня,
боялся знатных, как огня.
Бывало, из своей щели
беда и высунуться деду.

Меня же хоть в Москву пошли,
я не отвечу:
— Не поеду!.. —
Живу в Москве, как в отчем доме, —
не зря есть поговорка в Коми:
чем лес тесней, тем он дружней,
его не сгубят ветры злые...
Мы, коми, — ветка, лес — Россия,
ничто не разлучит нас с ней.

Вот кончил дело — и домой
лечу. Со мной товарищ мой.
Взгляни, дружище: там, под нами,
дремучий бор, снега и лед,
а нам тепло, и самолет
гребет стальными лопастями...
А помнишь лютый свист зимы
и школу, где учились мы?
Тьма отступала понемногу,
и поп морочить нас не мог:
котомки наши, слава богу,
не отягчал никчемный бог!

Я тронул друга:
— Дальний путь стал близким...
Вот ведь, брат, эпоха!
Ты глазом не успел моргнуть...
Как это — хорошо иль плохо?
Дед и не знал про телеграф,
но если в срок не сдаст налога —
глядь, тут как тут проклятый штраф!
Зато добру долга дорога —
бедняк и так, мол, проживет:
полно и без того забот!

Я обнял друга что есть сил:
— Нас жизнь ничем не обделила!
Пусть мюзик-холл в столице был,
а всё ж у нас прекрасней было.
Ты помнишь: вместо крыши — хвоя,
а пол — болото моховое?

Но всё же «Интернационал»
из Питера к нам долетал!

В тот год вернулся наконец
с войны германской, из похода
вдвоем с попутчиком отец —
в солдатах он ходил три года.
С трудом его узнала мать,
а я бы и не смог узнать.
И стала ночь среди зимы
светла, как праздник в день весенний:
спать так и не ложились мы —
ведь к нам с отцом приехал Ленин!

А спозаранку — ну и случай! —
такого не бывало, нет —
по тропкам сквозь мороз трескучий
тянулись люди к нам чуть свет.
Вдруг разом в гости к нам пришло
и в дом набилось всё село...

— Да-а, — молвил друг, — вот случай вышел! ..
Но если говорить всерьез,
вернулся твой отец, я слышал,
и Ленина портрет привез. . .
— Портрет?! — я подскочил на месте. —
Портрет? Ну, нет, дружище, нет!
Был сам он, сам! Скажу по чести,
Сам Ленин был. При чем портрет?
Он в Коми был, жил в нашем доме.
Об этом говорит вся Коми!

Что, речки Сэбин тоже нету?
Нет мельницы? Плотины — нет? ..
Кулак Вась-Миш всю воду эту
держал в когтях десятки лет!
А помнишь мост? Ильич однажды
с моим отцом пришел туда,
встал, поднял руку:
— Капле каждой
хозяин — человек труда!

Хозяин — ты. А мироед —
он больше не хозяин, нет!

Еще сказал:
— Сюда бы надо
электростанцию — вам свет
необходим! . .
Нет зорче взгляда,
добрее человека нет!
А ты мне говоришь — «портрет»!
Дар речи есть ли у портрета?
А есть ли мысль? . .
Льет море света
электростанция — ты ж сам
электриком работал там!

Со мною спорить ты не будешь —
как доброту его забудешь?
Кто в лютый голод и мороз
в ночь на двенадцати подводах
к нам в Сэбиндин муку привез?
В каких его прославить одах?
Мы бились, помню, кто как мог,
питались пихтовой корою.
А кто в ту зиму нам помог?
Не царь, конечно, и не бог!
Да я и в наши дни порою
всё вижу, чуть глаза закрою,
пшеничный теплый колобок. . .

Ту зиму зимовал ты дома
и позабыл лишь ты один
наш дом с табличкою знакомой:
«Читальня». . .
Целый Сэбиндин
здесь дни и ночи — ну и чудо! —
толкался, спорил, говорил. . .
А книги, думаешь, откуда?
Отцу их Ленин подарил!

Ильич зовет отца однажды:
— Вот, мол, бывалый человек,

возьми все эти книги, с каждой
сдружись отныне и навек.
Тогда в любые времена
тебе и буря не страшна! —

Уж мы-то не были богаты:
не валенки — одни заплаты. .
Ой, бедность!
Вдруг Пиля Митрей
даст мне новые:
— А ну-ка
бери да обувай скорей!
Носи, не бойся. . . —
Вот так штука —
мне выдал валенки комбед! . .
Бегу, от счастья чуть не плачу. . .
Так Ленин приказал, иначе
Пиля Митрей не дал бы, нет!
А ты мне говоришь — «портрет». . .

А тут — лихие времена:
пришла гражданская война!
По деревням гуляет банда,
Орлов привел ее сюда.
Нажала с севера Антанта,
с Урала прет Колчак, беда! . .

И утро хмурое пришло,
крутя столбы морозной пыли,
попы в колокола звонили,
но словно вымерло село. . .
Неужто же всему конец?
А где же Ленин?
Где отец?
Пристал я к маме спозаранку:
— Они вернутся или нет?
— Не пой ты больше «Варшавянку»! —
она отрезала в ответ.

Невесел Рыжко, носом водит —
никак не напою коня. . .

Вдруг к нам во двор Вась-Миш заходит,
раз — сцапал за ногу меня:
— Дай валенки! — стащил один,
вцепился мне в другую ногу,
стянул второй:
— Ставь свечку богу,
что жив остался, чертов сын! .. —
Ушел. . .
А я оторопел,
сказать ни слова не успел.

Что делать, беспокойный год,
тут не до жиру, быть бы живу:
готовишь богачам крапиву —
тебя ужалит их осот. . .

— Да-а, — друг вздохнул. —
А Ленин что же?
Ушел? . .
— Дружище, что с тобой?
Ты не в своем уме, похоже.
Скажи, а кто водил нас в бой?
«Ушел»! Скажи, ты без него
врага разбил бы своего?

Когда мы воевать пошли,
кто нам сказал:
«Пора настанет —
несметной нашей силой станет
богатство всех глубин земли»?
И тут слова его верны:
покорен человечьим силам,
течет на юг по мощным жилам
газ Коми — северной страны.
В подземных кладовых у нас,
глядишь, найдется и алмаз!

Нет, не ушел, даю вам слово!
В таежном шалаше своем
порой раскрою том — и снова
в Разливе с Лениным вдвоем!

Так по душам порой ночью
Ильич беседует со мною,
и ясно видится вдали
мне день грядущий всей Земли!..

Ну что ж, товарищ! Погляди:
там, за рекою, впереди,
среди тайги необозримой —
наш Сыктывкар.
Дом отчий здесь.
А в центре — Ленин, вождь любимый.
Он не ушел.
Он был и есть.
Сталь варим, строим или пашем,
в тиши ночной и в шуме дня —
всегда он, Ленин, в сердце нашем.
И у тебя,
и у меня!

<1969>

Петрусь Бровка

(Перевод с белорусского)

404. ВЕРЮ

Вновь углублюсь — за ним, по следу —
И в каждый край,
И в каждый том...
Опять в Поронино приеду,
В тот пахнувший смолою дом.
И мне почудится с порога
Живых речей и страсть и суть,
Что вот
Еще совсем немного —
И мир бесправный всколыхнуть
Пора настанет!
...В свете ровном —
Тех слов, тех мыслей торжество.

Я прикасаюсь к желтым бревнам,
Взаправду слышавшим его.

Гудит толпа...

Здесь — не чужие,

Здесь пламя братства зажжено,

И с польской здравицей

«Нех жие!»

Мой стих сливается в одно.

И тяга к Ленину здесь та же, —

И верю я, что в свой черед

К тем землям,

Где он не был даже,

Он всё равно еще придет.

(1969)

Хамзат Осмиев

(Перевод с ингушского)

405. ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Когда меня сомненья

беспокоят,

И сердце ноет, — о, как

сердце ноет! —

Когда в нем боль живая

и беда,

Я обращаюсь к этому

портрету,

И боль стихает, и уходят

беды,

И от сомнений горьких

нет следа!

И будто сам я становлюсь

другим,

Забыв свои печали, вместе

с ним

Делю его огромные заботы.

Николай Тихонов

407. МАЛАЯ ГРЕБЕЦКАЯ, 9/5

Здесь, на квартире преподавателя пехотного юнкерского училища К. Ф. Неслуховского, с осени 1906 до начала 1907 года работал В. И. Ленин. Там же происходил ряд совещаний членов ЦК РСДРП.

О, эта редкая квартира,
Где с наивысшей простотой
Крыло неведомого мира
Касалось мебели простой.

Среди обычных дел и малых,
Всему живущему взамен,
Рождалось чувство небывалых,
Непредставимых перемен.

И вместе с тем всё шло так гладко,
В порядке общего всего,
Что даже вражьих глаз догадка
Не угадала б ничего!

Какое б грянуло смятенье,
Когда узнали б стороной,
Что здесь, в тиши, работал гений
Над мира новою судьбой.

Сквозь лет неизгладимых тени
Сегодня ясно помнишь ты,
Как дальней юности виденье,
Его слова, его черты.

Над прошлым бури и туманы,
Но всё он в памяти живет,
Тот ленинский, всегда нежданный,
Всегда волнующий приход.

При скучном, сумеречном свете,
В пальто, блестящем от дождя...
Так скромный вид хранит бессмертье,
В жилище смертного входя.

1969

Алексей Сурков

108. В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Семнадцатый год.

Октябрь.

Перекресток эпох.

Начало конца.

Невиданной эры начало.

Мы мира хотели,
но мир от сражений
оглох.

И залпами
прошлое нас из потемок
встречало.

Хозяйская ярость
хлестала в борта корабля,
в кровавую бездну
бессильных и робких
смывала.

Но видя,
что Ленин бесшумно
стоит у руля,
мы смело встречали
кипенье девятого вала.

И мы победили.
И, ленинский помня
завет,
на стройку пошли,
не ломая рабочего строя.
Нам выпало мало
спокойных, безоблачных
лет.

Мы песню труда
проносили сквозь музыку
боя.

Вокруг погляди —
молодые растут города,
плотины и домны,
разливы пшеницы и жита.

Всё это народ наш взрастил
на века, навсегда.

Всё это
от недругов
верностью нашей
прикрыто.

Друзьям нашим
счета среди человечества
нет.

Да здравствует братство!
Да сгинут страдания
и войны!

Наш путь освещает
немеркнущий ленинский
свет.

В свой завтрашний день
мы,
сильные,
смотрим спокойно.

1969

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые сборники стихотворений о Владимире Ильиче Ленине были изданы в 1924 г. Они вобрали в себя наиболее значительные из огромного потока поэтических произведений, появившихся в периодических изданиях в связи со смертью вождя, и некоторые стихотворения из написанных еще при его жизни. В числе этих сборников: «К живому Ильичу», «Ленина нет», «Товарищ Ильич», вышедшие в Москве, «Он жив» — в Ленинграде; к ним следует присоединить сборники, выпущенные во многих крупных городах: «Венок» — в Иваново-Вознесенске, «Единственный, неповторимый» — в Екатеринбурге, «Ильичу» — в Иркутске, «Ленин» — в Тамбове, «Памяти Ленина» — в Ростове-на-Дону, «Вечер памяти Владимира Ильича Ленина» — в Тифлисе, и др. Такого рода сборники продолжали выходить и в последующие два года («Траурный гуд», Харьков, 1925; «Ильич», Вятка, 1925; «Ленину», Одесса, 1925; «Вечерняя в небе заря», Ростов-на-Дону — Краснодар, 1925; «Ильичу», Харьков, 1926; «Первые песни вождю», М., 1926). В лучших сборниках 1925—1926 гг. наметился первоначальный отбор и систематизация стихотворений, посвященных В. И. Ленину.

Художественные сборники о Ленине, выходявшие в 1930—1940-х годах, часто имели смешанный состав: в них включались и фольклорные произведения, и проза.

Начиная со второй половины 1950-х годов количество стихотворных сборников, посвященных Ленину, заметно увеличивается; выходят они в разных городах: «Черты живые Ленина», Л., 1957, и «С Лениным в сердце», Л., 1960; «Наш Ленин», Майкоп, 1960; «Ленин с нами», Саранск, 1960; «Места священные навек», Ульяновск, 1962; «О самом дорогом», Смоленск, 1961, и др. Как правило, это сборники новых стихотворений, посвященных Ленину.

Наряду с ними выходят сборники антологического характера, в которые включаются лучшие стихи советских поэтов о Ленине. В первую очередь здесь следует назвать сборник «О Ленине», вышедший, начиная с 1952 г., несколькими изданиями в издательстве «Молодая гвардия», и другой сборник — «Стихи о Ленине», выпущенный в 1956 г. издательством «Художественная литература», последнее его издание — М., 1969.

Все названные книги построены по тематическому принципу или в соответствии с биографической канвой жизни и деятельности В. И. Ленина.

В настоящем издании, ставящем своей задачей показать, как многонациональной советской поэзии формировалась ленинская тема, впервые принят хронологический порядок: стихотворения расположены по датам их написания, начиная с 1917 г. по 1969 г.

Сборник состоит из шести разделов. В первом разделе представлены стихи, написанные в 1917—1923 гг. Во втором разделе («21 января 1924 года») — стихи, написанные в дни траура, являющиеся непосредственным откликом на смерть В. И. Ленина. Кроме стихов профессиональных поэтов, в эти разделы включены также стихотворения рабочих, крестьян, красноармейцев, что, впрочем, составляет лишь малую часть опубликованного в свое время, особенно во втором разделе. Третий раздел составляет поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», написанная в 1924 г. и доныне остающаяся вершиной поэтической Ленинианы. В последние три раздела включены лучшие стихотворения и поэмы (иногда в отрывках) о Ленине, написанные на 44 языках народов Советского Союза, дающие разностороннее представление о развитии ленинской темы в советской поэзии на протяжении 1920—1960-х годов.

Тексты стихотворений печатаются, как правило, по собраниям сочинений поэтов и по сборникам «Библиотеки поэта» или по последним авторским публикациям; в тех случаях, когда авторские сборники отсутствуют, — по коллективным тематическим сборникам, журналам и газетам. Стихи, не имеющие авторской даты, датируются по первой из обнаруженных публикаций (в угловых скобках).

В примечаниях приводятся сведения о первой публикации (когда удалось ее установить); источник, по которому печатается стихотворение, указывается в тех случаях, когда текст подвергся авторской правке; относительно переводных произведений дается только источник публикуемого текста. Ряд переводов печатается впервые. Авторы переводов указаны в оглавлении. В примечании даются также необходимые пояснения к тексту.

1917—1928

1. Печ. по кн.: Я. Виртанен, Избранное, М., 1957, с. 34. *Присез Ленин.* Речь идет о возвращении В. И. Ленина в Россию 3 (16) апреля 1917 г. На станции Белоостров В. И. Ленина ожидала большая делегация сестрорецких рабочих. Я. Виртанен, в это время председатель военно-революционного комитета станций Белоостров и Раййоки, был участником этой встречи и пишет о ней в воспоминаниях «Встреча в Белоострове»: «На вокзале уже море людей и знамен. Приехали сестрорецкие рабочие, представители различных организаций... На вокзале тесно. Большая платформа не может вместить всех делегаций. Кроме сестрорецкой делегации и нашей раййококской организации на вокзал пришло много рабочих... В вечерних сумерках ярко горят революционные знамена, блестят станционные огни. Возбужденное настроение охватывает толпу... Едет Ленин! И вот на мосту показываются яркие фонари скорого поезда... Товарищи по отряду протягивают Владимиру Ильичу руки, помогают ему сойти на платформу. Толпа растет. Сестрорецкие рабочие берут товарища Ленина на руки и несут в буфет. Здесь он произносит свою первую на русской территории речь, в которой зовет пролетариев

даться за дальнейшие завоевания революции. Свою речь он продолжает затем на платформе. Владимир Ильич говорит об интернациональной солидарности пролетариев всех стран, о борьбе рука об руку трудящихся всех стран против капитализма» («Красная Карелия», 1934, 22 января).

2. Печ. по кн.: Т. Табидзе, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 88. *Скиталец-Моряк* (Летучий Голландец) — легендарный образ морского капитана, осужденного вместе со своим кораблем вечно носиться по бурному морю.

3. «Правда», 1917, 11 ноября (29 октября по ст. ст., — газета «Правда» уже в ноябре перешла на новое летосчисление). *Н. Ленин* — один из псевдонимов В. И. Ульянова-Ленина.

4. «Солдатская правда», 1917, 18 ноября.

5. «Пролетарский сборник», кн. 1, М., 1918, с. 18. Книга находилась в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

6. «Правда», 1918, 4 мая. Ю. О. *Мартов* (Цедербаум, 1873—1923) и Ф. И. *Дан* (Гуревич, 1871—1947) — меньшевистские лидеры.

7. «Орловский комсомолец», 1966, 20 февраля. Как сообщил сын писателя А. А. Вермишев (ссылаясь на воспоминания В. П. Вермишевой), стихотворение было написано 30 августа 1918 г., тотчас после разговора с А. Е. Бадаевым, сообщившим о покушении на В. И. Ленина, совершенном эсеркой-террористкой Ф. Каплан. На следующий день оно было помещено в экстренном выпуске стенной газеты «Грядущее» комиссарната труда Северной коммуны, а затем на одном из агитплакатов «Босвой правды». Текст стихотворения сохранился в записной книжке друга Вермишева, крупного военного и партийного работника, первого председателя Совнаркома Армении С. Л. Лукашина. По этой записи из архива Лукашина стихотворение было воспроизведено в «Орловском комсомольце». А. А. Вермишев, член РСДРП с 1903 г. неоднократно встречался с Лениным; в годы гражданской войны был комиссаром Красной Армии, зверски замучен мамонтовцами.

8. «Красная газета», 1918, 5 сентября.

9. «Беднота», 1918, 11 сентября.

10. «Беднота», 1918, 12 сентября.

11. «Правда», 1918, 15 сентября.

12. «Беднота», 1918, 17 сентября.

13. «Красная газета», 1918, 18 сентября.

14. «Крестьянская правда» (Кологрив), 1918, 4 декабря. Печ. по газ. «В зырянском краю» (Усть-Сысольск), 1919, 18 апреля.

15. «Красный набат» (орган политотдела штаба 3-й армии Восточного фронта), 1919, 21 февраля.
16. А. Ярославский, *Кровь и радость*, Иркутск, 1920, с. 3.
17. Печ. по кн.: А. Акопян, *Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта»* (М. с.), Л., 1961, с. 127.
18. Печ. по кн.: Токтогул, *Песня о Ленине, Фрунзе*, 1965, с. 17. *Манап* — феодал. *Бай* — крупный землевладелец, скотовод, торговец в Средней Азии. *Дехканин* — земледелец. *Аргамак* — скакун. В *дальней каторжной стороне*. В 1898 г. Токтогул был сослан в Сибирь на каторжные работы сроком на 7 лет за участие в Андижанском восстании. *Керимбай меня бросил в тюрьму*. Ложный донос был организован семьей правителя Сусмыкской волости манапа Керимбая Рыскулова, которую Токтогул обличил в стихотворении «Пять кабанов» (1898). *Токо* — уменьшительное от Токтогул. *Белый колпак* — национальный головной убор киргизов.
19. «Правда» и «Петроградская правда», 1920, 23 апреля, под заглавием «Истинный привет». Печ. по Собр. соч. Д. Бедного в пяти томах, т. 2, М., 1954, с. 362. Стихотворение вошло в сб. «Ленин» (Харьков, 1923), который был в библиотеке Ленина в Кремле
20. «Правда», 1920, 23 апреля.
21. «Правда», 1920, 23 апреля.
22. «Власть труда», Иркутск, 1920, 23 апреля. *Уолт Уитмен* (1819—1892) — американский поэт-демократ, автор известного стихотворения «О капитан! мой капитан!», посвященного президенту А. Линкольну, убитому реакционерами. В измененной редакции под заглавием «Капитан» стихотворение вошло в сб. «Ильичу», Иркутск, 1924, с. 11.
23. «Красная газета», 1920, 23 апреля.
24. Сб. «50-летие В. И. Ульянова-Ленина», М., 1920, с. 22; «Красноармеец», 1920, № 21-22, с. 12, под заглавием «Ленин». Сборник и журнал были в кабинете Ленина в Кремле. Александровский читал стихотворение на торжественном собрании Московского комитета РКП(б), посвященном 50-летию Ленина, 23 апреля 1920 г.
25. «Кузница», 1920, № 1 (май), с. 3. Стихотворение вошло в сб. «Ленин» (Харьков, 1923), который был в библиотеке Ленина в Кремле. 23 апреля 1920 г. В. Казин вместе с В. Александровским присутствовал на торжественном заседании в честь 50-летия Ленина, но под впечатлением от выступления самого Владимира Ильича отказался от намерения выступить со своим стихотворением. «Моя настроенность прочитать перед Лениным мои стихи — поколебалась, — вспоминает поэт. — В них Ленин выглядел каким-то сказочным исполином, совсем не схожим с реальным, только что говорившим с нами человеком» (сб. «Живой Ленин», М., 1965, с. 211).

26. «Красная газета», 1922, 5 ноября. Печ. по Полн. собр. соч. Маяковского в тринадцати томах, т. 2, М., 1956, с. 32. С чтением стихотворения Маяковский выступил на ленинском вечере в Московском доме печати 28 апреля 1920 г.

27. «Красноармеец», 1920, № 21-22, с. 21. Журнал был в кабинете Ленина в Кремле. А. И. Желябов (1850—1881) — один из вождей русского революционного народничества. С. Н. Халтурин (1856—1882) — революционер-рабочий, организатор «Северного союза русских рабочих», готовивший взрыв в Зимнем дворце.

28. «Красноармеец», 1920, № 25 (август), с. 2; «Радуга». Литературно-художественный и политический сборник, кн. I, Полтава, 1920, с. 7.

29. Е. Нечаев, Избранное, М., 1955, с. 201 (посмертная публикация по рукописи).

30. «Творчество», 1920, № 7—10, с. 18, в составе поэмы «Простые строки» (гл. 4); как самостоятельное стихотворение — М. Герасимов, Завод весенний, М., 1923, с. 116. Первого мая 1920 г. В. И. Ленин выступил с речью на митинге, посвященном закладке памятника «Освобожденному труду» на месте снесенного памятника Александру III, возле храма Христа-Спасителя. *Митра* — принадлежность облачения высшего духовенства.

31. Печ. по кн.: Б. Пачев, Верные слова, М., 1957, с. 123. *Нарты* — сказочные богатыри, герои горских легенд.

32. «Юный пролетарий», Пг., 1920, № 12 (ноябрь), с. 9—3-й фрагмент поэмы, имеющей посвящение Владимиру Ильичу Ленину. Печ. по кн.: А. Безыменский, Стихи о Ленине, М., 1929, с. 29.

33. Печ. по сб.: «Венок. Стихи о Ленине», Иваново-Вознесенск, 1924, с. 33.

34. «Красная новь», 1922, № 4 (июль — август), с. 3. Печ. по Собр. соч. Н. Тихонова в шести томах, т. 2, М., 1958, с. 125. Поэма входила в сб. Н. Тихонова «Брага» (М.—Пг., 1922), экземпляр которого с надписью «В. И. Ленину» был в библиотеке Ленина в Кремле. Об истории создания поэмы Н. Тихонов рассказал в письме к В. Перцову (см. вступ. статью, с. 12). *Мариэтта Шагинян* (р. 1888) — советская писательница. *Вишну* — индусское верховное божество. *Беджапур*, *Рохилькэнд*, *Амритсар* — индийские города. В 1919 г. в Амритсаре английские войска жестоко подавили вспышку национально-освободительного движения индусов; это событие получило название «Амритсарской бойни».

35. В. Брюсов, Дали, М., 1922, с. 15. Датируется по кн.: В. Брюсов, Избранные стихотворения, М., 1945. *Перикл* (499—429 до н. э.) — государственный деятель Афин, с его именем связана пора расцвета афинской демократии. *Фараон Снофру* (3-е тысячелетие до н. э.) —

один из строителей пирамид. *Мвутанг* (Мвута-Нциге) — озеро в Африке, исток Нила. *Boule — bal Bullier* в Париже (примеч. автора) — название известных парижских балов. *Avenue de l'Opéra* — улица в Париже. *Котурны* — род обуви, высокие сандалии, которые носили на сцене древнегреческие трагические актеры. *Плезиозавр* — ископаемое морское пресмыкающееся. *А. Бергсон* (1859—1941) — французский буржуазный философ-идеалист. *Н. И. Лобачевский* (1792—1856) — русский математик, основоположник неевклидовой геометрии. *Альдебаран* — звезда в созвездии Тельца.

36. «Автономная Якутия», 1923, 14 марта. Печ. по кн.: П. Черных-Якутский, Сборник стихотворений, Якутск, 1926, с. 8.

37. «Понизовье», Самара, 1922, № 6, с. 1. Номер журнала был в библиотеке Ленина в Кремле.

38. «Ленин на отдыхе» — иллюстрированное приложение к газете «Правда», 1922, октябрь, с. 9. Печ. по Полн. собр. соч. Д. Бедного, т. 9, М., 1928, с. 15.

39. «Красноармеец», 1922, № 49, с. 1 и «Красная панорама», Тверь, 1922, № 1, с. 4, под заглавием «Из поэмы „Октябрь“». Печ. по кн.: В. Кириллов, Отплытие, М., 1923, с. 30.

40. Из цикла «Приезд Ленина». Печ. по кн.: Я. Виртанен, Красная кантеле. Л., 1937, с. 14. В Сестрорецке, на заводе Оружейном. Сестрорецк — город в тридцати четырех километрах от Ленинграда; сестрорецкий Оружейный завод был известен своими революционными традициями. Георгий Валентинович *Плеханов* (1856—1918) — деятель российского и международного социалистического движения, философ, историк, теоретик и пропагандист марксизма, один из основателей РСДРП, впоследствии (с 1903 г.) — один из лидеров меньшевизма. Плеханов возвратился в Россию из Италии 31 марта (13 апреля) 1917 г. Встречавшие его в Белоострове делегации приветствовали его как одного из зачинателей русского социал-демократического движения.

41. Е. Нечаев, Избранное, М., 1955, с. 218 (посмертная публикация по рукописи).

42. Печ. по сб.: «Поросль», Вологда, 1923, с. 40.

43. «Известия», 1923, 15 марта, рядом с бюллетенем о состоянии здоровья В. И. Ленина.

44. «Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП», «А», М., 1923, № 22, 24 марта, под заглавием «Ленин»; «Огонек», 1923, № 1 (1 апреля), с. 1; «Молодая гвардия», 1923, № 3 (май), с. 58. Многократно перепечатывалось с разными заглавиями, вошло в сб. «Ленин», (Харьков, 1923), который был в библиотеке Ленина в Кремле. Печ. по Полн. собр. соч. В. Маяковского, т. 5, М., 1957, с. 17. 22 марта 1923 г. Маяковский выступил с чтением стихотворения в московском Доме печати. В марте 1930 г. в связи с заметкой в «Огоньке» о вы-

ставке Маяковского «20 лет работы» в журнал поступили письма и материалы читателей. Посылая Маяковскому сохранившийся у него экземпляр журнала, читатель с Украины писал: «Не ветер срывал и не дождь смывал со стены нашего сельсовета наклеенный журнал со снимком Владимира Ильича и с вашими стихами «Мы не верим!». Вы знаете, конечно, что снимок был для нас важен как недавний, потому что кулаки с троцкистами измышляли слухи, что в живых нет Ленина и потому нет Ленина на партийном съезде. Я предлагаю сейчас для вашей выставки мой старый журнал «Огонек», самый первый номер, хотя бумага очень плохая. Посмотрите, что вокруг стихов «Мы не верим!» есть фамилии. На полях журнала тоже есть имена и фамилии. Это подписались в 1923 году весной мои земляки, которые думали заодно с Маяковским» (цит. по воспоминаниям Е. Ратмановой-Кольцовой в сб. «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», М., 1968, с. 252).

45. «Правда», 1923, 22 апреля. Печ. по Собр. соч. Д. Бедного в пяти томах, т. 3, М., 1954, с. 140. Одновременно в газете были помещены два бюллетеня о состоянии здоровья В. И. Ленина.

46. Печ. по кн.: Моисей Тейф, Избранное, М., 1958, с. 43.

47. «Прожектор», 1923, № 14 (31 августа), с. 22. Одно из самых популярных стихотворений о В. И. Ленине.

48. «Петроградская правда», 1923, 30 августа. *Г. Штреземан* (1878—1929) — в 1923 г. канцлер и министр иностранных дел Германии; его правительством было подавлено вооруженное восстание гамбургских рабочих.

49. Сб. «Ленин», Харьков, 1923, с. 205. Экземпляр сборника был в библиотеке Ленина в Кремле.

50. Печ. по кн.: П. Орешин, Ржаное солнце, М.—Пг., 1923, с. 129.

51. Печ. по сб.: «Пламень наших сердец», М., 1967, с. 171 (сборник стихотворений старых большевиков). 3 ноября 1920 г. Л. Цинковский присутствовал на совещании политпросветработников в Москве, на котором с речью об основных задачах Главполитпросвета и политпросветов на местах выступил Ленин.

52. Печ. по кн.: С. Сейфуллин, Избранные стихи и поэмы, Алма-Ата, 1938, с. 75.

53. Печ. по кн.: Д. Юлтый, Избранная лирика, Уфа, 1966, с. 25. *Рычаг Архимеда*. Биографы Архимеда Сиракузского, величайшего математика и механика Древней Греции (ок. 287—212 до н. э.), рассказывают, что он, установив законы рычага, произнес фразу: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю».

54. Печ. по кн.: Г. Табидзе, Стихотворения и поэмы, М., 1958, с. 148. В 1917 г. Г. Табидзе находился в России. Он стал очевидцем грандиозных событий, развернувшихся в Петрограде во время Великой Октябрьской революции. Пережитое в эти дни определило весь дальнейший творческий путь поэта.

55. «Ленин», однодневная литературная газета, посвященная памяти Владимира Ильича Ленина (Ульянова), М., 1924, январь. Датируется по кн.: Н. Полетаев, Резкий свет, М.—Л., 1926.

56. Печ. по публикации «Письма крестьян в связи с кончиной В. И. Ленина» — «Вспросы истории», 1968, № 7, с. 119.

57. «Красный воин», 1924, 24 января; сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 36, анонимно; «Барабан», 1924, № 2, с. 8, и др. Печ. по кн.: А. Жаров, Избранное, М., 1946, с. 51. Датируется по сб.: А. Жаров и М. Колосов, Ленин, М., 1925.

58. «Коммунальный работник», М., 1924, № 2, с. 10. Печ. по кн.: В. Брюсов, Избранные стихотворения, М., 1945, с. 438 (с исправлением опечатки). Стихотворение является текстом кантаты (музыка М. Багриновского), исполнявшейся в траурные дни в Доме Союзов.

59. Печ. по кн.: А. Акопян, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1961, с. 139.

60. Печ. по кн.: С. Сейфуллин, Избранные стихи и поэмы, Алма-Ата, 1958, с. 77.

61. «Известия», 1924, 24 января.

62. «Известия», 1924, 24 января.

63. «Красная газета», 1924, 24 января. Печ. по кн.: В. Князев, Капля крови Ильича, Л., 1924, с. 3.

64. «Красная газета», 1924, 24 января.

65. «Красная звезда», 1924, 24 января, без заглавия. Печ. по газете «Ленин» (см. примеч. 58).

66. «Красный воин», 1924, 24 января.

67. «На вахте», 1924, 24 января.

68. Сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 10, анонимно; «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, с. 148. Печ. по кн.: А. Безыменский, Партбилет № 224332. Стихи о Ленине. Воспоминания, М., 1968, с. 7. В первоначальной редакции было 6 строф, после 4-й следовала строфа:

Пусть сердце сдавлено и боль неимоверна,
Тебе на помощь я пошлю миллионный вал.
Вал пролетариев под знаком Коминтерна
Заполнит в Партии зияющий провал.

Вспоминая обстоятельства, при которых было написано стихотворение, поэт пишет: «Незабываемым осталось для меня собрание группы

«Октябрь» в самый горестный день жизни партии и страны, в день смерти Владимира Ильича Ленина. Собрал все силы, чтобы удерживать набегающие на глаза слезы необъятного горя, мы решили ночью 24 января в течение двух дней выпустить сборник стихов, написав их сегодня же. Сделать это было невиданно трудно, но 27 января сборник «К живому Ильичу» вышел из печати» («Советские писатели. Автобиографии», т. 1, М., 1959, с. 149).

69. «Известия», 1924, 25 января и сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 14, анонимно. Печ. по Собр. соч. Н. Асеева в пяти томах, т. 1, М., 1963, с. 235.

70. «Известия», 1924, 25 января. *Семь нагруженных огнем кораблей* — семь лет, прошедших со дня Октябрьской революции.

71. «Рабочая газета», 1924, 25 января. *Большое сердце биться перестало* — видоизмененная строка из стих. Некрасова «Памяти Добролюбова»: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!» Стих. Некрасова было перепечатано 24 января 1924 г. в газете «Известия», в заметке «На могилу тов. Ленина».

72. «Молодой ленинец», 1924, 25 января и сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 40, анонимно. Печ. по сб.: «Ленин в поэзии», Л.—М., 1925, с. 35.

73. «Известия», 1924, 29 января.

74. Газета «Ленин» (см. примеч. 55) и с исправлением — «Известия», 1924, 1 февраля, под заглавием «Эра». Печ. по кн.: В. Брюсов, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1961, с. 470. В своем выступлении в апреле 1920 г. в Доме печати, на вечере, посвященном 50-летию Ленина, Брюсов характеризовал Ленина как человека «колоссальной мудрости». Посылая стихи Н. К. Крупской для напечатания в «Известиях», Брюсов писал: «Мне лично это было бы очень дорого, а стихи с самого начала я думал предложить Вашей оценке» (там же, с. 815).

75. «Известия», 1924, 27 января; сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 46, анонимно. Печ. по кн.: С. Третьяков, Речевик, М.—Л., 1929, с. 45.

76. «Известия», 1924, 27 января.

77. Сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 16, анонимно. Печ. по кн.: М. Светлов, Корни, М., 1925, с. 55. Датируется по воспоминаниям Безыменского (см. примеч. 68).

78. Сб. МАПП «К живому Ильичу», М., 1924, с. 17, анонимно. Печ. по сб.: А. Ясный, Ухабы, М., 1925, с. 48. Датируется как и предыдущее стихотворение.

79. «Красная газета», 1924, 27 января, под заглавием «Отец и дети». Печ. по кн.: В. Князев, Капля крови Ильича, Л., 1924, с. 5.

80. «Красная газета», 1924, 27 января.

81. «Приморский крестьянин», Владивосток, 1924, 28 января, под заглавием «27 января» (другая редакция). Печ. по кн.: А. Богданов, Избранные стихи, М., 1934, с. 167.

82. Печ. по сб.: «Ленин в европейской поэзии» (Отклики на смерть Ленина), М., 1925, с. 148. Эпиграфом послужили первые строки из стихотворения эстонской пролетарской поэтессы Элисе Тентер (1888—1931) «Павшему на поле боя», напечатанного в эстонском журнале «Молодые коммунары» (Пг., 1921, № 5-6).

83. «Ленинградская правда», 1924, 27 января, под заглавием «На стражу». Печ. по кн.: И. Садофьев, Избранное, М.—Л., 1960, с. 136.

84. «Известия», 1924, 29 января. Датируется по кн.: В. Брюсов, Избранные стихотворения, М., 1945.

85. «Правда», 1924, 29 января. Стихотворение пользовалось большой популярностью и многократно перепечатывалось.

86. «Красный воин», 1924, 30 января. Печ. по кн.: Д. Петровский, Избранное, М., 1956, с. 5. Последний приезд больного Ленина в Москву состоялся 18—19 октября 1923 г. Его сопровождали Н. К. Крупская и врач. Ленин посетил свой кабинет в Кремле и на обратном пути в Горки заехал на строительство сельскохозяйственной выставки. *Письма горящие*. Имеются в виду «Письма из далека», написанные Лениным в Швейцарии в марте—апреле 1917 г. для «Правды», в которых Ленин говорил о необходимости готовить пролетариат к переходу от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому.

87. «Красная газета», 1924, 30 января, под заглавием «Когда кричали гудки». Печ. по кн.: В. Князев, Капля крови Ильича, Л., 1924, с. 6.

88. «Красная звезда», 1924, 30 января.

89. «Коммунист», Харьков, 1924, 31 января. Печ. по кн.: А. Гатов, Влюбленным всей земли. М., 1966, с. 27.

90. Газета «Ленин», М., 1924, январь. Печ. по Собр. соч. В. Инбер в четырех томах, т. 1, М., 1965, с. 120. О том, как было написано стихотворение, поэтесса рассказала в очерке «Свиток годов»: «Главное, самое важное — была стихия народного горя: людские толпы... Навсегда врезался мне в память восковой профиль, красный орден на груди, стужа, как бы вобравшая в себя весь жгучий холод нашей ледяющей сердце скорби, какая-то особая торжественность луны.

Все это я запомнила навсегда. Все это я должна была передать тем, кто будет читать мои строки» (там же, т. 4, с. 56).

91. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

92. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

93. Печ. по кн.: Д. Юлтый, Избранная лирика, Уфа, 1966, с. 28.

94. Газета «Ленин», М., 1924, январь. Печ. по кн.: М. Герасимов, Покос, М., 1942, с. 70. *Убийцы черная рука*. См. примеч. 7.

95. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

96. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

97. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

98. Газета «Ленин», М., 1924, январь, без заглавия. Печ. по кн.: П. Орешин, Соломенная плаха, М., 1925, с. 204.

99. Газета «Ленин», М., 1924, январь.

100. Газета «Ленин», М., 1924, январь. Печ. по кн.: Г. Санников, Лениниада, М.—Л., 1925, с. 13.

101. «Красный студент», 1924, приложение к № 1, с. 3.

102. «Красный перец», 1924, № 2, с. 2, анонимно. Печ. по кн.: А. Исбах, Баллада о Ленине и Ли Чане, М.—Л., 1928. История создания «Баллады» и ее дальнейшая поэтическая судьба рассказаны автором в новелле «Баллада о Ленине и Ли Чане» в кн.: А. Исбах, Рассказы о Ленине, М., 1965, с. 89. *Шарик имел мандарин*. Шарик на головном уборе был одним из знаков отличия китайского привилегированного сословия.

103. «Крокодил», 1924, № 3, с. 12.

104. «Крокодил», 1924, № 3, с. 12.

105. «Крокодил», 1924, № 3, с. 12.

106. «Крокодил», 1924, № 3, с. 12.

107. «Крокодил», 1924, № 3, с. 12.

108. Печ. по кн.: И. Назаров, Стихи и песни, Владимир, 1951, с. 44.

109. «Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета». 1924, 3 февраля.

110. «Пролетарская правда», Киев, 1924, 3 февраля. Печ. по кн.: Н. Ушаков, Год за годом, Киев, 1956, с. 27. В 16 часов 27 января 1924 г., во время похорон Ленина, по всей стране на пять минут прекратилась работа на предприятиях и было приостановлено движение транспорта.

111. «Власть труда», Иркутск, 1924, 4 февраля. Печ. по кн.: И. Уткин, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 50.

112. «Волна», Архангельск, 1924, 10 февраля.

113. «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, с. 58. Печ. по кн.: М. Годный, Земное, М., 1926, с. 35.

114. «Красная нива», 1924, № 7, с. 162 и «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, с. 104. Печ. по кн.: М. Герасимов, Покос, М., 1924, с. 72.

115. «Правда», 1924, 24 февраля. Печ. по Полн. собр. соч. Д. Бедного, т. 9, М., 1928, с. 19.

116. «Юношеский стяг», Чита, 1924, № 6 (февраль), с. 4. Печ. по кн.: В. Моряк, Лава в будущее, Чита, 1924, с. 13. Р. Пуанкаре (1860—1934) — французский государственный деятель, один из вдохновителей Антанты, получивший прозвище «Пуанкаре-война». Его деятельность на посту премьер-министра Франции в 1920-е годы отличалась антисоветской направленностью.

117. «Работница и крестьянка», 1924, № 2-3, с. 5.

118. «Красная новь», 1924, № 2 (март), с. 97, без заглавия. Печ. по сб.: «День поэзии», М., 1967, с. 27. *Ходынка* — здесь: большое скопление людей. У гроба *измученный скульптор*. В Доме Союз у гроба Ленина работали известные советские скульпторы Н. Андреев, И. Шадр, С. Меркуров. *Жена* — Н. К. Крупская.

119. 1—4. Печ. по журн.: «Советская литература», 1934, № 1, «Лім» — ДВОУ, с. 51—53 (под заглавием: «21 января. Из поэмы „Лениниада“»). 5—9. Печ. по кн.: Х. Гильдин, Избранные стихи, М., 1935, с. 11—15. *На Красной площади мозилу рыли* и т. д. Стояли почти 30-градусные морозы, — чтобы подготовить землю для рытья котлована, красноармейцы-подрывники произвели несколько взрывов. *Коминтерн* — Коммунистический (III) Интернационал, международная революционная организация, созданная в 1919 г. по инициативе В. И. Ленина. *Пять ледяных дней прошло, а толпы всё идут*. С 13 часов 23 января до 24 часов 26 января гроб с телом В. И. Ленина был установлен в Колонном зале Дома Союзов, и сотни тысяч людей приходили сюда для прощания с вождем. 27 января с 2 часов 43 минут гроб был установлен на помосте под стенами Кремля. *Четыре часа*. В 4 часа дня 27 января 1924 г. под траурные гудки фабрик, заводов, паровозов, звучавшие по всей стране, под залпы орудий гроб с телом Ленина был перенесен в Мавзолей. В этот момент по всей стране прервалась работа на предприятиях, остановились поезда, автомобили.

120. Печ. по кн.: Е. Чаренц, Избранное, Ереван, 1967, с. 100. Оливер *Кромвель* (1599—1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII в. Мохандас Кармчанд *Ганди* (1869—1948) — индийский политический деятель. *Рокфеллер*, *Морган и К^о* — банкиры-миллиардеры, возглавляющие группу финансовой олигархии США.

121. Печ. по кн.: П. Яшвили, Стихи, Тбилиси, 1967, с. 13. Карл *Либкнехт* (1871—1919) — выдающийся деятель германского и международного рабочего революционного движения, один из основателей Коммунистической партии Германии; 2 декабря 1914 г. он один голосовал в рейхстаге против военных кредитов, охарактеризовав первую мировую войну, как войну захватническую. 15 января 1919 г. был зверски убит контрреволюционерами.

122. Печ. по кн.: Я. Виртанен, Избранное, М., 1957, с. 74.

123. «Экран Рабочей газеты», 1924, № 13, с. 5. Эпиграф из стих. Пушкина «Памятник».

124. Печ. по кн.: М. Бажан, Дорога, М., 1964, с. 13—14. *Без десяти семь* — время, когда скончался В. И. Ленин.

125. Печ. по кн.: И. Фефер, Стихотворения и поэмы, М., 1937, с. 61.

126. Печ. по «Антологии украинской поэзии», т. 2, М., 1958, с. 143. *Фашистский мрак*. В 1922 г. фашисты захватили власть в Италии, а в ноябре 1923 г. Гитлер вместе с Людендорфом предпринял попытку государственного переворота в Германии для установления фашистской диктатуры. Уже IV конгресс Коминтерна (1922) указал, что организация сопротивления фашизму на основе политики единого фронта — одна из важнейших задач коммунистических партий. *Спартак* — речь, вероятно, идет о «Союзе Спартака», революционной организации германских левых социал-демократов (1914—1918), составившей впоследствии ядро Коммунистической партии Германии.

127. Сб. «Ильичу», Иркутск, 1924, с. 9.

128. Печ. по сб.: «У истоков русской пролетарской поэзии», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 315.

129. Печ. по кн.: М. Ордубады, Избранные произведения, Баку, 1950, с. 159.

130. Печ. по сб.: «Здравница», Ростов-на-Дону, 1967, с. 39. «Сулейман Стальский... рассказывал однажды о том, как в 1924 году он сложил свою первую песню на смерть Ленина. Холодным январским днем в аул прискакал гонец. То был гонец с недоброй вестью. Весь народ, потрясенный скорбью, стекался к площади. На площади царил тишина. Горе, охватившее всех, было настолько грозным, что всякие слова теряли перед ним свою силу. Никто не выступал с речами.

Однако люди не расходились, словно в ожидании чего-то, что должно было объединить их думы. . . Тогда я поднялся на ступеньки, — рассказывал Сулейман. — Я повернулся к сельчанам и хотел прокричать им одно четверостишие, которое, я слышал, кружилось у меня на душе. Но, куда я читал одно, набегали все новые. Народ слушал меня, опустив головы. Песня рождалась сама собой, из общих дум. . .» (см. вступительную статью Э. Капиева «Эпос горских народов о Ленине» в кн.: «Горцы о Ленине», Махачкала, 1960, с. 3).

131. Сб. «Памяти Ленина», Ростов-на-Дону — Москва, 1924, с. 30.

132. Печ. по сб.: «Солнце дружбы», Фрунзе, 1963, с. 11.

133. Печ. по кн.: С. Кудаш, Избранные стихотворения, Уфа, 1949, с. 33.

134. Печ. по кн.: Хади Такташ, Стихотворения и поэмы, М., 1955, с. 56, 57—64. *Керзон* (1859—1925) — английский политический деятель и дипломат, занимал враждебную позицию в отношении Советской России: один из организаторов военной интервенции против Советского государства, после ее провала предложил проводить политику, направленную на изоляцию СССР и подготовку новой интервенции. *Рур* — промышленный район Германии, известный своими революционными традициями.

135. Печ. по кн.: Лахути, Ветер утра, М., 1967, с. 57.

В. В. МАЯКОВСКИЙ **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН**

136. Полностью — «Владимир Ильич Ленин», поэма, Л.—М., 1925. Печ. по Полн. собр. соч. Маяковского в тринадцати томах, т. 6, М., 1957, с. 231. В автобиографии, в главке «23-й год», Маяковский писал: «Начал обдумывать поэму „Ленин“» (Полн. собр. соч., т. 1, М., 1955, с. 26). В октябре 1924 г. в информационной заметке журнала «Жизнь искусства» сообщалось: «В. Маяковский закончил большую поэму о Ленине. Эта поэма по грандиозности замысла и по силе охвата темы превосходит все раньше им написанное. Поэма будет печататься в „Лефе“» («Жизнь искусства», 1924, № 43, стр. 19). 3 октября Маяковский подписал договор на издание поэмы, 20 октября рукопись была сдана в издательство. 11 октября поэт выступил с чтением поэмы в редакции газеты «Рабочая Москва». «Поэма посвящается Российской Коммунистической партии, — сообщалось в отчете. — Слушается она с исключительным интересом, производит сильное впечатление» («Рабочая Москва», 1924, 12 октября). Маяковский читал поэму в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова и в Доме печати, на квартирах В. В. Куйбышева и А. В. Луначарского. 21 октября в Красном зале МК РКП(б) поэму слушал партийный актив Москвы. В отчете о вечере говорилось: «Зал был переполнен. Поэма была встречена дружными аплодисментами всего зала. В открывшихся прениях. . . ряд товарищей говорили, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное боль-

шинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции, а не интеллигентский эстетский образ...» («Рабочая Москва», 1924, 23 октября). В автобиографии, в главе «24-й год», сказано: «Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы» (Полн. собр. соч., т. 1, с. 27). 21 января 1930 г., в день памяти Ленина, Маяковский выступил с чтением 3-й части поэмы на торжественно-траурном заседании в Большом театре. *Шахматы ему — они вождем полезней*. Г. М. Кржижановский, вспоминая о днях, проведенных с Лениным в ссылке в селе Шушенском, пишет, что Ленин «был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, М., 1956, с. 157). *Колонный зал дрожит, насквозь прохожен*. С 23 по 27 января 1924 г. через Колонный зал Дома Союзов, где был установлен гроб с телом Ленина, прошло 700 000 человек. *Бромлей и Гужон* — крупные металлургические заводы в Москве и Петрограде. *Елисеев* — владелец больших гастрономических магазинов в Москве, Петрограде и некоторых других городах дореволюционной России. *Патагония* — область на юге Аргентины. В 1921 г. в Патагонии вспыхнуло восстание батраков, жестоко подавленное правящими кругами Аргентины. *Каторз* (quatorze) — четырнадцатый (франц.). *Тьер Адольф* (1797—1877) — глава французского правительства, жестоко расправившегося с Парижской коммуной в 1871 г. *Тени прадедов, парижских коммунаров, и сейчас вопят парижскую стеною*. Имеется в виду стена на кладбище Пер-Лашез, у которой похоронены жертвы Парижской коммуны 1871 г., с рельефными изображениями коммунаров в момент расстрела. *Коммунизма призрак по Европе рыскал* — перефразировка первых строк «Коммунистического манифеста»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». *За землю и волю*. Имеется в виду организация революционных народников 70-х годов в России «Земля и воля». *Брат Ульянова, народоволец Александр*. Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — брат Владимира Ильича, был арестован 1 марта 1887 г. за участие в покушении на жизнь Александра III и 8 мая 1887 г. казнен в Шлиссельбургской крепости вместе со своими товарищами. Н. К. Крупская в статье «Детство и ранняя юность Ильича» сообщает, что, узнав о казни брата, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» («Воспоминания родных о В. И. Ленине», М., 1955, с. 186). *Как быть, чтоб зарплата выросла пятаком*. Речь идет о ранних пропагандистских работах Ленина: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «О промышленных судах», «О стачках», «Новый фабричный закон» и др. (1895—1899). «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный Лениным осенью 1895 г., объединил все существовавшие в Петербурге рабочие марксист-

стские кружки. *Володимирка* — Владимирский тракт, по которому до революции отправляли политических ссыльных в Сибирь. *Нерчинск* — город в Сибири, до революции — место ссылки политических заключенных. «Служил ты недолго, но честно...» — из известной революционной песни «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей...»), слова Г. А. Мачтета (1852—1901). Эту песню любил Ленин. *Чухлома* — небольшой город в Ивановской области, здесь как символ заштатного городишка. *Теперь на Марсов охотится Пулково*. В 1924 г. было великое противостояние планеты Марс. Наблюдение за Марсом велось и в Пулковской обсерватории близ Ленинграда. *Девятое января. Конец гапонщины*. Имеется в виду организованное попом-провокатором Г. А. Гапоном (1870—1906) 9 января 1905 г. шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, которое было расстреляно по приказу царя. *Ильич уже здесь*. Ленин вернулся в Россию из-за границы в начале ноября 1905 г.; по приезде в Петербург Владимир Ильич развернул большую организаторскую деятельность. *Лукавая вестийка — «свобода*. Имеется в виду манифест Николая II от 17 октября 1905 г., в котором даровалась «свобода слова, собраний» и т. д. Ф. В. *Дубасов* (1845—1912) в конце 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом Декабрьского восстания. *Ладан курят — богоискатели*. После поражения революции 1905 г. в среде социал-демократической интеллигенции усилились попытки философской «критики» марксизма, одной из форм этой ревизии марксизма была идея «богоискателей» и «богостроителей» о несободности соединения социализма с религией. *Сам заскулил товарищ Плеханов*. После поражения Декабрьского вооруженного восстания Г. В. Плеханов (1856—1918) в «Дневнике социал-демократа» (Женева, 1905, № 4) выступил со статьей, где утверждал: «Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Ленин в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» отвечал Плеханову: «Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он, по всей вероятности, не слишком далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действиям» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 180). В сентябре 1906 г. в статье «Уроки московского восстания» Ленин вновь возражал Плеханову: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы» (Полн. собр. соч., т. 13, с. 371—372). *К какой приравнять к Полтаве, к Плевне?!* Речь идет о Полтавской битве в русско-шведской войне (27 июля 1709 г.) и о боях под Плевной (июль — декабрь 1877 г.) во время русско-турецкой войны. *Приспособились Вовы*. Буржуазный сынок Вова — персонаж из водевиля Е. Мировича «Вова приспособился», популярного в годы первой мировой войны. *Трезвый встал один Циммервальд*. Речь идет о международной социалистической конференции, происходившей 5—8 сентября 1915 г. в Циммервальде. В проекте резолюции, написанном Лениным и внесенном на конференции левой группой депутатов, говорилось: «Империалистическая война открывает собой эру социальной революции. Все объективные

условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов... развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» (Полн. собр. соч., т. 26, с. 284—285). *Верден* — французская крепость, за обладание которой шли ожесточенные бои в 1915—1917 гг. *Клювастый орел с двуглавою властью*. На царском гербе России был изображен двуглавый орел. *Поехал, покорный партийной воле, в немецком вагоне, немецкая пломба*. 9 апреля 1918 г. Ленин выехал из Цюриха через Германию, через порт Засниц в Троллеберг (Швеция) и оттуда в Петроград. Через Германию Ильич ехал в вагоне, на котором была наложена пломба. *Гогенцоллерны* — династия прусских королей и германских императоров. Последний Гогенцоллерн, Вильгельм II, был свергнут буржуазной революцией в Германии в 1918 г. *Дарданельский, в девичестве Милоков* П. Н. (1859—1943) — глава партии кадетов, член Временного правительства. *Михайличик* — Михаил Романов (1878—1918), великий князь, претендент на русский престол. *Премьер*. Имеется в виду председатель Временного правительства в России в 1917 г. А. Ф. Керенский. *Оборонцы* — мелкобуржуазные партии и группировки, стоявшие за продолжение империалистической войны. Б. В. *Савинков* (1879—1925) — эсер, летом 1917 г. принимал деятельное участие в подготовке контрреволюционного мятежа. *Вдруг оттуда, из-за Невы, с Финляндского вокзала*. Ленин приехал в Петроград 3 апреля, около полуночи, с Финляндского вокзала. На площади перед вокзалом с броневика Ленин произнес речь, которую закончил лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» *Кшесинская* — балерина, любовница Николая II. В особняке, подаренном ей царем, помещался в 1917 г. ЦК РСДРП (большевиков). «*Ешь ананасы, рябчиков жуй...*» — двустихие Маяковского, написанное осенью 1917 г. Позднее поэт вспоминал: «Петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: Ешь ананасы и т. д.» (Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 152). *Примериваясь, в июле за горло потрогали и за животик. Буржуеи зубья оцщерились разом*. Речь идет об июльских днях 1917 г., когда состоялось стихийное выступление петроградских рабочих и солдат под лозунгом «Вся власть Советам!». Выступление было подавлено. *И ручку Керенского водят приказом*. Временное правительство 7 июля издало приказ об аресте Ленина и некоторых других деятелей партии. По решению партии Ленин скрылся на озере Разлив (в 30 км от Петрограда), где до наступления холодов жил в шалаше. В конце августа ЦК партии организовал перезд Ленина в Финляндию. *Кресты* — дом предварительного заключения в Петрограде. *Ленин сам явился в Питер*. 7 октября Ленин нелегально приезжает из Выборга в Петроград, где 10 октября состоялось историческое заседание ЦК, посвященное немедленной подготовке вооруженного восстания. С докладом о необходимости вооруженного восстания выступил Ленин, который указал, что «с начала

сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 391). Я вспоминаю одну и то же — двадцать пятое, первый день. В главке «Октябрь» автобиографии Маяковский писал: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный» (Полн. собр. соч., т. 1, с. 25). В дни революции Маяковский видел в Смольном Ленина. На Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей 9 января 1925 г., отвергая упрек Д. Бедного и Л. Сосновского, будто в сцене в Смольном он принизил образ Ленина, Маяковский говорил: «Немногим из нас было дано счастье увидеть товарища Ленина. Взятый мною факт — это был один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина, и такой способ стоять, заложив руки, всем известен» (Полн. собр. соч., т. 12, с. 273). Воля нобельца. Имеется в виду петроградский механический сталелитейный завод Э. Нобеля (ныне «Русский дизель»), рабочие которого активно участвовали в революционных событиях 1917 г. *Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам!* Речь идет о первых исторических декретах советской власти — Обращении Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам 25 октября 1917 г. о переходе всей власти к Советам, декрете о мире, декрете о земле, принятых съездом Советов по предложению Ленина 26 октября 1917 г. Еще накануне Октября Ленин в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», говоря о лозунгах, под которыми следует развернуть подготовку к вооруженному восстанию, указывает: «Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 341). Н. Н. Духонин (1876—1917) — генерал царской армии. В ноябре был верховным главнокомандующим. Л. Г. Корнилов (1870—1918) — генерал царской армии, в августе 1917 г. руководитель контрреволюционного мятежа. А. И. Гучков (1862—1936) — лидер буржуазно-монархической партии октябристов. А. Ф. Керенский (р. 1881) — председатель Временного правительства, после Октябрьской революции — белоэмигрант. *Мы и кухарку каждую выучим управлять государством!* В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917) Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 315). *Ротация* — печатная машина. *Возьмем передышку похабного Бреста.* В основу этих строк положены слова из выступлений Ленина на VII съезде партии по вопросу о заключении мира с Германией: «Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали» (Полн. собр. соч., т. 36, с. 26); «...Я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом» (Полн. собр. соч., т. 36, с. 27). *С гидрой плакаты.* Речь идет о плакатах эпохи гражданской войны, на которых контрреволюция изобра-

жалась в виде многоголовой гидры. *«Мы смело в бой пойдём...»* — слова из революционной песни периода гражданской войны. *Ты знаешь путь на завод Михельсона? Найдешь по крови из ран Ильича.* 30 августа 1918 г. у завода Михельсона в Москве (ныне завод им. Владимира Ильича) было совершено покушение на В. И. Ленина эсеркой-террористкой Каплан. *Аршину учишь, не научишься — плох.* «Вопрос в том, — говорил Ленин на XI съезде партии весной 1922 г. — что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 82). *Ленин сам где железо, где дерево носил чинить.* Речь идет об участии Ленина в первомайском субботнике 1920 г. *Мы двинемся во сто раз медленней, зато в миллион прочней и крепче.* На XI съезде партии Ленин говорил: «У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, то будем абсолютно непобедимой силой .. тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 92). *Но это уже полезней проделывать, чем об этом писать* — перефразированные слова Ленина из послесловия к первому изданию книги «Государство и революция»: «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (Полн. собр. соч., т. 33, с. 120). *К. К. Мамонтов (1869—1919)* — белогвардейский генерал. *Пятиэтажное здание Съезда Советов.* XI Всероссийский съезд Советов проходил с 9 по 29 января 1924 г. в Москве, в Большом театре. *Превозмог себя и встал Калинин.* М. И. Калинин сообщил о смерти Ленина на утреннем заседании съезда 22 января. *Это его несут с Павелецкого.* Траурный поезд с телом Ленина прибыл из Горок в Москву на Павелецкий вокзал 23 января в час дня. *Тверская* — ныне улица Горького в Москве. *Димитровка* — Большая Дмитровка, ныне ул. Пушкина. *Надежда Константиновна* — Крупская (1869—1939). *«Прощай же, товарищ, ты честно прошел...»* — перефразированные строки из известной революционной песни «Вы жертвою пали...»:

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный.

«Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои» — слова из песни Г. А. Мачтега «Последнее прощанье» («Замучен тяжелой неволей...»). *На черный, посыпанный снегом кружок.* Имеется в виду черный циферблат часов на Спасской башне Кремля. *Стреляли из пушки.* В 4 часа 27 января, в день похорон Ленина, был дан салют. На пять минут была прекращена работа на фабриках и заводах, приостанов-

вилось движение транспорта. Н. И. *Муралов* — тогда командующий Московским военным округом. *Четыреста тысяч от станка горячих — Ленину первый партийный венок*. Речь идет о ленинском призыве в партию. За четыре месяца свыше двухсот сорока тысяч рабочих вступили в ряды Коммунистической партии. *«По морям, по морям, нынче здесь, завтра там...»* — припев популярной песни времен гражданской войны. *«Раз, два, три! Пионеры мы...»* — припев пионерской песни.

1924—1940

137. «Красный ткач», Иваново-Вознесенск, 1924, № 4-5, с. 3, без заглавия (другая редакция). Печаталось под заглавиями: «Памяти вождя», «Зерно». Печ. по кн.: Д. Семеновский, Избранное, Иваново, 1955, с. 39.

138. «Сибирские огни», 1924, № 1, с. 7, под заглавием «Брест. Эскиз к поэме» (другая редакция). Печ. по сб.: «Вьюжные дни», Новосибирск, 1928, с. 94. 14—16 марта 1918 г. состоялся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, на котором основной доклад по вопросу ратификации Брестского мирного договора сделал В. И. Ленин. Противниками ратификации выступали левые эсеры и троцкисты. Г. В. *Чичерин* (1872—1936) — в дальнейшем народный комиссар иностранных дел — от имени советского правительства 3 марта 1918 г. подписал Брестский мирный договор. В *Берлине — Красное Знамя!* Ноябрьская революция 1918 г. в Германии аннулировала Брестский договор. *«Тильзитский мир»* — договор, заключенный Францией с Россией и Пруссией, подписанный 26 июня 1807 г. в Тильзите. В своем докладе Ленин сравнил Брестский договор с Тильзитским миром, который Наполеон навязал германскому народу после ряда тяжчайших поражений. Председательствовавший на съезде Я. М. Свердлов (*кожаная куртка на красной фланельке*) провел поименное голосование, в результате которого была принята ленинская резолюция о ратификации Брестского договора.

139. «Красная новь», 1924, № 2 (март), с. 102. Печ. по Собр. соч. В. Инбер в четырех томах, т. 1, М., 1965, с. 132, где дата (1925) неверна.

140. «Зори» (Литературный еженедельник), 1924, № 10, с. 4. *Версальцы* — сторонники французского контрреволюционного буржуазного правительства, обосновавшегося в Версале после образования Парижской коммуны 1871 г. Они жестоко расправились с коммунарами, и слово «версалец» стало синонимом озверелой контрреволюции.

141. «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, с. 10. Печ. по Полн. собр. соч. В. Маяковского, т. 6, М., 1957, с. 34.

142. «Ленинград», 1924, № 7 (апрель), с. 14.

143. Печ. по кн.: С. Донентаев, Избранное, Алма-Ата, 1958, с. 48.

144. «Рабочий журнал», 1924, № 1 (июнь), с. 79.

145. «Красная новь», 1924, № 4 (июнь), с. 129 и альманах «Круг», № 3, М.—Л., 1924, с. 227 — отрывки. Печ. по Собр. соч. С. Есенина в пяти томах, т. 3, М., 1967, с. 231.

146. Печ. по кн.: Н. Кузнецов, Рабочее сердце, М., 1925, с. 23.

147. «Красный журнал для всех», 1924, № 11, с. 825 (другая редакция). Печ. по кн.: М. Исаковский, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 44. *Солнце всходит и заходит* — строка из песни, известной по пьесе М. Горького «На дне».

148. «Прожектор», 1924, № 24, с. 12. Печ. по кн.: В. Казин, Стихотворения и поэмы, М., 1964, с. 69. *Керзон* — см. примеч. 134.

149. Печ. по кн.: П. Тычина, Избранное, М., 1965, с. 84.

150. Печ. по сб.: «Антология украинской литературы», т. 2, М., 1958, с. 139.

151. Литературно-художественные сб. «Недра», кн. 5, М., 1924, с. 201.

152. Печ. по сб.: «Поэты Балкарии», М., 1958, с. 15.

153. Печ. по кн.: Д. Горбунов, Самое задушевное, Ярославль, 1959, с. 15. *Декрет о земле*, по которому отменялось право частной собственности на землю, был написан Лениным и принят 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов.

154. Печ. по сб.: «Антология украинской поэзии», т. 2, М., 1958, с. 215. 7 февраля 1924 г. в «Правде» была напечатана статья Л. Крапина «О памятниках Ленину». Она открыла дискуссию о характере памятника, его стиле, месте установки и т. п. Проведена была анкета среди виднейших представителей архитектуры и художественного мира.

155. «Журнал крестьянской молодежи», 1928, № 2, с. 2, под заглавием «1924», анонимно. Печ. по сб.: «Пламень наших сердец», М., 1967, с. 164 (сб. стихотворений старых большевиков). *Восемнадцатый том*. В 18-м томе первого издания сочинений Ленина содержались работы Ленина 1921—1923 гг., в частности выступления на III и IV конгрессах Коминтерна, материалы X и XI съездов РКП(б), на которых стоял вопрос о нэпе, об укреплении союза рабочего класса и крестьянства, о кооперации.

156. Печ. по кн.: Г. Табидзе, Стихотворения и поэмы, М., 1958, с. 153.

157. Печ. впервые по рукописи из архива А. П. Крайского.

158. Печ. по сб.: «Стихи о Ленине», М., 1967, с. 194. В газете «Правда» от 26 января 1924 г. был напечатан очерк А. Зорича «Знакомый Ленина», который проливает свет на творческую историю баллады Е. Чаренца. В очерке Зорича рассказывается о мужике с Брянщины, приехавшем в Москву хлопотать насчет общественной мельницы: «Ходил мужик долго, разные люди давали направление: вот пойдите в Высынга, а потом в Наркомпрод, а затем в Наркомзем, и туда, и сюда, делу же исхода не получалось. Оббил мужик валушки и запасные лапти сбил, дополнительно к мельничным делам стал сапоги просить, — босой в стужу не находишься. . . » Сын-рабочий посоветовал ему подойти к Ленину во время собрания. Мужика охватило сомнение: «для такого происшествия велик больно человек, чай мельниц в государстве мельоны, а он один. . . » Председатель Совнаркома в прокуренной комнатухе заводского клуба читал долго мужичке «гумаги» и десятки резолюций на бумагах. . . В уголке сделал надпись и качал головой: ах, ведомства наши! Потом Председатель Совнаркома беседовал с мужиком о разных делах по хозяйству. . . Смеялся насчет сапог, и о сапогах написал записочку: «в упр. д. Т-щи, надо устроить ему сапоги. В. Ленин».

159. «Моряк», Одесса, 1925, 1 января.

160. Сб. «Ленин в поэзии рабочих», Л., 1925, с. 55.

161. Сб. «Деревенские поэты», Л., 1925, с. 3.

162. Печ. по кн.: К. Алтайский, Ленин, Вятка, 1925, с. 23. Эпиграф — из четверостишия, популярного в 1920-е годы в рабкорской среде. *Рабкор Спиридонов*. 12 апреля 1922 г. скончался от ран рабкор «Правды» с фабрики 6. Циндель в Москве Спиридонов, на которого было совершено покушение. Он систематически раскрывал в печати злоупотребления, имевшие место на предприятии, обвиняя в этом фабричное руководство.

163. Сб. «Стык», М., 1925, с. 90.

164. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 21 февраля. Печ. по Собр. соч. С. Есенина в пяти томах, т. 3, М., 1967, с. 124.

165. «Правда», 1925, 21 января. Печ. по Собр. соч. Д. Бедного в пяти томах, т. 3, М., 1954, с. 208.

166. «Беднота», 1925, 21 января.

167. «Известия», 1925, 21 января.

168—170. «Заря Востока», Тифлис, 1925, 21 января, под заглавием «Годовщина». Печ. по Собр. соч. Н. Асеева в пяти томах, т. 1, М., 1963, с. 240. 19 января 1925 г. Асеев читал стихи, посвященные

годовщине смерти Ленина, на собрании Всероссийского Союза писателей.

171. «Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета» (вечерний выпуск), 1925, 21 января, под заглавием «Весть». Печ. по кн.: Э. Багрицкий, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 340.

172. «Гудок», 1925, 21 января, под заглавием «Ленинизм живет». Печ. по кн.: Зубило, Салют, М., 1927, с. 39.

173. Сб. «Ильич», Вятка, 1925, с. 11.

174. Печ. по кн.: С. Муқанов, Стихи и поэмы, Алма-Ата, 1960, с. 23.

175. Печ. по сб.: «Антология каракалпакской поэзии», Ташкент, 1968, с. 263. *Печать и сабля* — атрибуты ханской власти.

176. «Смена», 1925, № 24, с. 9. Печ. по кн.: Н. Дементьев, Рассказы в стихах, М., 1934, с. 17.

177. Печ. по журн. «Нева», 1967, № 10, с. 3—5, с поправками переводчика, который выступает в журнале под псевдонимом С. Борисов. *Трапезунд* — город на северо-востоке Турции. *Халиф* — в ряде стран Ближнего и Среднего Востока титул государей, претендовавших на положение и роль главы общины верующих, т. е. всех исповедующих ислам. *Эфенди* — почетный титул в Османской империи. соответствующий русскому «господин». *Нарды* — восточная игра. *Ек* — нет (турецк.).

178. «Красная новь», 1925, № 4, с. 122. Печ. по кн.: М. Светлов, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 79. *Без десяти минут семь* — время кончины Ленина. *Великий плотник* — реиниценция из Пушкина: «То мореплаватель, то плотник» («Стансы»). *Острижешь России бороду*. Петр I в 1698 г. ввел обязательную стрижку бород у придворных. *Немец Карл* — Карл Маркс.

179. «Гудок», 1926, 24 января. Печ. по кн.: Зубило, Салют, М., 1927, с. 7.

180. Печ. по кн.: Лев Квитко, Стихи, М., 1948, с. 74.

181. «Молодая гвардия», 1926, № 5, с. 3. Печ. по кн.: А. Безыменский, Партбилет № 224332. Стихи о Ленине. Воспоминания, М., 1968, с. 40.

182. Печ. по кн.: А. Жаров, Стихи. Песни. Поэмы, М., 1964, с. 46. Жаров был делегатом III съезда комсомола. 2 октября 1920 г. он слышал знаменитую речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи». Вспоминая об этом дне, поэт рассказывает, как удивлены были комсомольцы, когда увидели, что, готовясь к выступлению, «Ленин...

рисовал. Нарисовал он деревенского типа дом — с крышей, с трубой, с вывеской «школа». Разумеется, никому из нас не пришло в голову, что тема ленинского рисунка может иметь отношение к теме его речи». Поэт вспоминает, сколь неожиданной показалась делегатам задача, поставленная перед ними тогда Лениным: «Все мы удивились, когда Ленин сказал, что основные задачи молодежи можно выразить одним словом. . . Смысл *одного* слова ни у кого не вызывал сомнения. Не знали только: будет ли вернее слово «победить», или слово «сокрушить», или слово «разгромить», а может быть, и еще что-нибудь покрепче в отношении врагов. Ленин снова подошел к самому краю сцены, немного наклонился и отчетливо сказал: «Задача состоит в том, чтобы учиться». Этого никто из нас не предполагал. Даже видевшие листок с рисунком школы» (сб. «Живой Ленин», М., 1965, с. 258, 260).

183. Печ. по кн.: Б. Кербабаев, Стихи и поэмы, М., 1962, с. 5.

184—186. «Красная новь», 1927, № 7, с. 118, под заглавием «Из цикла „История“». Печ. по кн.: С. Спасский, Особые приметы, Л., 1930, с. 43.

187. «Советская Сибирь» (Новосибирск), 1927, 21 января. *Джуг* — гололедица.

188. «Правда», 1927, 22 апреля. Печ. по Собр. соч. Н. Асеева в пяти томах, т. 2, М., 1963, с. 159, где дата (1929) неверна. *Казань*. В 1887 г. Ленин поступил в Казанский университет. *Брат Александр* — А. И. Ульянов (1866—1887), революционер-народоволец, казненный за участие в подготовке покушения на Александра III.

189. «Правда», 1927, 22 апреля. Печ. по Собр. соч. Д. Бедного в пяти томах, т. 3, М., 1954, с. 268. *Манифест* — царский манифест 19 февраля 1861 г. об «освобождении» крестьян.

190. «Звезда», 1927, № 11, с. 42. Печ. по Собр. соч. Н. Тихонова в шести томах, т. 2, М., 1958, с. 155. *15 марта 18-го года*, на вечернем заседании IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, В. И. Ленин выступил с заключительным словом по докладу о ратификации Брестского мирного договора. Большинством голосов (при поименном голосовании) съезд принял ленинский проект резолюции (см. примеч. 138). «*Вот когда мы шагали верстами. . .*». Имеются в виду следующие слова из выступления Ленина: «. . . Был период, когда революция шагала вперед, и мы шагали впереди, и за нами петушком попевали левые эсеры. (Аплодисменты.) А теперь наступил период, когда приходится отступать перед подавляющей силой» (Полн. собр. соч., т. 36, с. 118). «*Титаник*» — гигантский пассажирский пароход, потерпевший кораблекрушение во время трансатлантического рейса 15 апреля 1912 г. в результате столкновения с айсбергом. «*Мы вступили в эпоху войн*». Автор имеет в виду концовку речи Ленина: «Время работает за нас. Обожравшись, империалисты лопнут, а в их чреве растет новый гигант; он растет медленнее, чем мы хотим, но он растет, он придет к нам

на помощь, и, когда мы увидим, что он начинает свой первый удар, тогда мы скажем: кончилась пора отступления, начинается эпоха мирового наступления и эпоха победы мировой социалистической революции» (там же, с. 121).

191. «Правда», 1927, 6—7 ноября, под заглавием «Десятая баллада», с посвящением «Иной страны товарищу». Печ. по кн.: С. Обрадович, Избранное, М., 1954, с. 53.

192. Печ. по сб.: «Ленину — поэты Грузии», Тбилиси, 1960, с. 163.

193. Н. Асеев, Изморозь, М.—Л., 1927, с. 7. Печ. по Собр. соч. Н. Асеева в пяти томах, т. 1, М., 1963, с. 257. *Малахай* — шапка на меху с длинными наушниками. *Медный остров* находится в группе Командорских островов.

194. Печ. по сб.: «Ленину — поэты Грузии», Тбилиси, 1960, с. 170. Отрывок из задуманной П. Яшвили поэтической повести о В. И. Ленине. *Шалаши из осеннего сена Ленина укрывал*. Преследуемый Временным правительством, Ленин в июле 1917 г. ушел в подполье и поселился вблизи станции Разлив под видом финского косца в шалаше, сделанном из веток и сверху покрытом сеном.

195. Печ. по кн.: Н. Полетаев, Стихотворения, М., 1957, с. 95. *Ленин нам речь произносил*. Весной 1919 г. на Брянском, ныне Киевском, вокзале В. И. Ленин выступил с напутственной речью перед рабочими, уезжающими в деревню. «Последний раз я видел Ленина у нас на Брянском вокзале, — вспоминает работавший тогда на железной дороге Полетаев. — Это было в самое голодное время. Мы отправляли рабочих в южные губернии для того, чтобы они там в бывших помещичьих имениях заводили свои советские хозяйства... Безо всякой рисовки, безо всякой напускной жалости, сурово и просто он говорил этим людям, что город голодает, что в городе делать нечего, о том, что деревня, Россия нуждаются в рабочих, нуждаются в культуре, что им предстоит там, на новом месте, трудная ответственная работа» (сб. «Живой Ленин», М., 1965, с. 194).

196. Печ. по кн.: Владимир Сосюра. Избранные стихи, М., 1961, с. 9.

197. Печ. по сб.: «Ленин в поэзии», М., 1941, с. 209.

198. «Красная панорама», 1928, № 3, с. 15. Печ. с исправлением опечатки. Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала в Ленинграде, работы скульптора С. Евсеева, архитекторов В. Шуко и В. Гольфрейха, был открыт в 1926 г.

199. Печ. по сб.: «Антология украинской поэзии», т. 2, М., 1958, с. 255.

200. «Новый мир», 1928, № 11, с. 18 (без заключения поэма «Высокая болезнь» была напечатана в «Лефе», 1924, № 1). Печ. по кн.:

Б. Пастернак, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 243. Б. Пастернак видел и слушал В. И. Ленина на IX Всероссийском съезде Советов, который открылся 23 декабря 1921 г. в Москве, в Большом театре. В биографических заметках «Сестра моя — жизнь» поэт описывает свое впечатление от выступления Ленина с отчетным докладом: «Ленин, неожиданность его появления из-за закрытой границы; его зажигательные речи; его в глаза бросающаяся прямота; требовательность и стремительность; не имеющая примера смелость его обращения к разбушевавшейся народной стихии; его готовность не считаться ни с чем, даже с ведшей еще и не оконченной войной, ради немедленного создания нового, невиданного мира; его нетерпеливость и безоговорочность, вместе с остротой его инспровергающих, насмешливых обличений, поражали несогласных, покоряли противников и вызвали восхищение даже во врагах. Как бы ни отличались друг от друга великие революции разных веков и народов, есть у них, если оглянуться назад, одно общее, что задним числом их объединяет. Все они — исторические исключительности или чрезвычайности, редкие в летописях человечества и требующие от него столько предельных и сокрушительных сил, что они не могут повторяться часто. Ленин был душой и совестью такой редчайшей достопримечательности, лицом и голосом великой русской бури, единственной и необычайной. Он с горячностью гения, не колеблясь, взял на себя ответственность за кровь и ломку, каких не видел мир, он не побоялся кликнуть клич к народу, воззвать к самым заветным и заветным его чаяниям, он позволил морю разбушеваться, ураган с его благословения».

201. Печ. по кн.: Е. Чаренц, Избранное, Ереван, 1967, с. 109.

202. «Комсомольская правда», 1929, 20 января.

203. «Вечерний Киев», 1929, 21 января. Печ. по кн.: Н. Ушаков, Календарь, М., 1933, с. 30.

204. Печ. по сб.: «Марийская поэзия», М., 1960, с. 126.

205. Печ. по кн.: П. Тычина, Стихи, М., 1934, с. 24.

206. Печ. по сб.: «С Лениным в сердце», Л., 1960, с. 146. *Коран* — священная книга мусульман. Татарский поэт Муса Джалиль был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза; автор книги «Моабитская тетрадь», он был в 1944 г. казнен гитлеровцами.

207. Перевод печ. впервые. *Тарим* — решетчатый остов, на котором держится юрта.

208. Печ. по сб.: «О Ленине», т. 2, М., 1939, с. 240.

209. Печ. по кн.: Л. Первомайский, Стихотворения и поэмы, М., 1955, с. 246.

210. «Огонек», 1932, № 22, с. 3. Печ. по сб.: П. Васильев, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б с.), Л., 1968, с. 82. Написано по мотивам казахского фольклора.

211. Печ. по кн.: С. Головановский, Избранное, М., 1958, с. 11. *Декрет о мире*. Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г. были приняты написанные Лениным декреты о мире и о земле. *Кайзер Вильгельм* (1859—1941) — император Германии и король Пруссии, был свергнут революцией 9 ноября 1918 г. *Брест* (Брест-Литовск) — город, где 3 марта 1918 г. был заключен мирный договор между Советской Россией и Германией; условия мира, навязанные германскими империалистами советскому государству, носили грабительский характер. *Архангельск* 2 августа 1918 г. был захвачен интервентами Антанты. *Липки* — буржуазный район Киева. *Петлюра* (1879—1926) — один из главарей контрреволюции на Украине во время гражданской войны. *Карл Либкнехт* (1871—1919) и *Роза Люксембург* (1871—1919) — деятели германского и международного рабочего революционного движения, основатели Коммунистической партии Германии. 15 января 1919 г. были зверски убиты контрреволюционерами в Берлине.

212. Печ. по кн.: М. Рыльский, Сочинения в четырех томах, т. 1, М., 1962, с. 277.

213. Печ. по Собр. соч. А. Прокофьева в четырех томах, т. 1, М.—Л., 1965, с. 195.

214. Печ. по сб.: «Поэзия Башкирии», М., 1955, с. 36.

215. Н. Асеев, Удивительные вещи, М., 1934, с. 72. Печ. по Собр. соч. Н. Асеева в пяти томах, т. 3, М., 1964, с. 184 — 3-я часть стих. «Опыт портрета».

216. Печ. по кн.: В. Гаприндашвили, Избранное, М., 1958, с. 101.

217. Печ. по кн.: Г. Шатберашвили, Под небом Грузии, Тбилиси, 1958, с. 7. *Хевсуры* — племя грузин-горцев, живущее по обе стороны Главного Кавказского хребта, в верховьях рек Хевсурская Арагва и Аргун. *Архоги* — селение в Северной Хевсуретии. *Саркали* — старший пастух. *Апшина*, *Бердиа* — хевсурские имена.

218. «Литературный современник», 1934, № 1, с. 3, с посвящением: «Семнадцатому Всесоюзному съезду ВКП(б)». Печ. по Собр. соч. А. Прокофьева в четырех томах, т. 1, М.—Л., 1965, с. 334.

219. Сб. «Молодая Москва», М., 1937, с. 82. Печ. по кн.: П. Железнов, Стихотворения и поэмы, М., 1963, с. 20. *Я часто спал у запыленных стен Кремля*. В первые послереволюционные годы П. Железнов был беспризорником.

220. «Литературная газета», 1935, 10 июня.

221. Печ. по кн.: Д. Алтаузен, Ода молодости, М., 1935, с. 70. *В стратостате, который реет.* В 1934 г. советские стратонавты П. Федосенко, А. Васенко и И. Усыкин достигли на стратостате рекордной для того времени высоты полета в стратосферу — 22 000 метров. *Днепр стал судоходным.* С открытием Днепрогэса в навигацию 1933 г. Днепр стал судоходной рекой. Стихотворение посвящено инженеру Николаю Дмитриевичу Котомину.

222. Печ. по газ. «Известия», 1937, 21 январь.

223. Печ. по кн.: П. Маркиш, Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1960, с. 174.

224. Печ. по кн.: Джамбул Джабаев, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, с. 315.

225. Печ. по кн.: Н. Майоров, Мы, М., 1962, с. 61.

226. «Звезда», 1958, № 5, с. 36, посмертная публикация. Печ. по кн.: Е. Панфилов, Мечта, Л., 1958, с. 9.

227. Печ. по сб.: «Север поет», Л., 1961, с. 117.

228. Печ. по сб.: «Север поет», Л., 1961, с. 27.

229. Печ. по сб.: «С Лениным в сердце», Л., 1960, с. 149.

230. Печ. по сб.: «Север поет», Л., 1961, с. 95. *Юконда* — река, протекающая в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа.

231. Печ. по сб.: «Стихи о Ленине», М., 1967, с. 284.

232. Печ. по кн.: В. Казин, Стихотворения и поэмы, М., 1964, с. 114. В стихотворении речь идет о групповой фотографии с Лениным, сделанной 1 мая 1919 г. на Красной площади до начала демонстрации. На этой фотографии снят и молодой Казин. В очерке «Глядя на фотографию» поэт вспоминает: «Московский Пролеткульт послал меня на первомайскую демонстрацию как одного из представителей его литературной студии, вручив мне специальный пропуск на Красную площадь. Я устремился туда спозаранку — задолго до начала первомайского торжества. Этим, по-видимому, и объясняется, почему мне удалось очутиться в рядах людей, столпившихся неподалеку от Ленина» (сб. «Живой Ленин», М., 1965, с. 209).

233. «Молодая гвардия», 1957, № 6, с. 137. Печ. по кн.: Н. Майоров, Мы, М., 1962, с. 13.

234. Печ. по кн.: М. Геловани, Осенний вечер, М., 1967, с. 77.

235. Печ. по кн.: Кадыр Даян, Светлый путь, Уфа, 1954, с. 6.

236. Печ. по сб.: «Север поет», Л., 1961, с. 275. *Луораветланы* (по-чукотски — настоящие люди) — термин, ошибочно употреблявшийся некоторое время как самоназвание чукчей.

237. Печ. по кн.: М. Голодный, *Избранное*, М., 1949, с. 119.

238. Печ. по кн.: Таир Жароков, *Стихотворения и поэма*, Алма-Ата, 1957, с. 25.

239. Печ. по кн.: Иоханнес Барбарус, *Избранные стихи*, М., 1947, с. 166.

240. Печ. по сб.: «Здравица», Ростов-на-Дону, 1967, с. 26—28.

241. Печ. по кн.: А. Ольхон, *Северное сияние*, Иркутск, 1947, с. 92. *Изгнанник на Енисее*. С 8 мая 1897 г. по 29 января 1900 г. В. И. Ленин жил в ссылке в селе Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии.

242. «Ленинградская правда», 1940, 21 января. Печ. по Собр. соч. А. Твардовского в пяти томах, т. 1, М., 1966, с. 226. В основу сюжета положен рассказ о встрече В. И. Ленина с печником Бендерным, записанный от крестьян деревни Горки. Один из его вариантов был помещен в сб. «Творчество народов СССР» (М., 1937), в подготовке которого принимал участие и А. Твардовский. Отвечая на вопросы читателей, поэт подчеркнул: «Конечно, когда я писал свое стихотворение, у меня не лежала на столе эта книга, я по памяти переключивал на стихи эту известную мне запись» («Известия», вечерний выпуск, 1967, 15 апреля).

243. Печ. по кн.: Я. Колас, *Стихотворения*, М., 1962, с. 333.

244. Печ. по кн.: Эффенди Каписв, *Избранное*, М., 1955, с. 411.

245—248. Печ. по журн. «Знамя», 1941, № 1, с. 4.

249. Печ. по кн.: С. Кирсанов, *Избранные стихотворения*, М., 1956, с. 155. *Дворец Советов*. Во второй половине 1930-х годов в Москве началось строительство Дворца Советов. На высоте более трехсот метров должна была подняться стометровая статуя Ленина (проект скульптора С. Меркурова). *Статуя Свободы* — символ американской демократии — находится в Нью-Йоркском порту.

250. Печ. по кн.: Саломея Нерис, *Стихи*, М., 1951, с. 104.

251. «День поэзии», М., 1957, с. 121. Печ. по кн.: А. Тарковский, *Перед снегом*, М., 1962, с. 5.

252. Печ. по кн.: С. Сарыг-оол, *Песня Хомуса*, Кызыл, 1968, с. 122.

253. «Огонек», 1951, № 45, с. 9.

254. Печ. по сб.: «Ленин в поэзии», М., 1941, с. 93. *Морозовские ткачи*. На текстильной фабрике Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г. произошла первая крупная рабочая стачка; с помощью вооруженной силы она была подавлена, но под влиянием стачки правительство вынуждено было принять закон о штрафах. *Брат* — Александр Ильич Ульянов (см. примеч. 136). *Чернышевского страницы*. С произведениями Чернышевского Ленин познакомился очень рано; в 14—15 лет он прочитал роман «Что делать?», на всю жизнь оставшийся для него одной из любимых книг. По свидетельству Крупской: «Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал непосредственную близость и уважал его в чрезвычайно высокой мере» (А. Луначарский, Русская литература, М., 1947, с. 148). *Герцена листки*. Русский революционер-демократ писатель А. И. Герцен (1812—1870) в основанной им в Лондоне «Вольной русской типографии» печатал издания (альманах «Полярная звезда», газета «Колокол» и др.), нелегально распространявшиеся в России. Они сыграли, по словам Ленина, «великую роль в подготовке русской революции» (Полн. собр. соч., т. 21, с. 255). *Авакум* (1620—1682) — протопоп, писатель, крупный деятель старообрядчества, подвергался гонениям со стороны официальной церкви.

1941—1965

255. Печ. по кн.: В. Гаприндашвили, Избранное, М., 1958, с. 184.

256. Печ. по сб.: «Поэзия Литвы», Вильнюс, 1958, с. 213.

257. Печ. по кн.: В. Монтвила, Избранное, [М., 1957], с. 153.

258. Печ. по кн.: О. Берггольц, Избранные произведения в двух томах, т. 1, Л., 1967, с. 107. *Литейный* — проспект в Ленинграде.

259. Н. Тихонов, Огненный год, М., 1942, с. 19. Печ. по Собр. соч. Н. Тихонова в шести томах, т. 1, М., 1958, с. 426. Датируется по кн.: Н. Тихонов, Стихи и проза, М., 1947.

260. Печ. по журн. «Литературная Грузия», 1960, № 4, с. 17.

261. Печ. по кн.: Л. Асатнани, М. Геловани и А. Саджая. Три песни, М., 1961, с. 5.

262. Печ. по кн.: А. Лахути, Вооруженные песни, Сталинабад, 1942, с. 46. *Врага мы гоним, бьем со всех сторон*. В середине ноября 1941 г. советские войска начали контрнаступление на Волховском фронте в районе г. Тихвин и на Ростовском направлении Южного фронта, а 6 декабря 1941 г. — мощное контрнаступление под Москвой, в ходе которого фашистским оккупантам был нанесен сильнейший удар.

263. «Октябрь», 1942, № 1-2, с. 67. Печ. по кн.: И. Сельвинский, Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1960, с. 30. О том, как возникло стихотворение, поэт рассказал следующее: «В 1942 г. я был офицером Северо-Кавказского фронта. Когда мы высадили

десант в Керчь и возвращались в город — среди руин и развалин нас больно задело зрелище обнаженного цоколя, на котором до прихода немцев стоял бронзовый памятник Ленину. Жители города рассказывали мне, что на шесте, торчавшем из цоколя, фашисты в издевку повесили молодого политрука. Но политрук держал себя мужественно, и, когда на его шею набросили петлю, он вытянул правую руку вперед, повторяя позу монумента, и крикнул: «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» Этот политрук потряс меня до глубины души. Имени его мне узнать не удалось. Политрук превратился в легенду. Об этой легенде я и написал мою балладу» («Костер», 1968, № 9, с. 14).

264. М. Дудин, Стихи. 1940—1943, М., 1943, с. 18. Печ. по кн.: М. Дудин, Переправа, Л., 1945, с. 50.

265. П. Антокольский, Сын. Поэма и стихи, М., 1943, с. 52. Печ. по кн.: П. Антокольский, Избранное, в двух томах, т. 2, М., 1966, с. 40. Датируется со слов автора.

266. Печ. по Собр. соч. В. Инбер в четырех томах, т. 1, М., 1965, с. 290. В очерке «Свиток годов» Инбер пишет: «В Ленинграде, в темные и холодные дни блокады, даже невидимый за деревянным укрытием памятник Ленину у Финляндского вокзала и тот становился новым источником мужества и стойкости» (там же, т. 4, М., 1966, с. 56).

267. «Знамя», 1944, № 1-2, с. 2. Печ. по кн.: С. Гудзенко, Избранное, М., 1957, с. 26.

268. Н. Тихонов, Стихи и проза, М., 1947, с. 31. Печ. по Собр. соч. Н. Тихонова в шести томах, т. 1, М., 1958, с. 430.

269. Печ. по кн.: Март Рауд, Избранное, Таллин, 1949, с. 19.

270. Печ. по Собр. соч. А. Суркова в четырех томах, т. 1, М., 1965, с. 583.

271. «Красноармеец», 1944, № 16, с. 13 и «Октябрь», 1944, № 7—8, с. 1. Печ. по кн.: С. Шипачев, Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1965, с. 271. *И на столе белеют не страницы и т. д.* В Шушенском В. И. Ленин завершил свой труд «Развитие капитализма в России». *Пешня* — железный лом с трубкой, в которую вставлена деревянная рукоять. *Костриков Сережа* — С. М. Киров (1886—1934) — родился в г. Уржум Вятской губернии.

272. Печ. по кн.: Я. Судрабалис, Стихи и миниатюры, Рига, 1952, с. 84. *Латышским братьям по оружию великий Ленин свой привет прислал.* В статье «От обороны к нападению» В. И. Ленин писал: «Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!» (Полн. собр. соч., т. 11, с. 269). *Латышские стрелки.* Латышские стрелковые части были созданы весной 1915 г. во время наступления немецких войск на Прибалтику. В мае 1917 г.

латышские стрелки приняли платформу большевиков и героически сражались за советскую власть на фронтах гражданской войны.

273. Печ. по кн.: С. Маршак, Стихи. 1941—1946, М., 1946, с. 36.

274. Печ. по кн.: Т. Тильвитис, Стихи, М., 1964, с. 41.

275. Печ. по кн.: В. Норенц, Стихотворения, М., 1957, с. 14.

276. Печ. по кн.: С. Чиковани, Избранные стихотворения, М., 1963, с. 159. *Загэс* — Земо-Авчальская гидроэлектростанция им. Ленина, первенец Ленинского плана ГОЭЛРО, построена в 1922—1927 гг. на реке Куры близ Мцхети, древней столицы Восточной Грузии, основанной за несколько столетий до н. э. *Арагва* — река в Восточной Грузии, левый приток Куры. *Зедазени* («Высота высот» — груз.) — лесистая гора близ Мцхети. На ее вершине сохранились остатки древней крепости и монастыря. *Где Военно-Грузинской дорогой Пушкин шел, сочиняя стихи*. В мае — сентябре 1829 г., во время русско-турецкой войны, Пушкин совершил поездку в действующую армию в г. Арзрум. От Владикавказа (ныне Орджоникидзе) до Тбилиси и обратно поэт ехал по Военно-Грузинской дороге, пересекающей Главный Кавказский хребет.

277. «Новый мир», 1947, № 5, с. 103. Печ. по кн.: Н. Заболоцкий, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 103, 104 (фрагменты 2-й и 4-й).

278. Печ. по журн. «Литературная Армения», 1965, № 4, с. 6. *Масис* — армянское название горы Арагат, расположенной в Турции, недалеко от советско-турецкой границы.

279—292. «Юность», 1959, № 6, с. 66 (№№ 2, 9, 10, 11, 12, 14); «Неделя», 1960, № 8, с. 2 (№№ 1, 5, 12) и 1964, № 3, с. 3 (№№ 2, 13). Печ. по сб.: «Пламень наших сердец», М., 1967, с. 16. Г. М. Кржижановский — один из старейших членов Коммунистической партии (с 1893 г.) — работал вместе с Лениным со времени организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он писал сонеты о В. И. Ленине в течение многих лет. Писатель А. Исбах вспоминает, что еще в 1930 г. слушал в чтении автора сонет о Ленине (А. Исбах, Рассказы о Ленине, М., 1965, с. 47). По свидетельству А. Лесса, Г. М. Кржижановский читал сонеты Э. Казакевичу, сказав при этом: «Я пишу их тогда, когда вспомню какой-нибудь случай или... когда захочу поговорить с Лениным как с живым» (Ал. Лесс, Непрочитанные страницы, М., 1966, с. 8).

1. *Мне той далекой осени не позабыть*. Первое знакомство Г. М. Кржижановского с Лениным произошло осенью 1893 г. в Петербурге, в марксистском кружке студентов-технологов.

2. *Скользил и я в ладье у волжских гор*. Г. М. Кржижановский, как и Ленин, родился на Волге, в Самаре.

3. *А он писал, что был тобой пленен*. Г. М. Кржижановский имеет в виду письмо Г. В. Плеханова к П. В. Струве, в котором Плеханов передает свое впечатление от знакомства с приехавшим в 1895 г. в Швейцарию молодым Лениным. О том же Плеханов писал жене в мае 1895 г.: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, обра-

зованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди» (цит. по ст. И. Курбатовой «Материалы по истории КПСС в архивных фондах Дома Плеханова» — Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сб. методических статей по библиотековедению и библиографии, вып. XXVI, Л., 1968, с. 82).

5. *Всё в этой комнате, обставленной сурово* и т. д. «Моя первая встреча с Владимиром Ильичем, — вспоминает Г. М. Кржижановский, — состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «о рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленин», т. 1, М., 1956, с. 151).

7. *В заключение я*. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы члены центральной группы петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в том числе Ленин и Кржижановский. Арестованные около года содержались в доме предварительного заключения на Шпалерной. *Библиотеку здесь за дар небес считая*. В воспоминаниях Г. М. Кржижановский рассказывает, как ему удалось наладить в тюрьме связь с Лениным при посредстве тюремной библиотеки: «Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно» (там же, с. 155).

8. С. И. *Радченко* (1869—1911) — один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — был арестован в 1896 г. и ненадолго помещен в камеру, расположенную под камерой Г. М. Кржижановского. *Грохочет ящик книг*. В тюрьме Ленин начал писать книгу «Развитие капитализма в России». «Когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что поглощать эти книги мог только один Владимир Ильич», — пишет Кржижановский (там же, с. 156).

9. *Настоящая рабочая газета* — «Рабочее дело», задуманная и подготовленная членами «Союза борьбы», большинство статей для нее написал Ленин; но при арестах рукописи были конфискованы, и газета не состоялась.

293. «Знамя», 1949, № 1, с. 15. Печ. по кн.: Н. Рыленков, Стихотворения и поэмы, в двух томах, т. 2, М., 1959, с. 47. В заметке «Портрет Ильича» («Комсомольская правда», 1960, 16 марта) сообщалось, что среди реликвий Смоленского краеведческого музея хранится портрет В. И. Ленина, написанный карандашом на шелке неизвестным художником-самоучкой. Это один из тех портретов, что были выполнены в 1942 г. для партизанских соединений Смоленщины. В другом газетном сообщении («Правда», 1968, 9 мая) рассказано о портрете Ленина, который был вырезан ко дню 7 ноября 1942 г. партизанами Винницкой области на стволе старой липы.

294. Печ. по кн.: Айбек, Сочинения, т. 5, Ташкент, 1964, с. 271.
295. Печ. по кн.: А. Имерманис, Сердце и море, Л., 1956, с. 4. В. И. Ленин приехал в Ригу 9 апреля 1900 г. для установления связи с латышской социал-демократией. *Йела* — по-латышски: улица. На *Цесу-йела*, 17, в Риге В. И. Ленин останавливался в апреле 1900 г. Ныне там находится мемориальный музей.
296. Перевод печ. впервые.
297. Печ. по кн.: П. Маркиш, Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1960, с. 377.
298. «Книжное обозрение», 1970, 1 января.
299. «Новый мир», 1949, № 1, с. 5. Печ. по Собр. соч. А. Твардовского в пяти томах, т. 1, М., 1966, с. 444.
300. Печ. по сб.: «Горцы о Ленине», Махачкала, 1960, с. 55.
301. «Сибирские огни», 1949, № 1, с. 16. Печ. по кн.: И. Рождественский, Вечно живое сердце, Красноярск, 1958, с. 40.
302. Перевод печ. впервые.
303. Печ. по кн.: К. Каладзе, Книга лирики. Тбилиси, 1963, с. 114. *Хоруми* — грузинский народный танец. *Варджаниси* — селение в ущелье реки Аджарис-цхали.
304. Печ. по кн.: П. Хузангай, Мечта веков, Чебоксары, 1967, с. 80.
305. Печ. по кн.: А. Кулешов, Стихи и поэмы. М., 1968, с. 70. *Сиваш* — система мелких заливов в западной части Азовского моря. Во время Перекопско-Чонгарской операции в ночь на 8 ноября 1920 г. соединения Красной Армии форсировали Сиваш; переправа через Сиваш потребовала большого напряжения сил, героизма и жертв.
306. Печ. по кн.: Г. Леонидзе, Стихи. Поэмы, М., 1960, с. 287.
307. Печ. по кн.: Г. Цадаса, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1958, с. 171.
308. «Знамя», 1949, № 1, с. 12. Печ. по Собр. соч. К. Симонова в шести томах, т. 1, М., 1966, с. 230.
309. Печ. по кн.: Я. Смеляков, Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1967, с. 14. Датируется по кн.: Я. Смеляков, Стихи, М., 1961.

310. «Правда», 1960, 20 апреля. Печ. по кн.: С. Городецкий, Стихи, М., 1966, с. 222.

311. Печ. по кн.: С. Вургун, Избранное, М., 1956, с. 119, с незначительной правкой переводчика. Фридрих Ницше (1844—1900) — реакционный немецкий философ. «Государство и революция» — основополагающий труд В. И. Ленина о государстве, о диктатуре пролетариата, о социалистической революции. Книга написана в августе — сентябре 1917 г., когда Ленин находился в Разливе и Гельсингфорсе. Перед партией стояла задача непосредственной подготовки социалистической революции. В этих условиях вопрос о государстве приобрел не только большое теоретическое, но и самое злободневное практическое значение. В своей работе В. И. Ленин впервые и наиболее полно и систематично изложил марксистское учение о государстве, которое было искажено оппортунистами. Карл Каутский (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог наиболее опасной и вредной разновидности оппортунизма — центризма (каутскианства). В. И. Ленин в своих произведениях неоднократно подвергал каутскианство уничтожающей критике. Филипп Шейдеман (1865—1939) — один из лидеров крайнего правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии. *А в книге не дописана страница.* Последняя глава книги, седьмая, «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов», не была написана, сохранились лишь подробно разработанные планы. Жоржи Амаду (р. 1912) — бразильский писатель, коммунист. Назым Хикмет (1902—1963) — известный турецкий поэт и общественный деятель, коммунист, активный участник национально-освободительной войны турецкого народа в 1918—1922 гг., постоянно подвергался репрессиям и провел в турецких тюрьмах 17 лет; под давлением движения протеста во всем мире освобожден из тюрьмы в 1950 г. Эми Сю (р. 1896) — китайский поэт и общественный деятель; с 1925 по 1940 г. жил в Москве, редактировал китайское издание журнала «Интернациональная литература».

312. Отрывок из главы «Октябрьские дни». Печ. по кн.: Р. Рза, Избранное, Баку, 1959, с. 162—163.

313. Печ. по сб.: «Антология грузинской поэзии», М., 1958, с. 431. *Самгори* — в прошлом безводная степь к северу от Тбилиси, для орошения которой были использованы воды горной реки *Иори*. *Загэс* — см. примеч. 276. *Храмгэс* — гидроэлектростанция в горах на реке Храми.

314. Печ. по «Литературной газете», 1951, 21 января.

315. «Огонек», 1950, № 4, с. 8. Печ. по кн.: В. Солоухин, Имеющий в руках цветы, М., 1962, с. 248. Герберт Уэллс (1886—1946) — английский писатель, автор известных научно-фантастических романов; в 1920 г. приезжал в Советскую Россию, беседовал с В. И. Лениным; возвратившись в Англию, выпустил книгу «Россия во мгле», в которой назвал Ленина «Кремлевским мечтателем». В предисловии

к русскому изданию книги Г. Кржижановский писал: «Вождь советского народа нарисовал перед ним яркую картину величественных перспектив электрификации всей страны. В смелом ленинском плане электрификации этот фантаст, сумевший предвосхитить межпланетные полеты, не увидел ничего, кроме „электрической утопии“» (Г. Уэллс, Россия во мгле, М., 1959, с. 6).

316. Печ. по сб.: «Стихи о Ленине», М., 1967, с. 442.

317. Печ. по кн.: С. Чиковани, Избранные стихотворения, М., 1963, с. 311. *Дом Ленина в Поронино*. С. Ю. Багоцкий, активный участник революционного движения в России, в своей книге «О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии» (М., 1958) рассказывает, как в июне 1912 г. В. И. Ленин с Н. К. Крупской приехали в Краков, чтобы быть поближе к редакции газеты «Правда» (Петербург). В 1913—1914 гг. летние месяцы они проводили в деревне Поронино, у подножья Высоких Татр. «Ульяновы сняли крестьянскую хату с верандой и мансардой, расположенную на границе между Поронином и соседней деревней Чарны Дунаец... Нанятый Ульяновыми домик стоял на поляне приблизительно в 200 метрах от шоссе... В конце сентября 1913 года в Поронине было особенно оживленно. Там началось совещание Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками. Приехали депутаты Государственной думы. Само совещание состоялось в квартире Владимира Ильича, в доме Терезы Скупень. Официально оно было названо «Летним», чтобы ввести в заблуждение царскую охранку...» (с. 24, 32).

318. Печ. по кн.: Д. Гулна, Избранные произведения, М., 1958, с. 20.

319. Печ. по журн. «Литературная Грузия», 1961, № 10, с. 9.

320. Печ. по журн. «Свет над Байкалом», 1960, № 2, с. 3. *Монгольская история новая*. В 1921 г. в Монголии победила народная революция; 10 июля 1921 г. было сформировано постоянное народное правительство. *Сухэ-Батор* (1893—1923) — основатель монгольской Народно-революционной партии, вождь монгольской революции; в 1920 и 1921 гг. входил в состав монгольских делегаций в Советскую Россию. 5 ноября 1921 г. монгольская делегация была принята В. И. Лениным. В. И. Ленин и Сухэ-Батор подписали советско-монгольское соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народным правительством Монголии.

321. «Новый мир», 1954, № 1, с. 3. Печ. по кн.: М. Алигер, Из записной книжки, М., 1957, с. 62. *Кто кого?* Разъясняя смысл эпизода в докладе на II Всероссийском съезде политпросветов, Ленин говорил: «Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государствен-

ному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему?» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 161). *Январские мастерские* — главные железнодорожные мастерские имени Январского восстания — крупнейшее индустриальное предприятие Одессы, известное своими революционными традициями.

322. «Правда», 1954, 21 января. Печ. по кн.: С. Смирнов, Веселый характер, М., 1963, с. 233.

323. «Дружба народов», 1955, № 11, с. 3. Печ. по кн.: Н. Заболотский, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1965, с. 133. Сотрудница секретариата Совнаркома в Смольном М. Н. Скрипник, рассказывая о постоянных посещениях Ленина крестьянами-ходоками, вспоминает, как однажды «один из крестьян, прежде чем поздороваться с Лениным, вынул из котомки большой каравай хлеба и торжественно преподнес его изумленному Ильичу. «Хлебом-то вы нуждаетесь здесь», — сказал крестьянин. . . Каравай хлеба очутился на столе, и вскоре вся группа крестьян во главе с Лениным сидела за круглым столом и дружески беседовала» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, с. 77).

324. «Дружба народов», 1956, № 9, с. 9. Печ. по кн.: В. Казин, Великий почин, М., 1969, с. 17. Бывший курсант Кремлевских пулеметных курсов Г. С. Антонов пишет в своих воспоминаниях: «Вместе с курсантами Ильич принял участие в субботнике 1 мая 1920 года в Кремле. Дело было так. Курсанты выстроились около 8 часов утра вблизи здания Совнаркома. Нам предстояло очистить и привести в образцовый порядок кремлевский плац. Ленин вышел неожиданно для всех и прямо направился к нам. Поздоровавшись с курсантами, он быстро прошел на наш правый фланг и стал в строй. При этом Ленин сказал, обращаясь к начальнику курсов: „Поступаю в Ваше распоряжение. Прошу принять меня в расчет“» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, с. 275). *Великий усмотрел почин*. В статье «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников)» Ленин писал: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало коммунизма» (Полн. собр. соч., т. 39, с. 22).

325. «Звезда», 1956, № 2, с. 54. Печ. по кн.: Н. Браун, Стихотворения, М.—Л., 1962, с. 75.

326. Печ. по кн.: В. Шефнер, Взморье, Л., 1955, с. 8.

327. Печ. по кн.: А. Балтакис, Чертов мост, М., 1961, с. 113. Ленин побывал в Вильнюсе в сентябре 1895 г.

328. «Звезда», 1955, № 4, с. 3, под заглавием «Над Енисеем». Печ. по кн.: И. Авраменко, Стихотворения. Поэмы. Сказки, М.—Л., 1959, с. 233. Г. М. Кржижановский находился в ссылке в Ми-

нуниской губернии и иногда имел возможность видаться с Лениным. В своих воспоминаниях Кржижановский пишет: «Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичем по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата, — вот что было в центре его аргументации» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, М., 1956, с. 158).

329. Печ. по кн.: А. Токомбаев, Избранное, М., 1955, с. 151.

330. Печ. по кн.: С. Васильев, Избранные произведения в 2-х томах, т. 1, М., 1966, с. 132. 14 ноября 1920 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская приехали в деревню Кашино Волоколамского уезда Московской губернии на открытие сельской электростанции. Крестьянин К. В. Мешалкин вспоминает: «Разговаривал он с нами попросту, словно крестьянский сын. Первоначальное наше стеснение быстро прошло. За обедом самые активные строители нашей электростанции рассказали, как, не имея керосина для освещения, мы придумали провести электричество. . . Ильич радовался вместе с нами. После стали задавать всякие вопросы о событиях на фронте, о ситце, о спичках, о хлебе» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, с. 577).

331. Печ. по кн.: И. Цховребов, Ровесник гор, Тбилиси, 1962, с. 12.

332. Печ. по сб.: «Ленину — поэты Грузии», Тбилиси, 1960, с. 42. Отрывок из поэмы «Дубовая роща».

1956—1969

333. «Новый мир», 1956, № 6, с. 33. Печ. по кн.: А. Яшин, Годы жизни, М., 1961, с. 7. Г. С. Антонов, охранявший квартиру Ленина в Кремле, рассказывает: «Необычайно простой в обращении, Ленин всегда первым здоровался с часовым. И как-то раз вынес даже стул к своим дверям, чтобы часовой мог присесть. Когда ему напомнили, что часовому сидеть не полагается, он добродушно улыбнулся и оставил все же стул в коридоре» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, с. 274).

334. «Дружба народов», 1956, № 4, с. 3.

335. «Звезда», 1957, № 1, с. 9, под заглавием «Москва — 1956». Вошла в книгу поэм В. Луговского «Середина века», М., 1958. Печ. по кн.: В. Луговской, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1956, с. 525. *Малый Николаевский дворец* находится на территории московского Кремля. *Я служил в Кремле*. В автобиографии Луговской пишет: «В конце 1922 года я поступил на службу в Кремль. Служил в Управлении делами Кремля и в военной школе ВЦИК.

Я видел последний приезд Ленина в Кремль» (Избр. произв. в двух томах, т. 1, М., 1956, с. 8). *Приехал Ленин*. О последнем приезде В. И. Ленина в Москву см. примеч. 89. *Никольская башня* — часть московского Кремля. *Корбюзье* (1887—1965) — французский архитектор и теоретик архитектуры, проектировал для СССР здание Центрального статистического управления на ул. Кирова в Москве (1929—1936). *Москва Димитрова встречает*. Выдающийся болгарский революционер Г. М. Димитров (1882—1949) после Лейпцигского процесса, 27 февраля 1934 г., приехал в Москву. *Хоронят стратонавтов*. В 1934 г. погиб экипаж стратостата «Осоавнахим-1».

336. Печ. по кн.: Б. Лихарев, С тобою жизнь, М.—Л., 1961, с. 8. *Старая фотография*. По-видимому, в стихотворении говорится об одной из фотографий, сделанных в 1-ю годовщину Октябрьской революции — 7 ноября 1918 г.: В. И. Ленин и Я. М. Свердлов во главе колонны делегатов VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов. Колонна демонстрантов заснята у здания Большого театра, где 6—9 ноября происходили заседания съезда.

337. «Юность», 1958, № 4, с. 51, без заглавия. Печ. по кн.: В. Бокв, Лирика, М., 1964, с. 94.

338. Печ. по кн.: И. Искандеров, Уйгурские стихи, Алма-Ата, 1958, с. 6.

339. Печ. по кн.: А. Малышко, Стихи и поэмы, М., 1962, с. 296.

340. Печ. по кн.: Ш. Апхaidзе, Избранное, Тбилиси, 1960, с. 157.

341. «Знамя», 1957, № 4, с. 3. Печ. по Собр. соч. В. Инбер в четырех томах, т. 1, М., 1965, с. 391. «В основу стихотворения «Ленин и Время», — пишет Инбер, — легла гневная записка Владимира Ильича коменданту Кремля по поводу неисправного лифта. Мне посчастливилось почти дословно сохранить ленинский оборот речи» (там же, т. 4, М., 1966, с. 57). Речь идет о записке В. И. Ленина И. И. Мирошникову от 19 сентября 1921 г.: «Мне сообщили, что лифт не будет действовать 20, 21 и 22 сентября. Это верх безобразия. Есть люди с большим сердцем, коим подъем вреден и опасен. Я тысячу раз поручал следить за лифтом; назначив ответственное лицо» (Полн. собр. соч., т. 53, с. 205).

342. «Звезда», 1957, № 6, с. 35. Печ. по кн.: В. Саянов, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1966, с. 268 — 3-е стих. в цикле «Стихи о Ленине». В. А. Шелгунов (1867—1939) — один из старейших деятелей рабочего движения, познакомился с В. И. Лениным в 1893 г. в марксистском кружке за Невской заставой, был членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Постоянные аресты и ссылки обострили болезнь глаз, и в 1906 г. Шелгунов ослеп, но революционную работу не прекращал. О его встрече с Лениным в 1920 г. на открытии II конгресса Коминтерна в Таврическом дворце рассказывает в своих воспоминаниях

старая коммунистка В. Ф. Алексеева: «Владимир Ильич всматривался в зал. Вдруг он кого-то увидел, поднялся с места. Стараясь быть незамеченным, спустился по ступенькам в зал и стал продвигаться вверх по проходу в направлении к последним рядам кресел, расположенным амфитеатром. Навстречу Ленину с помощью соседа поднялся и сделал несколько неуверенных шагов пожилой человек, по виду — рабочий. Это был ослепший В. А. Шелгунов... Они обнялись, расцеловались, улыбаясь что-то сказали друг другу. Затем Ленин торопливо направился в президиум. Растроганный Шелгунов, опираясь на руку товарища, медленно возвратился на свое место» («О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания», М., 1963, с. 539).

343. Печ. по кн.: Р. Гамзатов, Избранное в двух томах, т. 1, М., 1964, с. 156. *Араканское ущелье* — место кровопролитных боев партизан с белогвардейцами в горах Дагестана. *Ашуг* (буквально «влюбленный») — народный поэт-песец. *Кубачинцы* — жители селения Кубачи, известного на Кавказе мастерством и искусством своих золотокузнецов, граверов, ювелиров. *Анди, Цумада* — селения в Дагестане. *И несли они горцам портрет дорогой*. В феврале 1921 г. делегация трудящихся горцев Дагестана посетила В. И. Ленина и передала ему подарок — чернильный прибор, изготовленный кубачинскими умельцами. Дар народов Дагестана хранится в рабочем кабинете В. И. Ленина в Кремле. «Дагестанская делегация доложила Ленину о героической борьбе Дагестана посетил В. И. Ленина и передала ему подарок — чернильный прибор, изготовленный кубачинскими умельцами. Дар народов Дагестана хранится в рабочем кабинете В. И. Ленина в Кремле. «Дагестанская делегация доложила Ленину о героической борьбе трудящихся масс во главе с большевиками за свою родную Советскую власть, о большой помощи войск XI Красной Армии в борьбе с контрреволюцией. Делегация рассказала также и о бедственном положении народов Кавказа, ограбленных белыми войсками и интервентами, и о том, как трудящиеся борются с хозяйственной разрухой. По распоряжению В. И. Ленина из тогдашних скудных средств государства была оказана немедленная материальная помощь Дагестану. По просьбе делегации В. И. Ленин подарил дагестанскому народу свой фотоснимок с дарственной надписью» (Х. Г. Берикетов, Ленин и народы Кавказа, Нальчик, 1961, с. 123—124).

344. Печ. по журн. «Звезда Востока», 1959, № 4, с. 3. *Хокан* (или каган) — властитель. *Аль-Фараби* (Абу-Наср, ок. 870—950) — выдающийся ученый и философ. *Сино* (Абу-Али Ибн-Сина, ок. 980—1037) — известный в Европе под именем Авиценны таджикский философ, медик, естествоиспытатель, математик, поэт; еще до XII в. был переведен на европейские языки. *Улугбек* (Мухаммед Таргай, 1394—1449; внук Тимура, основатель династии Тимуридов) — узбекский просветитель, астроном, математик, историк; построил в Самарканде обсерваторию. *Бируни* (Абу-Рейхан Мухаммед Ибн-Ахмед аль-Бируни, 973—1048) — ученый, мыслитель, поэт, автор работ по математике, астрономии, географии, геологии, минералогии, содержащих глубокие философские идеи. *Навои* (Мир Алишер, 1441—1501) — выдающийся узбекский поэт, мыслитель.

345. Печ. по кн.: Д. Самойлов, Ближние страны, М., 1938, с. 43.

346. Перевод печ. впервые.

347. «Звезда», 1962, № 1, с. 94. Печ. по кн.: А. Гитович, Стихотворения, Л., 1966, с. 139. Стихотворение посвящено фронтовому товарищу поэта, полковнику Киму Александровичу Демину.

348. Печ. по сб.: «Здравница», Ростов-на-Дону, 1967, с. 90. См. также журн «Дон», 1965, № 11. *Кубачи* — см. примеч. 343.

349. Печ. по кн.: Б. Слуцкий, Время, М., 1959, с. 10. Стихотворение посвящено памяти погибшего под Сталинградом поэта Михаила Валентиновича Кульчицкого (1919—1943).

350. «Новый мир», 1955, № 4, с. 3. Печ. по кн.: М. Луконин, Признание в любви, М., 1963, с. 245 — 9-я глава 3-й части поэмы.

351. «Октябрь», 1960, № 4, с. 12. Печ. по Собр. соч. А. Прокофьева в четырех томах, т. 3, М.—Л., 1966, с. 161.

352—353. Переводы печ. впервые.

354. «Знамя», 1960, № 4, с. 31, под заглавием «При Ленине». Печ. по кн.: С. Кирсанов, Ленинградская тетрадь, М., 1960, с. 92.

355. Печ. по журн.: «Литературная Армения», 1960, № 2, с. 10.

356. Печ. по сб.: «Ленину — поэты Грузии», Тбилиси, 1960, с. 92.

357. Печ. по кн.: К. Кулиев, Горская поэма о Ленине, Нальчик, 1966. Н. Капиева в статье «Песня убежденного сердца» писала, что поэма К. Кулиева «звучит почти как биография. Да, так и есть, сам Кайсын Кулиев родился в Чегемском ущелье. И учил его русский учитель Борис Игнатъевич (поэт ведь уже рассказывал нам о нем как-то раньше, рассказывал и о своем соседе, ссыльном русском Михаиле, — с ним мы снова встречаемся в поэме)» («Дружба народов», 1962, № 4, с. 239—240). «Я очень хорошо представлял себе, как трудно решиться писать о Ленине, какую огромную ответственность берет на себя человек, взявшийся за эту работу. Все это я вполне осознавал, — пишет К. Кулиев, — и все же наступил момент, когда я понял, что не могу не написать о Ленине. Произошло это в 1956 году... И вот, когда я через Москву ехал домой, в родные горы, я посетил квартиру Ленина в Кремле — то, что я увидел, потрясло меня... Я вышел оттуда как бы очищенный, полный глубоко человеческих ощущений, мыслей, веры. И тогда в моей душе зашевелилась, как что-то живое, тема моей горской поэмы... И первыми были, как можно догадаться, написаны не начальные ее главы, а пятая, где речь идет о квартире Владимира Ильича... Я отношусь к своей поэме как к весьма скромной вещи. Я не могу судить о ней, не могу сказать, удачна она или нет. Знаю только, что я не мог ее не написать и что она очень проста... Я просто пытался в ней сказать о том, как связана с Лениным судьба моего народа и моя собственная судьба, старался говорить тем языком, теми словами и образами, которые считал наиболее подходящими для данного случая. Я не стремился создать эпическую вещь, а вел лирический разговор о Ленине, о вре-

мении; только через себя, через судьбу моего народа я мог что-то выразить, что-то сказать о Ленине, — таков мой склад как стихотворца. Я писал о Ленине языком моей земли, где так естественны и камень у дороги, и чинара на склоне горы. . .» (К. Кулиев, Масштабом столетий. — «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 3—10).

358. Печ. по кн.: Д. Мулдагалиев, Годы в песнях, Алма-Ата, 1967, с. 12.

359. «День поэзии», М., 1960, с. 86. Уэллс — см. примеч. 315.

360. Печ. по кн.: Г. Петников, Утренний свет, Симферополь, 1967, с. 35.

361. Печ. по кн.: Б. Шинкуба, Где бы я ни был. . ., Тбилиси, 1963, с. 7.

362. Печ. по журн. «Дружба народов», 1960, № 4, с. 3.

363. Печ. по кн.: М. Танк, Мой хлеб насущный, М., 1964, с. 64. Тампере — город в Финляндии. 12—17 декабря 1905 г. здесь состоялась 1-я конференция РСДРП. Таммерфорс — шведское название Тампере. Рабочий клуб. Заседания конференции происходили в рабочем доме на ул. Хамметусколлу, 19. Сейчас здесь находится музей Ленина.

364. «Известия», 1960, 26 марта. Печ. по кн.: К. Ваншенкин, Избранное, М., 1963, с. 205.

365. «День поэзии», М., 1961, с. 216.

366. «Октябрь», 1961, № 4, с. 68. Улица Мари-Роз — улица на окраине Парижа, где в доме № 4 с июля 1909 г. по июнь 1912 г. жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Теперь там мемориальный музей.

367. Печ. по кн.: А. Гитович, Стихотворения, М.—Л., 1966, с. 155.

368. «Советский воин», 1963, № 2, с. 8. Печ. по кн.: А. Гатов, Влюбленным всей земли, М., 1966, с. 149. Коммуна — Парижская коммуна 1871 г. — первое в истории правительство пролетарской диктатуры.

369—370. Переводы печ. впервые.

371. Печ. по кн.: Сибгат Хаким, Цветы бури, М., 1962, с. 136. В деревню Кокушкино В. И. Ленин был выслан 7 декабря 1887 г. и пробыл здесь в ссылке до начала октября 1888 г. Деревня Апакай (Апакаево) — старинное татарское село по соседству с деревней Кокушкино. Это было декабрьской порой — 22 декабря 1922 г. крестьяне села Апакай и деревни Кокушкино собрали сход и составили следующее письмо В. И. Ленину: «Нашему бывшему односельчанину

В. И. Ленину (Ульянову) письмо от граждан деревни Кокушкино. Дорогой наш товарищ, Владимир Ильич! Первым долгом шлем тебе привет от старожил, хорошо помнящих и знающих тебя... 35 лет прошло с той поры. Прозошло много перемен за эти годы. По первому зову Советской власти, в октябре 1917 года, мы дали по шапке всем нашим помещикам, в том числе и нашему кулаку Николаю Фаддееву, сидевшему 25 лет в имени бывш. Бланк. В 1918 г. все как один ходили в Красную Армию и защищали Советскую Россию от нападавших на нее врагов, помещиков, генералов и капиталистов. Далее в наших краях случился неурожай и голод. Народ и скот вымирал и падал больше, чем при чуме. От всего этого наше хозяйство пришло в такое великое разорение, что только всем миром можно сдвинуть его с мертвого пути. Нет живой, здоровой силы. Нет ни одной крепкой хаты. По всему мазнуло помело голода. Мы бы с радостью тебе что-нибудь послали в подарок, как нашему избавителю от помещиков и кулаков, но ничего не имеем... У нас две беды: нет лошадей и нет при деревне школы. Мы знаем, что Советская власть дает безлошадникам лошадей в кредит. Просим тебя, как бывшего нашего односельчанина, походатайствовать перед Советским правительством об оказании нам кредита в лошадях. Без них мы работники без рук: земля теперь есть, а работать нечем. Еще находим нужным уведомить тебя, что мы просим правительство Татарской республики построить в нашей деревне школу ремесла и грамоты имени твоей покойной матери — Марии Александровны. В заключение просим тебя поберегать свое здоровье, так как ты у нас единственный на всю Россию. Когда построим школу, то просим тебя пожаловать к нам в гости вспомнить старинку. Отныне деревня Кокушкино зовется твоим, тов. Ленин, именем За сим до свидания. С братским приветом. Общество деревни Ленино (Кокушкино) Черемышевской волости. 22 декабря 1922 года» (цит. по журн. «Коммунист Татарии», 1958, № 4, с. 28).

372. Печ. по кн.: С. Капутикян, Лирика, М., 1964, с. 13. *Ван* — город в Турецкой Армении; неоднократно подвергался жестоким разрушениям. В период первой мировой войны, в 1915 г., армянское население Вана было истреблено младотурками. *Ятаган* (турецк.) — холодное оружие у народов Ближнего и Среднего Востока, среднее между саблей и кинжалом.

373. Печ. по кн.: И. Драч, Протуберанцы сердца, М., 1966, с. 5. Патрис *Лумумба* (1925—1961) — деятель освободительного движения, национальный герой Конго. Манолис *Глезос* (р. 1922) — национальный герой греческого народа, видный деятель коммунистического движения в Греции.

374. Печ. по кн.: П. Бровка, Труби, мой бор, М., 1965, с. 18.

375. Печ. по журн. «Дружба народов», 1965, № 4, с. 3. *Ташкенту — первый университет*. В начале 1918 г. Ленин поставил перед Наркомпросом задачу создания в Ташкенте университета — первого высшего учебного заведения в Средней Азии. Уже 21 апреля 1918 г. в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет (это не было еще высшее учебное заведение в строгом смысле). В 1920 г.

был основан Туркестанский государственный университет. 17 мая 1918 г. был обнародован подписанный В. И. Лениным «Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». В декрете говорилось об орошении 500 тысяч десятин Голодной Степи Ходжентского уезда Самаркандской области.

376. «Правда», 1963, 13 октября. Печ. по кн.: А. Вознесенский, Ахиллесово сердце, М., 1966, с. 119. *Лонжюмо* — местечко под Парижем, где в 1911 г. В. И. Ленин организовал школу по подготовке партийных кадров, в которой читал лекции по политэкономии, аграрному вопросу, теоретическим и практическим проблемам социализма. *Саша* — А. И. Ульянов. *Мари-Роз* — см. примеч. 366. *Аплодирья шансонье*. В статье «Что нравилось Ильичу из художественной литературы» Н. К. Крупская пишет, что в Париже «охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах. . . Особенно нравился Ильичу Монтегюс. Сын коммунара, Монтегюс был любимец рабочих окраин» («В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., 1967, с. 627). *Кронштадтский лед*. Части Красной Армии, направленные на подавление контрреволюционного кронштадтского мятежа 28 февраля—18 марта 1921 г., должны были двигаться по ненадежному весной льду Фипского залива. *Серго* — партийная кличка Г. К. Орджоникидзе (1886—1937). Он был одним из слушателей школы в Лонжюмо. В. В. *Куйбышев* (1888—1935) и В. Р. *Менжинский* (1874—1934) — видные деятели коммунистической партии и советского государства. *Плотины Чирчика* — гидроэлектростанция на р. Чирчик в Узбекистане, построенная в годы первых пятилеток. *«Философские письма», 18-й том*. В Париже Ленин работал над книгой по философии «Материализм и эмпириокритицизм», которая входит в 18-й том Полного собр. соч. Ленина. *Его скульптор лепил*. Речь идет о встрече Ленина в Париже со скульптором Н. Л. Аронсоном (1872—1943). Присутствовавший при этом Луначарский рассказывает: «Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить, по крайней мере, хотя медаль с него. Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена. В то время карьеровский портрет Верлена в гравюре вышел только что, и тогда уже был выставлен известный бюст Верлена, купленный потом в женский музей» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, М., 1956, с. 263). Аронсон вылепил Ленина в 1927 г. и привез бюст в СССР. Вернувшись во Францию, скульптор повторил бюст в красном мраморе. В настоящее время эта скульптура находится в Центральном музее В. И. Ленина.

377. «Юность», 1963, № 10, с. 12, 10-я глава поэмы. Печ. по кн.: Р. Рождественский, Радиус действия, М., 1965, с. 213.

378. Печ. по журн. «Дружба народов», 1964, № 4, с. 21. *Ураса* — якутское жилище. *Ровдуга* — тонко выделанная оленья кожа.

379. Перевод печ. впервые.

380. «Литературная газета», 1969, 28 мая.
381. Печ. по кн.: Л. Мартынов, Стихотворения и поэмы в двух томах, т. 2, М., 1965, с. 169.
382. Печ. по журн. «Дружба народов», 1967, № 4, с. 4.
383. Печ. по журн. «Новый мир», 1967, № 1, с. 3. *Микрокосм* — здесь: область недоступных простому наблюдению движений материи, мир элементарных частиц. *Нейтрон* — частица, входящая в состав атомного ядра; обладает способностью расщеплять ядро, в результате чего выделяется большое количество энергии; процесс распада ядер и происходящую при этом вспышку можно заснять на пленку.
384. Печ. по кн.: И. Сельвинский, Давайте помечтаем о бессмертье, М., 1969, с. 3.
385. «Литературная газета», 1967, 13 сентября.
386. Печ. по журн. «Нева», 1967, № 4, с. 77. *Юкагиры* — народность, живущая в Магаданской обл., Чукотском нац. округе (на р. Омолон) и в Якутской АССР (между низовьями рек Индигирки и Колымы).
387. Печ. по журн. «Байкал», 1967, № 6, с. 118.
388. Печ. по журн. «Дон», 1967, № 11, с. 8. *Он жил в Париже — Мари-Роз, 4*. См. примеч. 366.
389. Печ. по газ. «Правда», 1967, 10 октября. *Гиссар* (Гиссарская долина) — межгорная впадина на западе Таджикистана, где расположена столица Таджикской ССР — Душанбе.
390. «Знамя», 1967, № 11, с. 4, в цикле «Костер у Смольного».
391. «День поэзии», Л., 1967, с. 54.
392. Печ. по кн.: П. Радимов, Стихи пешехода, М., 1968, с. 147. *Иван Великий* — колокольня в Кремле.
393. «Ленинградская правда», 1967, 21 января.
394. «Правда», 1967, 12 июня. Вошло в поэму «Седьмое небо» (глава «Москва, Москва...»).
395. Печ. по кн.: Я. Смеляков, Новые стихи, М., 1968, с. 6.
396. «Молодая гвардия», 1968, № 2, с. 75 — заключительное стихотворение цикла.
- 397—401. Переводы печ. впервые.

402. Перевод печ. впервые.

403. Печ. по журн. «Дружба народов», 1969, № 2, с. 43.

404. «Известия», 1969, 30 августа.

405. Печ. по газ. «Литературная Россия», 1969, 1 мая.

406. «Литературная Россия», 1969, 5 сентября. *Она ему рассказ читает.* Имеется в виду воспоминание Н. К. Крупской в ее статье «Что нравилось Ильичу из художественной литературы»: «За два дня до его смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона... «Любовь к жизни». Сильная очень вещь... Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно» («В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., 1967, с. 630).

407. «Знамя», 1969, № 11, с. 3.

408. «Правда», 1969, 6 ноября.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Абашидзе Григол Григорьевич (р. 1913). № 313
Авраменко Илья Корнильевич (р. 1907). № 328
Айбек (Муса Ташмухамедов, 1904—1968). № 294
Акопян Акоп (1866—1937). №№ 17, 59
Александровский Василий Дмитриевич (1897—1934). №№ 24, 28, 140
Алигер Маргарита Иосифовна (р. 1915). № 321
Алимджан Хамид (1909—1944). № 231
Алтайский Константин Николаевич (р. 1902). № 162
Алтаузен Джек (Яков) Моисеевич (1907—1942). № 221
Антокольский Павел Григорьевич (р. 1896). № 265
Апхандзе Шалва Николаевич (1894—1968). № 340
Арский (Афанасьев) Павел Александрович (1886—1967). №№ 23, 101
Асатиани Ладо (Владимир) Мекиевич (1917—1943). № 261
Асеев Николай Николаевич (1889—1963). №№ 69, 168—170, 188, 193, 215
Ашукин Николай Сергеевич (р. 1890). № 91
- Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895—1934). №№ 109, 159, 171
Бажан Никола (Николай Платонович, р. 1904). № 124
Базаров Е. № 64
Балтакис Альгимантас (р. 1930). № 327
Барбарус (Варес) Иоханнес (1890—1946). № 239
Батрак (Козловский) Иван Андреевич (1892—1943). № 166
Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич, 1883—1945). №№ 6, 19, 38, 45, 115, 165, 189
Безыменский Александр Ильич (р. 1898). №№ 32, 68, 181
Берггольц Ольга Федоровна (р. 1910). № 258
Бобров Сергей Павлович (р. 1889). № 92
Богданов Александр Алексеевич (1874—1939). № 81
Боков Виктор Федорович (р. 1914). № 337
Боциев Барон Татариевич (1901—1944). № 240
Браун Николай Леопольдович (р. 1902). № 325
Брихничев Иона Пантелеевич. № 5

- Бровка Петрусь (Петр Устинович, р. 1905). №№ 374, 404
 Брюнчугим. № 106
 Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924). №№ 35, 58, 74, 84
 Бутягина Варвара Александровна (р. 1900). № 76
- Вавилин Иван Михайлович (р. 1911). № 403
 Ваншенкин Константин Яковлевич (р. 1925). № 364
 Васильев Павел Николаевич (1910—1937). № 210
 Васильев Сергей Александрович (р. 1911). № 330
 Васильева А. № 117
 Вахрушева Матра Панкратьевна (р. 1918). № 230
 Вермишев Александр Александрович (1879—1919). № 7
 Вечерний (Голянковский) Адриан Алексеевич (ум. в 1930-х годах)
 №№ 22, 127
- Виртанен Ялмари Эрикович (1889—1939). №№ 1, 40, 122
 Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933). №№ 376
 Воинов Владимир Васильевич (1878—1938). № 80
 Вургун Самед (Самед Юсуф-оглы Векилов, 1906—1956). № 311
- Гамзатов Расул Гамзатович (р. 1923). № 343
 Ганцев Б. № 4
 Гаприндашвили Валериан Иванович (1889—1941). №№ 216, 255
 Гатов Александр Борисович (р. 1899). №№ 89, 368
 Гафез (Федор Захарьевич Гаглойти, р. 1913). № 332
 Гафур Гулям (Гафур Гулямович Гулямов, 1903—1966). № 362
 Гафури Мажит (Габдулмажи Нурганиевич, 1880—1934). № 214
 Геловани Мирза (1917—1944). № 234
 Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939). №№ 30, 94, 114
 Гильдин Хаим (1885—1943). № 119
 Гитович Александр Ильич (1909—1966). №№ 347, 367
 Головановский Савва Евсеевич (р. 1910). № 211
 Голодный (Эпштейн) Михаил Семенович (1903—1949). №№ 113, 237
 Горбатов Сергей. № 142
 Горбунов Дмитрий Максимович (р. 1894). № 153
 Горин Р. А. № 56
 Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967). № 310
 Гришашвили (Мамулайшвили) Иосиф Григорьевич (1889—1965).
 № 319
- Гудзенко Семен Петрович (1922—1953). № 267
 Гуля Дмитрий Иосифович (1874—1960). № 318
 Гулов Г. № 12
- Данилов Семен Петрович (р. 1917). № 379
 Даян (Даянов) Кадыр Хакимович (р. 1910). № 235
 Девин Илья Максимович (р. 1922). № 369
 Дементьев Николай Иванович (1907—1935). № 176
 Джалиль (Джалилов) Муса Мустафиевич (1906—1944). № 206
 Джамбул Джабаев (1846—1945). № 224
 Джутакеев Абулкасым (1888—1931). № 132
 Донентаев Сабит (1894—1933). № 143
 Дорожный (Бабинцев) Серафим Матвеевич (р. 1905). № 173
 Драч Иван Федорович (р. 1936). № 373
 Дудин Михаил Александрович (р. 1916). № 264

Есенин Сергей Александрович (1895—1925). №№ 145, 164

Жаров Александр Алексеевич (р. 1904). №№ 57, 182

Жароков Таир Жарокович (1908—1965). № 238

Железнов Павел Ильич (р. 1907). № 219

Жилкин Владимир Иванович (р. 1896). № 112

Забашта Любовь Васильевна (р. 1918). № 388

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958). №№ 277, 323

Заднипру Петру Ионович (р. 1927). № 346

Зарьян Наири (Айастан Егназарьян, 1900—1969). № 278

Зенкевич Михаил Александрович (р. 1891). № 43

Злотин. № 104

Зубило (Олеша) Юрий Карлович, 1899—1960). №№ 172, 179

Зыков М. № 37

Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович, р. 1891). № 95

Ильина (Буданцева) Вера Васильевна (р. 1894). № 96

Имерманис Анатолий Адольфович (р. 1914). № 295

Инбер Вера Михайловна (р. 1890). №№ 90, 139, 266, 341

Иркутов (Каррик) Андрей Дмитриевич, 1894—1944). № 65

Исаковский Михаил Васильевич (р. 1900). № 147, 253

Исбах Александр (Бахрах) Исаак Абрамович, р. 1904). № 102

Искандеров Изим (р. 1906). № 338

Итин Вивиан Азаревич (1893—1945). № 138

К — в Ф. № 10

Казин Василий Васильевич (р. 1898). №№ 25, 148, 232, 324

Каладзе Карло Раженевич (р. 1907). № 303

Каменский Василий Васильевич (1884—1961). № 61, 97

Капиев Эфенди Мансурович (1909—1944). № 244

Капутикян Сильва (Сирвард) Барунаковна (р. 1919). № 372

Катаев Валентин Петрович (р. 1897). № 118

Квитко Лев Моисеевич (1890—1952). №№ 180, 245—248

Квливидзе Михаил Георгиевич (р. 1925). № 356

Кербабаяев Берды (р. 1894). № 183

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943). №№ 39, 70

Кирсанов Семен Исаакович (р. 1906). №№ 249, 354

Клябуков Аркадий Николаевич (Аркаш) Багай, р. 1904). № 370

Князев Василий Васильевич (1887—1938). №№ 63, 79, 87

Ковалевский Вячеслав Александрович (р. 1897). № 73

Колас Якуб (Константин) Михайлович Мицкевич, 1882—1956). № 243

Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич (р. 1925). № 334

Корнилов Борис Петрович (1907—1938). № 198

Коротич Виталий Алексеевич (р. 1936). № 385

Котомка Леонтий (Зеленский) Владимир Иосифович, 1890—1965).
№ 3

Крайский (Кузьмин) Алексей Петрович (1892—1941). № 157

Красная звездочка (псевдоним автора из газеты «Красный набат».)
№ 15

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959). №№ 279—292

Крученюк Петр Аксентьевич (р. 1917). № 352

Кугультинов Давид Никитич (р. 1922). №№ 382, 383

- Кудаш Сайфи (Сайфи Фаттахович Кудашев, р. 1894). № 133
 Кузнецов Иван. № 8
 Кузнецов Николай Андреевич (1904—1924). № 146
 Кулешов Аркадий Александрович (р. 1914). № 305
 Кулиев Кайсын Шуваевич (р. 1917). № 357
 Күлдеркүпп Оскар Юханович (1897—1943). № 82
 Кырля Йыван (Кирилл Иванович Иванов, 1909—1943). № 204
- Лапцуй Леонид Васильевич (р. 1932). № 402
 Лахути Аболъгасем (Гасем Ахмет-заде, 1887—1957). №№ 135, 262
 Леонидзе Георгий Николаевич (1899—1966). № 306
 Лисянский Марк Самойлович (р. 1913). №№ 366, 406
 Лихарев Борис Михайлович (1906—1962). № 336
 Логинов Иван Степанович (1891—1942). №№ 13, 48
 Лоргоктоев Владимир (р. 1934). № 387
 Луговской Владимир Александрович (1901—1957). № 335
 Луконин Михаил Кузьмич (р. 1918). № 350
 Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933). № 163
- Маари (Аджемян) Гурген Григорьевич (1903—1969). № 355
 Майоров Николай Петрович (1919—1942). №№ 225, 233
 Малахов Сергей Арсеньевич (р. 1902). № 72
 Малышко Андрей Самойлович (р. 1912). № 339
 Маркиш Перец Давидович (1895—1952). №№ 223, 297
 Марков Сергей Николаевич (р. 1906). № 187
 Мартынов Леонид Николаевич (р. 1905). № 381
 Марцинкявичюс Юстинас Мотейус (р. 1930). №№ 397—401
 Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964). № 273
 Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930). №№ 26, 44, 136, 141, 202
- Межелайтис Эдуардас (р. 1919). № 298
 Мечиев Кязим Беккиевич (1859—1945). № 152
 Минин Сергей Константинович (1882—1962). № 85
 Мирмухсин (Мирмухсин Мирсандов, р. 1921). № 344
 Миртемир (Миртемир Гурсунов, р. 1910). № 375
 Мирцхулава (Машашвили) Алио Андреевич (р. 1903). № 197
 Миршакар (Миршакаров) Мирсаид (р. 1912). № 314
 Монтвила Витаутас (1902—1941). №№ 256, 257
 Моряк (Василий Игнатъев). № 116
 Мосашвили Ило (Илья) Описимович (1896—1954). № 260
 Муканов Сабит Муканович (р. 1900). № 174
 Мулдагалиев Джубан (р. 1920). № 358
 Мусаев Аялберген (1880—1935). № 175
 Муслим Марат (Муслимов Марат Набиуллч, р. 1909). № 296
 Мушников. № 105
 Мысик Василь (Василий Александрович, р. 1907). № 154
- Назаров Иван Абрамович (1878—1962). № 108
 Назбергенев Дали (1913—1942). № 220
 Намжилов Чимит Рэгзэн Намжилович (р. 1926). № 320
 Нелюдим (Соловьев Алексей Николаевич, 1883—1931). № 11
 Нерис Саломея (Бахчинскайте-Бучене, 1904—1945). № 250
 Нечаев Егор Ефимович (1859—1925). №№ 29, 41

Ноздрин Авенир Евстигнеевич (1862—1938). № 33
Норенц Вагаршак (Вагаршак Танапетович Ерицян, р. 1903). № 275

Обрадович Сергей Александрович (1892—1956). №№ 27, 191
Олеша Ю. К. — см. Зубило
Ордубады Мамед Саид (1872—1950). № 129
Орешин Петр Васильевич (1887—1938). №№ 50, 93
Орлов Сергей Сергеевич (р. 1921). № 396
Осмиев Хамзат Сосиевич (р. 1909). № 405

Павлов Владимир. № 62
Панкратов Сергей Иванович. № 42
Панов Н. Н. — см. Туманный Д.
Панфилов Евгений Андреевич (1902—1941). № 226
Пастернак Борис Леонидович (1890—1960). № 200
Пачев Бекмурза Машевич (1854—1936). № 31
Первомайский (Гуревич) Леонид Соломонович (р. 1908). № 209
Петников Григорий Николаевич (р. 1894). № 360
Петровский Дмитрий Васильевич (1892—1955). № 36
Платонов Алексей Николаевич (1912—1939). № 228
Полетаев Николай Гаврилович (1889—1935). №№ 47, 55, 144, 195
Приблудный Иван (Яков Петрович Овчаренко, 1905—1937). № 167
Пришелец (Ходаков) Антон Ильич (р. 1893). № 123
Прокофьев Александр Андреевич (р. 1900). №№ 213, 218, 351

Рабданов Сулейман (р. 1932). № 348
Рабочие фабрики Высоковской мануфактуры. № 107
Радионов Павел Александрович (1887—1967). № 392
Рауд Март (р. 1903). № 269
Решетов Александр Ефимович (р. 1909). № 393
Рза Расул Ибрагим-оглы (р. 1910). № 312
Рождественский Всеволод Александрович (р. 1895). № 391
Рождественский Игнатий Дмитриевич (р. 1910). № 301
Рождественский Роберт Иванович (р. 1932). № 377
Ромм Александр Ильич (1898—1943). № 254
Рыленков Николай Иванович (1909—1969). № 293
Рыльский Максим Фаддеевич (1895—1964). №№ 208, 212

Садофьев Илья Иванович (1889—1965). № 83
Самар Аким Дмитриевич (1916—1943). № 229
Самойлов (Кауфман) Давид Самуилович (р. 1920). № 345
Самойлов Дмитрий. № 99
Санников Григорий Александрович (1899—1969). №№ 100, 359
Сарыг-оол Степан Агбанович (р. 1908). № 252
Сахаров Никита (р. 1916). № 227
Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959). № 342
Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964). №№ 49, 77, 178
Сейтлиев Кара (р. 1915). № 316
Сейфуллин Сакен (1894—1939). №№ 52, 60
Сельвинский Илья Львович (1899—1968). №№ 263, 384
Семенов Н. № 160
Семеновский Дмитрий Николаевич (1894—1960). № 137
Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (р. 1915). № 308

- Слуцкий Борис Абрамович (р. 1919). № 349
 Смеляков Ярослав Васильевич (р. 1913). №№ 309, 395
 Смирнов Сергей Васильевич (р. 1913). № 322
 Смирнова П. № 161
 Соловьев А. Н. — см. Нелюдим А.
 Солоухин Владимир Алексеевич (р. 1924). № 315
 Сосюра Владимир Николаевич (1898—1965). №№ 196, 222, 380
 Спасский Сергей Дмитриевич (1898—1956). №№ 184—186
 Стальский Николай Павлович (р. 1903). № 155
 Стальский Сулейман (Гасанбеков, 1869—1937). № 130
 Страдающий Аким. № 9
 Судрабкалн Ян (Арвид Карлович, р. 1894). № 272
 Сулейманов Абдул-Вагаб (р. 1909). № 300
 Сурков Алексей Александрович (р. 1899). №№ 270, 408
- Табидзе Галактион Васильевич (1892—1959). №№ 54, 156
 Табидзе Тициан Юстинович (1895—1937). № 2
 Такташ (Хади Хайрулович Такташев, 1901—1931). № 134
 Танк Максим (Евгений Иванович Скурко, р. 1912). № 363
 Тарковский Арсений Александрович (р. 1907). № 251
 Твардовский Александр Трифонович (р. 1910). №№ 242, 299
 Тейф Моисей Соломонович (1904—1966). № 46
 Терещенко Микола (Николай Иванович, р. 1898). № 150
 Тильвитис Теофилис (1904—1969). № 274
 Тимофеев-Терешкин Михаил Николаевич (1883—1957). № 241
 Тихонов Николай Семенович (р. 1896). №№ 34, 190, 259, 268, 390,
 407
 Токомбаев Аалы (р. 1904). № 329
 Токтогул Сатылганов (1864—1933). № 18
 Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939). № 75
 Туманный Дир (Панов Николай Николаевич, р. 1903). № 151
 Турсун-Заде Мирзо (р. 1911). № 389
 Тушнова Вероника Михайловна (1915—1965). № 365
 Тынэтэгын (Федор Тинетев, 1920—1940). № 236
 Тычина Павло (Павел Григорьевич, 1891—1967). № 149, 205
 Тяпаев Анатолий Прохорович (р. 1928). № 353
- Улууро Адо («Сын озера») (Гаврила Николаевич Курилов, р. 1933).
 № 386
 Уткин Иосиф Павлович (1903—1944). № 111
 Ушаков Николай Николаевич (р. 1899). №№ 110, 203
- Федоров Василий. № 71
 Федоров Василий Дмитриевич (р. 1918). № 394
 Фефер Ицик (Исаак Соломонович, 1900—1952). № 125
 Филиппченко Иван Гурьевич (1887—1939). № 21
 Филоков. № 103
- Хаким Сибгат (Сибгат Тазиевич Хакимов, р. 1911). № 371
 Халваши Фридон Ишикович (р. 1925). № 302
 Хузангай Педер (Петр Петрович, р. 1907). № 304

Цадаса Гамзат (1877—1951). № 307
Циновский Леонид Яковлевич (р. 1894). № 51
Цховребов Иван Лазаревич (р. 1928). № 331

Чаренц (Согомонян) Егнше Абгарович (1897—1937). №№ 120, 158,
177, 201

Чарьев Ходжанепес (1906—1941). № 207

Чемисов А. № 66

Черных-Якутский Петр Никодимович (1882—1933). № 35

Чернявский Е. № 88

Чиковани Симон Иванович (1902—1966). №№ 276, 317

Чумбаров-Лучинский Федор Степанович (1899—1921). № 14

Шаншинашвили Сандро (Александр) Ильич (р. 1888). № 192

Шатберашвили Георгий Иванович (р. 1910). № 217

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956). № 67

Шефнер Вадим Сергеевич (р. 1915). № 326

Шинкуба Баграт Васильевич (р. 1917). № 361

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930). № 128

Шкурпий Гео (Георгий Данилович, 1903—1943). № 126

Шипачев Степан Петрович (р. 1899). № 271

Шуклин Николай Кузьмич (р. 1894). № 131

Элляй (Серафим Романович Кулачиков, р. 1904). № 378

Юлтый Даут Исхакович (1893—1937). №№ 53, 93

Якубовский Георгий Васильевич (1891—1930). № 20

Яновский Юрий Иванович (1902—1954). № 199

Ярославский Александр Борисович (1897 — ?). № 16

Ясный (Яновский) Александр Маркович (1903—1945). № 78

Яшвили Паоло (Павел) Джibraилович (1892—1937). №№ 121, 194

Яшин (Попов-Яшин) Александр Яковлевич (1913—1968). № 333

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. В. И. Ленин. Портрет работы Н. Андреева (бумага, сангина, карандаш, пастель). 1920-е годы, Москва. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

2. *Между стр. 160 и 161*. В. И. Ленин. Рисунок М. Берингова (бумага, карандаш). Апрель 1917 г., Петроград, дворец Кшесинской. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

3. *На обороте*. В. И. Ленин. Портрет работы В. Измайловича, с автографом В. И. Ленина. 31 января 1918 г., Петроград, Смольный. Находится в комнате В. И. Ленина в Смольном.

4. *Между стр. 192 и 193.* В. И. Ленин. Рисунок Г. Алексеева (бумага, карандаш). Ноябрь 1918 г., Москва, Кремль, кабинет В. И. Ленина. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

5. *На обороте.* В. И. Ленин. Рисунок Н. Альтмана (бумага, карандаш). Май 1920 г., Москва, Кремль, кабинет В. И. Ленина. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

6. *Между стр. 352 и 353.* В. И. Ленин. Рисунок Н. Альтмана (бумага, карандаш). Май 1920 г., Москва, Кремль, кабинет В. И. Ленина. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

7. *На обороте.* В. И. Ленин. Рисунок С. Чехонина (бумага, карандаш). 19 июля 1920 г., Петроград, Таврический дворец. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

8. *Между стр. 384 и 385.* В. И. Ленин. Рисунок И. Бродского (бумага, карандаш), с автографом В. И. Ленина. 19 июля 1920 г., Петроград, Таврический дворец. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

9. *На обороте.* В. И. Ленин. Рисунок Л. Пастернака (бумага, карандаш). Июль — август 1920 г., Москва, Кремль, Андреевский зал. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

10. *Между стр. 480 и 481.* В. И. Ленин. Рисунок Н. Андреева (бумага, сангина, карандаш). 1920 г., Москва, Кремль, кабинет В. И. Ленина. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

11. *На обороте.* В. И. Ленин. Рисунок И. Бродского (бумага, карандаш). Июнь — июль 1921 г., Москва, Кремль. Находится в Ленинградском филиале Центрального музея В. И. Ленина.

12. *Между стр. 512 и 513.* В. И. Ленин. Рисунок Ф. Малявина (бумага, карандаш). Начало 1920-х годов, Москва, Кремль, кабинет В. И. Ленина. Находится в Центральном музее В. И. Ленина.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтическая Лениниана. <i>Вступительная статья С. В. Владимиро-ва</i>	7
---	---

1917—1923

1. Ялмари Виртанен. Приезд Ленина. <i>Перевод с финского А. Бондаревского</i>	61
2. Тицян Табидзе. Петербург. <i>Перевод с грузинского Б. Пастернака</i>	62
3. Леонтий Котомка (Зеленский). Борцу	63
4. Солдат Б. Ганцев. Привет народному вождю	63
5. Иона Брихничев. В. И. Ленину	64
6. Демьян Бедный. Вождю	64
7. Александр Вермишев. «Звонок...»	65
8. Иван Кузнецов. У постели больного	66
9. Аким Страдающий. В. Ленину	67
10. Ф. К—в. Мировому вождю пролетариата В. И. Ленину	67
11. Нелюдим (Алексей Соловьев). «Плыл могучий орел в голубой вышине...»	69
12. Коммунист Г. Гулов. Дорогому товарищу Ленину	69
13. Иван Логинов. Ильич спасен!	70
14. Федор Чумбаров-Лучинский. Часы	71
15. Красная звездочка. Ленину	71
16. Александр Ярославский. Ленину	72
17. Акоп Акопян. В. И. Ленин. <i>Перевод с армянского А. Тарковского</i>	73
18. Токтогул. Что за мать родила такого сына, как Ленин! <i>Перевод с киргизского Ю. Гордиенко</i>	74
19. Демьян Бедный. Рабочий привет	77
20. Георгий Якубовский. Вождь В. И. Ленин	77
21. Иван Филиппенко. Великому брату	78
22. Адриан Вечерний. Вождю мировой революции	79
23. Павел Арский. Ленин	80
24. Василий Александровский. «Стальное имя мир зажгло...»	81
25. Василий Казин. Ленин	82
26. Владимир Маяковский. Владимир Ильич	83
27. Сергей Обрадович. Трибун	85
28. Василий Александровский. Вожатому	86
29. Егор Нечаев. В. И. Ленину	86
30. Михаил Герасимов. «У храма Христа, на кровавом граните...»	87

31. Бекмурза Пачев. Ленина сила морю подобна. <i>Перевод с кабардинского Н. Милованова</i>	88
32. Александр Безыменский. Из поэмы «Типография жизни»	89
33. Авенир Ноздрин. Вдохновителю III Интернационала — Ленину	90
34. Николай Тихонов. Сами. <i>Поэма</i>	91
35. Валерий Брюсов. От Перикла до Ленина	94
36. Петр Черных-Якутский. Два титана	95
37. М. Зыков. В. И. Ленину	96
38. Демьян Бедный. Разве я не прав?	96
39. Владимир Кириллов. «Флаг кумачовый на скудном шесте...»	98
40. Ялмари Виртанен. Настоящий вождь. <i>Перевод с финского Б. Лихарева</i>	99
41. Егор Нечаев. Великому вождю	100
42. Сергей Панкратов. Ленин	101
43. Михаил Зенкевич. Бюллетень молний	102
44. Владимир Маяковский. Мы не верим!	102
45. Демьян Бедный. Любимому	104
46. Моисей Тейф. Ленин — это мы. <i>Перевод с еврейского Р. Сефа</i>	104
47. Николай Полетаев. «Портретов Ленина не видно...»	105
48. Иван Логинов. Мы ждем	105
49. Михаил Светлов. Утром	106
50. Петр Орешин. Солнце в серяге	107
51. Леонид Циновский. Встреча с Владимиром Ильичем	108
52. Сакен Сейфуллин. Ленин. <i>Перевод с казахского В. Виноградова</i>	110
53. Даут Юлтый. О Ленине. <i>Перевод с башкирского Дм. Смирнова</i>	111
54. Галактион Табидзе. Идея. <i>Перевод с грузинского И. Поступальского</i>	111

21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

55. Николай Полетаев. Не верим	115
56. Р. А. Горин. Памяти товарища Ленина	116
57. Александр Жаров. На смерть Ленина	116
58. Валерий Брюсов. На смерть вождя	118
59. Акоп Акопян. Ленин бессмертен. <i>Перевод с армянского А. Миниха</i>	119
60. Сакен Сейфуллин. Скорбная весть. <i>Перевод с казахского С. Наровчатова</i>	119
61. Василий Каменский. Ленин — наше бессмертие	120
62. Владимир Павлов. Эта весть	121
63. Василий Князев. Капля крови Ильича	121
64. Е. Базаров. Звонче бей по железу	122
65. Андрей Иркутов. Навсегда	123
66. А. Чемисов. «Ильич» и «смерть» — два слова страшные...»	123
67. Георгий Шенгели. Капитан	124
68. Александр Безыменский. Партбилет № 224332	126
69. Николай Асеев. Реквием	127

70. Владимир Кириллов. Траурный марш	128
71. Василий Федоров. Двадцать первое января	129
72. Сергей Малахов. Ленин	130
73. Вячеслав Ковалевский. Это не смерть!	131
74. Валерий Брюсов. Ленин	132
75. Сергей Третьяков. Мы помним	133
76. Варвара Бутягина. В. И. Ленину	135
77. Михаил Светлов. На смерть Ленина	135
78. Александр Ясный. На смерть Ленина	136
79. Василий Князев. Ильич в Петрограде	137
80. Владимир Воинов. Бюллетень	138
81. Александр Богданов. Ленину	139
82. Оскар Куллеркупп. На могиле Ленина. <i>Перевод с эстонского С. Э.</i>	141
83. Илья Садофьев. У гроба Ильича	143
84. Валерий Брюсов. После смерти В. И. Ленина	145
85. Сергей Минин. Над могилой	146
86. Дмитрий Петровский. Последнее свидание	148
87. Василий Князев. Ильич в Ленинграде	150
88. Е. Чернявский. «Поседелн деревья, дома...»	150
89. Александр Гатов. Сказ об Ильиче	152
90. Вера Инбер. Пять ночей и дней	153
91. Николай Ашукин. Двадцать первое января	153
92. Сергей Бобров. «Протянувшись вперед...»	154
93. Даут Юлтый. Рыдание. <i>Перевод с башкирского Дм. Смирнова</i>	155
94. Михаил Герасимов. Его памяти	158
95. Рюрик Ивнев. У гроба	159
96. Вера Ильина. Ильичу	160
97. Василий Каменский. Когда умирает вождь	160
98. Петр Орешин. Закат	161
99. Дмитрий Самойлов. За гробом Ильича...	162
100. Григорий Санников. Смерть вождя	163
101. Павел Арский. Вождь	164
102. Александр Исбах. Баллада о Ленине и Ли Чане	165
103. Филюков, рабочий Гостреста «Северолес». Спи, гений великий...	167
104. Злотин, красноармеец. На смерть товарища Ленина	167
105. Ал. Мушникова, работница Почтамта. Зачем говорить, что он умер	168
106. Брюнчугим, безработный. Его не стало	168
107. Рабочие фабрики Высоковской мануфактуры Клинского уезда. Склонил главу	169
108. Иван Назаров. Сегодня	169
109. Эдуард Багрицкий. Смерть	170
110. Николай Ушаков. 16 часов, 27 января 1924 года	172
111. Иосиф Уткин. 21 января 1924 года	173
112. Владимир Жилкин. Опочивший помор	174
113. Михаил Голодный. Вождь	174
114. Михаил Герасимов. Траур	176
115. Демьян Бедный. Ленинскому набору	177
116. Василий Моряк. Ленин	178

117. А. Васильева, беспартийная работница. Ильичу	179
118. Валентин Катаев. Известь	179
119. Хаим Гильдин. 21 января. Из поэмы «Лениниада». Перевод с еврейского С. Олендера	182
120. Егише Чаренц. Ленин. Перевод с армянского В. Баласана	189
121. Паоло Яшвили. На смерть Ленина. Перевод с грузинского Б. Пастернака	191
122. Ялмари Виртанен. Ленин жив. Перевод с финского П. Вячеславова	192
123. Антон Пришелец. У склепа	193
124. Микола Бажан. 21 января. Перевод с украинского П. Железнова	194
125. Ицик Фефер. Стихи о Ленине. Перевод с еврейского О. Колычева	196
126. Гео Шкурпий. С нами Ленин. Перевод с украинского П. Карабана	197
127. Адриан Вечерний. «Застонали радиомачты. . .»	198
128. Филипп Шкулев. Вождь в гробу	199
129. Мамед Саид Ордубады. На смерть Ленина. Перевод с азербайджанского П. Антокольского	200
130. Сулейман Стальский. Ленин. Перевод с лезгинского Э. Капиева	200
131. Николай Шуклин. «В Доме Союзов колонны. . .»	201
132. Абулкасым Джутакаев. Плач о Ленине. Отрывок из поэмы. Перевод с киргизского С. Липкина	202
133. Сайфи Кудаш. Цветы. Перевод с башкирского Н. Чуковского	204
134. Хади Такташ. Из поэмы «Века и минуты». Перевод с татарского Л. Мартынова	206
135. Лахути. Ленин жив. Перевод с таджикского А. Ойслендера	212

В. В. МАЯКОВСКИЙ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

136. Владимир Ильич Ленин	217
-------------------------------------	-----

1924—1940

137. Дмитрий Семеновский. Ленин	293
138. Вивиан Итин. Речь Ленина	293
139. Вера Инбер. Так будет	295
140. Василий Александровский. У рубежа	296
141. Владимир Маяковский. Комсомольская	297
142. Сергей Горбатов. Ленин в легендах	301
143. Сабит Донентаев. Вождю. Перевод с казахского А. Брагина	302
144. Николай Полетаев. Да здравствует Ленин	303
145. Сергей Есенин. Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)	304
146. Николай Кузнецов. Ленинец	307
147. Михаил Исаковский. Докладная записка. Деревенская быль	308
148. Василий Казин. Мавзолей	311
149. Павло Тычина. Безмерной ненависти сила. Перевод с украинского П. Панченко	312

150. Микола Терещенко. Ленинский завет. <i>Перевод с украинского И. Сельвинского</i>	313
151. Дир Туманний (Николай Панов). Владимир Ленин	314
152. Кязим Мечиев. Слово о Ленине. <i>Перевод с балкарского Н. Коржавина</i>	314
153. Дмитрий Горбунов. Ленин право дал	316
154. Василь Мысик. «На людном месте — из простого камня. . .» <i>Перевод с украинского П. Вячеславова</i>	317
155. Николай Стальский. Ленин	318
156. Галактион Табидзе. Ленин. <i>Перевод с грузинского П. Анткольского</i>	319
157. Алексей Крайский. Рабочий вождь. <i>Песня старого партизана</i>	320
158. Егише Чаренц. Баллада о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог. <i>Перевод с армянского В. Баласана</i>	322
159. Эдуард Багрицкий. 1924	326
160. Н. Семенов. Октябрь	327
161. П. Смирнова. В память Ленина	327
162. Константин Алтайский. Ильич водит пером рабкора	328
163. Анатолий Луначарский. Картина	329
164. Сергей Есенин. Капитан Земли	330
165. Демьян Бедный. Снежинки	333
166. Иван Батрак. Памяти В. И. Ленина	333
167. Иван Приблудный. У гроба	334
168—170. Николай Асеев. Годовщина смерти вождя.	
1. «Зачем стихами писать об этом?..»	335
2. «Нет слов об этом..»	336
3. «Поляны, голубые от снегов..»	338
171. Эдуард Багрицкий. Ленин с нами	339
172. Зубило (Юрий Олеша). Жизнь	341
173. С. Дорожный. Годовщина	344
174. Сабит Муқанов. В день траура. <i>Перевод с казахского Б. Ахмадулиной</i>	345
175. Аяпберген Мусаев. Ленин. <i>Перевод с каракалпакского С. Северцева</i>	345
176. Николай Дементьев. Похоронный марш	347
177. Егише Чаренц. Ленин и Али. <i>Перевод с армянского С. Ботвинника</i>	348
178. Михаил Светлов. Медный интеллигент	354
179. Зубило (Юрий Олеша). И песни и сказки чудесней.	359
180. Лев Квитко. С глазу на глаз. <i>Перевод с еврейского М. Алигер</i>	361
181. Александр Безыменский. Владимир Ильич Ульянов	364
182. Александр Жаров. Ленин на III съезде РКСМ	367
183. Берды Кербабев. Ленин. <i>Перевод с туркменского В. Зубарева</i>	369
184—186. Сергей Спасский. Лени н.	
1. Вагон	370
2. Броневи к	371
3. Смольный	373
187. Сергей Марков. Песнь о Ленине (<i>Отрывок</i>)	374

188.	Николай Асеев. Молодость Ленина	376
189.	Демьян Бедный. Никто не знал.	377
190.	Николай Тихонов. 15-е марта 18-го года (<i>Вступление к поэме «Выра»</i>)	378
191.	Сергей Обрадович. Баллада о делегате	379
192.	Сандро Шаншиашвили. Ленин на броневике. <i>Перевод с грузинского Д. Маркиша</i>	382
193.	Николай Асеев. Русская сказка	383
194.	Паоло Яшвили. Ленин в шалаше. <i>Перевод с грузинского В. Хацкевича</i>	386
195.	Николай Полетаев. На транспорт!	387
196.	Владимир Сосюра. «Падают снежинки, тает нежный холод. . .» <i>Перевод с украинского В. Звягинцевой</i>	388
197.	Алио Мирцхулава (Машашвили). Ленин в нашей борьбе. <i>Перевод с грузинского Б. Брика</i>	389
198.	Борис Корнилов. Памятник Ленину	391
199.	Юрий Яновский. 21 января. <i>Перевод с украинского П. Железнова</i>	392
200.	Борис Пастернак. Из поэмы «Высокая болезнь»	393
201.	Егише Чаренц. «Ленин! Ленин — но не митинговый. . .» <i>Перевод с армянского М. Павловой</i>	394
202.	Владимир Маяковский. Разговор с товарищем Лениным	395
203.	Николай Ушаков. Двадцать первое	398
204.	Иван Кырля. Ленин. <i>Перевод с марийского С. Поделкова</i>	399
205.	Павло Тычина. Ленин. <i>Перевод с украинского А. Тарковского и А. Штейнберга</i>	401
206.	Муса Джалиль. Ленинцы. <i>Перевод с татарского В. Торопыгина</i>	402
207.	Ходжанепес Чарыев. В день смерти Ленина. <i>Перевод с туркменского А. Зырина</i>	403
208.	Максим Рыльский. Тень вождя. <i>Перевод с украинского Б. Турганова</i>	405
209.	Леонид Первомайский. Баллада часовых. <i>Перевод с украинского Н. Брауна</i>	406
210.	Павел Васильев. Песня о Ленине. <i>Из песни киргиз-казахов</i>	409
211.	Савва Головановский. Ленин в Смольном. <i>Перевод с украинского Б. Иренина</i>	412
212.	Максим Рыльский. Ленин. <i>Перевод с украинского Б. Турганова</i>	414
213.	Александр Прокофьев. «Когда мы в огнеметной лаве. . .»	415
214.	Мажит Гафури. Он не умер. <i>Перевод с башкирского Д. Кедрина</i>	416
215.	Николай Асеев. Опыт портрета (<i>Отрывок</i>)	417
216.	Валериан Гаприндашвили. Десять лет после смерти вождя. <i>Перевод с грузинского Д. Петровского</i>	420
217.	Георгий Шатберашвили. Ленин в хевсурской сакле. <i>Перевод с грузинского И. Снеговой</i>	421
218.	Александр Прокофьев. Три поколения	423
219.	Павел Железнов. В этот день	423
220.	Дали Назбергенов. Ленин. <i>Перевод с каракалпакского А. Ситковского</i>	425
221.	Джек Алтаузен. Строфы о Ленине	426

222. Владимир Сосюра. Сквозь года и ветер. <i>Перевод с украинского Н. Ушакова</i>	427
223. Перец Маркиш. Ленин. <i>Перевод с еврейского С. Надинского</i>	428
224. Джамбул Джабаев. Ленин. <i>Перевод с казахского К. Алтайского</i>	429
225. Николай Майоров. Ленин	430
226. Евгений Панфилов. Ленин	431
227. Никита Сахаров. Ленин с эвенками. <i>Перевод с эвенкийского А. Ольхона</i>	432
228. Алексей Платонов. По дороге Ленина. <i>Перевод с эвенкийского Н. Гессен</i>	433
229. Аким Самар. Ленин. <i>Перевод с нанайского Л. Поповой</i>	433
230. Матра Вахрушева. Ленину. <i>Перевод с мансийского В. Сенкевич</i>	434
231. Хамид Алимджан. Самарканд 21 января 1924 года. <i>Перевод с узбекского В. Державина</i>	435
232. Василий Казин. Снимок	437
233. Николай Майоров. В Мавзолее Ленина	438
234. Мирза Геловани. Ленину. <i>Перевод с грузинского Ю. Ряшенцева</i>	438
235. Кадыр Даян. Скорбь и любовь. <i>Перевод с башкирского В. Тушиновой</i>	439
236. Федор Тынэтэгыи. Раньше и теперь. <i>Перевод с чукотского В. Наумовой</i>	440
237. Михаил Голодный. Кантата о Ленине	440
238. Таир Жароков. О вожде. <i>Перевод с казахского Н. Титова</i>	441
239. Иоханнес Барбарус. Ленин. <i>Перевод с эстонского Г. Шенгели</i>	442
240. Барон Боциев. Ленин — это жизнь. <i>Перевод с осетинского И. Грушецкой</i>	443
241. Михаил Тимофеев-Терешкин. Сибирское слово про Ленина (Отрывок). <i>Перевод с якутского А. Ольхона</i>	445
242. Александр Твардовский. Ленин и печник	447
243. Якуб Колас. Живет средь нас гений. <i>Перевод с белорусского П. Карабана</i>	452
244. Эффенди Капиев. Ленин (Отрывок)	453
245—248. Лев Квитко. Стихи о Ленине. <i>Перевод с еврейского М. Алигер</i>	
1. Первый приезд	453
2. Ночь в Цюрихе	454
3. Синие тетрадки	455
4. Сокольники	456
249. Семен Кирсанов. Памятник Ленину	457
250. Саломея Нерис. Ленин не умрет (Из поэмы «Путь большевика»). <i>Перевод с литовского М. Петровых</i>	459
251. Арсений Тарковский. «Чем больше лет ложится мне на плечи. . .»	460
252. Степан Сарыг-оол. Ленинское солнце. <i>Перевод с тувинского М. Шехтера</i>	460
253. Михаил Исаковский. Дума о Ленине	461
254. Александр Ромм. Из поэмы «Вождь выплывает веками»	463

255. **Валериан Гаприндашвили.** Ленин. *Перевод с грузинского А. Кочеткова* 467
256. **Витаутас Монвила.** Ленину. *Перевод с литовского Л. Озерова* 468
257. Дайна о Ленине. *Перевод с литовского Л. Озерова* 469
258. **Ольга Берггольц.** Первый день 470
259. **Николай Тихонов.** Ленинское знамя 471
260. **Ило Мосашвили.** Ленин на броневике. *Перевод с грузинского Д. Бродского* 472
261. **Ладо Асатиани.** Книга Ленина. *Перевод с грузинского Г. Цагарели* 473
262. **Лахути.** Бессмертному Ленину. *Перевод с таджикского Ц. Бану* 474
263. **Илья Сельвинский.** Баллада о ленинизме 475
264. **Михаил Дудин.** Стихи о шалаше 478
265. **Павел Антокольский.** Сказка вьюги 479
266. **Вера Инбер.** Ленин 482
267. **Семен Гудзенко.** Баллада о знамени 483
268. **Николай Тихонов.** Ленин 487
269. **Март Рауд.** Бессмертие. *Перевод с эстонского П. Длигач* 488
270. **Алексей Сурков.** Ленин 488
271. **Степан Щипачев.** Домик в Шушенском. *Поэма* 489
272. **Ян Судрабкални.** Ленин. *Перевод с латышского Вл. Невского* 494
273. **Самуил Маршак.** Баллада о памятнике 495
274. **Теофилис Тильвитис.** Мавзолей. *Перевод с литовского А. Ойслендера* 496
275. **Вагаршак Норенц.** У памятника Ленину в Ереване. *Перевод с армянского К. Алтайского* 497
276. **Симон Чиковани.** У памятника Ленину. *Перевод с грузинского А. Межирова* 498
277. **Николай Заболоцкий.** Город в степи (*Отрывки*) 500
278. **Наири Зарьян.** Ленин. *Перевод с армянского В. Баласана* 501
- 279—292. **Г. М. Кржижановский.** Сонеты Владимиру Ильичу Ленину.
1. «Мне той далекой осени не позабыть веки!..» 502
 2. «Прекрасна Волга-матушка в разливе...» 502
 3. «Взвился орленок гордо к небесам...» 503
 4. «Ласкают взор синеющие дали...» 503
 5. «Всё в этой комнатке, обставленной сурово...» 504
 6. «Как быстро всё в кружке преобразилось...» 504
 7. «Немного дней прошло, а кажется порою...» 505
 8. «Общенье с Радченко мое недолго длилось...» 505
 9. «Газету, настоящую рабочую газету...» 506
 10. «Три шага вширь и пять в длину...» 506
 11. «С допросами ко мне недолго приставали...» 507
 12. «Как робко северной весны дыханье!..» 507
 13. «Какое горе — тяжело болен он!..» 508
 14. «Ужель всё кончено? Все струны отзвенели?..» 508
293. **Николай Рыленков.** Баллада о портрете 509

294. Айбек. В Мавзолее Ленина. <i>Перевод с узбекского О. Ивинской</i>	510
295. Анатолий Имерманис. Ленин в Риге. <i>Перевод с латышского Н. Панова</i>	512
296. Муслим Марат. Знамя сердца. <i>Перевод с башкирского С. Ботвинника</i>	513
297. Перец Маркиш. Барельеф Ленина. <i>Перевод с еврейского М. Петровых</i>	514
298. Эдуардас Межелайтис. Огонек. <i>Перевод с литовского И. Сельвинского</i>	514
299. Александр Твардовский. Памяти Ленина	515
300. Абдул-Вагаб Сулейманов. В Мавзолее. <i>Перевод с кумыкского Д. Голубкова</i>	522
301. Игнатий Рождественский. Шушенское	522
302. Фридон Халваши. Шалаш в Разливе. <i>Перевод с грузинского Г. Гампер</i>	523
303. Карло Каладзе. По мирным дорогам Грузии. <i>Перевод с грузинского Н. Заболоцкого</i>	524
304. Педер Хузангай. У Мавзолея. <i>Перевод с чувашского М. Светлова</i>	526
305. Аркадий Кулешов. Живой Ленин. <i>Перевод с белорусского Я. Хелемского</i>	527
306. Георгий Леонидзе. Ленин в Грузии. <i>Перевод с грузинского Л. Мартынова</i>	528
307. Гамзат Цадаса. Ленин. <i>Перевод с аварского Я. Хелемского</i>	530
308. Константин Симонов. Ночь перед бессмертием	531
309. Ярослав Смеляков. Ленин	532
310. Сергей Городецкий. Наш Ильич	533
311. Самед Вургун. Читая Ленина. <i>Поэма. Перевод с азербайджанского П. Антокольского</i>	534
312. Расул Рза. Отрывок из поэмы «Ленин» <i>Перевод с азербайджанского А. Тарковского</i>	541
313. Григол Абашидзе. Ленин в Самгори. <i>Перевод с грузинского А. Межирова</i>	543
314. Мирсаид Миршакар. Ты живешь. <i>Перевод с таджикского С. Липкина</i>	544
315. Владимир Солоухин. Это было в двадцатом	545
316. Кара Сейтлиев. Баллада о Ленине. <i>Перевод с туркменского А. Кронгауза</i>	547
317. Симон Чиковани. Дом Ленина в Поронино. <i>Перевод с грузинского А. Межирова</i>	550
318. Дмитрий Гулиа. В Мавзолее Ленина. <i>Перевод с абхазского Л. Мартынова</i>	552
319. Иосиф Гришашвили. Ленин. <i>Перевод с грузинского Г. Павловской</i>	554
320. Чимит Намжилов. К Ленину. <i>Перевод с бурятского А. Балабаева</i>	554
321. Маргарита Алигер. Первое стихотворение	556
322. Сергей Смирнов. Ленину	558
323. Николай Заболоцкий. Ходоки	559
324. Василий Казин. Из поэмы «Великий почин»	561
325. Николай Браун. Памятник Ленину	565

326.	Вадим Шефнер. «Когда мне было девять лет...»	566
327.	Альгимантас Балтакис. Ленин в Вильнюсе. Перевод с литовского Л. Озерова	567
328.	Илья Авраменко. В зимнюю ночь над Енисеем	568
329.	Аалы Токомбаев. Он в подвигах живет. Перевод с киргизского С. Липкина	569
330.	Сергей Васильев. Здесь был Ильич	571
331.	Иван Цховребов. «В том краю, где горные высоты...» Перевод с осетинского Д. Ковалева	572
332.	Гафез. На Финляндском вокзале (Из поэмы). Перевод с осетинского Г. Павловской	573

1956—1969

333.	Александр Яшин. У кабинета Ильича	577
334.	Наум Коржавин. Память	578
335.	Владимир Луговской. Москва (Поэма)	579
336.	Борис Лихарев. Старая фотография	591
337.	Виктор Боков. Ленин	591
338.	Изим Искандеров. Скажу я: «Ленин»... Перевод с уйгурского Д. Сухарева	592
339.	Андрей Малышко. «Я видал его лишь на портрете...» Перевод с украинского Вс. Рождественского	594
340.	Шалва Апхандзе. Семнадцатый год. Перевод с грузинского Г. Мазурина	595
341.	Вера Инбер. Ленин и время	595
342.	Виссарион Саянов. Встреча	597
343.	Расул Гамзатов. Горцы у Ленина. Перевод с аварского Н. Гребнева	598
344.	Мирмухсин. Ленин. Перевод с узбекского В. Тушиновой	600
345.	Давид Самойлов. Его слово	601
346.	Петру Заднипру. Односельчанин. Перевод с молдавского С. Ботвинника	603
347.	Александр Гитович. Старому другу	604
348.	Сулейман Рабаданов. Ленин. Перевод с даргинского М. Лаптева	604
349.	Борис Слуцкий. Декабрь 41-го года	605
350.	Михаил Луконин. Его любовь (Из поэмы «Признание в любви»)	605
351.	Александр Прокофьев. Гордимся именем твоим	608
352.	Петр Крученюк. Под рубиновыми звездами. Перевод с молдавского С. Ботвинника	609
353.	Анатолий Тяпаев. У Ленина. Перевод с мордовского С. Ботвинника	610
354.	Семен Кирсанов. Ты, город	611
355.	Гурген Маари. Ленину. Перевод с армянского В. Звягинцевой	613
356.	Михаил Квливидзе. Ленин. Перевод с грузинского Г. Павловской	614
357.	Кайсын Кулиев. Горская поэма о Ленине. Перевод с балкарского М. Дудина	614

358. Джубан Мулдагалиев. В Мавзолее Ленина. <i>Перевод с казахского В. Савельева</i>	633
359. Григорий Санников. Ленин и Уэллс	634
360. Григорий Петников. Глядя на Ленина	635
361. Баграт Шинкуба. У Ленина. <i>Перевод с абхазского С. Липкина</i>	636
362. Гафур Гулям. Памятник Ленину на Востоке. <i>Перевод с узбекского Ю. Левитанского</i>	638
363. Максим Танк. Тампере. <i>Перевод с белорусского Я. Хелмского</i>	639
364. Константин Ваншенкин. Ленинский портрет	640
365. Вероника Тушнова. Судьба России	640
366. Марк Лисянский. Улица Мари-Роз	641
367. Александр Гитович. Не Ленин ли готовил этот час...	643
368. Александр Гатов. Ленин	643
369. Илья Девин. Отчего ночи стали светлыми. <i>Перевод с мордовского-мокша С. Ботвинника</i>	644
370. Аркадий Клабуков. У Ленина. <i>Перевод с удмуртского С. Ботвинника</i>	646
371. Сибгат Хаким. Письмо Ленину от крестьян деревни Кокушкино. <i>Перевод с татарского Я. Смелякова</i>	649
372. Сильва Капутикян. Твой памятник. <i>Перевод с армянского Д. Голубкова</i>	652
373. Иван Драч. Прометеева баллада. <i>Перевод с украинского М. Максимова</i>	654
374. Петрусь Бровка. «Правду» читает Ленин. <i>Перевод с белорусского Я. Хелмского</i>	655
375. Миртемир. Свеча. <i>Перевод с узбекского С. Липкина</i>	656
376. Андрей Вознесенский. Лонжюмо. <i>Поэма</i>	657
377. Роберт Рождественский. Письмо в ХХХ век. <i>Отрывок из поэмы</i>	666
378. Элляй. Ленин в эвенкийской уресе. <i>Перевод с якутского В. Павлинова</i>	669
379. Семен Данилов. Счастье якутов. <i>Перевод с якутского Г. Гампер</i>	671
380. Владимир Сосюра. Ленин. <i>Перевод с украинского Л. Смирнова</i>	672
381. Леонид Мартынов. Ленин	673
382. Давид Кугультинов. Ленин. <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	674
383. Записки Ленина. <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	675
384. Илья Сельвинский. Ленин	675
385. Виталий Коротич. Ленин, том 54-й. <i>Фрагмент из поэмы. Перевод с украинского Дм. Седых</i>	676
386. Улуро Адо. Лето юкагирам Ленин подарил. <i>Перевод с юкагирского Н. Слепаковой</i>	678
387. Владимир Лоргоктоев. По твоим заветам, Ленин. <i>Перевод с эвенкийского А. Щитова</i>	678
388. Любовь Забашта. Ленин в Париже. <i>Перевод с украинского В. Корчагина</i>	679
389. Мирзо Турсун-Заде. Дорога к Мавзолё. <i>Перевод с таджикского С. Липкина</i>	680

390. Николай Тихонов. Броневик	682
391. Всеволод Рождественский. «Раздольный, словно песня, дух народа...»	683
392. Павел Радимов. Кремль	683
393. Александр Решетов. Прекрасная быль	684
394. Василий Федоров. Мавзолей	685
395. Ярослав Смеляков. Счастливый человек	688
396. Сергей Орлов. Из цикла «Ода революции»	689
397—401. Юстина Марцинкявичюс. Сегодняшний Ленин. <i>Перевод с литовского С. Ботвинника</i>	
1. Ленин работает	690
2. Ленин говорит	691
3. У памятника	691
4. Аппассионата	692
5. Сегодня, в день рождения Ленина	693
402. Леонид Лапцуй. Едет Ильич на оленьей упряжке (<i>Из поэмы «Приехал Ленин»</i>). <i>Перевод с ненецкого С. Ботвинника</i>	694
403. Иван Вавилин. Ленин в нашем селе. <i>Перевод с коми В. Пав- линова</i>	697
404. Петрусь Бровка. Верю. <i>Перевод с белорусского В. Корча- гина</i>	703
405. Хамзат Осмиев. Портрет Ленина. <i>Перевод с ингушского Ю. Кушака</i>	704
406. Марк Лисянский. «Он понимал, что жить осталось...»	705
407. Николай Тихонов. Малая Гребецкая, 9/5	706
408. Алексей Сурков. В завтрашний день	707
Примечания	709
Указатель авторов	757
К иллюстрациям	763

ЛЕНИН В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970, 776 стр. Тем. план вып. 1970 г. № 323. Редактор Г. М. Сурикова. Суперобложка работы художника Н. И. Альтмана. Художник И. С. Серов. Фоторепродукции В. И. Никитина. Худож. редактор А. Ф. Третьяков. Техн. редактор В. Г. Комм. Корректоры Ф. Н. Лврушина, Е. А. Омеляненко и Ф. С. Флейтман. Сдано в набор 21/V 1969 г. Подписано в печать 26/II 1970 г. М 35567. Бумага 84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 24¹/₄+7 вкл. (41,48). Уч.-изд. л. 38,44. Тираж 50 000 экз. Заказ № 757. Цена 3 р. 82 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3. Вклейки и суперобложка отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1. Ретушеры В. И. Князев и П. В. Лапшин. Печатники Б. Г. Звонкин и П. А. Киришфельд.

